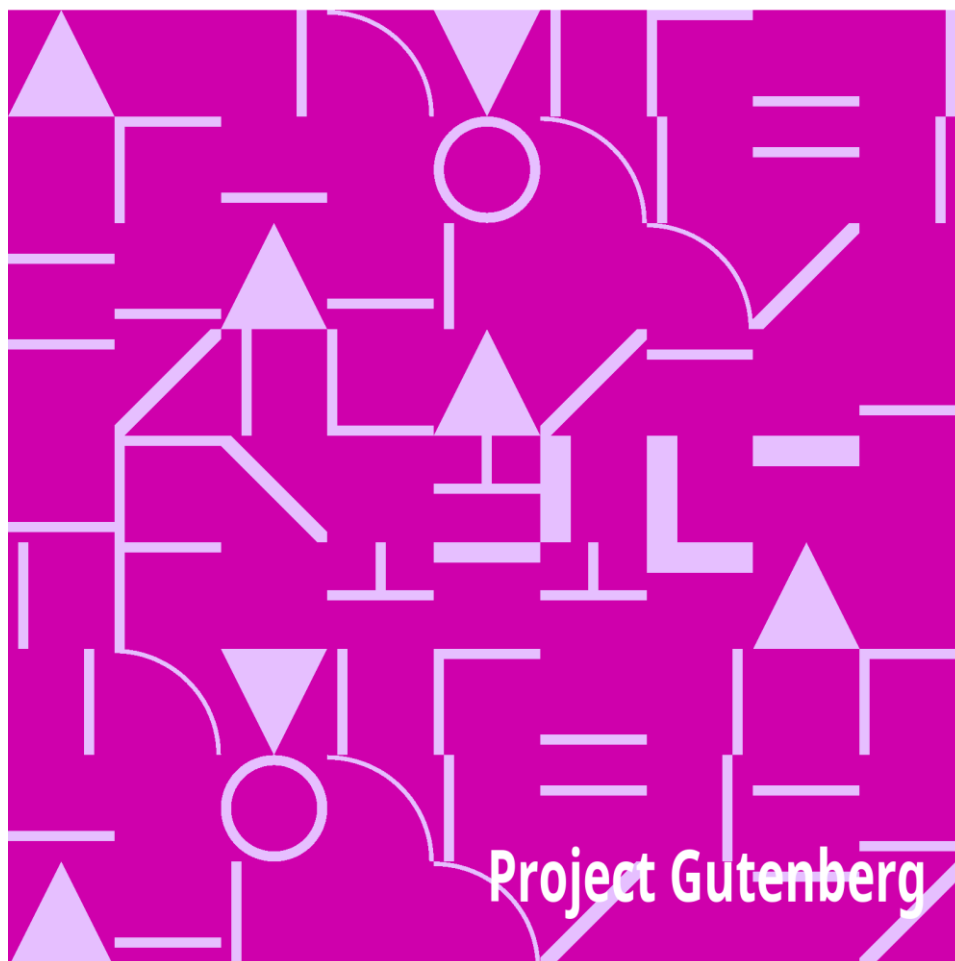

История колдовства в Англии с 1558 по 1718 год

Уоллес Нотестейн

**A History of Witchcraft in England from
1558 to 1718**

Wallace Notestein

The Project Gutenberg eBook of A History of Witchcraft in England from 1558 to 1718

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История колдовства в Англии с 1558 по 1718 год

Автор: Уоллес Нотестейн

Дата выхода: 5 марта 2010 [eBook #31511]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Лайбаргер, Брайаном Джейнсом, Мередит Бах, и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF WITCHCRAFT IN ENGLAND FROM 1558 TO 1718 ***

ПРИЗОВЫЕ ЭССЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

1909

За этот очерк была присуждена премия Герберта Бакстера Адамса по европейской истории за 1909 год

ИСТОРИЯ КОЛДОВСТВА В АНГЛИИ С 1558 ПО 1718 ГОД

УОЛЛЕС НОТСТЕЙН

АССИСТЕНТ ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ МИННЕСОТЫ

ОПУБЛИКОВАНО АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИЕЙ

Вашингтон, 1911 г.

*Авторское право, 1911 год
Американская историческая ассоциация
Вашингтон, округ Колумбия.*

*ЛОРД БАЛТИМОР ПРЕСС
БАЛТИМОР, М.Д., США.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своем первоначальном виде это сочинение было диссертацией, представленной на соискание степени доктора философии, присужденной Йельским университетом в 1908 году. Когда она только задумывалась, целью писателя было рассмотреть тему английского колдовства в общих политических и социальных аспектах. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем он начал чувствовать, что перед таким рассмотрением необходимо провести хронологический обзор процессов над ведьмами. Эти странные и трагические дела были так тесно связаны с политикой, литературой и жизнью семнадцатого века, что можно с удивлением обнаружить, как мало о них сохранилось точных и полных сведений в истории. Можно сказать, что мало какой предмет собрал вокруг себя столько дезинформации, как английское колдовство. Во многом, конечно, потому, что серьезные студенты-историки уделяли ему так мало внимания. Ошибки и заблуждения современных писателей и местных историков передавались от истории графства к истории графства, пока многие из них не проникли в общие работы. По этой причине было решено предпринять попытку хронологической обработки, которая дала бы повествование о наиболее значительных судебных процессах вместе с некоторым отчетом о прогрессе мнений. Этот план соблюдался довольно строго, иногда не без сожаления со стороны писателя. Он надеется позже в серии статей рассмотреть некоторые из более общих аспектов предмета, такие темы, как применение пыток, роль врачей, заразный характер тревоги ведьм, отношение пуританства к преследованиям, предполагаемое влияние Королевского общества, общие причины постепенного упадка веры и другие подобные вопросы. По ходу повествования будет видно, что некоторые из этих вопросов были затронуты.

Это исследование колдовства ограничено периодом в сто шестьдесят лет английской истории. В качестве отправной точки был выбран 1558 год, поскольку почти сразу после воцарения Елизаветы началось движение за принятие нового закона, результатом которого стал статут 1563 года. С этого статута история преследования ведьм приобретает особое значение. 1718 год был выбран в качестве завершающей даты, поскольку именно в этом году была опубликована знаменитая атака Фрэнсиса Хатчинсона на эту веру. Хатчинсон нанес последний и смертельный удар по умирающему суеверию. После этого мало кто из здравомыслящих людей осмеливался заявить о своей вере в реальность колдовства; вероятно, очень немногие даже втайне лелеяли такую веру. Полная история, конечно, включала бы в себя полный отчет как о процессах над ведьмами с англосаксонских времен до воцарения Елизаветы, так и о различных инцидентах с ведьмами в восемнадцатом веке.

Последние мы не сочли нужным рассматривать здесь. Первый вариант предполагает изучение всех английских источников с древнейших времен и означает исследование отдельных и не связанных между собой процессов, происходивших с большими интервалами (по крайней мере, мы располагаем только такими записями) и главным образом в церковных судах. Писатель не брался за изучение этого раннего периода; он должен признаться, что знаком с ним очень мало. На тех нескольких страницах, которые он уделил этому периоду, он попытался лишь набросать на основе наиболее очевидных источников общую картину того, что в настоящее время известно об английских ведьмах и колдовстве до времен Елизаветы. Остается надеяться, что какой-нибудь студент, изучающий средневековое общество, в свое время проведет тщательное исследование истории колдовства в Англии до воцарения великой королевы.

Для изучения периода, о котором пойдет речь в этой монографии, существует богатый материал. Пожалуй, не будет излишним сказать, что все, что было напечатано и написано в Англии в последней половине XVI и во всем XVII веке, должно быть прочитано или хотя бы просмотрено. Писатель ограничил себя определенными видами материалов, из которых он мог обоснованно ожидать получить информацию. Эти источники делятся на семь основных категорий. Наиболее важными из них являются памфлеты, или чапбуки, посвященные истории конкретных тревог и судебных процессов и обычно завершающиеся подробностями признания и казни. Второе место по важности занимают местные или муниципальные записи, обычно судебные, но иногда просто счета расходов. В мемуарах и дневниках можно найти множество упоминаний о судебных процессах, свидетелем которых был дневник или которые ему описывали. Газеты того времени, стремясь использовать необычное, со злорадством подхватывают истории о колдовстве. В трудах местных историков и антикваров в списках ярких и необычных событий, произошедших в их графствах или районах, упоминаются несколько судебных процессов и повешений за преступления. Писатели, в основном богословы, которые обсуждают теорию и доктрину колдовства, иллюстрируют изложенные ими принципы случаями, которые попали под их наблюдение. Наконец, в государственных бумагах время от времени встречаются упоминания о деятельности дьявола и его агентов в королевстве.

Помимо этих семи типов материалов следует назвать еще несколько менее важных. Из памфлетных отчетов об уголовных делах в Олд-Бейли и Ньюгейте - брошюр, которые часто публиковались после Реставрации, - можно почерпнуть упоминания о, возможно, полудюжине процессов о колдовстве. Пьесы Деккера, Хейвуда и Шэдвелла должны быть использованы студентом не потому, что они добавляют информацию, пропущенную в других источниках, а потому, что они дают некоторую подсказку о том, как ведьмы в Эдмонтоне и Ланкастере воспринимались обществом. Если бы памфлетное повествование о ведьме из Эдмонта было утеряно, можно было бы восстановить по пьесам Деккера, Форда и Роули некоторые контуры этой истории. В лучшем случае это будет опасное предприятие. Восстановить судебный процесс в Ланкастере по пьесам Хейвуда и Брома или по пьесе Шэдвелла будет совершенно невозможно. Баллады представляют собой форму доказательств, во многом схожую с пьесами. Как и в пьесах, в них речь идет о делах, о которых мы уже хорошо осведомлены. В целом они, похоже, точно следуют повествованиям и показаниям.

О рукописных источниках не упоминается. Все они, использованные автором, относятся к тому или иному типу описанных материалов.

Было отмечено, что в настоящее время существует большое количество дезинформации об английском колдовстве. Со стороны автора было бы неблагодарностью не признать, что по

этой теме была проделана очень хорошая работа. Преподобный Фрэнсис Хатчинсон, как уже упоминалось, написал в 1718 году эпохальную историю этого предмета, книгу, которая до сих пор полезна и никогда не может быть полностью вытеснена. В 1851 году Томас Райт выпустил *"Рассказы о колдовстве и магии"*, работу одновременно занимательную и познавательную. Райт писал в основном на основе первоисточников и с большой долей осторожности. Те ошибки, которые он допустил, были результатом спешки и отсутствия тех материалов, которыми мы располагаем сейчас. Книга *"Истории ведьм"* миссис Линн Лinton, впервые опубликованная в 1861 году, лучше, чем можно предположить при беглом взгляде на нее. Она была написана не с более серьезной целью, чем развлечение, но ее ни в коем случае нельзя презирать. Насколько это возможно, она представляет собой тщательную работу. Было бы неправильно обойти вниманием блестящее эссе Лекки о колдовстве в его *"Истории рационализма"*, ценное, конечно, скорее как интерпретация, чем как исторический отчет. Лекки сказал о колдовстве много вещей, которые необходимо было сказать, и сказал их хорошо. Я считаю, что его вердикты относительно важности различных факторов могут быть изменены; но, как бы то ни было, важность его эссе всегда должна быть признана. Нельзя обойти вниманием и очаровательное эссе Джеймса Рассела Лоуэлла на эту тему. И Лекки, и Лоуэлл, конечно, слегка касались английского колдовства. Со времен миссис Линн Лinton не появилось ни одного тщательного исследования собственно английского колдовства. Однако в 1907 году профессор Киттредж опубликовал свои *"Заметки о колдовстве"*, шестьдесят семь страниц которых со сносками содержат более скрупулезный анализ свидетельств о колдовстве в Англии, чем это можно найти в любой другой работе. Профессор Киттредж в первую очередь интересуется английским колдовством, поскольку оно связано с колдовством в Новой Англии, но его работа содержит много нового о верованиях в Англии. Что касается роли и важности различных действующих лиц в драме, а также ряда второстепенных вопросов, писатель вынужден расходиться во мнениях. Тем не менее, он признает важность вклада профессора Киттреджа в изучение всего предмета и признает свой собственный долг перед этим сочинением за предложения и указания.

Автор не может надеяться, что представленная здесь работа является окончательной. К сожалению, в Англии до сих пор скрыта масса неисследованных местных записей. Некоторые из них, несомненно, содержат рассказы о процессах над ведьмами. Я использовал в основном те печатные и рукописные материалы, которые были доступны в Лондоне и Оксфорде. Возможно, когда-нибудь я найду время, чтобы объехать все английские графства и просмотреть массу записей о тюремных родах и муниципальных архивов. Судя по тому, что Комиссия по историческим рукописям и публикация многих муниципальных документов открыли действительно небольшое количество новых материалов по этому вопросу, кажется маловероятным, что такой поиск обнаружит так много не включенных в список судебных процессов, что серьезно изменит изложение. Тем не менее, пока такие поиски не будут проведены, ни одна история этого вопроса не имеет права считаться окончательной. Мистер Чарльз У. Уоллес, изучающий Шекспира, рассказал мне, что, перелистывая многочисленные записи Звездной палаты, он обнаружил несколько дел о ведьмах. Профессор Киттредж считает, что в частных коллекциях и местных архивах еще можно найти множество подобных материалов. Любая информация по этому вопросу, которую может предоставить мне любой студент, изучающий английскую местную историю, будет принята с благодарностью.

Я хочу выразить благодарность за прочтение части рукописи Уильяму Сэвиджу Джонсону из Канзасского университета и мисс Аде Комсток из Университета Миннесоты. За общую помощь и советы по теме я обязан профессору Уилбуру К. Эбботу и профессору Джорджу

Бартону Адамсу из Йельского университета. Невозможно выразить, сколь многим я обязан профессору Джорджу Л. Бурру из Корнелла. От корки до корки книга, с тех пор как ей была присуждена премия Адамса, пользуется его кропотливой критикой и мудрыми советами.

W. N.

Миннеаполис, 10 октября 1911 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
Предисловие	v
ГЛАВА I.	
Зарождение английского колдовства	1
ГЛАВА II.	
Колдовство при Елизавете	33
ГЛАВА III.	
Реджинальд Скот	57
ГЛАВА IV.	
Экзорцисты	73
ГЛАВА V.	
Яков I и колдовство	93
ГЛАВА VI.	
Знаменательные дела якобинцев	120
ГЛАВА VII.	
Ланкаширские ведьмы и Карл I	146
ГЛАВА VIII.	
Мэтью Хопкинс	164
ГЛАВА IX.	
Колдовство во времена Содружества и Протектората	206
ГЛАВА X.	
Литература о колдовстве с 1603 по 1660 год	227
ГЛАВА XI.	
Колдовство при Карле II и Якове II	254
ГЛАВА XII.	
Гланвилл и Уэбстер и литературная война за колдовство, 1660-1688 гг.	284

ГЛАВА XIII.

Окончательный упадок	313
----------------------	-----

ГЛАВА XIV.

Завершение литературной полемики	334
Приложения	345
А. Литература памфлетов	345
В. Список лиц, приговоренных к смерти за колдовство во время правления Якова I	383
С. Список дел о колдовстве, 1558-1717 годы, со ссылками на источники и литературу	384
Указатель	421

ГЛАВА I.

Зарождение английского колдовства.

Один вдумчивый писатель сказал, что тема о колдовстве едва ли заняла то место, которого она заслуживает в истории мнений. Разумеется, у такого пренебрежения была причина - тот факт, что вера в колдовство больше не существует среди разумных людей, и, как следствие, его история представляет скорее антикварный, чем живой интерес. Никто не может рассказать о процессах над ведьмами в Англии XVI и XVII веков, не раскопав погребенное прошлое, а процесс эксгумации не всегда приятен. Однако изучение английского колдовства - это нечто большее, чем неприглядное разоблачение забытого суеверия. Было мало аспектов жизни XVI и XVII веков, которые не были бы затронуты уродливым верованием. Невозможно понять социальные условия, невозможно понять мнения, страхи и надежды мужчин и женщин, живших в елизаветинской и стюартовской Англии, не имея представления о той роли, которую играло в ту эпоху колдовство. Это был вопрос, который касался всех сословий - от королевской семьи до невежественных обитателей сельских деревень. Тайные советники, беспокоящиеся о своем государе, и бережливые крестьяне, переживающие за свой урожай, священнослужители, бдительно следящие за тем, чтобы обнаружить дьявола в своих приходах, шарлатаны-медики, жаждущие нажиться на страхе перед злыми женщинами, мировые судьи, ревностно избивающие творения Сатаны - все эти сословия более или менее искренне верили в опасные силы человеческих существ, отдавших себя на волю Лукавого.

Колдовство, в общем и неясном смысле, было чем-то очень древним в английской истории. В более конкретном и ограниченном смысле это сравнительно современное явление. Это подводит нас к определению термина. Это определение, которое может быть дано адекватно только в историческом ключе. Группа тесно связанных между собой и несколько нечетко сформулированных понятий ушла далеко в прошлое. Некоторые из них, действительно, можно было найти в Ветхом Завете, многие - у латинских и греческих писателей. Само слово "колдовство" относится к англосаксонским временам. Уже в седьмом веке Феодор Тарсский наложил наказание на магов и чародеев, а законы, начиная с Альфреда, изобилуют упоминаниями о колдовстве.^[1] Из этих отрывков можно сделать вывод о значении слова "ведьма", которое использовали ранние англичане. Это слово было современным английским термином, обозначавшим того, кто использовал заклинания и чары, кому помогали злые духи для достижения определенных целей. Как видно, это далеко не все

значение термина в более поздние времена. Ничего не говорится о превращении ведьм в другие облики, не упоминается о договоре, неявном или ином, с дьяволом; нет никаких намеков на ночные собрания поклонников дьявола и оргии, которые происходили в этих случаях; нет подробного и систематического теологического объяснения отношений человека с демонами.

Но эти идеи должны были вскоре достичь Англии. Уже в Южной Европе прорастали идеи, из которых должны были возникнуть более полные представления. Уже в конце девятого века на Запад проникали некоторые византийские традиции. Существовали легенды о людях, заключивших письменные договоры с дьяволом, о тех, кому он обещал помочь в этом мире в обмен на их души в следующем.[2] Но, хотя такие истории бытовали на протяжении всего Средневековья, идея, лежащая в их основе, кажется, не была связана с другими чертами того, что должно было составить идею колдовства, примерно до середины четырнадцатого века. Именно в это время появилась вера в "саббат" или ночное собрание ведьм.[3] Возникло убеждение, что на эти собрания ведьмы прилетают по воздуху, что они отрекаются от Христа и занимаются нечестными видами поклонения Сатане. Леа рассказывает, что в конце века Парижский университет сформулировал теорию о том, что договор с Сатаной присущ всей магии, а судьи стали связывать этот договор со старой верой в ночных всадников по воздуху. Бесчисленные признания, ставшие результатом тщательно сформулированных вопросов судей, послужили развитию и систематизации теории этого предмета. Ведьма была гораздо больше, чем колдун. Колдунами считались те, кто с помощью злых духов, используя определенные слова или изображения людей или вещей, производил изменения, выходящие за рамки обычного хода природы. "Ведьма, - говорит Леа, - оставила христианство, отказалась от крещения, поклоняется сатане как своему Богу, отдалась ему душой и телом и существует только для того, чтобы быть его орудием в причинении зла своим собратьям, которое он не может совершить без участия человека".[4] Это было окончательное и определенное представление о ведьме. Это была концепция, которая управляла европейским мнением по этому вопросу со второй половины четырнадцатого до конца семнадцатого века. Как мы уже видели, это была сложная теологическая концепция, выросшая из сравнительно простых и расплывчатых идей, которые можно было найти у авторов Священного Писания и классиков.

Можно не сомневаться, что это определенное и сложное теологическое представление о колдовстве дошло до Англии уже в четырнадцатом веке. Определенно, четкое различие между колдовством и ведьмовством было проведено лишь много позже - если негативные свидетельства вообще заслуживают доверия. Ведьмы, которых искал Генрих IV, профессор богословия, монах, клерк и ведьма из Глаза, которые спешно предстали перед советом Генриха VI, несчастная герцогиня Глостерская, которой пришлось ходить по улицам Лондона, герцогиня Бедфорд, заговорщики против Эдуарда IV, которые, как предполагалось, использовали магию, неудачливая любовница Эдуарда IV - никто из тех, кого на протяжении двух столетий обвиняли в магических проступках, не был, насколько нам известно, обвинен в тех ужасных связях с дьяволом, тошнотворными подробностями которых наполнены поздние повествования об истории ведьм.

Правда заключается в том, что идея колдовства не была четко определена и дифференцирована в сознании простых англичан вплоть до начала действия законодательства по этому вопросу. Не исключено, что существовали английские

богословы, которые могли бы изложить полную философию этой веры, но для среднего ума колдовство, чародейство, ворожба и ведьмовство были лишь дурными способами овладения природой. Все изменилось, когда были приняты законы. Вместе с законами значительно возросло количество обвинений; вместе с обвинениями и казнями появились трактаты и теории. Континентальные авторы обращались за консультациями, и вскоре вся система и наука этого предмета были разработаны для всех, кто читал.

Более ранний период, который был описан лишь в общих чертах, в данной монографии не рассматривается. Она ограничивается рассказом о процессах над ведьмами, а также о мнениях по поводу колдовства после принятия парламентом определенного законодательства. Статут пятого года правления Елизаветы обозначает точку в истории судебных преследований, с которой вполне естественно начать рассказ. 1558 год был выбран в качестве даты, потому что с самого начала царствования, которое должно было ознаменоваться принятием этого статута и характеризоваться серьезными усилиями по его исполнению, готовилось преследование.

До этого времени преступление колдовства в нескольких ранних случаях рассматривалось судами общего права, иногда (когда речь шла о политике) - тайным советом, но чаще всего, как можно предположить, церковью. Это, действительно, легко проиллюстрировать на примере трудов по праву. Бриттон и Флета включают расследование о колдунах в качестве одной из статей турне шерифа. Однако в примечании к Бриттону говорится, что церковный суд должен судить таких преступников и предавать их смерти в королевском суде, но сам король может действовать против них, если пожелает.^[5] Хотя это и подразумевает некоторое дублирование процедур, на практике путаница, по-видимому, была еще больше. Краткое описание некоторых дел до 1558 года проиллюстрирует странную неурегулированность процедуры. Поллок и Мейтленд рассказывают о нескольких судебных процессах, которые можно найти в ранних процессах. В 1209 году одна женщина обвинила другую в колдовстве в королевском суде, и обвиняемая оправдала себя в результате испытания. В 1279 году мужчина, обвиненный в убийстве ведьмы, которая напала на него в его доме, был оштрафован, но только потому, что он сбежал. Уолтер Лэнгтон, епископ Личфилда и казначей Эдуарда I, был обвинен в колдовстве и почитании сатаны и очистился с помощью компургов. В 1325 году более двадцати человек были обвинены и судимы королевской скамьей за убийство путем истязания воскового изображения. Все они были оправданы. В 1371 году перед королевской скамьей предстал житель Саутварка, обвиненный в колдовстве, но его отпустили, поклявшись, что он никогда не будет колдовать.^[6]

Следует отметить, что все эти ранние дела рассматривались в светских судах; но нет причин сомневаться, что церковные суды были не менее активны, а их рвение, должно быть, усилилось благодаря статуту 1401 года, который в случаях ереси делал мирскую власть своим палачом. Однако почти в то же время обвинение в колдовстве стало часто использоваться в качестве политического оружия. В таких случаях, конечно, обвиняемым обычно становился влиятельный человек, и дело рассматривалось в совете. Как видно, преступление могло подпадать как под церковную, так и под концилиарную юрисдикцию, а конкретные обстоятельства обычно определяли юрисдикцию. Когда Генриху IV сообщили, что в епархии Линкольна полно колдунов, магов, чародеев, некромантов, прорицателей и прорицательниц, он направил епископу письмо с требованием разыскивать колдунов и заключать их в тюрьму после осуждения или даже раньше, если это покажется целесообразным.^[7] Это было поручением церкви, но приказ был отдан властью короля, не исключено, что после обсуждения вопроса на совете. В правление Генриха VI концилиарные и церковные власти в разное время и по-разному принимали участие в работе совета. Томас

Нортфилд, член ордена проповедников в Вустере и профессор богословия, предстал перед советом вместе со всеми подозрительными вещами, принадлежащими ему, и особенно его книгами, трактующими о колдовстве. Пайк не сообщает нам о результатах.[8] В том же году перед советом предстали три более скромных колдуна - Марджери Журдемейн, Джон Вирли, клирик, и Джон Эшвелл, монах ордена Святого Креста. Трудно сказать, были ли эти трое каким-либо образом связаны с политическими интригами. Возможно, их подозревали в колдовстве против государя. Однако все они были уволены под честное слово.[9] Лишь через несколько лет после этого случая концилиарной юрисдикции духовенству было передано гораздо более важное дело. История Элеоноры Кобэм, герцогини Глостерской, хорошо знакома. Враги герцога Хамфри Глостерского решили напасть на него через его жену, которая, как считалось, имела влияние на молодого короля. Первым делом был арестован некий Роджер Болингброк, который был связан с герцогом и герцогиней, и о котором говорили, что он астроном или некромант. Было объявлено, что он составил гороскоп герцогини с целью выяснить ее шансы на престол. Болингброк сделал признание, после чего Элеонора предстала перед "определенным бишопписом короля". Тем временем несколько лордов, членов Тайного совета, были уполномочены "расследовать всевозможные тресоны, чародейство и прочие вещи, которые могут каким-либо образом... касаться вредоносной личности короля".[10] Болингброк и священнослужитель Томас Саутвелл были обвинены в измене, а герцогиня - в соучастии. Вместе с ними обвинили Марджери Журдемейн, которая была освобождена десять лет назад. Затем Элеонора была повторно рассмотрена перед епископами Лондона, Линкольна и Норвича, ее осудили как виновную и обязали пройти босиком по улицам Лондона, что она "сделала прямо-таки кротко". Остаток жизни она провела в северной тюрьме. Болингброк был казнен как предатель, а Марджери Журден была сожжена в Смитфилде.[11]

Дело герцогини Бедфордской - еще один пример связи между колдовством и политическими интригами - естественно, попало в руки совета. Те, кто не мог иначе понять увлечение короля, считали, что он был околдован матерью королевы. Эта история пересказывалась из уст в уста, пока герцогиня не узнала о ней и не пожаловалась в совет на своих злопыхателей. Совет объявил ее свободной от подозрений и приказал "занести это решение в протокол".[12]

Обвинение в колдовстве, выдвинутое протектором Ричардом Глостерским против Джейн Шор, которая была любовницей Эдуарда IV, так и не дошло до суда и, следовательно, не иллюстрирует ни церковной, ни концилиарной юрисдикции. Однако стоит отметить, что обвинение было выдвинуто протектором, который вскоре стал Ричардом III, в зале совета.[13]

Как видно, эти случаи мало что доказывают в отношении процедуры в вопросах колдовства и ведовства. Это дела, возникшие в беспокойный период и касающиеся в основном известных людей. То, что они рассматривались епископами или Тайным советом, не означает, что все подобные обвинения передавались в эти суды. Должно быть, были и менее важные дела, которые никогда не передавались в совет или большие церковные суды. Представляется вероятным - если исходить из более поздней практики - что менее важные дела рассматривались почти исключительно в малых церковных судах.[14]

Поначалу это заставило бы нас заподозрить, что, когда государство наконец начало законодательно бороться с колдовством, оно пыталось вырвать юрисдикцию над преступлением из рук церкви и передать ее в светские руки. Такое предположение, однако, не имеет под собой никаких оснований. Напротив, представляется вероятным, что закон, принятый в царствование Генриха VIII, был принят скорее для поддержки церкви в ее борьбе

с колдовством и ведовством, чем для ограничения ее юрисдикции в этом вопросе. Именно для того, чтобы помочь в борьбе с этими практиками, государство и вмешалось. В другом месте этой главы мы будем иметь случай отметить большой интерес к колдовству и всем родственным предметам, который возник в Англии, и мы будем иногда наблюдать некоторые проявления этого интереса, а также некоторые его причины. Здесь необходимо лишь подчеркнуть важность этого интереса как причины принятия закона.[15]

В главе VIII от 33 Генриха VIII четко сформулирована его цель: "Когда, - гласит преамбула, - дайверы и другие люди незаконно придумывали и практиковали инвокации и вызывания духов, претендуя с помощью таких средств понять и получить знание для собственной корысти, в каком месте можно найти или иметь сокровища из золота и серебра... а также использовали и занимались колдовством, инвокациями и чародейством для расстройств своих соседей и добра". Было дано описание применяемых методов, и было принято постановление, что использование любого вызова или вызывания духов, колдовства, чародейства или волшебства должно рассматриваться как уголовное преступление.[16] Следует отметить, что в законе не было градации преступлений. Все перечислялось как уголовное преступление. Ни один более поздний законодательный акт по этому вопросу не был столь масштабным по своей суровости.

Закон продержался в своде законов всего шесть лет. В начале правления Эдуарда VI, когда у власти находился протектор Сомерсет, была предложена политика большой мягкости в отношении уголовных преступлений. В декабре 1547 года в парламент был внесен законопроект об отмене некоторых статуты о государственной измене и преступлении. "Этот законопроект, представляющий собой вопрос, вызывающий большую озабоченность у всех подданных, был назначен комитет, состоящий из архиепископа Кентерберийского, лорда-канцлера, лорда-камергера, маркиза Дорсета, графов Шрусбери и Саутгемптона, епископов Эли, Линкольна и Вустера, лордов Кобэма, Клинтона и Вентворта, а также некоторых ученых королевского совета; все эти знатные люди были назначены для встречи с комитетом общин.....для обсуждения и согласования сути упомянутого билля".[17] Общинники, судя по всему, уже подготовили свой собственный законопроект, но его решили отменить, и в итоге была принята мера лордов с некоторыми поправками. Именно под этой широкой отменой уголовных преступлений была окончательно аннулирована глава VIII от 33 Генриха VIII. Был ли вопрос о колдовстве вынесен на особое рассмотрение или нет, нам не известно. Известно, что епископы Лондона, Дарема, Эли, Херефорда и Чичестера не согласились с некоторыми поправками, которые были внесены в акт об отмене[18], и не исключено, что они были против отмены закона о колдовстве. Конечно, нет оснований полагать, что церковь сопротивлялась посягательствам государства на эту тему.

На самом деле, вероятно, что в общем вопросе об отмене уголовных преступлений, вопрос о колдовстве уделил мало внимания. Есть одна интересная история, которая, кажется, указывает на это и заслуживает повторения в качестве иллюстрации отношения протектора к этому вопросу. Эдвард Андерхилл рассказывает об этом в своей автобиографии: "Когда мы отсиделись, майор послал [двух] своих офицеров со мной за Аленом; мы встретились с ним по-польски и пошли с ним в его покои, где нашли фигуры, чтобы отбить родной дом у кинга, и кувшин с его деате, причем этот фолиант считал себя настолько уверенным, что он и его конселары-паписты вынесли все это. В тот же день кинг лежал в Хамтонском дворе, а я, лорд-протектор, - в Сионе; туда я доставил этого Алена с его конусами, конусами, косами и

многими другими вещами, относящимися к этому дивлинскому искусству, которое, как он утверждал передо мной, было законной наукой, ибо статут, направленный против души, был отменен. 'Thow folyshe knave! (сказал мне лорд) если ты и все, что есть из твоих циен, скажешь мне, что я должен делать с людьми, я могу отдать все, что у меня есть"; я приказал доставить его в Тауэр". Ален был допрошен о своей учености, и выяснилось, что он был "очень неученым асом и колдуном, за что его стоило повесить, говорит мистер Рекорд". Однако его продержали в Тауэре "около года, а затем по воле судьбы отпустили". И так всегда".[19]

Но нечестивцам недолго оставалось бежать. В начале правления Елизаветы были предприняты серьезные и успешные усилия по введению в свод законов определенных и суровых наказаний за колдовство, чародейство, ведьмовство и связанные с ними преступления. Вопрос был поднят в первый же год нового царствования, и был разработан соответствующий законопроект.[20] Однако окончательно закон был принят лишь в 1563 году. В нем говорилось, что те, кто "использует, практикует или применяет любое колдовство, чары, чары или колдовство, в результате которого любой человек может быть убит или уничтожен, ... их пособники и помощники, ... должны понести наказание в виде смертной казни как преступник или преступники". Кроме того, было объявлено, что те, чья деятельность привела к растрате, уничтожению или увечью человека, должны за первое преступление подвергнуться годичному тюремному заключению и четыре раза быть подвергнуты столбу. За второе преступление полагалась смерть. Кроме того, предусматривалось, что те, кто с помощью колдовства предполагал обнаружить сокровища, найти украденное имущество или "спровоцировать любого человека на незаконную любовь", должны были подвергнуться годичному тюремному заключению и четырем появлениям в столбе.

С этого закона можно начать историю преследования колдовства в Англии как светского преступления. Естественно, возникает вопрос: что послужило поводом для принятия этого закона? Как случилось, что именно в это время была принята и введена в действие столь радикальная мера? К счастью, существует часть доказательств, на основании которых можно дать ответ. Английские церковники, изгнанные из Англии во время Марианских гонений, многие из них жили в Цюрихе и Женеве, где полным ходом шло истребление ведьм, и обсуждали этот вопрос с выдающимися континентальными теологами. С приходом Елизаветы эти люди в полном составе вернулись в Англию и заняли видное положение в церкви и государстве, многие из них получили епископские престолы. Невозможно утверждать, что все они оказали влияние на принятие статута пятого года правления Елизаветы. Ясно, что один из них открыто высказался по этому вопросу. Вряд ли можно сомневаться, что он представлял мнение многих других церковников, которые попали под то же влияние во время своего изгнания.[21] Джон Джуэл был англиканином кальвинистского толка, который по возвращении в Англию во время воцарения Елизаветы был назначен епископом Солсбери. За короткое время он занял видное положение при дворе. Он проповедовал перед королевой и сопровождал ее во время визита в Оксфорд. Именно в ходе одной из своих первых проповедей - где-то между ноябрем 1559 и мартом 1560 года[22] - он изложил ей свои убеждения относительно колдовства. Именно, говорит он ей, "ужасное использование ваших бедных подданных" заставляет его говорить. "Подобные люди (я имею в виду ведьм и колдунов) за последние несколько лет удивительным образом увеличились в королевстве вашей милости. Эти глаза видели самые явные и очевидные следы их нечестия. Подданные вашей милости чахнут до самой смерти, их цвет тускнеет, их плоть гниет, их речь ослабевает, их чувства отнимаются. Поэтому смиреннейшее прошение ваших бедных

подданных к вашему высочеству состоит в том, чтобы законы, касающиеся таких злоумышленников, были приведены в надлежащее исполнение".

Церковный историк Страйп предполагает, что эта проповедь послужила причиной закона, принятого на пятом году правления Елизаветы, по которому колдовство вновь стало уголовным преступлением, как это было при Генрихе VIII.^[23] Какое бы значение мы ни придавали предположению Страйпа, у нас есть полное право считать, что Джуэл познакомил нас с иностранным мнением о колдовстве. Очень вероятно, что многие вернувшиеся изгнанники, а также другие, принесли с собой известия о крестовом походе на континент; но слова Джуэла официально поставили этот вопрос перед королевой и ее правительством.^[24]

Мы можем проследить влияние обращения церковника и дальше. Произведенное им впечатление, вероятно, послужило причиной не только принятия закона, но и выдачи мировым судьям поручений задержать всех ведьм, которых они могли найти в своих владениях.^[25]

Вряд ли можно сомневаться, что впечатление, произведенное проповедью епископа, отчасти объясняет начало государственной атаки на ведьм. Тем не менее, естественно, возникает вопрос о каком-то другом факторе в этой проблеме. Не может ли быть так, что в самой Англии существовали особые условия, особые обстоятельства, которые послужили толчком к началу атаки? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вспомнить ситуацию в Англии, когда на трон взошла Елизавета. Елизавета была протестанткой, и ее воцарение означало отказ от католической власти в Англии. Но уже вскоре притязания Марии, королевы Шотландии, стали сниться английским министрам в страшных снах. Католические и испанские заговоры против жизни Елизаветы держали правительственных детективов на чеку. Возможно, потому, что этот способ считался самым труднообозримым, больше всего опасались использования колдовства против жизни королевы. Этот метод также привлекал заговорщиков, которые никогда не сомневались в его эффективности и не ожидали особого риска разоблачения.

Чтобы понять, почему английское правительство было так встревожено усилиями фокусников, нам придется вернуться к полувек, предшествовавшему царствованию великой королевы, и вкратце проследить за становлением этих любопытных торговцев тайнами. В начале пятнадцатого века, когда в Южной Германии уже запылали костры ведьм, в Англии появились фокусники. Их число вскоре стало свидетельствовать о растущем интересе англичан к сверхъестественному и предвещало рост веры в колдовство. Из разрозненных местных записей удалось собрать воедино факты, свидетельствующие о том, что то тут, то там профессора магических сил начинали получать слух. Поначалу фокусников можно разделить на два класса: искатели положения и искатели сокровищ. К первым относятся те, кто использовал заклинания и чары, чтобы завоевать расположение сильных мира сего и таким образом добиться продвижения по службе для себя или для своих клиентов.^[26] Это было время, когда все поощрялось, чтобы испробовать эти средства. Такие люди, как Вулси и Томас Кромвель, поднялись из скромного положения на самые высокие посты в государстве. Их карьера казалась необъяснимой, если не сказать сверхъестественной. Легко было поверить, что использовались нечестные и незаконные методы. То, что было сделано раньше, может быть сделано снова. Так, возможно, рассуждали торговцы магией. Во всяком случае, какими бы ни были их умственные операции, они экспериментировали с чарами, которые должны были завоевать благосклонность великих, и некоторые из их операций дошли до ушей двора.

Искатели сокровищ[27] были более многочисленны. Время от времени в ходе английской истории обнаруживались сокровища, многие из которых были зарыты еще в римские времена. Истории об удачных находках, конечно же, получили широкое распространение. Перед разорившимся искателем приключений и потерпевшим неудачу промоутером открывались новые возможности. Сокровища можно было найти с помощью науки магии. Эта идея была сродни до сих пор бытующей мысли о том, что колодцы можно найти с помощью лесных палочек. Но ни один из фокусников - и это кажется любопытным фактом для тех, кто знаком с английскими историями о сверхъестественном, - так и не нашел желаемого клада. Их усилия вряд ли вызвали интерес у публики, а тем более тревогу. Экспериментаторам, которых пятьдесят лет спустя поспешили бы отправить в тайный совет, было позволено колдовать и копать, как им заблагорассудится. Генрих VIII даже продал право на это в одной местности, и продал по цене, которая показала, насколько легкомысленно он к этому относился.[28]

Конечно, практиковались и другие виды магии. К тому времени, когда на престол вступила Елизавета, можно с уверенностью сказать, что практика запретных искусств получила широкое распространение в Англии. Чуть позже Реджинальд Скот заявил, что в каждом приходе полно мужчин и женщин, утверждающих, что они творят чудеса.[29] Большинство из них были женщинами, и их выступления напоминали сегодняшние выступления цыганских гадалок. Они называли себя "хитрыми женщинами". Многие из них были полумедиками или псевдомедиками[30], которые использовали для исцеления больных травы и экстракты, а если они не помогали, то чары и заклинания. Если они были достаточно удачливы, их называли "добрыми ведьмами". Особенно эффективными их заклинания считались в связи с акушерством.[31] От таких функций было недалеко до предсказания исхода любовных отношений или приготовления зелий, обеспечивающих любовь.[32] Они становились всеобщими помощниками для тех, кто попал в беду. Они могли сказать, где можно найти потерянное имущество, - занятие, тесно связанное с работой кладоискателей.[33]

Обычно к этим хитрецам обращались при менее серьезных заболеваниях[34]. К ним часто обращались - если верить отрывочным свидетельствам - для диагностики болезней и объяснения причин смерти домашних животных.[35] Очень может быть, что именно из-за необходимости объяснить смерть животных практикующие маги стали говорить о колдовстве и намекать на то, что в этом деле замешана какая-то ведьма. Это соответствовало бы их собственным притязаниям. Разве они не были хорошими ведьмами? Разве не их удел - преодолевать козни черных ведьм, то есть ведьм, которые приносят скорее зло, чем добро? Болезнь животного трудно поддавалась лечению. Больная лошадь вряд ли откликнется на размахивание руками и путаницу непонятных слов. Скорее всего, животное было околдовано.

Во всяком случае, независимо от того, было ли это именно так или нет, в скором времени обязанностью хитрых женщин стало распознавать признаки колдовства, прописывать рецепты и, по возможности, выявлять ведьму. Во многих случаях практикующий врач благоразумно отказывался называть чье-либо имя, но описывал внешность виновницы и излагал ряд действий, с помощью которых можно было разоблачить ее махинации. Если сорвать определенные травы и обработать их определенным образом, произнести такие-то и такие-то слова, виновница появится в дверях. В других случаях мудрая женщина давала вполне узнаваемое описание виновницы и предлагала средства, которые сведут на нет ее злое влияние. Несомненно, указанная ведьмой сторона очень часто была другой "доброй ведьмой", возможно, соперницей. В записях об этом суеверии можно найти разрозненные

примеры мудрых женщин, на которых внезапно пало подозрение, и они были обвинены и отправлены на виселицу. Вне всякого сомнения, подозрения часто начинались с недобрых слов соседа,^[36] , возможно, конкурента, слов, которые начинали атаку на репутацию женщины, которую она не могла отразить.

Не стоит думать, что искусство хитрости было присуще только женскому полу. На протяжении всего царствования Елизаветы в королевстве было много людей, претендовавших на знание тайн. Это занятие было настолько тесно связано с врачеванием, что не существовало такой строгой границы, как сейчас, между авторитетными врачами и шарлатанами, отделявшей "добрых ведьм" от обычных практикующих медиков. В елизаветинские времена было настолько принято, чтобы авторитетные и даже выдающиеся медики объясняли непонятные случаи как результаты колдовства^[37] , что провести демаркационную линию между ними и притворщиками, предлагавшими с помощью амулета или бокала зловредное вещество, было бы невозможно. Если принять явления колдовства и чародейства как факты - а их еще никто не оспаривал, - то можно было легко поверить, что добрые ведьмы, противодействующие творчеству черных колдунов, более надежны, чем семейный врач, который может лишь предположить причину болезни. Регулярно практикующий врач, должно быть, часто создавал бизнес для своего брата по хитроумным искусствам.

Хотелось бы знать, что эти практикующие колдуны думали о своих искусствах. Безусловно, некоторые из них добивались исцеления. Психические расстройства, которые ставили в тупик обычного врача, предлагали "доброй ведьме" редкое поле для успешной деятельности. Такие колдуньи могли не только убедить общество в своей доброте, но и обмануть самих себя. Однако не все из них были самообманутыми. В значительном проценте случаев сыграло свою роль сознательное мошенничество. Одна ведьма была очень наивной в своем признании в мошенничестве. Когда ее заподозрили в колдовстве и привлекли к суду, она, как говорят, откровенно произнесла свои чары:

"My lofe in my lappe,
Мой пенни в моем кошельке,
Вам никогда не будет лучше,
Я не хуже".

Она была оправдана и, несомненно, продолжала добавлять пенни к пенни.^[38]

Не стоит удивляться тому, что государство проявило небрежность в наказании за преступление, столь неопределенное по характеру и столь тесно связанное с почетной профессией. За исключением тех случаев, когда колдовство затрагивало высокие государственные интересы, правительство практически не обращало на него внимания. Время от времени на протяжении XIV и XV веков возникали отдельные заговоры против государя, в которых колдовство играло заметную роль. За этими редкими исключениями преступление оставалось в ведении церковной юрисдикции. Но теперь государство было готово вернуть себе юрисдикцию над этими преступлениями и занять очень позитивную враждебную позицию по отношению к ним. Это произошло так, как уже было вкратце описано. Правительству королевы постоянно угрожали заговоры с целью устранить королеву, заговоры, которые, как надеялись их подстрекатели, опрокинут протестантский

режим и вернут Англию в лоно церкви. Елизавета едва успела взойти на трон, как ее советники начали подозревать, что против ее жизни используют колдовство и кон юрацию. В результате они начали тщательнейшее расследование всех известных случаев подобного рода, особенно в Лондоне и соседних графствах. Под подозрение попал каждый католик. Два дела, которые были рассмотрены в течение первого года, окончились ничем, но третье разбирательство оказалось более серьезным. В ноябре 1558 года сэр Энтони Фортескью,^[39] член известной католической семьи, был арестован вместе с несколькими сообщниками по обвинению в составлении гороскопа жизни королевы. Фортескью вскоре освободили, но в 1561 году он снова оказался под стражей, на этот раз вместе с двумя шуринами, Эдмундом и Артуром Поулами, племянниками знаменитого кардинала с таким именем. Раскрывшийся заговор имел множество последствий. Предлагалось выдать Марию, королеву Шотландии, замуж за Эдмунда Поула, а из Фландрии провозгласить ее королевой Англии. Тем временем Елизавета должна была умереть естественной смертью - по крайней мере, так утверждали заговорщики, - предсказанной для нее двумя фокусниками, Джоном Престолом и Эдмундом Косином, при содействии "нечестивого спрайта". Было обнаружено, что в заговоре замешаны французский и испанский послы. Отношения между Парижем и Лондоном стали напряженными. Заговорщиков судили и приговорили к смерти. Сам Фортескью, возможно, потому, что он был троюродным братом королевы и братом канцлера казначейства, похоже, избежал виселицы.^[40]

Однако дело Фортескью было лишь одним из многих заговоров, готовившихся в то время. На протяжении шестидесятых и семидесятых годов советники королевы были начеку. Мировые судьи и другие видные люди в графствах получали от Тайного совета информацию о заговорах, и им предписывалось присылать все доказательства, которые они могли собрать против них. Примечательно, что три четверти дел, которые попали под расследование, были связаны с территорией в пределах тридцати миль от Лондона. Две трети из них были из Эссекса. Не все фокусники были обвинены в заговоре против королевы, но это обвинение было наиболее распространенным. Можно предположить, что в тех случаях, когда это обвинение не выдвигалось, причиной расследования и ареста была тревога Тайного совета за жизнь королевы.

Между 1578 и 1582 годами, критическими годами в делах шотландской королевы, беспокойство лондонских властей было сильным^[41] - их меры предосторожности были удвоены. Представителей правительства отправляли на поиски фокусников и хорошо оплачивали их услуги.^[42] Граф Шрусбери, член совета, в ведении которого находилась плененная королева Мария, держал у себя специальные детекторы фокусничества.^[43] Ничто в правительстве Елизаветы не было организовано лучше, чем сыскная служба Сесила, и государственные бумаги показывают, что вылавливание фокусников занимало далеко не последнее место в ее работе. Разумеется, эта служба велась настолько тихо, насколько это было возможно, и все же случаи то и дело всплывали на поверхность и давали понять общественности, что правительство очень опасалось нападений фокусников на королеву. Несомненно, деятельность совета ставила всех фокусников под подозрение и в какой-то степени вызывала недовольство общественности.

Это возвращает нас к вопросу: Какое отношение колдуны имели к колдовству? К этому времени ответ уже достаточно очевиден. Практикующие магические искусства, заклинатели и чародеи, были ответственны за развитие представлений о колдовстве. Добрая ведьма составила компанию черной ведьме. Само по себе это могло означать не более чем усиление активности в церковных судах. Но когда протестантская Англия внезапно занервничала, опасаясь за жизнь королевы, когда колдуны стали источником опасности для

государя, а совет начал кампанию против них, создались условия, при которых колдовство стало одновременно самым опасным и ненавистным из преступлений. Пока правительство занималось пресечением деятельности колдунов, возбужденные народные настроения заставляли мировых судей, а затем и судей присяжных вешать ведьм.

Это невозможно проиллюстрировать лучше, чем на примере Абингдонского дела 1578-1579 годов. До Тайного совета дошли слухи о том, что сэр Генри Ньюэлл, мировой судья, предал суду нескольких женщин в окрестностях Абингдона по обвинению в изготовлении восковых изображений.^[44] Правительство сразу же встревожилось и отправило послание сэру Генри и декану Виндзора, поручив им выяснить факты и узнать, не направлены ли заговоры против королевы. Эта предосторожность была излишней. Не было никаких оснований полагать, что в планы обвиняемых женщин входила королева. Действительно, доказательства вины были очень слабыми. Но общественное волнение было доведено до высшей точки. Тайный совет продемонстрировал свой страх перед женщинами, и все четыре из них отправились на виселицу.^[45]

Та же ситуация, которая привела к нападкам на колдовство и ворожбу, несомненно, стала причиной передачи юрисдикции над этим преступлением. Мы уже видели, что практика колдовства, вероятно, была в значительной степени оставлена епископальной иерархией для наказания. Архидьяконы должны были во время своих визитов выяснять, не практикуется ли в приходах колдовство и магия, и составлять отчеты.^[47] В правление Елизаветы это стало нелегкой обязанностью. Церковь поставила перед собой задачу пресечь деятельность как консультантов, так и тех, кого консультировали.^[48] Наибольшее количество зафиксированных случаев относится, конечно, к первому классу. Заболев или попав в беду, очень легко было обратиться за помощью к исповедующему колдовство.^[49] Как мы уже видели, это было похоже на обращение к врачу. Церковь не одобряла этого, но опасность, связанная с неповиновением церкви, не считалась большой. Хитрый мужчина или женщина, конечно, шли на большой риск. Когда случалось худшее и церковная власть узнавала о его профессии, лучшее, что он мог сделать, - это сослаться на то, что он "добрый колдун" и оказал обществу ценные услуги.^[50] Но в глазах церкви благая цель не была оправданием для злых средств. Добрые ведьмы были торговцами злыми духами и, следовательно, подлежали пресечению.

Однако церковь была очень мягкой в своих наказаниях. В вопросах наказаний консул и консультант были почти одинаковы, и оба легко отделались. Публичная исповедь и покаяние в одной или нескольких специально отведенных церквях, обычно в ближайшей приходской церкви, составляли обычное наказание.^[51] В некоторых случаях к этому добавлялось требование, чтобы преступник стоял в столбе с котелком в руках в нескольких местах в указанное время.^[52] Церковные записи настолько полны церковных наказаний, что у читателя возникает вопрос, насколько эффективными они были для того, чтобы пристыдить кающегося и заставить его вести себя лучше. Можно предположить, что большинство преступников не были чувствительными душами, которые глубоко страдали бы от постигшего их позора.

Контроль над подобными делами находился в руках церкви лишь по принуждению. До тех пор, пока государство не было сильно заинтересовано, церкви разрешалось сохранять свою юрисдикцию.^[53] Несомненно, английские короли заявили бы о праве государства на юрисдикцию, если бы это стало предметом спора. Сама церковь признавала светскую власть в более важных случаях.^[54] В таких случаях архидиакон обычно действовал вместе с мировым судьей при проведении экспертизы,^[55] также как и при вынесении приговора. Однако и в этом случае наказание, как правило, было церковным. Но со второй половины XVI

века возникли новые условия, которые привели к передаче этого контроля государству. Генрих VIII порвал с Римом и создал Англиканскую церковь, центром которой стал король. Власть над церковью принадлежала королю, а если королю, то его министрам и судьям. Поэтому некоторые преступления, находившиеся под контролем церкви, перешли под юрисдикцию королевских судов.[56] В более конкретной форме это изменение произошло благодаря нападению Тайного совета на фокусников. То, что до сих пор было сравнительно незначительным преступлением, теперь стало преступлением против государства, и с ним стали бороться.

Перемены, конечно, не были внезапными. Они произошли не за год и не за десятилетие. Они происходили на протяжении всей первой половины царствования Елизаветы. К началу восьмидесятых годов церковный контроль исчезает. После 1585 года государство обладало практически исключительной юрисдикцией.[57]

На этом мы закончили попытку проследить начало определенного движения против колдовства в Англии. Что такое колдовство, чем оно стало, как его отличить от колдовства - на эти вопросы мы постарались ответить очень кратко. Мы бегло рассмотрели ряд дел, начиная с англосаксонских времен и заканчивая пятнадцатым веком, чтобы показать, насколько неопределенным был вопрос юрисдикции. Мы также пытались объяснить, как континентальное мнение было привнесено в Англию через Джуэла и других марианских изгнанников, показать, какие независимые силы действовали в Англии, продемонстрировать растущее влияние заклинателей и их отношение к развитию колдовства; и, наконец, мы стремились доказать, что особая опасность для королевы сыграла не последнюю роль в создании крестового похода против ведьм. Эти выводы имеют определенное значение, но необходимо сделать одно предостережение. Мы рассматривали период, когда факты немногочисленны, а информация фрагментарна. В таких условиях выводы могут быть лишь предварительными. Пожалуй, самое большее, что можно сказать о них, - это то, что они являются предположениями.

[1] Бенджамин Торп, *Древние законы и институты Англии* (Лондон, 1840), I, 41; Либерманн, *Die Gesetze der Angelsachsen* (Галле, 1906), и отрывки, приведенные в его *Wörterbuch* под словами *wiccan*, *wiccacræft*; Томас Райт, ред., *Современное изложение процесса против дамы Алисы Кайтелер* (Camden Soc., Лондон, 1843), введение, i-iii.

[2] Джордж Л. Бурп, "Литература о колдовстве", напечатано в *Papers of the Am. Hist. Assoc.*, IV (New York, 1890), 244.

[3] Генри К. Леа, *История инквизиции в Испании* (Нью-Йорк, 1906-1907), IV, 207; ср. его же *История инквизиции в средние века* (Нью-Йорк, 1888), III, гл. VI, VII. Наиболее подробное исследование возникновения этого заблуждения принадлежит Й. Хансену, *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter* (Cologne, 1900).

[4] Lea, *Inquisition in Spain*, IV, 206.

[5] Pollock and Maitland, *History of English Law* (2d ed., Cambridge, 1898), II, 554.

[6] Там же. См. также Wright, ed., *Proceedings against Dame Alice Kyteler*, introd., ix.

[7] Там же, х. Линкольн, а не Норвич, как в тексте Райта (за которым следуют Поллок и Мейтланд). См. само королевское письмо, напечатанное в сноске, и ср. "*Foedera*" Раймера

(под датой от 2 января 1406 г.) и "*Календарь патентных списков*" (Генрих IV, т. III, с. 112). Епископом был Филип Репингтон, бывший капеллан и духовник короля.

[8] Л. О. Пайк, *История преступлений в Англии* (Лондон, 1873), I, 355-356.

[9] Там же. Сэр Харрис Николас, *Труды и постановления Тайного совета* (Лондон, 1834-1837). IV, 114.

[10] *English Chronicle of the Reigns of Richard II, etc.*, edited by J. S. Davies (Camden Soc., London, 1856), 57-60.

[11] Ramsay, *Lancaster and York* (Oxford, 1892), II, 31-35; Wright, ed., *Proceedings against Dame Alice Kyteler*, introd., xv-xvi, цитирует Лондонскую хронику; К. Н. Vickers, *Humphrey, Duke of Gloucester* (London, 1907), 269-279.

[12] Wright, ed., *op. cit.*, introd., xvi-xvii.

[13] James Gairdner, *Life and Reign of Richard III* (2d ed., London, 1879), 81-89. Джейн Шор в конце концов предстала перед судом епископа Лондонского.

[14] Сэр Дж. Ф. Стивен, *История уголовного права Англии* (Лондон, 1883), II, 410, приводит пять примеров из "*Церковных прецедентов*" архидиакона Хейла; см. выдержки из "*Линкольнских епископальных визитаций*" в *Archæologia* (Soc. of Antiquaries, London), XLVIII, 254-255, 262; см. также статьи о визитациях и др. за 1547 и 1559 гг. в David Wilkins, *Concilia Magnae Britanniae* (London, 1737), IV, 25, 186, 190.

[15] В одном из более ранних законодательных актов колдовство и ведовство упоминались в связи с практикующими врачами. Акт о физиках и хирургах" от 3 Генриха VIII, гл. XI, был направлен против шарлатанов. "Так как наука и знание врачевания и хирургии, для совершенного познания которых необходимо много времени и зрелого опыта, ежедневно... осуществляется огромным количеством невежественных людей... и поэтому обычные ремесленники, такие как Смайты, Уиверы и женщины, смело и осторожно берут на себя большие болезни и болезни большой сложности, в которых они частично используют сокери и которые частично применяют такие лекарства от болезней, которые очень опасны", - требовалось, чтобы каждый кандидат на медицинскую практику был осмотрен епископом епархии (в Лондоне - либо епископом, либо деканом собора Святого Павла).

[16] Стивен, *История уголовного права*, II, 431, говорит об этом акте: "Хатчинсон предполагает, что этот акт, принятый через два года после акта Шести статей, был задуман как "наезд на реформаторов", что часть его, которой придавалось значение, касалась срывания крестов, что, как предполагается, было связано с магией". Хатчинсон добавляет, что акт никогда не приводился в исполнение ни против ведьм, ни против реформаторов. Акт, несомненно, был принят в тот период правления Генриха, когда он склонялся в сторону римско-католической церкви". Часть акта, на которую ссылается Хатчинсон, гласит следующее: "И для исполнения своих ложных замыслов и практик они сделали или заставили сделать красильные изображения и картины мужчин, женщин, детей, ангелов или дивелов, зверей или птиц, ... и, веря и доверяя этим фантастическим практикам, нарисовали и снесли бесконечное множество крестов в пределах этого королевства".

[17] *Парламентская история* (Лондон, 1751-1762), III, 229.

[18] Там же.

[19] Автобиография Эдварда Андерхилла (в "Повествованиях о днях Реформации", Камден Сок., Лондон, 1859), 172-175.

[20] Мера фактически достигла стадии обсуждения в общине. Однако обе палаты объявили перерыв в начале апреля и оставили его без рассмотрения.

[21] Несколько епископов, назначенных после воцарения Елизаветы, путешествовали по Южной Германии и Швейцарии в эпоху Мариана и имели возможность ознакомиться с пропагандой против ведьм в этих краях. Томас Бентам, который должен был стать епископом Ковентри и Личфилда, уехал из Англии в Цюрих и после этого был проповедником изгнанников в Базеле. Джон Паркхерст, назначенный епископом Норвича, поселился в Цюрихе после воцарения Марии. Джон Скори, назначенный епископом Херефорда, служил капелланом у изгнанников в Женеве. Ричард Кокс, назначенный епископом Эли, посетил Франкфорт и Страсбург. Эдмунд Гриндалл, который должен был стать новым епископом Лондона, во время своего изгнания посетил Страсбург, Шпейер и Франкфорт. Майлз Ковердейл, который был епископом Эксетера, но не был переназначен, во время своего изгнания побывал в Женеве. Было много других церковных деятелей меньшей важности, которые в то или иное время во время марианского периода посещали Цюрих. См. *Diarium Буллингера* (Базель, 1904) и *Chronikon Пелликана* (Базель, 1877), *passim*, а также Theodor Vetter, *Relations between England and Zurich during the Reformation* (London, 1904). В Страсбурге гонения начались несколько позже; но насколько основательно Буцер и его коллеги одобряли и поощряли их, ясно из письма-совета, адресованного ими в 1538 году своему коллеге-пастору Швебелю из Цвейбрюкена (напечатано под № 88 в *Centuria Epistolarum*, приложенном к "Scripta Theologica" Швебеля, Цвейбрюкен, 1605). То, что Буцер, находясь в Англии (1549-1551), также нашел повод высказать эти взгляды, не вызывает сомнений. Этими подробностями я обязан профессору Бурру.

[22] Проповедь Джуэла датируется по-разному, но ее можно определить приблизительно, исходя из одного отрывка из нее. В ходе проповеди он сказал: "Я бы хотел, чтобы снова, как только будет время, состоялся тихий и трезвый диспут, чтобы каждая часть должна была показать свои основания без своеволия и пристрастия, не для того, чтобы поддерживать или разжигать споры, ... но только для того, чтобы истина была известна..... Ибо на последнем диспуте, который должен был состояться, вы знаете, какая сторона уступила и не стала вмешиваться". Это явно намек на Вестминстерский диспут, состоявшийся в последних числах марта 1559 года; см. John Strype, *Annals of the Reformation* (London, 1709-1731; Oxford, 1824), ed. of 1824, I, pt. i, 128. Таким образом, проповедь была произнесена после этого диспута. Можно также предположить, что она была произнесена до спора Джуэла с Коулом в марте 1560 года. Слова "Ибо на последнем диспуте... вы знаете, какая сторона уступила и не стала вмешиваться" вряд ли были написаны после того, как Коул принял вызов Джуэла. Именно во второе воскресенье перед Пасхой (17 марта) 1560 года Джуэл выступил в суде с речью, в которой он оспаривал спор по четырем пунктам церковной доктрины. На следующий день Генри Коул направил ему письмо, в котором спрашивал, почему он "вчера в суде и в любое другое время в Паульс-Кросс" предложил "спорить по этим четырем пунктам, а не по главным вопросам, которые находятся под вопросом между Римской церковью и протестантами". В ответе Коулу от 20 марта Джуэл написал, что он стоит только на отрицательной позиции, и снова упомянул о своем предложении. 31 марта он повторил свой вызов по четырем пунктам, и на этот раз очень подробно изложил их. Итак, в проповеди, которую мы пытаемся датировать, проповеди, в которой упоминается о распространенности ведьм, четыре пункта названы кратко. Можно с полным основанием предположить, что эта проповедь предвосхитила развитие четырех пунктов, так же как и вызывающая проповедь 17

марта. С такой же уверенностью можно утверждать, что она была произнесена после возвращения Джуэла в Лондон из поездки по западной части страны. 2 ноября 1559 года он писал Питеру Мученику: "Наконец-то я вернулся в Лондон с телом, изможденным самым утомительным путешествием". См. *"Цюрихские письма"*, I (Parker Soc., Cambridge, 1842), 44. Интересно и знаменательно, что он добавляет: "Во всех местах мы находили вотивные мощи святых, гвозди, которыми увлеченные люди мечтали пронзить Христа, и я не знаю, какие маленькие фрагменты священного креста. Число ведьм и колдуний повсюду стало огромным". Джуэл был посвящен в епископы Солсбери в январе следующего года, а его кандидатура была выдвинута летом 1559 года, как раз перед его западным визитом. Проповедь, в которой он упоминает о ведьмах, могла быть произнесена в любое время после его возвращения с запада, 2 ноября, и до 17 марта. Было бы совершенно естественно, если бы в придворной проповеди, произнесенной недавно назначенным епископом Солсбери, упоминалось о распространенности колдовства. Не кажется опрометчивым предположение, что проповедь была произнесена вскоре после его возвращения, возможно, в декабре, когда впечатления от увиденного на западе были еще свежи в его памяти. Но нет необходимости делать такое предположение. Хотя проповедь была произнесена через некоторое время после 15 марта 1559 года, когда на рассмотрение общин был вынесен первый билль "против заговоров, пророчеств и т. д." (см. *Journal of the House of Commons*, I, 57), небезосновательно полагать, что между проповедью и судьбой этого билля существовала какая-то связь. Эта связь кажется тем более вероятной при внимательном прочтении журналов палаты общин за первые сессии елизаветинского парламента. Очевидно, что елизаветинские законодатели работали в тесном сотрудничестве с церковными властями. Проповедь Джуэла можно найти в его *сочинениях* (изд. для Паркер Сок., Кембридж, 1845-1850), II, 1025-1034. (О переписке с Коулом см. I, 26 и далее.)

За помощь в датировке этой проповеди писатель хотел бы выразить особую благодарность профессору Бурру.

[23] Strype, *Annals of the Reformation*, I, pt. i, 11. Возможно, он действительно имеет в виду приписать это не проповеди, а злу, о котором в ней говорилось.

[24] В современном отчете, озаглавленном *"Правдивый и справедливый отчет об информации, осмотре и признании всех ведьм, взятых в Сент-Озеце"* (St. Oses....). Written ... by W. W. (1582), на следующем листе после В 5, мы читаем: "В последнее время к нашей королеве Майести пришел человек, обладающий большой хитростью и знаниями, который объявил ей, какая компания и количество ведьм есть в Англии". Вероятно, речь идет о Джуэле.

[25] См. там же, В 5, обратная сторона: "Я и другие ее судьи получили поручение задержать всех, кто находится в этих пределах". Это было написано позже, но событие упоминается как последовавшее за проповедью епископа Джуэла.

[26] Thomas Wright, *Narratives of Sorcery and Magic* (ed. of N. Y., 1852), 126 ff.; см. также его *Elizabeth and her Times* (London, 1838), I, 457, письмо Шрусбери к Бергли.

[27] Wright, *Narratives*, 130 ff.

[28] Там же, 134.

[29] См. Reginald Scot, *The Discoverie of Witchcraft* (London, 1584; переиздание, Brinsley Nicholson, ed., London, 1886), 4.

[30] Очень типичным был случай в Кенте в 1597 году, см. *Archæologia Cantiana* (Kent Archæological Soc., London), XXVI, 21. Несколько хороших примеров приведены в *Hertfordshire County Session Rolls* (compiled by W. J. Hardy, London, 1905), I; см. также J. Raine, ed., *Depositions respecting the Rebellion of 1569, Witchcraft, and other Ecclesiastical Proceedings from the Court of Durham* (Surtees Soc., London, 1845), 99, 100.

[31] J. Raine, ed., *Injunctions and other Ecclesiastical Proceedings of Richard Barnes, Bishop of Durham* (Surtees Soc., London, 1850), 18; H. Owen and J. B. Blakeway, *History of Shrewsbury* (London, 1825), II, 364, art. 43.

[32] *Arch. Cant.*, XXVI, 19.

[33] *Hertfordshire Co. Sess. Rolls*, I, 3.

[34] См. *Depositions ... from the Court of Durham*, 99; *Arch. Cant.*, XXVI, 21; W. H. Hale, *Precedents*, etc. (London, 1847), 148, 185.

[35] Hale, *op. cit.*, 163; *Middlesex County Records*, ed. by J. C. Jeaffreson (London, 1892), I, 84, 94.

[36] Пример того, как "мудрая женщина" опасалась именно этого, см. в Hale, *op. cit.*, 147.

[37] См. "Ведьмы, взятые в Сент-Осе", Е; также мнение доктора Барроу в памфлете под названием "Самое странное и восхитительное открытие трех ведьм из Уорбойса, предъявленных, осужденных и казненных на последней ассизе в Хантингдоне" (Лондон, 1593). (Лондон, 1593 г.).

[38] *Folk Lore Soc. Journal*, II, 157-158, где эта история цитируется из работы "Wm. Clouues, Mayster in Chirurgery", опубликованной в 1588 году. Он лишь признался, что "читал" ее, так что, возможно, это просто приятная традиция. Если же это не более того, то это, по крайней мере, интересное свидетельство мнения.

[39] Strype, *Annals of the Reformation*, I, pt. i, 9-10; *Dictionary of National Biography*, article on Anthony Fortescue, by G. K. Fortescue.

[40] Strype, *op. cit.*, I, pt. i, 546, 555-558; также Wright, *Elizabeth and her Times*, I, 121, где напечатано письмо Сесила сэру Томасу Смиты.

[41] Об интересе, который проявлял Тайный совет к колдовству и ведовству в начале царствования, свидетельствуют следующие ссылки: *Акты Тайного совета*, новая серия, VII, 6, 22, 200-201; X, 220, 382; XI, 22, 36, 292, 370-371, 427; XII, 21-22, 23, 26, 29, 34, 102, 251; *Календарь государственных бумаг, Внутренний, 1547-1580*, 137, 142; *id.*, 1581-1590, 29, 220, 246-247; *id.*, *Add. 1580-1625*, 120-121; см. также John Strype, *Life of Sir Thomas Smith* (London, 1698; Oxford, 1820), ed. of 1820, 127-129. Случай, упомянутый в *Cal. St. P., Dom., 1581-1590*, 29, вероятно, было результатом деятельности тайного совета. Дело в *id.*, *Add., 1580-1625*, 120-121, является примером того, как обвиняемый подозревался и в колдовстве, и в "государственной измене, касающейся верховной власти". Почти все вышеперечисленные упоминания о деятельности Тайного совета относятся к первой половине царствования, а значительная часть - к 1578-1582 годам.

[42] *Акты Р. С.*, n. s., XI, 292.

[43] Strype, *Sir Thomas Smith*, 127-129.

[44] *A Rehearsall both straung and true of hainous and horrible acts committed by Elizabeth Stile*, etc. (полное название см. в приложении). Этот памфлет напечатан черным шрифтом. Его

изложение подтверждается ссылкой в *Acts P. C.*, n. s., XI, 22. См. также Scot, *Discoverie*, 51, 543.

[45] Пожилая вдова была помещена в тюрьму по свидетельству соседей о том, что она "развратна, злопамятна и вредит людям". Остлер, после того как он отказался оказать ей помощь, испытал боль. Вот, собственно, и все доказательства против этой женщины. К несчастью, она не стала дожидаться суда, а сделала чистосердечное признание и оговорила еще пятерых человек, трое из которых, несомненно, были профессиональными чародеями. По ее словам, она встречалась с матушкой Даттен, матушкой Девелл и матушкой Маргарет и "заключила несколько священных и порочных сделок". Смерть пяти человек, которых она назвала, стала результатом их согласованных планов. За смерть шестого она взяла на себя всю ответственность. Возможно, это удивительное признание было предложено ей по частям, но оно было воспринято по достоинству. То, что она включила в свою вину других, возможно, объяснялось тем, что она реагировала на явный интерес, вызванный подобными дополнениями, или, что более вероятно, тем, что у нее были неудовлетворенные обиды. Женщины были без друзей, три из четырех частично зависели от милостыни, некому было прийти к ним на помощь, и они были осуждены. Мужчина, которому было предъявлено обвинение, "заклинатель", похоже, вышел на свободу.

[46] *Запреты... Епископа Даремского*, 18, 84, 99; Визиты в Кентербери, в *Arch. Cant.*, XXVI; Hale, *Precedents, 1475-1640*, 147, etc.

[47] *Arch. Cant.*, XXVI, *passim*; Hale, *op. cit.*, 147, 148, 163, 185; Mrs. Lynn Linton, *Witch Stories* (London, 1861; new ed., 1883), 144.

[48] См. Hale, *op. cit.*, 148, 157.

[49] Hale, *op. cit.*, 148; *Depositions ... from the Court of Durham*, 99; *Arch. Cant.*, XXVI, 21.

[50] Hale, *op. cit.*, 148, 185.

[51] Там же, 157.

[52] *Denham Tracts* (Folk Lore Soc., London), II, 332; John Sykes, *Local Record ... of Remarkable Events ... in Northumberland, Durham, ... etc.* (2d ed., Newcastle, 1833-1852), I, 79.

[53] См. например, *Acts P. C.*, n. s., VII, 32 (1558).

[54] *Cal. St. P., Dom., 1547-1580*, 173. Случай, когда епископ Лондона, похоже, рассмотрел дело и передал его в тайный совет.

[55] Рейчел Пиндер и Агнес Бриджес, которые притворялись, что одержимы дьяволом, были допрошены перед "лицом Сент-Маргаретс ин Лотберри" и мэром Лондона, а также некоторыми мировыми судьями. Позже они исповедовались перед архиепископом Кентерберийским и несколькими мировыми судьями. См. памфлет "*Разоблачение поддельного владения дьявола в двух мэйденах в черте Лондона*" [1574].

[56] Фрэнсис Кокс предстал перед королевой, а не перед церковью. Он повествует о своем опыте в книге "*Краткий трактат, объявляющий отвратительную порочность магических наук...*" (1561). А вот Джон Уолш, человек с похожим послужным списком, предстал перед комиссаром епископа Эксетерского. См. "*Допрос Джона Уолша перед мастером Томасом Уильямсом, комиссаром преподобного отца в Боге Уильяма, епископа Эксетерского, по определенным вопросам, касающимся волшебства и колдовства, в присутствии различных джентльменов и других лиц, XX августа 1566 г.*" (*The Examination of*

John Walsh before Master Thomas Williams, Commissary to the Reverend Father in God, William, bishop of Excester).

[57] Мы говорим "практически", потому что случаи церковной юрисдикции то и дело всплывают на поверхность на протяжении всего семнадцатого века.

ГЛАВА II.

Колдовство при Елизавете.

1566 год едва ли менее интересен в истории английского колдовства, чем 1563-й. Мы уже видели, что новый статут, принятый в 1563 году, стал началом активного преследования государством отвратительных агентов лукавого. В 1566 году состоялся первый важный судебный процесс, известный нам по новому периоду. Этот процесс заслуживает внимания не только сам по себе, но и потому, что он был записан в первой из длинной серии книг о ведьмах - если их можно так назвать. Очень большая часть нашей информации о казнях ведьм почерпнута из этих грубых памфлетов, кратко описывающих судебные процессы. Часослов ведьм был отдельным видом. В те времена, когда хроники были единственными газетами, это было то, что сейчас называется "экстра", выпущенное, чтобы привлечь внимание публики, пока сенсация не потеряла свой аромат. Это был, конечно, пристрастный документ, обычно оправдывающий достойного судью, осудившего виновного, с некоторыми моральными и религиозными соображениями уважаемого и праведного автора. Это была ужасно серьезная часть истории, которую он должен был рассказать, и он рассказал ее мрачно и без жалости. Комедия, освещающая мрачные страницы с черными буквами, была совершенно непреднамеренной. Он также рассказал историю, которая была полна деталей, достаточно тривиальных самих по себе, но дающих возможность заглянуть в повседневную жизнь низших классов города и деревни.

Памфлет 1566 года был кратким и компактным. Он был озаглавлен *"Допрос и признание некоторых Витчей в Ченсфорде, графство Эссекс, перед судьями Квенс Мейстис XXVI дня июля 1566 года"*. Судебный процесс, о котором идет речь, представляет собой одно из самых любопытных и необъяснимых явлений в летописи английского колдовства. Загадочен состав суда "размера". На первом допросе присутствовали "доктор Коул" и "мастер Фоску". Обоих мужчин легко идентифицировать. Доктор Коул был преподобным Томасом Коулом, который занимал несколько должностей в Эссексе, а в 1564 году был представлен к настоятельству в Стэнфорд-Риверс, примерно в десяти милях от Челмсфорда. Мастер Фоскью, несомненно, был сэром Джоном Фортескью, впоследствии канцлером казначейства, а в это время хранителем большого гардероба. На втором допросе присутствовали сэр Гилберт Джерард, поверенный королевы, и Джон Сауткот, судья королевской скамьи. Почему Сауткот должен был присутствовать, совершенно ясно. А вот остальных понять не так просто. Выступал ли генеральный прокурор в роли председательствующего или вел обвинение? Последняя гипотеза, конечно, больше соответствует его позиции. Но что там делали ректор Стэнфорд-Риверс и хранитель большого гардероба? Неужели доктор Коул был назначен в знак признания претензий церкви? А хранитель гардероба, какую роль он играл? Невозможно не прийти к выводу, что это дело было признано необычным. Возможно, Тайный совет узнал о чем-то, что его встревожило, и поручил этим четверем людям, всем известным при дворе Елизаветы, изучить дело в связи с ассизами.

Сами экзамены представляют интерес скорее для психолога, чем для историка. Тем не менее они имеют определенное значение для понимания колдовства как социального явления. Элизабет Фрэнсис, когда ее осматривали, с готовностью призналась в различных "пороках". От своей бабушки она рассказала, что в детстве получила белого пятнистого кота по имени Сатан, которого кормила и который давал ей все, что она просила. "Она хотела взять в мужья некоего Эндрю Байлза, который был человеком небедным, и кот пообещал, что она получит его". Но обещание оказалось иллюзорным. Мужчина оставил ее без брака, и тогда она "пожелала Сатане... прикоснуться к его телу, отчего он и умер". Она снова обратилась к Сатане с просьбой о муже. На этот раз она получила одного, "не столь богатого, как другой". Она родила ему дочь, но брак оказался несчастливym. "Они жили не так спокойно, как она желала, были возбуждены к большому беспокойству и перешли к ругани и проклятиям". После этого она вызвала духа, чтобы убить ребенка и известить мужа. Продержав кошку у себя пятнадцать лет, она передала ее матери Уотерхаус, "болезненной женщине".[1]

Мать Уотерхаус была допрошена. Она получила кошку и держала ее "долгое время в вате в горшке". Затем она превратила ее в жабу. С ее помощью она убивала гусей, свиней и скот своих соседей. В конце концов она использовала ее, чтобы убить соседа, который ей не нравился, и, наконец, собственного мужа. Восемнадцатилетняя дочь женщины, Джоан, была вызвана для дачи показаний и подтвердила тот факт, что ее мать держала жабу. Однажды соседский ребенок отказал ей в куске хлеба и сыра, и она обратилась за помощью к жабе. Жаба пообещала помочь ей, если она отдаст свою душу. Она так и сделала. Затем жаба стала преследовать соседскую девочку в виде собаки с рогами. Мать снова вызвали в суд, и она повторила любопытную историю, рассказанную дочерью.

Теперь для дачи показаний привлекли соседского ребенка, Агнес Браун. Ее история в некоторых деталях совпала с рассказами двух женщин из Уотерхауса; ее преследовала рогатая собака, и она добавила некоторые описания ее поведения, которые свидетельствовали о хорошей игре детского воображения.[2]

Адвокат задал несколько вопросов, но скорее для того, чтобы навести свидетелей на мысль, чем для того, чтобы запутать их. Однако ему удалось вызвать бурную перепалку между Уотерхаусами, с одной стороны, и Агнес Браун - с другой, из-за пустяковых деталей.[3] В конце концов он предложил отпустить матушку Уотерхаус, если она заставит духа явиться в суд.[4] Предложение было отвергнуто. Тогда адвокат спросил: "Когда ты сосала из кошачьего молока?" "Никогда", - ответила она. Он приказал тюремщику поднять "керхер" на голове женщины. Тот сделал это, и на лице и носу женщины открылись пятна, в которые она укололась, чтобы вызвать злого духа.

Присяжные удалились. Через два дня Агнес Уотерхаус понесла наказание по закону, правда, только после того, как дополнила свои признания.[5]

Это дело вызывает недоумение. Мы можем быть уверены, что рассказ в памфлете неполный. Хотелось бы узнать больше о сути фактов, стоящих за этими свидетельствами. Действительно ли те, кто, как утверждается, был убит колдовством, умерли в указанное время? Либо факты их смерти были хорошо известны в обществе и с большой ловкостью вписаны в историю, рассказанную матушкой Уотерхаус, либо присяжные и судьи пренебрегли первыми принципами здравого смысла и не заинтересовались фактами.[6] Вопросы, заданные адвокатом королевы, свидетельствуют не более чем о неинтеллигентном любопытстве узнать продолжение истории. Он демонстрирует лишь один спасительный

проблеск скептицизма. Он предложил освободить матушку Уотерхаус, если она материализует свой дух.

Мать Уотерхаус была своим злейшим врагом. Ее собственные показания были главной уликой, представленной против нее, и все же она отрицала свою вину по одному вопросу, по которому ее допрашивал генеральный прокурор. Это может навести на мысль, что ее ответы были бессистемными ответами полубезумной женщины. Но такое предположение ни в коем случае не согласуется с весьма определенным и четким характером ее показаний. Бесполезно пытаться распутать все хитросплетения этого дела. Возможно, что под каким-то принуждением - хотя нет никаких доказательств этого - она намеренно придумала историю, чтобы соответствовать показаниям Элизабет Фрэнсис и Агнес Браун, а ее дочь, услышав рассказ матери в суде - что было вполне возможно в те времена - вписала в него свой. Также можно предположить, что матушка Уотерхаус поддалась простому желанию поразить слушателей. Более вероятным представляется предположение, что вопросы, заданные ей судьей, основывались на обвинениях, уже выдвинутых Агнес Браун, и что они подсказали ей основные контуры ее рассказа.

Элизабет Фрэнсис, которая была первой обвиняемой и обвиняла мать Уотерхаус, сбежала. Было ли это связано с тем, что она переврала показания штата, или с тем, что у нее были влиятельные друзья в обществе, мы не знаем. Возможно, судьи признали, что ее признание не было подкреплено показаниями других свидетелей. Такое предположение, однако, наделяет суд большей разборчивостью, чем когда-либо проявлялась в подобных делах в XVI веке.^[7]

Но, хотя Элизабет Фрэнсис и удалось спастись, за ней закрепилась репутация опасной женщины в обществе. Тринадцать лет спустя она снова предстала перед странствующими судьями. Это приводит нас ко второму процессу над ведьмами в Челмсфорде в 1579 году. Допрос госпожи Фрэнсис дал меньше результатов, чем на первом процессе. Она прокляла женщину "и наслала на нее беду". Женщина, как она поняла, сильно страдала. Она последовала тому же пути, что и раньше, и начала обвинять других. Мы мало что знаем о том, чем это закончилось. По крайней мере, одна из обвиненных женщин вышла на свободу, потому что "против нее не было выдвинуто обвинение в непредумышленном убийстве или убийстве".^[8] Однако три женщины были осуждены и казнены. Одна из них почти наверняка была Эллейн Смит, дочерью женщины, повешенной как ведьма, - еще одна иллюстрация того, что подозрения в отношении членов семьи сохранялись.

Челмсфордское дело 1579 года^[9] ничем не отличалось от дела 1566 года. Там были те же рассказы о духах, принимавших облик животных. Маленький сын Эллейн Смит заявил, что его мать держала трех духов: Большого Дика в плетеной бутылке, Маленького Дика в кожаной бутылке и Уиллета в шерстяном мешочке. Добрая жена Уэбб видела, как "из ее двери вылетело нечто похожее на черную собаку". Но общий характер показаний на втором процессе не имел ничего общего с тем, что было на первом. Не было согласия между различными свидетелями. Показания были бессистемными. Ведьма и другая женщина поссорились - ссоры были очень распространены. На следующий день женщина заболела. Это было то самое неопровержимое свидетельство, которое должно было приниматься на протяжении еще целого столетия. В деле 1566 года судьи предприняли некоторую попытку допросить свидетелей, но в 1579 году все показания, похоже, были оценены по достоинству.^[10] В обоих случаях доказательства основывались главным образом на признании. Все казненные женщины признали свою вину. Этого, конечно, считалось достаточным. Тем не менее суды начали применять и другие методы доказательства вины обвиняемых. По просьбе генерального прокурора были вскрыты следы на теле Агнес

Уотерхаус, а во время казни ее допрашивали на предмет способности произносить молитву "Отче наш" и другие части богослужения. Ни на одном из этих вопросов не акцентировалось внимание, но упоминание о них доказывает, что уже тогда существовали представления, которые впоследствии получили широкое распространение.

Однако Челмсфордские дела имеют наибольшее значение не как иллюстрация использования и злоупотребления доказательствами, а потому, что они демонстрируют непрерывность движения ведьм. Эта преемственность находит дальнейшее подтверждение в том, что в 1589 году в Челмсфорде произошла третья тревога, которая привела к еще трем казням. Но в этом случае, насколько нам известно, женщины не были связаны с предыдущими случаями. Судьбы Элизабет Фрэнсис и Эллейн Смит более поучительны как доказательство давнего характера подозрений в обществе. Элейн не смогла избежать репутации своей матери, а Элизабет - своей.

Обе эти женщины, судя по всему, отличались низким характером. Элизабет призналась в незаконных связях, и Эллейн вполне могла быть виновна по тому же пункту.^[11] Все женщины, участвовавшие в этих двух процессах, находились в удручающе бедных условиях; большинство из них, если не все, зависели от попрошайничества и помощи бедным.^[12]

Легко представить, какой ажиотаж вызвали эти судебные процессы в Эссексе. Обвиняемые представляли обширную территорию графства. Женщины были доставлены в Челмсфорд из таких далеких друг от друга городов, как Хэтфилд-Певерил и Малдон. Не удивительно, что через три года после дела 1579 года в графстве произошла еще одна вспышка, на этот раз в более усугубленной форме. Сент-Осес, или Сент-Оситс, к северо-востоку от Челмсфорда, должен был стать ареной самого примечательного дела такого рода в елизаветинские времена. Тревога началась с выдвижения обвинений против одной из жительниц общины. Урсли Кемп была бедной женщиной с сомнительной репутацией. Она оказывала разнообразные услуги своим соседям. Она выступала в роли акушерки, выхаживала детей и пополняла свой доход, "развязывая" больных. Как и на других женщин такого рода, на нее смотрели с подозрением. Поэтому, когда ей отказали в уходе за ребенком Грейс Терлоу, служанки того самого мистера Дарси, который впоследствии должен был судить ее, и когда вскоре после этого ребенок выпал из колыбели и сломал себе шею, мать заподозрила Урсли в колдовстве. Тем не менее она не отказалась от ее помощи, когда у нее "началась хромота в костях". Урсли пообещала развязать ее и, похоже, сдержала свое слово, так как хромота исчезла. Тогда кормилица попросила обещанные ей двенадцать пенсов и получила отказ. Грейс сослалась на то, что она "бедная и нуждающаяся женщина". Урсли рассердился и пригрозил поквитаться с ней. Хромота появилась вновь, и Грейс Терлоу была полностью убеждена, что во всем виноват Урсли. Когда дело было передано мировому судье, обвиняемая отрицала, что виновна чем-то большим, чем развязывание рук больным. Этому она научилась, по ее словам, десять или более лет назад от одной женщины, ныне покойной. Она была доставлена в суд, и судья Брайан Дарси, чья служанка Грейс Турлоу стала причиной неприятностей, взял дело в свои руки. Он допросил ее восьмилетнего "сына-основоположника", который дал против своей матери убийственные показания. Она вскормила четырех импов - Тайфина, Титти, Пиггена и Джекета. Показания мальчика и обещание судьи, что если она признается в правде, то "получит благосклонность", казалось, сломили решимость женщины. "Разразившись рыданиями, она упала на колени и призналась, что у нее было четыре духа". Двух из них она использовала для калыма, двух - для убийства. Не только подробности показаний сына, но и все предыдущие обвинения она подтверждала шаг за шагом, сначала в частных признаниях судье, а затем публично на

судебных заседаниях. Рассказы женщины совпадали с рассказами всех ее обвинителей^[13] и не отличались особой игрой воображения в ориентации на детали.^[14] Не довольствуясь тем, что она таким образом запуталась в страшной паутине преступлений, она стала указывать на других женщин, виновных в подобных колдовствах. Четыре из тех, кого она назвала, предстали перед судом. Элизабет Беннет, прявшая шерсть для суконщика, была одной из тех, кого обвиняли наиболее яростно, но она отрицала, что знала о каком-либо колдовстве. Ее обвинили в том, что она пряла шерсть в горшке под камнями в своем доме. Поначалу она отрицала обладание этим мощным и вредоносным амулетом, но под влиянием мягких уговоров судьи Дарси ^[15] она сдалась, как и Урсли Кемп, и, нарушив всякую сдержанность, стала изливать дикие истории о дьявольских преступлениях, совершенных с помощью ее импов.

Но почему мы должны отслеживать последовавшие за этим признания, обвинения и встречные обвинения? Истории, которые изливались, продолжали охватывать все большую группу людей, пока шестнадцать человек не оказались под обвинением в самых ужасных преступлениях, совершенных демонической силой. Как и в Челмсфорде, это были отбросы низших слоев общества, женщины с незаконнорожденными детьми, некоторые из них зависели от государственной поддержки. Как видно, в некоторых отношениях эта паника была похожа на те, что предшествовали ей. Духи, принимавшие необычные и причудливые формы, были порождением того же извращенного воображения, но обрели новые очертания. Урсли Кемп держал белого ягненка, маленькую серую кошку, черного кота и черную жабу. Были и всевозможные духи: "два маленьких тинга, как лошади, один белый, другой черный"; шесть "духов, как коровы... большие, как погремушки"; духи, маскирующиеся под черных дроздов. Один дух, как ни странно, остался невидимым. Читатель заметит, что духи практически вписались в цветовую гамму. Очень яркие цвета предпочитали в своих духах эти женщины из Сент-Оса. Читатель также может заметить, что в исповедях прослеживается влияние великой кошачьей традиции.

Мы видели, с какой готовностью заблуждающиеся женщины делали признания. Некоторые признания изливались из душ, давно переполненных чувством вины. Но не все они были такими. Марджери Саммон, свидетельствовавшая против одной из своих соседок, в конце концов сама попала в паутину обвинений, в которую была вовлечена и ее сестра. Ее обвинила сестра. "Я бросаю тебе вызов, - ответила она, - хотя ты и моя сестра". Но сестра отозвала ее в сторону и "пошептала с ней в ушах", после чего, "с великой покорностью и многими чаяниями", она сделала чистосердечное признание. Остается только гадать, о чем же шла речь в том шепоте. Может быть, ее сестра предположила, что судья предлагает милость тем, кто признается? Ведь судья Дарси был очень либерален в своих обещаниях милосердия и абсолютно беспринципен в их нарушении.^[16] Приятно отметить, что все же остались те, кто ни в чем не признался и стойко держался до последнего. Одной из них была Маргарет Гревел, которая отрицала все обвинения в свой адрес. Она "утверждает, что сама потеряла много хлебов и печений, а также свиней, но никогда не жаловалась на это, говоря, что хотела бы, чтобы ее горе остановилось, и тогда ей было бы все равно, повесят ее или сожгут, или что с ней станет". Аннис Херд была еще одной, кто придерживался своей невинности. Она могла вспомнить различные случаи, упомянутые ее обвинителями; правда, что она говорила с Эндрю Уэстом о том, чтобы купить свинью; правда, что она видела мистера Харрисона в его пасторали, собирающего сливы, попросила несколько штук и получила отказ. Но она отрицала, что у нее были импы или что она кого-то убила.

Использование доказательств в этом судебном процессе позволило бы предположить, что в Англии еще не существовало правил доказывания. Показания детей в возрасте от шести до

девяти лет были приняты с большим энтузиазмом. Не вызвали возражений и показания соседа, который утверждал, что подслушал то, что он посчитал инкриминирующим заявлением. На самом деле замечание, если оно и было сделано, было достаточно безобидным.^[17] Экспертное доказательство было представлено окольным путем: в суде прозвучало заявление о том, что врач подозревал, что определенный случай был связан с колдовством. Ничего исключать было нельзя. Болтливые женщины получили свободу действий, чтобы нагромождать друг на друга свои глупые обвинения. Брайану Дарси, похоже, не пришло в голову предостеречь женщину от ложных обвинений, пока процесс не подошел к концу.

Следует напомнить, что во время процесса в Челмсфорде на теле матери Уотерхаус были обнаружены определенные следы, однако на них не было обращено особого внимания. На процессе 1582 года доказательства, полученные из этих следов, были признаны первостепенными, и судья назначил присяжных из женщин для проведения экспертизы. Ни один художник еще не осмелился нарисовать картину злорадствующих женщин-инквизиторов, сгруппировавшихся вокруг своей обнаженной и дрожащей жертвы, - сцену, которая должна была разыграться на многих процессах над ведьмами. И это хорошо, потому что сцена была бы слишком отталкивающей и жестокой для воспроизведения. При использовании этих специально созданных присяжных не было никакой заботы о том, чтобы решения были беспристрастными. Один из инквизиторов, назначенных для допроса Систли Селлс, уже выступал в качестве свидетеля против нее.

Трудно удержаться от обвинения безнадежно предвзятого правосудия, собиравшего доказательства.^[18] Заманить подсудимых в ловушку, похоже, было его целью. В своем отчете, который он написал на сайте^[19], он, похоже, боялся, что публика не поймет, как его хитрость способствовала осуждению женщин.^[20]

"Есть человек, - писал он, - большой хитрости и знаний, который недавно прибыл к нашей королеве Майести, и он сообщил ей, что в Англии есть компания и количество ведьм, после чего я и другие ее судьи получили поручение задержать всех, кто находится в этих пределах". Несомненно, он надеялся привлечь внимание короля и завоевать расположение своим рвением.

Челмсфордское дело и дело в Сент-Осе - три выдающихся судебных разбирательства подобного рода в первой половине правления Елизаветы. Они служат некоторым свидетельством прогресса суеверия. Процедура, проведенная в 1582 году, свидетельствует о значительном прогрессе по сравнению с 1566 годом. Была разработана теория дьявольского воздействия. Свидетельства становились все более сложными и разнообразными. Появлялись новые доказательства вины, а также новые методы проверки. Во второй половине царствования Елизаветы мы имеем лишь одно судебное разбирательство, представляющее необычный интерес, - дело в Уорбойсе в Хантингдоншире. Как мы увидим, он продолжил разработку процедуры преследования ведьм. В то время это дело привлекло, пожалуй, больше внимания, чем любое другое в шестнадцатом веке. Случайная фантазия ребенка и высказывания озадаченного врача стали в данном случае первопричиной беды. Один из детей сэра Роберта Трокмортон, главы знатного семейства в Хантингдоншире, заболел. Случилось так, что в дом заглянула соседка по имени Алиса Сэмюэль, и больной и нервный ребенок решил, что эта женщина - ведьма, и закричал на нее. "Вы когда-нибудь видели, - сказал ребенок, - чтобы кто-то был больше похож на ведьму, чем она; снимите с нее черный колпак, потому что мне невыносимо смотреть на нее". Ее родители, по-видимому, в

то время ничего не думали об этом. Когда доктор Барроу, известный врач из Кембриджа, вылечив ребенка от двух детских болезней и не добившись успеха, спросил мать и отца, не подозревают ли они о колдовстве, ему ответили отрицательно. Трокмортон отнюдь не спешили вынашивать подозрения. Но когда двое, а затем и трое других детей в семье заболели и стали точно так же называть мать Сэмюэля ведьмой, родители с большей готовностью прислушались к намеку, брошенному врачом. Гилберт Пикеринг, дядя детей, насильно привел подозреваемую женщину в их присутствие. Дети сразу же упали на землю, "испытывая странные мучения", и настойчиво пытались почесать руку матери Сэмюэля. Тем временем леди Кромвель[21] посетила дом Трокмортонов и, побеседовав с Алисой Сэмюэл, страдала во сне от нее, пока в конце концов не заболела и не умерла, чуть больше года спустя. Это подтвердило все подозрения. Подробно описывать все шаги, предпринятые для доказательства вины матери Сэмюэл, нет необходимости. Была проявлена удивительная осторожность. Генри Пикеринг, родственник, и несколько его товарищей по учебе в Кембридже провели расследование этого дела, но вместе с остальными решили, что женщина виновна. Сама мать Сэмюэля возложила всю вину за случившееся на "распущенность" детей. Дети снова и снова убеждали ее признаться. "Таковыми небесными и божественными были речи детей в их припадках к этой старухе... что если бы человек услышал это, он не счел бы себя лучше на десять проповедей". Родители умоляли ее признать свою ответственность за постоянно повторяющиеся болезни детей, но она с горечью отрицала свою вину. Она была вынуждена жить в доме Трокмортонов и постоянно быть свидетельницей странного поведения детей. Бедное создание таскали туда-сюда, наблюдали и ставили над ним десятки экспериментов, и неудивительно, что она заболела и проводила ночи в стогах. Ее умоляли исповедаться и говорили, что все еще может быть хорошо. Долгое время она упорно отрицала свою вину, но в конце концов в минуту слабости, когда дети вышли из припадка, вызванного ее случайными увещеваниями, она убедилась в своей вине и воскликнула: "О сэр, я была причиной всех этих бед с вашими детьми". Женщина, которая до этого момента проявляла некоторую силу духа, сломалась. Теперь она призналась, что отдала свою душу дьяволу. За ней поспешно послали священника, который прочитал проповедь о покаянии, после чего растерянная женщина сделала публичное признание. Но на следующий день, после того как она освежилась сном и снова оказалась в своем доме, она отказалась от своего признания. Тогда констебль приготовился отвести женщину и ее дочь к епископу Линкольна, и испуганная женщина снова сделала признание. В присутствии епископа она повторила свою историю во всех подробностях и назвала имена своих духов. Ее посадили в тюрьму в Хантингдоне, вместе с ней были заключены ее дочь Агнес и ее муж Джон Сэмюэл, которых теперь обвиняли дети Трокмортон, и все трое предстали перед судьей Феннером на присяге в Хантингдоне. В качестве доказательств были приведены уже описанные факты, припадки детей при появлении кого-либо из семьи Сэмюэлов[22], уверенность, с которой дети могли с закрытыми глазами выхватить мать Сэмюэля из толпы и поцарапать ее, признания обезумевшего существа - все эти доказательства были предоставлены суду. Но самым сильным доказательством было то, которое было дано в присутствии суда. Дочери Агнес Сэмюэл было поручено повторять: "Поскольку я ведьма и согласна на смерть леди Кромвель, я прошу тебя, выйди из нее".[23] При таком обвинении дети сразу же оправлялись от припадков. Но обвинение, сформулированное отрицательно: "Поскольку я не ведьма", не давало эффекта. И утвердительное обвинение, если его пробовал другой человек, не приводило ни к какому результату. Это считалось неопровержимым доказательством. Женщина была вне всяких сомнений виновна. Тот же метод с тем же успехом был применен и к отцу. Когда он отказался использовать слова обвинения, судья предупредил его, что он подвергнет свою жизнь опасности. Он уступил.

Нет нужды говорить, что большое жюри предъявило обвинение всем троим членам семьи и что "жюри жизни и смерти" признало их виновными. Суд длился всего пять часов.^[24] Мать уговорили сослаться на беременность как на отсрочку казни, но после обследования присяжными было решено, что она не беременна. Дочь побуждали к той же защите, но она пылко ответила: "Никогда не будет сказано, что я была и ведьмой, и шлюхой". На казни мать сделала еще одно признание, в котором уличила мужа, но до конца отказывалась обвинять дочь.

От начала и до конца это было противостояние сильных против слабых. Сэр Роберт Трокмортон, сэр Генри Кромвель, Уильям Уикхем, епископ Линкольнский, мировые судьи, судья Феннер из королевского суда, кембриджские ученые, "доктор божественности" и еще два священнослужителя - все они объединились против этой бедной, но респектабельной семьи. В некоторых отношениях этот процесс напоминает тот, который должен был состояться девятью годами спустя в Массачусетсе. Дети в этих двух случаях играли очень похожую роль. Мать Сэмюэля попала в точку, когда сказала, что причиной неприятностей стало "распутство" детей. Вероятно, первый ребенок действительно страдал от какого-то легкого недомогания. Остальные были подражателями, стремящимися привлечь к себе внимание и довольными своим успехом; и этот факт осознавали некоторые люди того времени. "Некоторые в округе, те, кто считал себя мудрым, говорили, что эта матушка Сэмюэль... была старой простой женщиной, и что ее можно было заставить нескладными словами признаться в том, в чем они хотели". Более того, из тона защиты писательницы становится ясно, что и другие, помимо матушки Сэмюэль, возлагали ответственность за поступок детей Трокмортон на "распутство". А шесть лет спустя Сэмюэл Харснетт, капеллан епископа Лондонского и уже влиятельный человек, назвал рассказ об этом деле "очень нелепой книгой" и, очевидно, считал детей виновными в тех же притворствах, что и Уильям Сомерс, чьи признания в самозванстве он приводил.^[25]

Мы уже отмечали, что дело Уорбойса было единственным известным судебным процессом такого рода в последнюю часть правления Елизаветы, то есть со времен Реджинальда Скота до воцарения Якова I. Это не означает, что суеверие пошло на убыль или что судебные процессы пошли на спад. Записи показывают, что количество судебных процессов неуклонно росло. Они были более широко распространены. Центром веры по-прежнему оставался Лондон. Главный судья Андерсон отправил Джоан Керке в Тайберн, а заседания в Мидлсексе по-прежнему были заняты обвинениями. Прилегающие к нему графства по-прежнему могли претендовать на более чем две трети казней. Но суеверием были заражены гораздо более обширные территории. Норфолк в Восточной Англии, Лестер, Ноттингем и Дерби в Мидлендсе, Йорк и Нортумберленд на севере были вовлечены в этот процесс.

Правда заключается в том, что к последней части правления Елизаветы очень четко проявились две тенденции. С одной стороны, народные настроения против колдовства становились все более интенсивными, с другой - администрация в Лондоне была склонна к снисходительности. Уже осужденным женщинам выдавались помилования и отсрочки^[26], в то время как предпринимались попытки сдержать народное волнение. В качестве примера можно привести отношение королевы к знаменитому Джону Ди. Ди был выдающимся алхимиком, астрологом и спиритуалистом своего времени. Он оставил дневник, который показывает нам его наполовину мистические, наполовину научные занятия. В начале правления Марии его обвинили в попытке применить яд или магию против королевы, он был заключен в тюрьму и подвергся допросу в Тайном совете и Звездной палате. При воцарении Елизаветы он составил гороскоп на день ее коронации и, как говорят, открыл королеве, кто

был ее врагами при иностранных дворах. Впоследствии Ди не раз обращался к королеве за помощью, когда она была больна или когда опасались какого-то таинственного замысла против ее персоны. Хотя он занимался многими любопытными вещами, он неизменно отказывался вмешиваться в колдовство. Так, он порицал фокусника Хартли и отказался помочь заколдованной Маргарет Байром из Клеворта в Ланкашире. Примерно в 1590 году враги Ди - а их у него было немало - пустили в оборот истории о его успехах в качестве фокусника. Это было тем легче сделать, что в течение долгого времени многие подозревали его в незаконных связях с духами. Его положение становилось опасным. Он обратился за защитой к Елизавете, и она дала ему гарантию, что он может продолжать свои занятия. На протяжении всей своей жизни королева продолжала поддерживать Ди,^[27] и только когда на трон взошла новая правительница, он снова оказался в опасности. Но мораль этого инцидента очевидна. Тайный совет, так нервничавший из-за фокусников во времена Марии, королевы Шотландии, и католических и испанских заговоров, теперь успокоился и не стал пугаться.

Мы уже упоминали о помилованиях как об одном из свидетельств более мягкой политики правительства. Эта политика проявилась и в ослаблении строгости судей присяжных. Первая половина царствования Елизаветы была отмечена малым количеством оправдательных приговоров. Почти половина дел, о которых мы рассказываем во второй части, закончилась освобождением обвиняемого. Взяли ли судьи пример с Тайного совета или же некоторые из них испытывали ту же реакцию против жестокости преследований, но несомненно, что сила убеждений была значительно ослаблена. В главе о Реджинальде Скоте мы увидим, что его *"Разоблачение колдовства"*, как говорят, "повлияло на магистратуру и духовенство". Трудно уловить влияние такого рода, но вряд ли можно сомневаться, что существовала какая-то связь между смелым обвинением Скота в адрес колдунов и снижением суровости судебных приговоров. Когда Джордж Гиффорд, священник-нонконформист из Мейдена, написал свой *"Диалог о ведьмах"* (), в котором он искренне осуждал осуждение стольких ведьм, он посвятил книгу "достопочтенному мэтру Роберту Кларку, одному из ее величеств баронов ее высочества Казначейского суда", и написал, что был "рад слышать и видеть, как мудро и благочестиво поступает ваша светлость на заседании суда, когда такие ведьмы были обвинены". К сожалению, свидетельств такого рода не так много.

Нельзя упускать из виду и еще один факт. Значительная часть дел, которые рассматривались против обвиняемых, происходила в городах, независимых от судов присяжных. В Фавершеме, Линне, Ярмуте и Лестере^[28] в повешении ведьм были виноваты местные муниципальные власти. Обычные суды присяжных не имели к этому делу никакого отношения. Случай в Фавершеме (Кент) был необычным. Джоан Кейсон была обвинена в околдовывании до смерти трехлетнего ребенка. Восемь ее соседей, семь из которых были женщинами, "бедными людьми", свидетельствовали против нее. Женщина взялась за дело с большим энтузиазмом и разоблачила злонамеренные действия своих противников, а также некоторые противоречия между ней и ими. "Но хотя она и убедила судей, - говорит Холиншед, - и всех присяжных в своей невиновности... она... призналась, что маленький паразит, красноватого цвета, ростом меньше крысы... поселился в ее доме". Она также готова была признаться в незаконной связи с неким Мейсоном, чьей экономкой она была - возможно, это и было первоначальной причиной ее проблем. Присяжные оправдали ее в колдовстве, но признали виновной в "вызове злых духов", намереваясь отправить ее на скамью подсудимых. Пока мэр делал ей замечание, один из адвокатов обратил внимание на то, что вызов злых духов был приравнен к уголовному преступлению. Мэр приговорил женщину к казни. Но, "поскольку в качестве доказательства против нее не было приведено

ни одного факта вызова, ... ее казнь была отложена на три дня". Несколько проповедников пытались вырвать у нее признание, но безрезультатно. И все же она так благочестиво закончила свою жизнь, говорит летописец, что "многие теперь оплакивали ее смерть, которые прежде были ее полными врагами".[29] Это дело ярко иллюстрирует неуклюжесть процедуры муниципального суда. Суд мэра был незнаком с законом и совершенно не в состоянии предотвратить последствия своего собственного решения. В обычных судах присяжных Джоан Кейсон, вероятно, была бы приговорена к четырем публичным выступлениям на скамье подсудимых.

Различия между первой и второй половиной царствования Елизаветы не показались автору настолько значительными, чтобы оправдать отдельное рассмотрение. Все царствование было временем, когда суеверие набирало силу. Однако в период от Реджинальда Скота до смерти Елизаветы было достаточно реакции, чтобы оправдать дифференциацию статистики. В оба периода, и особенно в первый, мы можем быть уверены, что некоторые записи были утеряны и что тщательный поиск в местных архивах выявил бы некоторые испытания, о которых мы в настоящее время ничего не знаем. Это было время, богатое на упоминания о процессах над ведьмами, но также время, когда лишь немногие случаи были полностью описаны. Случайные ссылки Скота на разнообразный опыт сэра Роджера Мэнвуда и его дяди сэра Томаса Скота лишь подтверждают впечатление, сложившееся из литературы того времени, что казни ведьм становились в семидесятые и начале восьмидесятых годов слишком обычным явлением, чтобы быть примечательным. Для второго периода у нас есть записи, вероятно, о большем проценте всех случаев. За весь период с 1563 года, когда вступил в силу новый закон, по 1603 год мы имеем записи о почти пятидесяти казнях. Из них примерно две трети приходятся на более ранний период, в то время как две трети оправдательных приговоров относятся к более позднему периоду. Было бы опрометчиво придавать этим цифрам слишком большое значение. На самом деле, записи настолько неполны, что фактические итоги практически ничего не значат, и можно рассматривать только пропорции.[30] Тем не менее, похоже, что силы, вызвавшие преследование ведьм в Англии, начали ослабевать; и можно справедливо задаться вопросом, не появился ли в этой ситуации какой-то новый фактор. Настало время поговорить о Реджинальде Скоте и об экзорцистах.

[1] Судя по признанию, сделанному в 1579 году, она была сестрой. См. памфлет *"Разоблачение проклятых дрейфов, практикуемых тремя ведьмами, обвиняемыми в Челмсфорде в Эссексе на последних приговорах, состоявшихся там, которые были казнены в апреле 1579 года"* (Лондон, 1579).

[2] Например: "Я боялся, потому что он [собака с рогами] скакал и прыгал туда-сюда, и сидел на верхушке крапивы".

[3] Был ли у Агнес Уотерхаус "нож кинжала" и была ли у собаки морда обезьяны.

[4] Предложение, которое указывает на то, что он выступал в роли судьи.

[5] Ее расспрашивали о церковных привычках. Она заявила, что регулярно посещает церковь и "молится там очень усердно". Однако она призналась, что молится "по-латыни", потому что Сатан не разрешил ей молиться по-английски.

[6] Конечно, существует еще одна возможность, что рассказ в памфлете был в значительной степени выдуман. Критический анализ памфлета позволяет утверждать, что он заслуживает доверия. См. приложение А, § 1.

[7] Алиса Чандлер, вероятно, была повешена в это время. Отсутствие упоминания ее имени легко объясняется, если вспомнить, что памфлет был выпущен в двух частях, как можно скорее после события. Дело Алисы Чандлер, вероятно, не было передано в суд, пока не были опубликованы две части памфлета. См. *"Детекция проклятых дрейфов"*.

[8] Матушка Стонтон, которая, по-видимому, имела некоторые притязания на магическую практику, предстала перед судом по нескольким обвинениям. Несколько человек отказали ей в ее просьбах, после чего ее постигли некоторые беды.

[9] Не исключено, что все началось с каприза больного ребенка, который, увидев Эллейн Смит, закричал: "Прочь ведьму".

[10] Здесь следует предостеречь. Памфлеты были составлены наспех и, возможно, в них упущены важные факты.

[11] Ее восьмилетний мальчик, вероятно, был незаконнорожденным.

[12] Знание латыни матушкой Уотерхаус, если это не просто выдумка протестантского памфлетиста, весьма примечательно.

[13] Следует сделать поправку на то, что репортер был очень предвзят, *то есть* сам судья.

[14] Очень вероятно, что эти подробности были подсказаны ей судьей.

[15] Который также обещал ей "благосклонность".

[16] Отвратительные методы судьи Дарси проявились в случае с женщиной, которой он пригрозил, что снимет с нее импы, если она не признается, и таким образом заманил ее в ловушку инкриминирующего заявления: "Этого вы не сделаете".

[17] Уильям Хук слышал, как Уильям Ньюман "попросил упомянутого Алеса, его жену, выпить это". С этим можно сравнить свидетельство Марджери Сэммон, которая "говорит, что вдова Хант рассказывала ей, что она не раз слышала, как Джоан Печи, находившаяся в ее доме, очень часто ругалась и говорила что-то резкое, ... и говорит, что, когда она вошла посмотреть, ... она не нашла никого, кроме нее одной".

[18] Реджинальд Скот, *Discoverie of Witchcraft*, 542, говорит об этом суде: "В ближайшее время пусть человек с хорошим вниманием изучит эту книгу, опубликованную В. В., и этого будет достаточно, чтобы удовлетворить его во всем, что может потребоваться..... Посмотрите, не одиноки ли свидетели, какого они рода, пола и возраста; нищие, развратные, жалкие и завистливые бедняки; большинство из них, которые говорят для одной цели, - старухи и дети в возрасте 4, 5, 6, 7, 8 или 9 лет".

[19] Нет сомнений, что Брайан Дарси либо сам написал этот рассказ, либо продиктовал его "У. У.". Частое использование слова "я", подразумевающего под этим местоимением судью, указывает на то, что он несет ответственность.

[20] Некоторое облегчение в этом процессе приносит чтение показаний Джона Тендеринга об Уильяме Байетте. У него была корова "в странном футляре". Он не мог ее поднять. Он подложил под корову огонь, она встала и "стояла, не шевелясь, и упала куча палок размером с палец любого человека, а после жила и здравствовала".

- [21] Вторая жена сэра Генри Кромвеля, который был дедом Оливера.
- [22] Дети были странно непоследовательны. Сначала у них случались приступы, когда появлялась матушка Сэмюэль. Позже они успокаивались, если матушка Сэмюэль не оставалась в доме или если их не забирали к ней.
- [23] По-видимому, этот способ был изначально предложен детьми, чтобы проверить вину матушки Сэмюэль.
- [24] Священнослужитель, "доктор Доррингтон", был одним из лидеров в их преследовании.
- [25] Harsnett, *Discovery of the Fraudulent Practises of John Darrel* (London, 1599), 92, 97.
- [26] Среди рукописей о колдовстве в Бодлианской библиотеке есть три таких помилования ведьм за их колдовство - одно Джейн Мортимер в 1595 году, другое Розы Бексвелл в 1600 году и одно "Алисы С.", без даты, но при Елизавете.
- [27] В 1595 году он был назначен старостой Манчестерской коллегиальной церкви. В наши дни у Ди появился биограф. См. *"Джон Ди (1527-1608)"* Шарлотты Фелл Смит (Лондон, 1909).
- [28] О конкретном случае см. Мэри Бейтсон, изд. *"Записи Лестерского бора"* (Кембридж, 1899), III. 335; общую грамоту, охватывающую подобные случаи, см. в *id.*, II, 365, 366.
- [29] Об этой истории см. Ральф Холиншед, *Хроники Англии, Шотландии и Ирландии* (Лондон, 1577, переизданы в 1586-1587 и 1807-1808 гг.), изд. 1807-1808, IV, 891, 893. Фавершем тогда назывался "Февершем".
- [30] Судья Андерсон, приговаривая ведьму к году тюремного заключения, заявил, что это была двадцать пятая или двадцать шестая ведьма, которую он осудил. Это хорошее доказательство того, что записи многих дел были утеряны. См. Brit. Mus., Sloane MS. 831, f. 38.
-

ГЛАВА III.

Реджинальд Скот.

В этой главе мы отвлечемся от хроники судебных процессов над ведьмами, чтобы проследить за карьерой первого великого английского противника суеверия. Мы видели, как нападки на предполагаемых созданий дьявола усиливались на протяжении всего царствования Елизаветы. Мы увидим, как это нападение было остановлено, по крайней мере в некоторой степени, благодаря сопротивлению одного человека. Немногие люди, ведущие тихую и спокойную жизнь, действовали так эффективно, как Реджинальд Скот. Он происходил из семьи, хорошо известной в Кенте, но не отличавшейся политической агрессивностью. В молодости он учился в Харт-Холле^[1] в Оксфорде, но ушел, не получив диплома, и вернулся в Скотс-Холл, где погрузился в рутинные обязанности по управлению своим поместьем. Как нам сообщают, он посвятил себя земледелию и садоводству, а также основательному чтению малоизвестных авторов, которыми "все пренебрегали". В 1574 году его занятия садоводством вылились в публикацию книги *"Совершенная платформа гопсада и необходимые инструкции по его созданию и содержанию"* (*A Perfect Platforme of a Hoppe-Garden and necessary instructions for the making and maintaining it*). О том, что книга вызвала практический интерес, свидетельствует то, что в течение пяти лет было выпущено три издания. Занялся ли он теперь изучением того предмета, который должен был стать темой его *"Открытий"*, мы не знаем. Это был вопрос, который, несомненно, еще раньше

привлек его внимание и вызвал растущий интерес с его стороны. Однако только спустя десятилетие после "*Сада Хоппе*" он выпустил эпохальный "*Discoverie*". Не представляется вероятным и то, что он долгое время работал над самой композицией. Скорее, стиль и содержание книги свидетельствуют о спешке в подготовке. Если эта теория верна, а мистер Бринсли Николсон, его современный комментатор, привел отличные причины, чтобы принять ее[2], то объяснение может быть только одно - дело Сент-Оса. Эта трагедия, произошедшая в непосредственной близости от его собственного дома, несомненно, настолько возмутила его чувство справедливости, что работу, которую он, возможно, давно обдумывал, он теперь решил завершить как можно скорее.[3] Даже тот, кто бежит, может прочесть в сильных предложениях Скота, что он писал не только для наставления, чтобы изложить новую доктрину, но что он сражался с единственной целью - остановить отвратительную и нечестивую практику. Нечто вроде дилетанта в реальной жизни, в писательстве он стал человеком с захватывающей миссией. Эта миссия проистекала не только из негодования по поводу дела Сент-Оуза. С самого детства его опыт способствовал скептицизму. Он вырос в графстве, где Элизабет Бартон, Святая дева из Кента, впервые стала известной, и видел падение, последовавшее за ее публичным разоблачением.[4] Через год после того, как он вывел свой *Хоппе-сад*, его графство снова взбудоражили представления якобы сверхъестественного характера. Милдред Норрингтон, девушка семнадцати лет,[5] использовала чрево вещание с таким мастерством, что убедила двух священников и всех своих соседей в том, что она одержима. В ответ на расспросы злой дух, говоривший через Милдред, заявил, что "старая Алиса из Уэстуэлла"[6] послала его овладеть девушкой. Алиса, по признанию духа, была виновна в ужасном колдовстве. Слово демона было принято, и Алиса, похоже, "предстала перед судом на основании этих доказательств".[7] Но благодаря умелому ведению процесса судьями обман обвинительницы был раскрыт. Она призналась в притворстве и понесла "достойное наказание". Этот случай произошел в шести милях от дома Скота и открыл ему глаза на возможность мошенничества. В том же году в Лондоне были осуждены две притворщицы, Агнес Бриджес и Рейчел Пиндер. Выбрасывая булавки и соломинки[8], они убедили многих в том, что околдованы, но обман вскоре был раскрыт, и их заставили пройти публичное покаяние в соборе Святого Павла.[9] Мы не знаем, какова была судьба отвратительной матушки Бейкер, которая, обратившись к родителям больной девочки в Нью Ромни в Кенте, обвинила соседскую женщину.[10] Она сказала, что та сделала восковое сердце, уколола его и таким образом осуществила свой злой умысел. Чтобы доказать свое обвинение, она тем временем спрятала восковую фигуру сердца в доме женщины, которую обвиняла, а затем сделала вид, что нашла ее.[11] Приятно сознавать, что злобное создание, у которого за всю историю колдовства было немало подражателей, было поймано и вынуждено признаться.

Наблюдая подобные чудеса[12], Скот научился тому, чему, как ни странно, не научились многие другие, - смотреть на проявления сверхъестественного с большой долей сомнения. Насколько сильно он в них верил, мы не знаем. Не исключено, что, как и представители его поколения, в молодости он придерживался несколько неопределенного мнения о том, что дьявол использует ведьм. Вера в это, сравнительно безобидная традиция, дошла до нас из первобытного периода. Эта тема не поднималась ни в спекуляциях, ни, тем более, в судебных заседаниях. Но со времен ранней юности Скота все изменилось. Англию захлестнула приливная волна подозрительности. Туманные теологические представления превратились в жесткие убеждения. Убеждения перешли в законодательные акты и инструкции для судей. Судейская коллегия, которая поначалу действовала в соответствии с новыми законами с осторожностью и желанием выявить самозванство, заразилась страхом и стала с большей готовностью обнаруживать колдовство и наказывать за него. Здесь нет необходимости повторять ход движения, уже прослеженного в предыдущей главе. Достаточно сказать, что

кентишский джентльмен, знакомый с рассказами о самозванстве, не желал следовать за нарастающим течением суеверия. Конечно, это всего лишь другой способ сказать, что Скот был нетрадиционен в своих умственных операциях и сам додумался до этого вопроса, получив результаты, отличные от тех, что были у его поколения. Здесь было новое злоупотребление в Англии, здесь была ошибка, которую он видел, как она возникла в течение его собственной жизни и в его собственной части Англии. Он сделал своей миссией, насколько это было возможно, исправить эту ошибку. "Ибо так много, - говорит он, - как сильные мира сего помогают друг другу, так и вопли бедных вдов, хотя и доносятся до небес, редко слышны здесь, на земле: я подумал, что хорошо (в соответствии с моими бедными способностями) сделать заступничество, чтобы некоторые части общей строгости и некоторые пункты сурового суждения могли быть посоветованы".[13]

Это была действительно великолепная миссия, и он был необычайно хорошо подготовлен к ней. Он обладал всеми необходимыми качествами: научной подготовкой и способностью к научному наблюдению, обширными сведениями из богословия и Священного Писания, знакомством с юридической наукой и практикой, а также владением энергичным и острым языком, - которые должны были сделать его работу эффективной для достижения поставленной цели.

То, что он был ученым, верно в нескольких смыслах. В своем использовании дедукции из классических авторов он был чем-то вроде схоласта, в своей готовности осваивать новые области мысли он был продуктом Ренессанса, в своем тщательном использовании исследований он напоминает нам современного исследователя. В своей книге он приводит библиографию работ, к которым он обращался, и насчитывает более двухсот латинских и тридцати английских названий. Его чтение охватывало всю область суеверий. Особенно он был обязан Корнелиусу Агриппе и Виерусу (Иоганну Вейеру),[14], которые нападали на тиранию суеверий на континенте. Однако он не заимствовал у них достаточно, чтобы серьезно снизить ценность своего собственного первоначального вклада.

В области права Скот был не столько студентом, сколько опытным человеком. Однако *"Дисковери"* изобилует ссылками, указывающими на юридический образ мышления. Он почти наверняка был человеком, который пользовался правом. Бринсли Николсон считает, что он был мировым судьей. В любом случае он обладал адвокатским чувством ценности доказательств и адвокатской манерой излагать свои доводы.

Не менее практичным было его знание теологии и Священного Писания. Здесь ему пришлось столкнуться с загадочными проблемами Эндорской ведьмы. История о ведьме, которая вызвала перед испуганного царя Саула дух умершего Самуила и заставила его говорить, стояла как лев на пути всех противников преследования ведьм. Когда Скот осмелился объяснить эту ветхозаветную историю как случай чревоуветования и сравнить ее со знаменитым случаем Милдред Норрингтон, он проявил смелость в толковании Библии, намного опередив своих современников.

Его предвосхищение современных точек зрения проявилось, пожалуй, больше в его научном духе, чем в любом другом. За несколько лет до того, как он взялся за перо, он проводил расследования предполагаемых случаев колдовства и чародейства, посещал судебные процессы,[15] и допрашивал священнослужителей и магистратов. Для таких наблюдений у него были самые благоприятные возможности, и он использовал свое положение в обществе для углубления своих знаний. Этот студент XVI века был человеком почти дерзко любопытным. Узнав о фокуснике, которому королева отменила смертный приговор и который раскаивался в своих преступлениях, он вступил с ним в переписку и получил от него четкое

заявление, что все его фокусы были самозванством. Заключение отослал его к "книге, написанной на старом саксонском языке неким сэром Джоном Малборном, прорицателем из Оксенфорда, триста лет назад", в которой все эти фокусы разъяснены. Скот приложил все усилия, чтобы заполучить эту работу у пастора, которому она была доверена, но безуспешно.^[16] В другом случае он присутствовал на судебном процессе в Рочестере, где судили женщину. Одним из ее обвинителей был викарий прихода, который выдвинул несколько обвинений, не последним из которых было то, что он не мог четко произносить слова в церкви из-за колдовства. Это объяснение Скот отнес ей, и она смогла дать ему гораздо менее правдоподобное, чем у священника, объяснение этого недуга, которое Скот подтвердил, расспросив соседей. Чтобы утихомирить слухи в общине о природе болезни, викарию пришлось доставить из Лондона медицинское свидетельство о том, что это заболевание легких.^[17]

Можно ли удивляться тому, что студент, так старательно пытавшийся выяснить факт совершенного зла, использовал колючие слова при изображении несправедливости? Сильные убеждения подстегивали его перо, уже наученное формировать энергичные и язвительные предложения. Не будучи стилистом, если судить по высочайшим елизаветинским стандартам обаяния и благозвучия, он обладал ясностью и прямоотой, которые покоряют современного читателя. Своими методами анализа он демонстрировал качество ума, сходное с Кальвином и, вероятно, испытывшее его влияние, а его интеллектуальная позиция свидетельствовала о стимуле Реформации.

Он действительно был реформатором в своей ограниченной области. Он был не только протагонистом нового дела, но и первопроходцем, который должен был прорубить сквозь заросли мнений путь для спекуляций. В Англии Скот не нашел ни философии этого вопроса, ни систематических защит или нападок на непродуманную теорию демонического воздействия. Он должен был в определенных выражениях изложить свои убеждения, которые он стремился ниспровергнуть. Римская церковь к тому времени уже достаточно хорошо знала, что она подразумевает под колдовством, но английские богословы и философы вряд ли нашли бы общий язык по какому-либо одному постулату в этом вопросе.^[18] Без преувеличения можно утверждать, что Скот своим наступлением по всему фронту вынудил противника перейти в наступление и в некотором смысле продиктовал ему линию сражения.

Атака была направлена на центр противостоящих позиций - веру в чудеса. Скот заявил, что с Христом и его апостолами век чудес прошел, и это мнение он подкрепил авторитетом Кальвина и святого Августина. То, что считалось сверхъестественным, принимало две формы: явления, демонстрируемые теми, кого он классифицировал под широким термином "кузены", и явления, которые, как утверждалось, демонстрировали "бедные женщины", известные как ведьмы. Уловки и обманы "кузенов" он старался объяснить с особой тщательностью. Не менее трети его работы отведено изложению методов фокусников, карточных фокусов, ловкости рук, иллюзий магии, материализации духов, чудес алхимии и астрологии. В диапазоне своих сведений об этих предметах первооткрыватель был энциклопедичен. Ни одна из современных форм баловства со сверхъестественным не осталась без внимания.

При нападении на феномен колдовства он столкнулся с другой проблемой. Ему пришлось иметь дело с явлениями, так называемые факты которых не поддавались никакому материальному объяснению. Теория о дьяволе, который вступает в интимные отношения с

людьми, управляет ими и отправляет их на зловещие задания, была по своей сути теологической концепцией и не могла быть абсолютно опровергнута научными наблюдениями. Вместо этого необходимо было атаковать эту идею на ее *априорных* основаниях. Эту атаку Скот попытался обосновать природой духов. Духи и тела, утверждал он, противоположны и несовместимы, и никто, кроме Бога, не может придать духу телесную форму. Дьявол, нечто непостижимое для нас, не может превратить дух в тело, не может сам принять телесную форму и не обладает никакой силой, кроме той, что дана ему Богом для отмщения. Если это так, то вся вера в общение дьявола с ведьмами оказывается подорванной. Таковы, вкратце, философские основы скептицизма Скота. Однако наиболее убедительными частями его работы были те, в которых он отрицал достоверность всех доказательств существования ведьм, предложенных до сих пор. Что такое колдовство? спросил он, и его ответ стоит процитировать. "Колдовство - это, по правде говоря, отвратительное искусство, в котором имя Бога оскорбляется, поносится и хулится, а его сила приписывается мерзкому существу. В представлении вульгарных людей это сверхъестественная работа, затеянная между телесной старухой и духовным дивеллом. Способ его осуществления настолько тайный, мистический и странный, что до сих пор не было ни одного достоверного свидетельства о нем".[19] Отсутствие достоверных свидетельств - это действительно тот пункт, на котором Скот постоянно настаивал с большой силой. Он ярко представил себе ход дела о колдовстве: "Один из видов тех, о ком говорят, что они ведьмы, - это женщины, которые обычно старые, хромые, бледнолицые, бледные, пушистые и полные морщин; ... они худые и деформированные, с меланхолией на лице; ... они любящие, ругающие, безумные, прорицательницы. Эти жалкие несчастные так отвратительны для всех своих соседей и так их боятся, что мало кто осмеливается обидеть их или отказать им в том, о чем они просят; поэтому они берут на себя, да, и иногда думают, что они могут делать такие вещи, которые не под силу человеческой природе. Они ходят из дома в дом и из дор в дор за горшком молока, едой, напитком, похлебкой или каким-нибудь подобным напитком; без этого им было бы трудно жить..... Много раз случалось, что ни на их нужды, ни на их ожидания не было ответа. Со временем ведьма становится одиозной и утомительной для своих соседей; ... она проклинает то одного, то другого; и это начиная с хозяина дома, его жены, детей, скотины и т.д. и заканчивая маленьким поросенком, который лежит на улице..... И несомненно (в конце концов) некоторые из ее соседей умирают или заболевают".[20] Тогда они подозревают ее, говорит Скот, и убеждаются, что она - автор их несчастий. "Ведьма, ... видя, что иногда все происходит по ее желанию, ... будучи вызвана к судье, ... признается, что она привела к таким событиям. При этом не только она, но и обвинитель, а также судья оказываются обманутыми и оскорбленными".[21] Такими были многие дела. Процесс от начала до конца никогда не был лучше описан; легкость, с которой признания вытягивались из слабонервных женщин, никогда не была изображена более правдиво. С не меньшей проницательностью он показывал мотивы, которыми руководствовались свидетели, и описывал предрассудки и страхи, которые действовали на присяжных и судей. Именно на этих факторах он основывал весомость своих отрицательных аргументов.[22]

Утвердительное мнение, по его мнению, основывалось на невежестве простого народа, "одурманенного и околдованного" шутивными или серьезными словами поэтов, выдумками "низких лжецов и кузенов", а также "сказками, которые они слышали от старых заботливых женщин или от служанок их матерей, и тем, что им рассказывал их дед-батюшка или другой призрачный отец, или еще какой-нибудь массовик-затейник".[23]

Тем же методом, которым он выступал против веры в колдовство, он выступал против веры в одержимость злым духом. Известные случаи, когда они были изучены, оказались

мошенничеством. Случаи, описанные в Новом Завете, он был склонен объяснять предположением, что одержимость означает всего лишь болезнь.[24]

Ожидать от Скота абсолютного отрицания перед лицом всех странных явлений было бы слишком. Похоже, он верил, хотя и не без некоторых затруднений, что камни обладают "определенными свойствами, которые даются им особым влиянием планет". Рог единорога, по его мнению, обладал определенными целебными свойствами. И он слышал "по достоверным сведениям" и утверждениям "многих серьезных авторов", что "рана, нанесенная человеку, вновь кровоточит в присутствии близкого друга или смертельного врага".[25]

Его легкое верие в этих вопросах может разочаровать читателя, который надеется найти в Скоте научного рационалиста. Таковым он, конечно, не был; а его склонность к суевериям в этих вопросах заставляет задаться вопросом, во что же он на самом деле верил в отношении колдовства? Когда все мошенничество, ложные показания и самообман были исключены, что делать с оставшимися случаями колдовства? Скот был очень осторожен, никогда не отрицая *полностью* существование ведьм. Это означало бы отрицание Библии. Кем же были эти ведьмы? Несомненно, он ответил бы, что уже классифицировал их по двум признакам: они были либо "кузенами", либо "бедными дотерингами", причем под "кузенами" он, похоже, подразумевал тех, кто использовал хитрость и мошенничество. Другими словами, Скот явно подразумевал, что настоящих ведьм, наделенных дьявольской силой, не существует. Остался бы он при своем мнении, если бы его загнали в угол? Вполне возможно, что да, но вряд ли он осмелился бы произнести прямое отрицание реальности колдовства. Более вероятно, что он не до конца продумал свою позицию.

О непосредственном впечатлении от книги Скота мы знаем немного. Имеющиеся у нас отзывы современников нейтральны.[26] То, что его книгу старательно читали все последующие авторы, что она вскоре стала большой поддержкой одной из сторон в споре, что король Яков счел нужным написать ответ и что после вступления на престол он почти наверняка приказал сжечь книгу обычным палачом,[27] - это лучшие свидетельства, чем абсолютно современные заметки, чтобы показать, что "*Открытия*" оказали влияние.

Мы не можем лучше представить, насколько радикальной должна была казаться позиция Скота в его время, чем показать точку зрения другого противника колдовства, Джорджа Гиффорда, священнослужителя-нонконформиста.[28] Он читал "*Открытия*" и, вероятно, чувствовал, что теологический аспект темы был обойден вниманием. Кроме того, ему, как и Скоту, посчастливилось присутствовать на процессе в Сент-Осе. Через три года после книги Скота он выпустил "*Рассуждение о subtilной практике ведьм*" (*A Discourse of the Subtill Practises of Devilles by Witches*), а еще через шесть лет - "*Диалог о ведьмах*" (*A Dialogue concerning Witches*,[29]), в котором он изложил свои взгляды в несколько более популярной манере. Как и Скот, он писал, чтобы покончить, насколько это возможно, с наказанием невинных женщин;[30], как и Скот, он считал, что большинство доказательств, представленных против них, бесполезны.[31] Но в других вопросах он был гораздо менее радикален. Ведьмы существовали. Он находил их в Библии.[32] Конечно, они были не более чем пешками для дьявола. Он использует их "только для прикрас",[33] то есть выставляет их для прикрытия своих собственных дел, а затем вводит их в заблуждение и заставляет "верить в то, чего на самом деле нет".[34] В результате они часто на своих казнях ложно обвиняют других в страшных колдовствах. Все это дело рук дьявола. Но сам он не может ничего сделать иначе, как через силу Бога,[35] который, иногда для отмщения Своим врагам, а иногда для испытания Своего собственного народа,[36] позволяет лукавому причинять вред.[37]

Гиффорд, конечно, не произвел того впечатления, которое произвел Скот.^[38] Но он представлял более консервативную позицию и был первым в длинной череде писателей, которые осуждали преследования, принимая существующий взгляд на колдовство; и поэтому он представляет собой стандарт, по которому можно судить о Скоте, в котором не было ничего консервативного. У Скота было много читателей, и он оказывал сильное влияние даже на тех, кто не соглашался с ним; но у него было мало или совсем не было тех, кто пошел бы по его стопам. Только спустя почти столетие на сцене появился человек, который осмелился говорить так, как говорил Скот. Немногие люди настолько опередили свое время.

[1] Джордж Гиффорд, который немного позже написал на эту тему, тоже был учеником.

[2] *Discoverie of Witchcraft*, Nicholson ed., introd., xxxv.

[3] То, что по крайней мере часть этой книги была написана в 1583 году, следует из его собственных слов, где он говорит о трактате Леонардуса Вайруса о чарах как о "новом издании этого года 1583", *ibid.*, 124.

[4] Элизабет Бартон (1506-1534) страдала от нервного расстройства, которое переросло в религиозную манию. Ее учили некоторые монахи, а затем она исповедовала общение с Девой Марией и совершала чудеса в указанное время. Она осудила развод Генриха VIII и получила широкое признание как защитница королевы и католической церкви. Она получала интервью от архиепископа Уорхэма, Томаса Мора и Вулси. В конце концов Кранмер склонил ее к исповеди, заставил публично повторить ее в разных местах, а затем казнил; см. *Dict. Nat. Biog.*

[5] Незаконнорожденный ребенок.

[6] То есть, весьма вероятно, Алиса Норрингтон, мать Милдред.

[7] *Discoverie of Witchcraft*, 130.

[8] Там же, 132.

[9] См. "Раскрытие поддельного владения, полученного дьяволом в двух мэйденах в черте Лондона"; см. также Holinshed, *Chronicles*, ed. of 1807-1808, IV, 325, и John Stow, *Annals ... of England* (London, 1615), 678.

[10] *Discoverie of Witchcraft*, 258, 259.

[11] Место, которое она выбрала для сокрытия знака вины, было ранее обыскано.

[12] О другом месте см. *Discoverie of Witchcraft*, 132-133.

[13] В его предисловии "К читателям".

[14] Интересна случайная ссылка на Вейера в рассказе "W. W." о ведьмах, взятых в Сент-Осе: "...которых ученый фиситиец не стыдится признать невиновными, а судьи, выносящие им смертный приговор, не лучше палачей".

[15] *E. g., Discoverie of Witchcraft*, 5.

[16] *Там же*, 466-469.

[17] *Там же*, 5-6.

[18] *Там же*, 15: "Однако вы должны понять, что мало кто или никто не убежден, не решен и не удовлетворен, что ведьмы действительно могут совершить все эти невозможности; но кто-то околдован в одном месте, а кто-то околдован в другом, пока в итоге все эти невозможности и многие другие не будут подтверждены несколькими людьми как истинные".

[19] *Discoverie*, 472.

[20] *Там же*, 7-8.

[21] *Ibid.*, 8.

[22] Одним из аргументов "ведьмоборцев" было то, что существование законов против ведьм доказывает, что ведьмы есть. Этот аргумент использовал сэр Мэтью Хейл еще в 1664 году. Скот говорит по этому поводу: "И все же я признаю, что обычаи и законы почти всех народов утверждают, что все эти чудесные дела... были приписаны силе ведьм. Эти законы, а также казни и суды по ним и признания ведьм ввели в заблуждение почти весь мир". *Ibid.*, 220.

[23] *Discoverie*, 471, 472.

[24] *Там же*, 512.

[25] *Там же*, 303.

[26] Томас Нэш в своих "*Четырех письмах, опровергнутых*" (Лондон, 1593 г.) ссылается на это произведение как на работу, трактующую о "разнообразных природах и свойствах прорицателей и духов". В книге "*Pierces Supererogation*" (Лондон, 1593) Габриэля Харви есть следующее упоминание о ней: "Scottes discoovery of Witchcraft dismasketh sundry egregious impostures, and in certaine principall chapters, and special passages, hitteth the nayle on the head with a witnesse; howsoever I could have wish he had either somewhat more curteously dealt with Monsieur Bodine, or confute him somewhat more effectually." Профессор Бурп сообщил мне, что в Британском музее (Harleian MSS. 2302) хранится неполный и неопубликованный ответ Скоту. Судя по почерку, он современен или почти современен. Это серия "Доводов", почему в ведьм следует верить - в нынешнем состоянии MS. начинается с "5-го довода" и обрывается на середине 108-го.

[27] См. мнение Николсона по этому поводу, стр. xxxvii-xxxix его введения к книге Скота.

[28] Джордж Гиффорд был священнослужителем Англиканской церкви, чьи пуританские симпатии в 1584 году вынудили его публично присоединиться к движению нонконформистов. В течение двух лет до этого он занимал пост главы Мальдона в Эссексе.

[29] Второе издание этой книги появилось в 1603 году. Оно было переиздано для Общества Перси в 1842 году.

[30] *Диалог*, изд. 1603 г., предисловие и L-M 2 verso.

[31] *Discourse*, D 3 verso, G 4 verso; *Dialogue*, ed. of 1603, K 2-K 2 verso, L-L 2. См. также *там же*, K 4-K 4 verso: "Не так давно один суровый водяной спаниель на цепи пришел к человеку, у которого была сука, и некоторые увидели его в темноте, и сказали, что это была тварь

размером с жеребенка, и глаза у нее были огромные, как блюдца. Тогда некоторые подошли к нему и стали требовать от него во имя Отца, Сына и Святого Духа, чтобы он сказал, кто он такой. В конце концов пес рассказал им, ибо он говорил на своем языке и сказал: bowgh, и таким образом они узнали, кто он такой".

[32] *Рассуждение*, в предисловии.

[33] *Там же*, F 4 verso, F 5.

[34] *Диалог*, изд. 1603 г., K 2 verso.

[35] *Там же*, D 3 verso; *Discourse*, G 3 verso, H 3 verso.

[36] *Там же*, D 2 verso.

[37] Гиффорд стал очень решительным, когда описывал ход дела против ведьмы: "Некая женщина горько ссорится с соседкой: следует какая-то большая обида..... Возникает подозрение. Через несколько лет после этого она ссорится с другим человеком. Он также подвергается нападкам. Это отмечают все. О деле распространяется большая слава. Мать В. - ведьма.... Мать У. стала очень отвратительной и страшной для многих, ее соседи не смеют ничего сказать, но в глубине души желают, чтобы ее повесили. Вскоре после этого заболевает и умирает другой человек. Соседи приходят навестить его. Сосед, - говорит один из них, - не подозреваете ли вы в этом какую-нибудь пакость: вы никогда не сердились на матушку В.? Истинно, сосед (говорит он), я давно не люблю эту женщину. Не могу сказать, чем я могу ей насолить, если только на днях моя жена взмолилась ей, да и я тоже, чтобы она не пускала свой хеннес в мой сад. Мы говорили с ней так ласково, как только могли, ради наших жизней. Я думаю, что она меня околдовала. Теперь все говорят, что матушка В. - ведьма из Деде..... Это вне всякого сомнения: ведь были люди, которые видели, как ласка выбежала из ее дома в его двор за некоторое время до того, как он заболел. Больной умирает и по своей смерти считает, что он околдован: тогда мать В. задерживают и отправляют в тюрьму, ее судят и осуждают, и, оказавшись на виселице, она по своей смерти считает, что она не околдована". *Discourse*, G 4-G 4 verso. И вот, объясняет Гиффорд, дьявол доволен, ведь он подверг опасности невинных людей, заставил свидетелей поклясться в своей правоте, а присяжных - вынести ложный вердикт.

[38] Но его взгляды горячо поддержал Генри Холланд, который в 1590 году издал в Кембридже *"Трактат против колдовства"*. Холланд, однако, был заинтересован главным образом в том, чтобы предупредить "хозяев и отцов семейств, чтобы они научились лучшим средствам очищать свои дома от всех нечистых духов". Само собой разумеется, что он расходился во мнениях со шотландцами, которые, по его словам, сводили колдовство к "искусству уговаривать или отравлять". В Писании он находил доказательства того, что ведьмы действительно "вступают в конфедерацию с самим Сатаной", но откровенно признавал, что доказательства подобных сделок в его время привести невозможно.

ГЛАВА IV.

Экзорцисты.

В повествовании об английском колдовстве история экзорцистов является побочным вопросом. Однако их деятельность была так тесно связана с действиями дьявола и его агентов, что их нельзя оставить без внимания ни при одном адекватном изложении темы. И

невозможно понять силу и слабость суеверия без осознания той роли, которую играли потенциальные агенты по изгнанию злых духов. То, что царствование, в котором шествовали группы колдунов и ведьм, должно было завершиться появлением экзорцистов, было вполне ожидаемо. Их роль заключалась в том, чтобы завершить цикл суеверий. Если чудеса магии были возможны, если фокусники могли использовать какую-то сверхъестественную силу, помогающую им творить чудеса, то не было ничего примечательного в существах, причиняющих вред своим собратьям с помощью злых духов. А если ведьмы могли насылать злых духов, чтобы те причиняли вред, то из этого следовало, что эти духи могли быть изгнаны или изгнаны с божественной помощью. Если молитвой к дьяволу можно было приказать демонам войти в человека, то молитвой к Богу их можно было изгнать. Ход рассуждений был совершенно ясен, и их легко приняли, потому что они нашли адекватное подтверждение в Новом Завете. Евангелия полны рассказов о людях, одержимых злыми духами, которые были освобождены призывом Бога. Из этих историй, несомненно, самой цитируемой и наиболее эффективной в формировании мнения был рассказ о бесах, которые вошли в стадо свиней и бросились с крутого берега в море.

Не следует думать, что экзорцизм был результатом веры в колдовство. Он был таким же древним, как и христианская церковь. Им до сих пор пользуется римская церковь и, более того, некоторые протестантские группы. И как раз в это время римская церковь нашла в нем важнейший инструмент в борьбе с реформированными религиями. В Англии романизм вел проигрышную войну и нуждался во всех чудесах, на которые мог претендовать, чтобы восстановить свой слабеющий авторитет. Изгнанные Уитгифтом священники не преминули прибегнуть к практике, которая, как они надеялись, вернет им верность простых людей. В 1585-1586 годах они провели, по их мнению, чудесные сеансы экзорцизма в католических домах Бакингемшира и Мидлсекса.^[1] Были предприняты большие усилия, чтобы новости об этих сеансах не дошли до ушей правительства, однако сведения о них получили широкое распространение и дошли до Тайного совета. Разумеется, этот орган был побужден к более активным действиям против католиков.^[2]

Как этап подавленной формы религии этот вопрос, возможно, никогда бы не приобрел никакого значения. Если бы третьесортный пуританский священник Джон Даррел почти случайно не наткнулся на метод экзорцизма, историю его применения вряд ли стоило бы рассказывать.^[3] Когда этому молодому священнику было не больше двадцати, но он уже, по его словам, считался "человеком надежды", его попросили вылечить семнадцатилетнюю девушку из Мэнсфилда в Ноттингеме, Кэтрин Райт.^[4] Ее болезнь требовала простого медицинского лечения. Это не входило в планы Даррела. Он заявил, что в ней живет злой дух. С четырех часов утра до полудня он молился над ее духом. Он либо по собственной инициативе утвердился во мнении, что одержимые люди могут указывать на ведьм, либо быстро воспользовался уже существующим убеждением. Злой дух, заявлял он, мог узнать и даже назвать имя пославшей его ведьмы, а также ее сообщников. Все это, несомненно, было подсказано одержимой девушке, и вскоре она была побуждена назвать имя ведьмы, которая ее беспокоила. Это была Маргарет Ропер, женщина, с которой она была в плохих отношениях. Маргарет Ропер сразу же была взята под стражу констеблем. Так случилось, что она предстала перед мировым судьей, обладавшим более чем обычной разборчивостью. Он не только выписал ее^[5], но и пригрозил Джону Даррелу арестом.^[6]

Это было в 1586 году. Даррел исчез из поля зрения на десять лет или около того, когда он появился в Бертон-апон-Тренте, недалеко от места своих первых операций. Здесь он вызвался вылечить Томаса Дарлинга. Эта история любопытна и слишком длинна, чтобы ее

можно было повторить. Однако необходимо привести некоторые факты, чтобы довести историю до того момента, когда Даррел вмешался в нее. Томас Дарлинг, молодой парень из Дербишира, заболел после возвращения с охоты. Его мучили бесчисленные приступы, во время которых он видел зеленых ангелов и зеленого кота. Его тетя очень корректно обратилась к врачу, который при повторной консультации счел возможным, что ребенок околдован. Тетя не поверила диагнозу. Припадки мальчика продолжались и вскоре приобрели религиозный характер. В перерывах между припадками он общался с благочестивыми людьми. Вскоре они обнаружили, что чтение Священного Писания вызывает приступы. Это очень походило на работу дьявола. К предложению врача отнеслись более серьезно. Тем временем мальчик подслушал разговор о колдовстве и принялся рассказывать историю. По его словам, он встретил "маленькую старушку" в "сером платье с черной бахромой на накидке, в широкополой шляпе и с тремя бородавками на лице".[7] Совершенно случайно, как он утверждал, он ее обидел. Она гневно произнесла рифмованную заклинание, которое заканчивалось словами: "Я попаду в рай, а ты попадешь в ад", и опустилась на землю.

Эта история произвела фурор. Те, кто слышал ее, сразу же заявили, что женщина, должно быть, была Элизабет Райт или ее дочь Алсе Гудеридж, женщины, которых давно подозревали в колдовстве. Алсу привели к мальчику. Она сказала, что никогда его не видела, но ее появление усилило приступы. Мать и дочь отвели к двум мировым судьям, которые осмотрели их вместе с мужем и дочерью Алсе. Женщин обыскали на предмет особых примет обычным отвратительным способом с обычным результатом, но только саму Алсе отправили в тюрьму.[8]

Мальчику не становилось лучше. Выяснилось, что чтение определенных стихов из первой главы Евангелия от Иоанна неизменно выводит его из себя.[9] Мировые судьи устроили Алсе несколько экзаменов, но безрезультатно. Обратились к двум добрым ведьмам, но они отказались помочь, если к ним не придет семья заколдованного.

В это время появился хитрый человек, который пообещал доказать, что Алсе - ведьма. В присутствии "многих богомольных особ" "он надел ей на ноги пару новых башмаков и поставил ее к огню, пока башмаки, будучи очень горячими, не заставили ее усилить боль и признаться". "Это, - говорит писатель, - была его нелепая практика". Женщина, "будучи сильно разгоряченной, пожелала освобождения" и предложила признаться, но, как только ее ноги остыли, отказалась. Несомненно, мировые судьи опровергли бы утверждение о том, что применялась незаконная пытка. На самом деле методы хитрого человека были не чем иным.

Соседи день и ночь донимали женщину, пытаясь заставить ее признаться.[10] В конце концов она сдалась и в серии неохотных признаний рассказала грубую историю своих злодеяний, которая имела небольшое сходство с рассказом мальчика и включала в себя использование духа в виде собаки.

В этот момент на землю вышел Джон Даррел, жаждущий прославиться. Дарлинг болел уже три месяца и не шел на поправку. Некоторые родственники и друзья мальчика сомневались, что он одержим. Но только не Даррел. Он сразу же взялся молиться и поститься за мальчика. По его собственным словам, его усилия были необычайно благословенны. Постепенно мальчик поправился, и Даррел поставил это себе в заслугу. Что касается Элс Гудеридж, то она предстала перед судом присяжных, была признана виновной и приговорена лордом-

главным судьей Андерсоном к тюремному заключению. Вскоре после этого она умерла.^[11] Это дело, несомненно, укрепило репутацию Даррела.

Вскоре после этого в Ланкашире произошел примечательный случай одержимости, который дал ему новую возможность привлечь к себе внимание. Дело о детях Николаса Старчи вызвало столько комментариев в то время, что, пожалуй, стоит вернуться назад и довести повествование до того момента, когда в дело вступил Даррел.^[12] Двое из детей Старчи в один прекрасный день заболели самым загадочным образом: девочка "с осунувшимся и тяжелым лицом, с неким пугающим началом и стягиванием тела". Мальчик был "вынужден кричать" по дороге в школу. Обоим становилось все хуже^[13], и отец обратился к Эдмунду Хартли, известному фокуснику своего времени. Хартли успокоил детей с помощью чар. Когда он понял, что его услуги будут незаменимы для отца, он сделал вид, что собирается уехать, и таким образом вырвал у Старчи обещание платить ему 40 шиллингов в год. Эта уловка оказалась настолько удачной, что он повысил свои требования. Он попросил дом и участок, но получил отказ. Дети снова заболели. Озадаченные родители обратились к манчестерскому врачу. Но врач "не обнаружил никаких признаков болезни". Вызвали доктора Ди, знаменитого астролога и друга Елизаветы. Он посоветовал прибегнуть к помощи "благочестивых проповедников".^[14]

Тем временем ситуация в пострадавшей семье приняла более серьезный оборот. Помимо детей мистера Старчи, загадочной болезнью заболели трое его юных подопечных, слуга и посетитель. Современный читатель сайта мог бы заподозрить, что семью охватила какая-то заразная болезнь, но нерегулярный и периодический характер заболевания исключает эту гипотезу. Даррел в своем собственном памфлете по этому вопросу заявляет, что, когда родители однажды пошли на спектакль, дети были спокойны, но когда они занимались благочестивыми упражнениями, они мучились, и это заявление вызывает подозрение, что болезнь, как и болезнь детей Трокмортонгов, была в значительной степени воображаемой.

Но прорицатели были в работе. Они допросили фокусника и выяснили, что он "очень плохо справляется" с повторением молитвы "Отче наш". Он предстал перед мировым судьей, который начал собирать против него улики и передал его в суд. Там выяснилось, что он имел обыкновение целовать детей Старчи и даже пытался, хотя и безуспешно, поцеловать служанку. Предположительно, таким образом он передал злого духа - новое представление. Однако суд не смог найти закона, на основании которого его можно было бы повесить. Он околдовал детей, но ни одного из них не околдовал до смерти, а значит, не понес смертной казни. Но тут в щель проскочил отец. Он вспомнил, что видел, как фокусник начертил магический круг, разделил его на четыре части и велел свидетелям поочередно входить в эти части. Начертание таких кругов однозначно квалифицировалось законом как преступление. Хартли отрицал обвинение, но безрезультатно. Его признали виновным в преступлении^[15] - насколько мы можем судить, на основании этого ничем не подкрепленного домысла одного свидетеля - и повесили. Сочувствие, однако, было бы неуместным. За всю историю колдовства было мало жертв, которые так близко подошли к тому, чтобы заслужить свою судьбу.

Так было до приезда Даррела. Вместе с Даррелом приехал его помощник, Джордж Мор, пастор церкви в Дербишире. Они сразу же осознали сверхъестественный характер случая, который им предстояло лечить, и начали проводить религиозные службы для пострадавшей семьи. Но это было безрезультатно. "Все или большинство из них объединились в странном и сверхъестественном громком вое, от которого дом и земля снова зазвучали".

Но экзорцисты ничуть не расстроились. На следующий день в компании с другим священником они возобновили службу и смогли изгнать шесть из семи духов. На третий день они взяли штурмом последнюю цитадель сатаны. К несчастью, захват не был окончательным. Даррел сам рассказывает, что впоследствии женщина стала паписткой[16], и злой дух вернулся.

Теперь экзорцист обратил свое мастерство на молодого подмастерья-музыканта из Ноттингема. Согласно рассказу Даррела,[17] Уильям Сомерс за девять лет до этого встретил старуху, которая угрожала ему. А за год до приезда Даррела в Ноттингем Сомерс дважды встречался с незнакомой женщиной "в глубокой яме, на обочине дороги". Вскоре после этого он "использовал такие странные и праздные жесты, смеялся, танцевал и вел себя так легкомысленно, что его заподозрили в сумасшествии". Он начал страдать от телесных искажений и проявлять другие признаки одержимости, что вызвало немалое волнение в Ноттингеме.

К этому времени за Даррелом уже послали. Он прибыл сразу же и со свойственной ему поспешностью объявил, что дело в одержимости. Сомерс, сказал он, страдает за грехи Ноттингема.[18] Пора было что-то предпринять. Были назначены молитва и пост. В течение трех дней юноше читали проповеди и молитвы, а жители Ноттингема, по крайней мере некоторые из них, присоединились к посту. На третий день произошло то, что считалось самым замечательным зрелищем. Проповедник медленно, один за другим, назвал четырнадцать признаков одержимости. По мере того как он называл их, Сомерс по очереди иллюстрировал каждую форму одержимости.[19] Это были подтверждающие доказательства высокого порядка. Экзорцист превзошел самого себя. Теперь он обещал избавление для испытуемого. Четверть часа мальчик лежал как мертвый, а затем поднялся на ноги.

Теперь Даррел снова взял на себя роль колдуна, которую он уже однажды взял на себя. Сомерсу было предложено назвать тех, кто его околдовал. Через него, как утверждают, хвастался Даррел, они разоблачат всех ведьм в Англии.[20] Они отлично справились с этой задачей. Тринадцать женщин были обвинены мальчиком,[21] который впадал в припадки при виде ведьмы, и было сделано общее предложение выдвигать обвинения. Но общество стало недоверчивым и не откликнулось. Всех обвиняемых женщин, кроме двух, отпустили.

Искатель ведьм, который тем временем был избран проповедником в церкви Святой Марии в Ноттингеме, совершил две серьезные ошибки. Он позволил выдвинуть обвинения против Алисы Фримен, сестры олдермена,[22], и позволил вырвать Сомерса из своих рук. По уловке некоторых горожан, усомнившихся во владениях, Сомерс был помещен в исправительный дом по сфабрикованному обвинению в том, что он околдовал до смерти мистера Стерланда.[23] Оказавшись под влиянием священника, он признался, что его владения были притворными.[24] Даррел, по его словам, научил его притворяться. Дело получило широкую огласку, и им занялась англиканская церковь. Архидиакон Дерби доложил о случившемся своему начальству, и архиепископ Йоркский назначил комиссию для расследования дела.[25] То ли от тревоги, то ли потому, что он вновь попал под влияние Даррела, Сомерс отказался исповедоваться перед комиссией и вновь разыграл свои припадки с таким успехом, что комиссия, похоже, убедилась в реальности его одержимости.[26] Это была заметная победа экзорциста.

Но главный судья Андерсон из суда общих дел как раз начинал рассмотрение дела в Ноттингеме и рассматривал дело Алисы Фримен. Андерсон был человеком глубоких

убеждений. Он верил в реальность колдовства и ранее отправил на виселицу по меньшей мере одну ведьму[27] и одну - в тюрьму.[28] Но он был человеком, который всем сердцем ненавидел пуританство, и сразу же заподозрил бы пуританский экзорцизм. То ли потому, что архипротив Алисы Фримен выступал пуританин, то ли потому, что улики, представленные против нее, были непрочными, то ли потому, что Сомерс, вновь вызванный в суд, признал свой обман[29], то ли по всем этим причинам Андерсон не только прекратил дело[30], но и написал об этом письмо архиепископу Кентерберийскому. Архиепископ Уитгифт вызвал Даррела и Мора в суд высокой комиссии, где дело слушали епископ Лондона, два лорда-главных судьи, мастер запросов и другие видные чиновники. Кажется вполне очевидным, что Бэнкрофт, епископ Лондона, действительно взял на себя контроль над этим экзаменом и что он выступал в роли обвинителя в той же степени, что и в роли судьи. Один из друзей Даррела с горечью жаловался, что экзорцисту не позволили выступить "со своей особой защитой", но "лорд-епископ Лондона все равно время от времени обрывал его".[31] Несомненно, епископ мог быть несколько произвольным. Это была его привилегия в соответствии с процедурой суда высокой комиссии, и он имел дело с человеком, которого считал явным самозванцем. В общем, вердикт был вынесен в отношении двух священнослужителей. Они были отстранены от служения и заключены в тюрьму.[32] Это вызвало такой большой переполох, что в 1599 году Сэмюэл Харснетт, капеллан епископа Лондонского, опубликовал *"Разоблачение мошеннических действий Джона Даррела"* - подробное изложение всего дела с полным разоблачением обмана Даррела. В нем приводились показания Сомерса о происхождении его владений. В церковном суде он показал, что знал Даррела за несколько лет до их встречи в Ноттингеме. Во время их первой встречи он обещал, заявил Сомерс, "рассказать мне кое-какие вещи, и если я буду им управлять, то не буду вынужден уходить так далеко, как я это делал". Даррел рассказал Сомерсу историю Кэтрин Райт и ее одержимости и заметил: "Если вы поклянетесь мне соблюдать мои советы, я научу вас делать все те трюки, которые делала Кэтрин Райт, и многие другие, более жесткие". Затем он проиллюстрировал некоторые трюки для своего ученика и дал ему письменные указания. С тех пор встречи между ними происходили в разных местах. Ученик, однако, не совсем успешно справлялся со своими припадками, и однажды его выгнали со службы как притворщика. Затем он поступил в ученики к уже упомянутому музыканту и снова встретил Даррела, который посоветовал ему пойти к Томасу Дарлингу из Бертона, "потому что, - говорит Сомерс, - видя, как он играет, я смогу лучше научиться делать это сам". Сомерс снова встретился с Дарделом и прошел серию трюков с владением. Именно после всех этих встреч и практики Сомерс начал свою карьеру одержимого в Ноттингеме и получил молитву от мистера Даррела. По крайней мере, такова была его история, рассказанная церковной комиссии. Было бы опасно утверждать, что эта история полностью соответствует действительности. Конечно, Харснетт, которого можно назвать официальным репортером процесса над Дарделом, признал его по существу правдивым.[33]

Публикация *"Открытия"* Харснеттом оказалась лишь началом памфлетной полемики, которую Даррел и его сторонники не преминули подхватить.[34] Сам Харснетт после первого натиска больше не вступал в спор. Полуофициальный характер его статей делал ненужным опровержение заявлений осужденного человека. Во всяком случае, вскоре он был занят другим произведением, имеющим схожую цель. В 1602 году епископ Бэнкрофт занимался сбором материалов в форме заявлений под присягой для разоблачения католических претендентов. Он передал эти материалы своему капеллану. Были ли эти несколько допросов римских экзорцистов и их подопечных результатом нового интереса к разоблачению экзорцизма со стороны тех сил, которые отправили Даррела в тюрьму, или же они были просто этапом усиления бдительности в отношении деятельности римских священников, мы не можем сказать точно. Первый вывод не кажется невероятным. Как бы то

ни было, суд высокой миссии получил достаточно доказательств, чтобы Тайный совет дал разрешение на полную публикацию показаний.[35] Харснетту было поручено написать отчет о католических экзорцистах, который был опубликован в 1603 году под названием "*Декларация о вопиющих самозванствах папистов*" (*A Declaration of Egregious Popish Impostures*). Мы не располагаем историческими материалами, позволяющими проверить утверждения, содержащиеся в книге. На первый взгляд, дело против римских священников выглядит плохо. Была напечатана масса экспертиз, которые, как кажется, показывают, что иезуит Уэстон и его единомышленники в Англии были виновны в большом количестве плутовства и притворства. Иезуиты, однако, были мудрее в своем поколении, чем пуритане, и не выдвигали обвинений в колдовстве. По этой причине их выступления можно пропустить.

Ни претензии католиков, ни их опровержение не имеют для нас особого значения. Разоблачение Джона Даррела имело значение, поскольку касалось вины или невинности женщин, которых он обвинял в колдовстве, а также потому, что церковные власти приняли меры против него и тем самым нанесли прямой удар по экзорцизму и одержимости[36] и косвенный - по свободным обвинениям в колдовстве. Книги Харснетта стали результатом этого дела и последовавших за ним разоблачений католиков, и они были более значимыми, чем все, что было до этого. Англиканская церковь не высказывалась определенно по поводу колдовства, но ее представитель в нападении на католических притворщиков не проявлял неуверенности. Он скептически относился не только к экзорцизму, но и к колдовству. Его жесткие и язвительные высказывания освежают и вдохновляют. "Из них, - писал он, - складывается истинная идея ведьмы - старой, избитой непогодой кроаны, у которой подбородок и колени сходятся от возраста, которая ходит, как лук, опирающийся на древко, с впалыми глазами, беззубыми, изборожденными на лице, с губами, дрожащими от палси, которая ходит и бормочет на улицах, которая забыла своего *патера ностера*, но у которой еще есть пронизательный язык в голове, чтобы назвать черноту, чернотой. Если она узнала о старой жене в конце дымохода: *Pax, max, fax, for a spel: or can say Sir John of Grantams curse, for the Millers Eeles, that were stolne: ...* Почему же, хо, берегитесь, оглянитесь на своих соседей; если у кого-нибудь из вас есть овца, больная болезнью, или свинья, больная свинкой, или лошадь, больная поножовщиной, или безвольный мальчик из школы, или праздная девка из колеса, или молодая чернобурка, не имеющая достаточно жира для своей крыши, и ее отец и мать не имеют достаточно масла для своего хлеба; и у нее есть небольшая помощь *матери, эпилепсия или судороги*,а еще старая матушка *Нобс* называла ее в шутку "праздной молодой женой" или просила дьявола поцарапать ее, то, несомненно, матушка *Нобс* - ведьма..... *Гораций* язычник давно заметил, что ведьма, волшебник и фокусник - это всего лишь зазывалы, чтобы пугать дураков..... *А Джеффри Чосер*, у которого в голове были два глаза, остроумие и образованность, пронюхал, что все эти безмозглые выдумки о ведьмах, одержимых, домовых и прочем - подделки, козни, самозванцы и легавые, подделанные хитрыми священниками, ... пишет об этом на чистом языке".[37]

То, что Харснетт занял такую позицию, много значило. Шотландец был гласом вопиющего в пустыне. Харснетта поддерживали церковные и государственные власти. Как мы уже видели, он был капелланом епископа Бэнкрофта,[38] теперь - с 1604 года - ставшего архиепископом Кентерберийским. Ему самому предстояло стать известным в английской истории магистром Пембрук-холла (Кембридж), вице-канцлером Кембриджского университета, епископом Чичестерским, епископом Норвичским и архиепископом Йоркским.[39] Какой бы поддержкой он ни пользовался в то время - а совершенно ясно, что он пользовался поддержкой английской церкви в вопросе об экзорцизме - его более позднее положение и влияние должны были придать большой вес не только его взглядам на экзорцизм, но и его скептицизму в отношении колдовства.[40]

Его мнения по этому вопросу, насколько можно судить по его немногочисленным прямым высказываниям и следствиям, были столь же радикальными, как и у его предшественника.[41] По сути, он был человеком, который много читал[42] и глубоко размышлял о суевериях, но его мысли были окрашены шотландцем.[43] Его нападки, однако, были менее прямыми и изученными, чем у его учителя. Скот был человеком необычайно серьезного темперамента, простым, прямолинейным, воцерковленным англичанином, который охватил всю землю суеверий, не сказав ни одной фразы менее серьезной, чем другая. Его ученик, если так можно назвать Харснетта, писал серьезно, даже агрессивно, но с саркастическим и горьким юмором, который развлекал читателя и гораздо реже убеждал. Ухмылка никогда не покидала его губ. Если иногда и появлялась улыбка, то это была лишь акцентированная усмешка. Писатель, действительно чувствующий тонкое воздействие словосочетаний, если бы его юмор не был охлажден ненавистью, если бы его остроумие было более легким и игривым, он мог бы высмеять суеверия в Англии. Когда он описывал страшную силу святой воды, ладана и книги экзорцизмов "ошпаривать, бройле и испепелять дьявола", или "страшную силу креста и таинства алтаря мучить дьявола и заставлять его реветь", или "поразительную силу прозвищ, реликвий и ослиных ушей", [44] он обнаруживал способность к созданию забав, но не к эффективному юмору.

Было бы несправедливо оставить Харснетта без слов о его месте как писателя. С точки зрения литературных отличий его прозаический стиль держится на высоком уровне. В использовании сильных эпитетов и ярких фраз его не превзошел ни один елизаветинский прозаик. Из-за того, что его сочинения в основном представляют собой сухие, как пыль, отчеты об экзаменах, они так и не заняли того места в английской литературе, которого заслуживают некоторые из них.[45]

Книга Харснетта стала последней главой в истории елизаветинского колдовства и экзорцизма. Не лишним будет сказать, что она стала первой главой в литературной эксплуатации колдовства. Из *Декларации* Шекспир и Бен Джонсон добывали те руды, которые, будучи сплавлены и очищены воображением и фантазией, превращались в сияющие формы искусства. Shake спеаровские ученые указывали на связь между драматургом и разоблачителем экзорцизма. Один из исследователей Шекспира предположил, что великий драматург оказал свою помощь некоторыми аллюзиями в "*Двенадцатой ночи*" на попытки Харснетта высмеять пуританский экзорцизм.[46] Трудно сказать, насколько обоснованно это предположение. О Бене Джонсоне мы можем говорить более определенно. Совершенно очевидно, что он высмеивал притворные владения Даррела. В третьей сцене пятого акта пьесы "*Дьявол - осёл*" он заставляет Мере-крафта сказать:

Это самое простое, сэр, что можно сделать.
Это так же просто, как шипение: румяный, но с глазами,
И пена у рта. Небольшой замок-мыло
Чтобы натереть губы: А потом ореховая скорлупа,
С пальцами и хвоей, чтобы плевать огнем,
Читали ли вы, сэр, проделки маленького *Даррела*,
С мальчиком из *Бертон*а, и семерых в *Ланкашире*,
Соммерса в *Ноттингеме*? Все они учат этому.
И мы выдадим, сэр, что ваша жена околдовала вас.

Это достаточное доказательство не только того, что Джонсон сочувствовал англиканским противникам пуританского экзорцизма, но и того, что он ожидал найти единомышленников среди тех, кто слушал его пьесу. И его ожидания были небезосновательны. Совершенно очевидно, что за Харснеттом стояли силы англиканской церкви, и что их влияние придавало его взглядам вес. Мы уже отмечали, что в последнюю часть правления Елизаветы появились некоторые признаки реакции против суеверия о ведьмах. Книга Харснетта, хотя и направлена в первую очередь против экзорцизма, тем не менее является еще одним доказательством этой реакции.

[1] Сэр Джордж Пекхэм из Денхема близ Уксбриджа и лорд Вокс из Хакни были двумя самыми известными католиками, которые открывали свои дома для этих представлений. См. Сэмюэл Харснетт, *Декларация о вопиющих самозванствах папистов* (Лондон, 1603), 7, 8.

[2] Обсуждение католических экзорцистов см. в статье T. G. Law, "Devil Hunting in Elizabethan England" в журнале *"Nineteenth Century"* за март 1894 года. О других действиях Пекхэма в интересах своей церкви рассказывает доктор Р. Б. Мэрриман в статье "Некоторые заметки об обращении с английскими католиками в царствование Елизаветы" в журнале *Am. Hist. Rev.*, April, 1908. Однако д-р Мэрриман ошибается, полагая, что Джон Даррел сотрудничал с Уэстоном и католическими экзорцистами; там же, примечание 51. Даррел был пуританином и не имел ничего общего с католическими представлениями.

[3] Однако вполне можно предположить, что в более позднее время его ход был бы во многом таким же.

[4] Рассказ Харснетта о Кэтрин Райт см. в его книге *"Разоблачение мошеннических действий Джона Даррела"* (Лондон, 1599), 297-315. Историю Даррела см. в книге *The Trial of Maist. Dorrel, or A Collection of Defences against Allegations ...* (1599), 15-21.

[5] См. Harsnett, *Discovery*, 310.

[6] Злой дух Кэтрин Райт вернулся позже.

[7] "Я видел, как она просила милостыню у нас в доме, - заявил он, - а как ее зовут, я не знаю".

[8] Харснетт, *Discovery*, 41, 265, вкратце рассказывает о деле Дарлинга и Алсе Гудеридж. См. также John Darrel, *A Detection of that sinnful, shamful, lying, and ridiculous discours of Samuel Harshnet* (1600), 38-40. Но самый полный отчет содержится в памфлете, хранящемся в библиотеке Ламбетского дворца. Он озаглавлен *"Самые удивительные и правдивые истории о некой ведьме по имени Алза Гудеридж из Смейпенхилла"* (*The most wonderfull and true Storie of a certaine Witch named Alse Gooderidge of Stapenhill....*). А также правдивый отчет о странных мучениях Томаса Дарлинга..... (Лондон, 1597). Обсуждение этого памфлета см. в приложении А, § 1.

[9] Мальчика посетил незнакомец, который пытался убедить его в том, что ведьм не существует. Но этот дербиширский ученик Скота пришел не по адресу, и его усилия оказались совершенно бесполезными.

[10] В это же время забеспокоилась и мать Элизабет Райт. Ее нашли стоящей на коленях в молитве. Несомненно, бедная женщина таким образом пыталась облегчить свои страдания, но ее набожность была истолкована как поклонение дьяволу.

[11] Так утверждает Даррел. Памфлетист Денисон, собравший воедино историю Алзы Гудеридж, писал: "Ее должны были казнить, но ее дух убил ее в тюрьме".

[12] Даррел приводит подробный рассказ об этом деле в книге *"Правдивое повествование о странном и ужасном изгнании дьявола из семи человек в Ланкашире"* (1600; перепечатано в *Somers Tracts*, III), 170-179. См. также Джордж Мор, *"Правдивое рассуждение об определенном владении и лишении собственности семи человек в одной семье в Ланкашире..."* (1600), 9 и далее.

[13] Интересны некоторые моменты, связанные с этим делом. Джордж Мор рассказывает, что миссис Старчи была "наследницей". Некоторые из ее родственников, папистов, молились за гибель ее наследства. Четверо из ее детей скончались. Миссис Старчи, узнав об их молитвах, передала все свое имущество мужу. После этого у нее родилось двое детей, которые были поражены. Возможно, все это и является ключом к разгадке дела, но трудно понять, каким именно образом. См. More, *A true Discourse*, 11-12.

[14] Джордж Мор, *"Истинное рассуждение"*, 15; Харснетт, *"Открытие"*, 22. Хотя Ди не принимал никакого участия в этом деле, кроме того, что "резко обличал и строго разбирал" Хартли, он одолжил мистеру Хопвуду, мировому судье, перед которым предстал Хартли, свой экземпляр книги Виеруса, затем сборники экзорцизма, известные как *Flagellum Dæmonum* и *Fustis Dæmonum*, и, наконец, знаменитый *Malleus Maleficarum*. См. *"Частный дневник Ди"* (Camden Soc., Лондон, 1843), записи за 19 марта, 15 апреля и 6 августа 1597 года.

[15] Джордж Мор, *"Истинное рассуждение"*, 21; Даррел, *"Истинное повествование"* (*Somers Tracts*, III), 175.

[16] Харснетт, *Дискавери*, рассказывает, что "некие священники-семинаристы" завладели ею, носили ее по стране и тем самым "завоевали большую славу".

[17] Рассказ Даррела об этом деле приводится в *"Правдивом рассказе"* (*Somers Tracts*, III), 179-186. Харснетт рассматривает его в своих *"Открытиях"*, 78-264.

[18] См. показания Купера в Harsnett, *Discovery*, 114.

[19] Показания Сомерса и Даррела, там же, 124-125. Следует напомнить, что когда это было впервые рассмотрено комиссией, они были убеждены, что это не самозванство. Непрофессионал не может не заподозрить, что Даррел обладал гипнотическим контролем над Сомерсом.

[20] Там же, 141-142.

[21] Там же, 141. Харснетт цитирует Даррела в связи с этим утверждением.

[22] *Ibid.*, 5; John Darrel, *An Apologie, or defence of the possession of William Sommers ...* (1599?), L verso.

[23] Darrel, *A True Narration* (*Somers Tracts*, III), 184; см. также его *A brief Apologie proving the possession of William Sommers ...* (1599), 17.

[24] Harsnett, *Discovery*, 7.

[25] Там же.

[26] Там же, 8; Darrel, *An Apologie, or defence*, 4; Darrel, *A True Narration* (*Somers Tracts*, III), 185.

[27] *Triall of Maist. Доррел*, повествование в конце памфлета.

[28] Darrel, *A Detection of that sinnful ... discours of Samuel Harshnet*, 40. И см. выше, с. 56, примечание.

[29] Harsnett, *Discovery*, 8.

[30] Там же, 320-322; Даррел, "Апология, или защита", L III, говорит, что третье жюри оправдало ее. Харснетт ссылается на то, что он был признан виновным большим дознанием.

[31] *The Triall of Maist. Доррел*, предисловие "К читателю".

[32] Харснетт, "Открытие", 9.

[33] Там же, 78-98.

[34] И все же Доррел, должно быть, понимал, что ему досталось самое худшее. В "Предисловии к читателю" его публикации "Обзор некоторых диалогических дискурсов, написанных Джоном Диконом и Джоном Уокером..." (1602) есть патетическое признание этого факта: "Но как испытанная и избитая непогодой птица [я] желаю тихого уголка, чтобы отдохнуть и высушить свои перья на теплом солнце".

[35] Т. Г. Лоу, "Охота на дьявола в елизаветинской Англии", в *Nineteenth Century*, март, 1894.

[36] По вопросу экзорцизма позиция Англиканской церкви определилась к 1604 году. Этот вопрос был причиной разногласий между лидерами Реформации. Лютеране сохранили экзорцизм в ритуале крещения и соперничали с римским духовенством в изгнании одержимых. Как раз в конце XVI века в лютеранской Германии развернулась жаркая борьба между верующими в экзорцизм и теми, кто хотел изгнать его как суеверие. Швейцарские и женевские реформаторы, в отличие от Лютера, отбросили экзорцизм, объявив, что он принадлежал только ранней церкви, и обвинив современные случаи в папистском мошенничестве; и с ними, похоже, согласились их южногерманские друзья. В Англии крещенский экзорцизм был сначала сохранен в ритуале при Эдуарде VI, но в 1552 году, под влиянием Буцера, был отменен. При Елизавете еще большее влияние Цюриха и Женевы, должно быть, дискредитировало всякий экзорцизм, и можно найти множество доказательств этого в трудах Джуэла и его последователей. Интересное письмо архиепископа Паркера в 1574 году показывает его полное недоверие к одержимости в случае Агнес Бриджес и Рейчел Пиндер из Лотбери; см. "Переписка Паркера" (Parker Soc., Cambridge, 1856), 465-466. Его преемник, кальвинист Уитгифт, почти наверняка был того же мнения. Бэнкрофт, следующий архиепископ Кентерберийский, составил или, по крайней мере, вдохновил тот эпохальный свод канонов, принятый Собором весной 1604 года, 72-я статья которого запрещает любому англиканскому клирику без предварительного согласия его епископа использовать экзорцизм под любым предлогом, под страхом быть причисленным к самозванцам и лишенным сана. На этом дело закончилось для английской церкви. За это резюме протестантского и англиканского отношения к экзорцизму я обязан профессору Бурру.

[37] Harsnett, *A Declaration of Egregious Popish Impostures* (London, 1605), 136-138.

[38] Не исключено, что Харснетт выступал в роли рупора для Бэнкрофта. Даррел писал: "Нет никаких сомнений, что С. Х. означает Сэмюэлла Харснета, капеллана епископа Лондонского, но кто именно - он один или его господин и он - обнаружил эту подделку и косоная - вот в чем вопрос. Некоторые считают, что книга принадлежит епископу, а многие

думают, что это радостная работа их обоих". *A Detection of that sinnful ... discours of Samuel Harshnet*, 7, 8.

[39] С 1602 по 1609 год он был архидьяконом Эссекса; см. *Victoria History of Essex*, II, (London, 1907), 46.

[40] Существует утверждение преподобного Джона Свона, который писал в 1603 году, что книга Харснета попала в руки короля Якова, предположительно после его приезда в Англию; см. John Swan, *A True and Breife Report of Mary Glover's Vexation, and of her deliverance...* (1603), "Dedication to the King", 3. Можно было бы пожелать какого-нибудь подтверждения этому утверждению. Конечно, Джеймс не мог в то время симпатизировать взглядам Харснета на ведьм, но его отношение к тем, кто предположительно был одержим злыми духами, в нескольких случаях указывает на то, что на него вполне могло повлиять чтение "*Открытия*".

[41] На странице 36 "*Открытия*" Харснетт пишет: "Могут ли ведьмы насылать дьяволов на мужчин и женщин (как многие утверждают) - это вопрос среди тех, кто пишет о подобных вещах, и более ученые и здравомыслящие придерживаются отрицательного мнения". Не нужно далеко читать Харснета, чтобы понять, что он думал.

[42] Его ученость, очевидная из его книг, подтверждается Томасом Фуллером, который называет его "человеком большой образованности, сильных сторон и крепкого духа" (*Worthies of England*, ed. of London, 1840, I, 507).

[43] См. его "*Декларацию о вопиющих папистских самозванствах*", 134-136; его "*Открытие*" также свидетельствует об использовании шотландского языка.

[44] Harsnett, *Declaration of Egregious Popish Impostures*, 98, 123, 110.

[45] Read *ibid.*, 131-140.

[46] Joseph Hunter, *New Illustrations of the Life, Studies and Writings of Shakespeare* (London, 1845), I, 380-390.

ГЛАВА V.

Яков I и колдовство.

Кто-то заметил, что колдовство пришло в Англию вместе со Стюартами и ушло вместе с ними. В этом несерьезном способе фиксировать подъем и спад того или иного движения как раз достаточно правды, чтобы вызвать заблуждение. Нет ничего проще, чем взглянуть на тревоги правления Елизаветы и увидеть в них случайные вспышки, не имеющие особого значения, единичные случаи, предвещающие новое движение, а не его часть. На самом деле, любой такой взгляд является поверхностным. В предыдущих главах автор попытался показать, как чуждые идеи и условия внутри страны дали толчок движению, которое в течение одного царствования приняло вполне определенные формы.

Однако это движение было настолько ускорено, такой дополнительный импульс ему придал Яков I, что мнение о том, что Яков положил начало суеверию в Англии, как бы поверхностно оно ни было, имеет под собой некоторую долю правды. Если Елизавета и задумывалась над этим вопросом, то, по крайней мере, не высказывала его многословно. Джеймс имел весьма определенные взгляды на этот вопрос и не стеснялся их высказывать. Его мнение имело вес. Бесполезно отрицать, что королевская позиция влияла на суды. Участие Иакова в

преследовании ведьм нельзя оправдать только на том основании, что он был абсолютно честен. Он глубоко переживал по этому поводу. И это неудивительно. Он вырос в Шотландии в самый разгар борьбы с ведьмами. Его собственная жизнь, по его мнению, была поставлена под угрозу из-за проделок ведьм. Он считал, что у него есть все основания бояться и ненавидеть этих существ, и мы можем только удивляться, что он был настолько умеренным, как мы узнаем позже. История дела, которое взбудоражило шотландского короля и его народ, уже не раз рассказывалась, но ее необходимо привести здесь, чтобы объяснить его отношение. В 1589 году он заключил брак с принцессой Анной Датской. Брак был заключен по доверенности в июле, и тогда было решено, что принцесса должна приехать в Англию. Она отправилась в путь, но во время сильного шторма ее отнесло к берегам Норвегии, и она задержалась там из-за продолжительных штормов. Джеймс отплыл в Упсалу и, перезимовав на севере континента, весной привез свою невесту в Шотландию, не без того, чтобы не столкнуться с еще более суровой погодой. Людям того времени было совершенно ясно, что океан был недружелюбен к союзу Якова. Если бы Шотландия была Древней Грецией, то, несомненно, Нептун был бы умиловивлен жертвоприношением. Но это была Шотландия, а вечно боящегося Сатану не так-то легко умиловивить. В последнее время он был очень активен в королевстве.

К тому же это было время, когда сатанинские и прочие заговоры могли стать достоянием гласности. В королевстве было беспокойно, если не сказать недовольно. Ходили заговоры и слухи о них. Попытка разоблачить их, а также помешать нападкам лукавого на короля привела к зарождению и распространению чудовищной истории о заговоре доктора Фиана. Доктор Фиан был не кем иным, как шотландским доктором Фаустусом. По профессии он был школьным учителем. После беспутной юности он, как говорят, отдал душу дьяволу. Согласно истории, он собрал вокруг себя разношерстную толпу: католичек звания, "мудрых женщин" и скромных крестьянок; но это была команда, готовая к злему предприятию. Не совсем ясно, почему они должны были напасть на короля: возможно, из-за его известной набожности, возможно, из-за того, что он был протестантом. В любом случае, как гласила история, они собирались уничтожить его и думали, что нашли свою возможность в его поездке в Данию. Они хотели утопить его во время шторма на море. Для поднятия бури существовал простой способ - бросание кошек в море. Этот шотландский способ принесения жертвы Нептуну был должным образом реализован, и, как мы видели, не хватило совсем немного, чтобы погубить короля. Только благочестие короля, как признался в своей исповеди доктор Фиан, одержало верх над силой лукавого.[1]

Такова история, взбудоражившая Шотландию из конца в конец. Эта история легко объяснима. Признания были вырваны у предполагаемых заговорщиков с помощью различных видов пыток, "недавно предусмотренных для ведьм в этой стране". Гейлис Данкейн судили с помощью "пытки пилюлями на пальцах, что является тяжелой пыткой, и связывания или выкручивания головы шнуром или веревкой". Агнес Сэмпсон подвергалась ужасным пыткам и позорным унижениям, пока ее женская скромность не выдержала и она не призналась "во всем, что от нее требовали". Доктор Фиан был подвергнут различным видам пыток, а затем "подвергся самой сильной и жестокой боли в мире, называемой бутсами", и таким образом был вынужден нарушить свое молчание и оговорить себя. В другой раз, когда король, лично осмотрев его, увидел, что тот упрямится и отрицает уже сделанные признания, он приказал снова подвергнуть его пыткам. Ему вырвали ногти на пальцах щипцами, а в то, что от них осталось, вставили иглы "до самых голов". За этим последовали другие пытки, слишком ужасные, чтобы их описывать.[2]

Немного трудно понять, как получилось, что король "с большим удовольствием присутствовал на экзаменах", но на протяжении всей серии жалких испытаний он не терял рвения. Когда Барбару Напьер, невестку лэрда Каршогила, собирались казнить, была предоставлена отсрочка в связи с приближающимся рождением ребенка. После этого, "никто не настаивал на ее казни, она была отпущена на свободу". Похоже, что присяжные, которые осудили ее до этого, оправдали ее по главному обвинению - в измене королю. Король был разгневан таким нарушением правосудия, отправился в Толбут и выступил с речью по этому поводу. Он говорил о "собственном беспристрастии, использовании колдовства, чудовищности преступления, ... невежестве, позволяющем считать подобные вещи простыми фантазиями, причине собственного вмешательства в дело, невежестве ассасинов во время позднего процесса, собственном мнении о том, какими на самом деле являются ведьмы".[3]

Лишь несколько лет спустя Джеймс изложил это мнение в письменном виде. Всему миру известно, что король был серьезным студентом. С неослабевающим рвением он изучал этот вопрос, и в 1597 году, через семь лет после дела доктора Фиана, он опубликовал свою *"Dæmonologie"*. [4] Она была призвана опровергнуть "проклятые мнения двух главных людей нашего века" - Скота, который "не стесняется в публичной печати отрицать, что может существовать такая вещь, как колдовство", и Виеруса, "немецкого врача", который "излагает публичную апологию всех этих ремесленных фокусов, посредством чего... он явно выдает себя за человека, принадлежащего к этой профессии".

Следовало ожидать, что Джеймс станет выразителем современной системы верований. Он прилежно, если не сказать широко, читал континентальную литературу по этому вопросу и многое из нее усвоил. Он был достаточно шотландцем, чтобы интересоваться теологией, и достаточно Стюартом, чтобы иметь вполне определенные взгляды. У Джеймса тоже был свой взгляд на вещи. В его подходах была определенная свежесть, несмотря на то, что он вспахивал старые поля. Ничто лучше не иллюстрирует его сочетание приверженности традициям, легковерия и оригинальности, чем его взгляды на перевозку ведьм - тему, которая давно занимала теоретиков демонологии. Он считал, что ведьм можно перевозить естественным путем или переносить по воздуху "силой духа, который является их проводником", как Хабакука переносил ангел. [5] С этим он мог согласиться. Но в то, что они могут превращаться в "маленького зверька или гада" и проникать "через любой дом или церковь, хотя все обычные проходы закрыты", он отказывался верить. Однако до сих пор ни в его вере, ни в его неверии не было ничего оригинального. Но его предположение по другому вопросу было, скорее всего, его собственным. Долго обсуждался вопрос о том, как далеко по воздуху могут проникать ведьмы. Джеймс считал, что они могут пролететь лишь настолько далеко, насколько им хватит дыхания.

Но королевский демонолог редко отклонялся от проторенной дороги. Он был конформистом и чувствовал, что ортодоксальная версия нуждается в защите, поэтому он принялся отвечать возражающим. На аргумент о том, что ведьмы - меланхоличные и одинокие женщины (и поэтому, как он объяснил бы, представляют собой самый легкий объект для нападков), он ответил категорическим отрицанием: "Некоторые из них богаты и житейски мудры, некоторые толсты или корпулентны телом". На возражение, что если бы ведьмы обладали той силой, которую им приписывают, то в мире не осталось бы в живых никого, кроме них самих, он ответил, что так бы и было, если бы сила дьявола не была обуздана Богом. На возражения о том, что Бог не допустит, чтобы его детей терзал дьявол, он ответил, что Бог позволяет терпеть беспокойство благочестивым людям, спящим в грехе; что Он даже

позволяет лукавому терзать праведников для их же блага - обычный аргумент, который сослужил службу во многих богословских спорах.

Любопытно, что Джеймс, похоже, признавал надежность римских экзорцизмов, на которые в то время начала нападать Англиканская церковь. Его объяснение их достойно "самого мудрого дурака в христианстве". По его мнению, паписты часто излечивают одержимых, потому что "прорицатель довольствуется тем, что отпускает их телесные повреждения, ... получая таким образом вечные повреждения душ".

То, что Джеймс предавался религиозным изыскам, а не доказательствам, было вполне ожидаемо. Хотя он и отказался от шотландского богословия, ему так и не удалось полностью избавиться от него. Что касается доказательств против обвиняемых, королевский писатель был краток. По его мнению, ценными были два вида доказательств: один - "обнаружение их марки и испытание их нечувствительности, другой - их мимолетность [плавание] по воде". Последний признак, по его словам, основан на том, что вода отказывается принимать ведьм - то есть чистая стихия отказывается принимать тех, кто отрекся от крещения.^[6] Мы увидим, что влияние *Dæmonologie* можно справедливо оценить, измерив более широкое использование этих двух тестов вины в его собственное правление и правление его сына. До сих пор свидетельство метки имело меньшее значение, а испытание водой не использовалось.

Предполагаемый колдовской знак на теле был связан с договорами между ведьмами и дьяволом. Об этой отвратительной стороне веры в ведьм мы рассказывать не будем. Достаточно сказать, что Джеймс настаивал на реальности этих договоров и, соответственно, на наказании, которое должно быть назначено тем, кто их заключил. Все ведьмы, кроме детей, должны быть приговорены к смерти. Король, однако, проявляет признаки обычной сдержанности и признает, что магистраты должны быть осторожны с осуждением. Но, хотя он и считает, что невиновные не должны быть осуждены, он предостерегает чиновников от греха неспособности осудить виновных.^[7] Мы увидим, что на протяжении всего своего правления в Англии он придерживался курса, полностью соответствующего этим принципам.

Критическую оценку книги Джеймса дать трудновато. Исследователи колдовства высказывали самые экстравагантные, но сильно расходящиеся мнения о ней. Писатель признается, что он не знаком с колдовской литературой континента, которая позволила бы ему оценить "*Dæmonologie*" с точки зрения ее оригинальности. Такой авторитет, как Томас Райт, заявил, что она "значительно уступает другим трактатам на эту тему" и что она была собрана из иностранных работ.^[8] Несомненно, изучение континентальной литературы хотя бы отчасти подтверждает это мнение. Однако из того, что можно узнать об этом огромном труде историков колдовства, складывается впечатление, что мнение Джеймса в некоторых отношениях было его собственным. Конечно, он впитывал существующие верования, но не стеснялся давать собственную интерпретацию и объяснение явлениям. Эта интерпретация не лишена проницательности. Тому, кто продрался сквозь множество утомительных защит веры в колдовство, кажется, что работа Джеймса не уступает ни одной из тех, что были написаны на английском языке до Джозефа Гланвилла в 1668 году. Тот, кто прочитает Гланвилла и Джеймса вместе, получит вполне удовлетворительное представление о позиции защитников суеверия. Гланвилл настаивал на том, что, по его мнению, было хорошо подтверждено фактами опыта. Джеймс основывал свою веру на теоретических рассуждениях.

Мы уже отмечали, что книга Джеймса была влиятельной в свое время. Само собой разумеется, что его положение государя значительно усилило ее влияние. Особенно это проявилось после того, как он занял трон Англии. Дикты, исходившие от главы английской нации, не могли не найти широкой аудитории, особенно в самой Англии. Его работы стали учебником для чиновников. Это был ключ к характеру и методам нового правителя, и те, кто надеялся на продвижение по службе, быстро воспользовались им. Преследовать ведьм означало заслужить одобрение государя. Судьи были побуждены к большей активности. Кроме того, санкция королевской власти придавала народным выступлениям против подозрительных женщин больше внимания со стороны дворянства. И в конечном итоге именно дворяне в лице мировых судей решали, следует ли принимать меры в связи с шепотом и слухами соседей.

Но самое непосредственное влияние короля было связано с принятием нового закона. Его первый парламент просуществовал всего восемь дней, когда Палата лордов предприняла шаги по ужесточению закона против колдовства. Действующий закон, принятый на пятом году правления Елизаветы, предусматривал смертную казнь за убийство с помощью колдовства и годичное тюремное заключение за нанесение увечий с помощью колдовства или смежных средств. Джеймс, естественно, почувствовал, что этот закон был лишь одной из версий закона против убийства и не касался ужасного преступления - договора с дьяволом и содержания импов.[9] Здесь был грех, по сравнению с которым лишение жизни было легким преступлением. Необходимо было, чтобы виновные в нем понесли самое суровое наказание по закону, даже если они не понесли ни одной человеческой жертвы. Именно для того, чтобы исправить этот недостаток уголовного кодекса, был введен новый статут.

Не стоит тратить время на то, чтобы проследить, как этот законопроект продвигался изо дня в день. За ним можно проследить по журналам лордов и общин. Законопроект поступил на рассмотрение большого комитета, в который вошли шесть графов и двенадцать епископов.[10] Возможно, присутствие епископов свидетельствовало о том, что колдовство все еще рассматривалось как грех, а не как преступление. Это был вопрос, по которому мнение церкви уже принималось раньше и вполне могло быть принято снова. Далее было решено, что вместе с комитетом будут работать лорд-главный судья по общим делам сэра Эдмунд Андерсон и генеральный прокурор, впоследствии столь известный сэра Эдвард Коук, а также другие выдающиеся юристы. Андерсон, напомним, неоднократно председательствовал на судебных процессах и осуждал и освобождал ведьм. Об отношении Коука к этому вопросу нам ничего не известно, кроме того, что он входил в состав комитета. Похоже, у комитета было достаточно дел. Во всяком случае, предложенный статут подвергся пересмотру.[11] Несомненно, к этому делу приложил руку Тайный совет;[12] не исключено, что законопроект был составлен под его руководством. 9 июня, примерно через два с половиной месяца после его представления, статут прошел окончательное чтение в лордах.[13] Он отменял статут времен правления Елизаветы и предусматривал, что любой, кто "будет использовать, практиковать или осуществлять любое обращение или вызывание любого злого и нечестивого духа, или будет советоваться, договариваться с, развлекать, нанимать, кормить или вознаграждать любого злого и нечестивого духа с любой целью; или возьмет любого мертвого мужчину, женщину или ребенка ... для использования в любом виде колдовства", должен подвергнуться смертной казни как преступник. Кроме того, в нем предусматривалось, что любой, кто "возьмет на себя колдовство ... рассказать или объявить, в каком месте должно или может быть найдено какое-либо сокровище из золота или серебра ... или где должны быть найдены или находиться потерянные или залежавшиеся товары или вещи, или с намерением спровоцировать любого человека на незаконную любовь, или где

любой каттел или товар любого человека должен быть уничтожен, растрочен или поврежден, или ранить или уничтожить любого человека в его или ее теле, хотя это и не было сделано", должен был за первое преступление понести один год тюремного заключения с четырьмя появлениями на скамье подсудимых, а за второе преступление - смерть. Закон объясняет сам себя. Не только убийство людей с помощью злых духов, но даже использование злых духов таким образом, чтобы причинить вред, было смертным преступлением. Второй пункт наказывал белую магию и намерение причинить вред, даже если она "не была произведена", годичным тюремным заключением и столбом. Легко заметить, что одной из целей, которую пытались достичь составители закона своей несколько неуклюжей формулировкой, было сделать так, чтобы факт колдовства как уголовного преступления зависел в основном от единственной формы доказательств - свидетельства об использовании злых духов.

Мы уже видели, почему люди с убеждениями Джеймса о договорах с дьяволом могли желать, чтобы преступление основывалось на такого рода доказательствах.^[14] Также легко понять, как этот закон будет работать на практике. До сих пор ведьму можно было привлечь к суду на основании обвинений ее соседей, но нельзя было отправить ее на виселицу, если в ее смерти не было виновных поблизости. Община, доставившая подозрительную женщину в суд, скорее всего, понесет расходы на ее содержание в тюрьме в течение года. У него не было никакой уверенности в том, что он сможет окончательно избавиться от нее.

По новому закону достаточно было доказать, что женщина пользуется злыми духами, и она оказывалась на свободе. Обвинить женщину в содержании "знакомого" было проще, чем обвинить ее в убийстве. В историях, которые собирали деревенские сплетники, центральное место занимало содержание "фа миллиаров".^[15] Достаточно было представить в суде несколько таких сплетен, и женщина была обречена.

Конечно, это теория. Практический вопрос заключается не в том, как будет действовать закон, а в том, как он действует. Это снова приводит нас в опасную область статистики. Если предположить, что известные нам дела о ведьмах являются надежной основой для сравнения, то правление Якова, как уже было сказано, показывает заметное увеличение казней ведьм по сравнению с правлением Елизаветы. Мы располагаем записями о сорока - пятидесяти людях, пострадавших за это преступление во время правления Якова, причем все они, кроме одной, были казнены в течение первых пятнадцати лет. Как видно, среднее число казней в год почти вдвое превышает число казней, известных нам в первую часть правления Елизаветы, и, конечно, в несколько раз превышает число казней, известных в последнюю часть. Такое увеличение числа казней мы сразу же склонны отнести на счет прямого и косвенного влияния нового короля. Однако вполне справедливо может возникнуть вопрос, не был ли новый статут, принятый по предложению короля, отчасти ответственен за увеличение числа. На этот вопрос можно ответить, изучив те дела, в которых мы имеем обвинения. Из тридцати семи таких случаев в правление Якова I, когда был вынесен смертный приговор, семнадцать были связаны с обвинениями в колдовстве, которое не привело к смерти. В остальных двадцати случаях обвиняемые были обвинены в убийстве.^[16]

Это означает, что более двух пятых тех, кто, как известно, был осужден по новому закону, избежали бы смерти по елизаветинскому уставу. С учетом неполноты нашей статистики, кажется несомненным, что новый закон значительно увеличил число смертных приговоров. Вычтите из общего числа смертных приговоров семнадцать, вынесенных за преступления, связанные с колдовством, которые не были убийствами, и мы получим цифры, не сильно отличающиеся от тех, что были в правление Елизаветы.

Это достаточный комментарий к эффективности нового закона в отношении его особенно новаторских черт. Изучение характера доказательств и критериев вины, использовавшихся на различных процессах во время правления, покажет, что формулировки закона, а также королевские указания по определению вины влияли на формы обвинения и вердикты присяжных. Другими словами, показания, данные на некоторых известных судебных процессах того времени, являются лучшим комментарием к закону, а также к *Dæmonologie*. Это можно проиллюстрировать на примере трех процессов, использовавшихся для определения вины. Король рекомендовал испытание водой. До этого времени оно, насколько нам известно, не применялось в делах английских ведьм. Первое упоминание о его применении относится к 1612 году, через девять лет после вступления Якова на английский престол. В тот год в Нортгемптоне произошло "открытие" ведьм. Восемь или девять женщин были обвинены в пытках мужчины и его сестры, а также в издевательствах над другими. Одну из них по приказу мирового судьи бросили в воду со "связанными руками и ногами", но она "ни за что не могла опуститься на дно". Тот же эксперимент был применен к Артуру Биллу и его родителям. Его обвинили в околдовывании Марты Аспин. Его отец и мать долгое время считались ведьмами. Но поскольку "дело оставалось сомнительным и не могло быть проверено на нем", ему (и его родителям) связали "большие пальцы рук и ног... акросс" и бросили в воду. Подозрение, которое и раньше было не слишком обоснованным, теперь подтвердилось.^[17] Конечно, это было сделано мировыми судьями, и мы не знаем, насколько это повлияло на суд присяжных.^[18]

Это единственные случаи, приведенные в записях царствования Якова, когда этот тест использовался властями. Но уже в следующем году после дела в Нортгемптоне он был использован в соседнем графстве Бедфорд частными лицами. Один землевладелец, страдавший, как он считал, от бед двух арендаторов, матери Саттон и ее дочери, взял дело в свои руки. Его людям было приказано раздеть обеих женщин "до плавок", связать им руки и бросить в воду. Предосторожность, заключающаяся в том, чтобы "надеть на них роуп", оказалась бесполезной, так как обе поплыли. Этого было недостаточно. Мать, связанную по рукам и ногам, снова бросили в воду. Она "нисколько не загорала, но, сидя на воде, поворачивалась вокруг себя, как колесо..... А когда ее подняли, она так же смело, как если бы была невиновна, спросила их, могут ли они еще что-нибудь с ней сделать".

Использование меток в качестве улик было не таким новым, как испытание водой. Но довольно любопытно, что в двух сериях дел, связанных с испытанием водой, акцент был сделан на другом процессе. В этих двух случаях создается впечатление, что совет *Dæmonologie* был воспринят обвинителями очень прямолинейно.^[19] Был еще один случай такого испытания.^[20] Однако примечательно то, что в самом важном судебном процессе того времени - в Ланкастере в 1612 году - полностью отсутствовали, по крайней мере, насколько можно судить по сохранившимся записям, женщины-присяжные или отчеты от них.^[21] Этот метод определения вины еще не был широко распространен в судах. Вряд ли можно сомневаться в том, что в Ланкастере он был категорически запрещен.^[22] Доказательства использования злых духов, против которых был специально разработан статут первого года правления Якова I, использовались в такой значительной части судебных процессов, что не стоит подробно разбирать эти случаи.

Закон запрещал брать мертвого человека, его кожу, кости или другие части для использования в колдовстве. Предположительно, фраза была вызвана каким-то случаем такой формы колдовства, но до нас не дошло ни одного подобного случая до нескольких лет после принятия закона. Одним из главных обвинений против Джоанны Харрисон из Ройстона в 1606 году было то, что полицейские нашли у нее "все кости, причитающиеся

анатомии мужчины и женщины".[23] Эта находка повлекла за собой другие обвинения, и она была повешена. На знаменитом ланкаширском процессе в 1612 году было объявлено, что у колдуньи Чаттокс было три скальпа и восемь зубов. Она была виновна и по другим пунктам, но избежала смерти от палача.

Это иллюстрации к тому, что *Dæmonologie* и статут Якова I находят свои комментарии в доказательствах, представленных на судебных процессах. Само собой разумеется, что эти иллюстрации представляют лишь некоторые из форм свидетельских показаний, даваемых в судах. Поэтому не будет лишним остановиться на некоторых других примерах доказательств, характерных для процессов над ведьмами того царствования. С большинством из них мы уже знакомы. Требование, чтобы ведьма повторяла определенные слова за мировым судьей, использовалось один раз в царствование Иакова. В лучшем случае это был необычный метод.[24] Более распространенной формой доказательства была находка или видение глиняных или восковых изображений во владении обвиняемой.[25] Свидетель, нашедший такую модель в помещении обвиняемого или видевший, как обвиняемый с ней обращается, с готовностью приходил к выводу, что изображение изображает какого-то человека. Если задаться вопросом, как мы должны объяснять такого рода доказательства, то ответ будет прост. В летописи колдовства то и дело всплывали случаи, когда потенциальный обвинитель прятал восковую или глиняную фигурку в доме того, кого хотел обвинить, а потом находил ее. Несомненно, некоторые дела начинались именно так. Несомненно, и горькие женщины, которым нужно было удовлетворить свои обиды, экспериментировали с образами и были пойманы на этом. Но это было редкостью. В большем числе случаев истории об образах были чистой выдумкой. К этой категории почти наверняка относятся истории, рассказанные в Ланкастере.[26]

Со "спектральными доказательствами" мы встречались в елизаветинский период. В это царствование было два или три случая их использования, а в правление Якова их стало еще больше. Мастер Эйвери из Нортгемптона, который вместе со своей сестрой был главным обвинителем на судебных процессах, в одном из своих припадков увидел черную бородавку на теле Агнес Браун, бородавку, которая действительно была найдена "при обыске".[27] Мастер Эйвери видел и другие призраки, но самым любопытным был призрак окровавленного человека, который просил его смириться над его госпожой Агнес и прекратить ее обвинять.[28] В Бедфорде слуга мастера Энгера рассказал длинную историю, но самая захватывающая часть касалась визита к нему юной Мэри Саттон (которую он обвинял). В "лунную ночь" она появилась у окна в своей "привычной и личной одежде и форме" и взяла у него на руки. Затем, приблизившись, она предложила ему условия, с помощью которых он мог бы восстановить свое прежнее здоровье, от которых, как мы понимаем, добродетельный свидетель отказался. Приятно узнать, что мастер Энгер "не верил в правдивость" этой истории. Возникает опасение, что эти призраки не были плодом буйного воображения, как многие другие, а были всего лишь искусным вымыслом.[29] В любом случае они не были основой доказательства. В судебном процессе Фэрфакса в Йорке в 1622 году обвинения против шести женщин полностью основывались на огромной ткани спектральных доказательств. Трое детей разговаривали с призраками, встречались с ними на улице, в церкви и на кухне. Призраки были удивительно мудрыми и называли гостей, которых семья не знала. Они боролись с детьми, переворачивались через них в постели, ходили за ними к соседям.

Сродни свидетельствам о наваждениях были свидетельства о воздействии взгляда ведьмы. В английском колдовстве такое явление встречается крайне редко, но в правление Якова есть два случая. В Ройстоне, Хартфордшир, жил "честный парень и такой же сварливый

собутельник... который любил горшок с длинным горлышком почти так же хорошо, как свои молитвы". Однажды, когда он пил с четырьмя собутельниками, вошла Джоанна Харрисон и "злорадно смотрела на них". Он отправился домой и сразу же заболел.[30] В Нортгемптоне на сайте двенадцатилетний Хью Лукас "с ужасом" смотрел на Джейн Лукас в церкви, а вернувшись домой, впал в конвульсии.[31]

Еще одно доказательство требует внимания. На суде над Дженнет Престон в Йорке было засвидетельствовано, что труп мистера Листера, которого она, как считалось, убила с помощью колдовства, истек кровью в ее присутствии. Судья не оставил это без внимания при подведении итогов. Это было одно из трех важных обвинений против женщины, более того, по словам впечатляющего мистера Поттса, цитирующего судью, оно имело большее значение, чем все остальные.[32] Конечно же, госпожа Престон отправилась на виселицу.

Читателю придет в голову спросить, были ли исключены или опротестованы какие-либо доказательства. На этот счет мы располагаем лишь незначительными сведениями. Преподобный Генри Гудкол, рассказывая о суде над Элизабет Сойер из Эдмонта в 1621 году, писал, что кусок соломы из дома обвиняемой был сорван и сожжен, после чего женщина вскоре появилась на месте преступления.[33] Гудкол назвал этот метод "старым нелепым обычаем", и мы можем предположить, что он говорил и за судью. В делах Ланкашира судья Алтхэм, чья доверчивость не знала границ, внезапно "заподозрил в обвинениях эту юную девку, Дженнет Девайс", которая нагромождала обвинения против Алисы Наттер. Девушку выгнали из комнаты, ведьм перепутали, а Дженнет потребовали, чтобы, придя снова, она выбрала Алису Наттер. Конечно, это оказалось легким делом.[34] В другой раз, когда Дженнет увлеченно перечисляла ведьм, собравшихся на великом собрании в Малкинг-Тауэр, судья вдруг спросил ее, была ли там Джоан-а-Даун. Но девочка не поддавалась на уловку и ответила отрицательно, к большому удовольствию всех, а особенно праведного мистера Поттса.[35]

Это все, что мы знаем непосредственно о тенденции подвергать сомнению доказательства в Ланкастере в 1612 году, но многое другое можно понять из того, чего там нет. Сравнение этого процесса с другими современными процессами убедит любого, что судьи Алтхэм и Бромли должны были исключить определенные формы доказательств. Здесь не проводилось никаких экспериментов и не было женщин-присяжных.[36] Это, конечно, не означает, что все глупые свидетельства были исключены. В показаниях достаточно и других глупостей, чтобы доказать обратное.

Теперь мы перейдем от вопроса о доказательствах к краткому рассмотрению нескольких менее заметных особенностей якобинского колдовства. Мы отметим характер приговоров, распределение судебных процессов, персонал и положение обвиняемых в жизни, и, наконец, вопрос юрисдикции.

В другой связи мы уже указывали примерное количество казней, о которых мы имеем сведения в правление Якова. Это число, как мы видели, несомненно превышало сорок и, вероятно, приближалось к пятидесяти. Однако оно составляло не более половины от общего числа зарегистрированных обвинительных дел. Следовательно, остальные вердикты и приговоры имеют значение. Особенно это касается оправдательных приговоров. Их было тридцать, а возможно, и сорок. Если добавить к ним процессы, исход которых нам неизвестен, то можно предположить, что их число было близко к сумме казней. Юридически возможен был только один исход суда - годичное заключение с ежеквартальными появлениями на скамье подсудимых. Было три или четыре случая применения этого

наказания, а также один случай, когда тюремное заключение было заменено залогом хорошего поведения.^[37] Было выдано пять помилований,^[38] три из них - властями Лондона, два - местными властями, очевидно, по принуждению.^[39]

Теперь мы переходим к рассмотрению личности, пола, рода занятий и жизненного положения обвиняемых. По некоторым из этих вопросов можно дать статистические выводы, но принимать их следует с большой осторожностью. При тщательном подсчете, насколько это позволяет недостаточная доказательная база, можно сделать вывод, что женщинам было предъявлено в шесть раз больше обвинений, чем мужчинам. Этого следовало ожидать. Возможно, в меньшей степени соответствует традиции тот факт, что в процессах над ведьмами якобинской эпохи участвовало в два раза больше замужних женщин, чем девиц. Соотношение вдов и незамужних женщин было примерно одинаковым, так что доля незамужних женщин среди общего числа обвиняемых, по-видимому, была невелика. Эти результаты следует принимать с осторожностью, однако более полная статистика, вероятно, покажет, что доля замужних женщин была еще больше.^[40]

Жизненное положение этих людей не отличалось от положения того же класса в более ранний период. В описании ланкаширского процесса мы увидим, что две семьи, чьи ссоры привели к беде, были самыми низкими из низких деревенских жителей, нищими и шарманщиками, распущенными в своих нравах и хитрыми в своих делах. Женщины Флауэр, мать и дочь, были обвинены в дурной жизни; говорили, что Агнес Браун и ее дочь из Нортгемптона имели весьма сомнительную репутацию; у матери Саттон из Бедфорда якобы было трое незаконнорожденных детей. Остальные ведьмы того времени, однако, были не столь низкого уровня. Они были домашними слугами, бедными арендаторами, "свинопасами", женами йоменов, продавцами метел и т. д.

Над этой пестрой крестьянской командой возвышалось несколько представителей различных высших сословий. Школьный учитель, экспериментировавший с колдовством против короля,^[41] священник, который "в молодости занимался колдовством",^[42] дама, обвиненная в колдовстве, но задержанная за другие грехи,^[43] колдун, оказывавший профессиональные услуги страстной графине,^[44] - все они составляют странную группу ведьм, и, если уж на то пошло, малозначительную. Ни одно из их дел не стало иллюстрацией к работе закона о ведьмах; скорее, это были странные примеры связи между суеверием, с одной стороны, и политикой и придворными интригами - с другой. Однако не так обстояло дело с обвинением Алисы Наттер на Ланкаширском процессе 1612 года. Алиса Наттер принадлежала к известной семье графства. "Она была, - говорит Поттс, - богатой женщиной, имела большое поместье и детей, подающих хорошие надежды".^[45] Кроме того, она была "доброго нрава, свободна от зависти и злобы". Несмотря на все это, она была обвинена в самых отчаянных преступлениях и отправилась на виселицу. Почему семейные связи и влияние не смогли спасти ее, остается загадкой.

В другой связи мы рассказывали о двух ведьмах, помилованных местными властями по распоряжению правительства. Это подводит нас к вопросу о юрисдикции. Город Рай, казалось бы, совсем недавно получил хартию и определенные судебные права. Но когда городские власти приговорили одну женщину к смерти, а другую обвинили в колдовстве, лорд-надзиратель вмешался в вопрос об их полномочиях.^[46] После некоторой переписки городские власти уступили, и обе женщины были помилованы. Однако это был единственный случай спорной юрисдикции. Местные власти в Кингс Линне без помех повесили ведьму,^[47] а генеральный викарий епископа Даремского безнаказанно расправился с "обычной чаровницей"^[48], на что, разумеется, имел полное право.

На самом деле есть несколько свидетельств того, что память о церковной юрисдикции не была утрачена. В Северном графстве Йоркшир квартальные сессии приговорили Ральфа Милнера за "колдовство, чародейство, ворожбу и гадание" к признанию своей вины на богослужении, "что он сильно оскорбил Бога и ввел в заблуждение людей, и от души сожалеет об этом".[49] Разумеется, в законе нет ничего, что разрешало бы такую форму наказания, и она объясняется только как возврат к первоначальному церковному наказанию за преступление, которое, казалось бы, должно было рассматриваться в церковных судах.

То, что мы сегодня называем самосудом, еще не проявлялось - то есть не было связано с колдовством. Мы увидим его в изобилии, когда перейдем к началу восемнадцатого века. Но в 1613 году был один значительный случай независимости любой юрисдикции, светской или церковной. В знаменитом деле в Бедфорде мастер Энгер, с которым мы уже встречались, был "проклят" в своем имуществе на круглую сумму в 200 фунтов стерлингов. В конце концов его убедили, что во всем виновата мать Саттон. Не имея на то никаких полномочий, он насильно привел ее в свой дом и заставил поцарапать.[50] Мало того, он бросил женщину и ее дочь, связанными, в свой мельничный пруд, чтобы доказать их вину.[51] Тем временем несчастных раздели донага и осмотрели на предмет следов, под чьим надзором, мы не знаем, но ответственность за это нес мастер Энгер. Он должен был пострадать за все это, но нет никаких сведений о том, что он это сделал. Напротив, он довел судебное преследование женщин до успешного конца и увидел, как их обеих повесили.

Теперь мы перейдем к вопросу о распространении колдовства в королевстве во время правления Якова. Из уже приведенных случайных упоминаний станет ясно, что судебные процессы проходили на обширной территории. По числу казненных лидировал Ланкашир - десять, Лестер - девять, Нортгемптон - пять и более, Мидлсекс - четыре,[52] Бедфорд, Линкольн, Йорк, Бристоль и Хартфорд - по два; Дерби - несколько, точное число мы не можем узнать. Эти цифры более серьезных судебных процессов, похоже, показывают, что тревога распространялась из юго-восточной части Англии в средние районы. В последнюю половину правления Елизаветы центр находился к северу от Лондона в южной части Средней Англии. Теперь он, похоже, переместился в северную часть Средней Англии. Лестер, Дерби и Ноттингем могут быть выбраны в качестве треугольника графств, которые будут справедливо представлять центр движения. Если бы вопрос решался с математической точностью, центр следовало бы поместить, возможно, немного дальше на запад, поскольку Стаффорд, Чешир, Бристоль и отдаленный валлийский Карнарвон пережили тревоги, связанные с ведьмами. На севере Йорк и Дарем имели свою долю испытаний.

Нам будет легче понять, что произошло, когда мы узнаем, что, насколько можно судить по записям, в Кенте и Эссексе в этот период было совершенно тихо, а в Восточной Англии - почти так же. Позже мы увидим, что эти графства вовсе не разучились верить в колдовство, просто охотники за ведьмами на время прекратили свою деятельность.

Конечно, рассуждения на основе распределения судебных процессов - опасное занятие. Тревоги по поводу ведьм, на первый взгляд, кажутся бессистемными вспышками возбуждения. И, несомненно, отчасти они таковыми и являются; однако тот, кто изучит многие случаи по порядку, не сможет не заметить, что за вспышкой в одном графстве с большой вероятностью последует вспышка в следующем графстве.[53] Это вполне объяснимо для каждого, кто знаком с заразным характером этих страшилок. Истории распространялись из деревни в деревню так же быстро, как и олицетворенный слух поэта Вергилия, "который ни на что не способен"; не останавливались они и у шерифов на границах графств.

Теперь мы проследили, как развивались взгляды Джеймса, пока они не нашли своего воплощения в английском законодательстве, увидели практическое действие этого законодательства, рассмотрели формы доказательств, а также некоторые другие особенности процессов над ведьмами в период его правления. В следующей главе мы подробно рассмотрим некоторые из наиболее известных якобинских дел в качестве примеров борьбы с ведьмами. Мы попытаемся выяснить, как они начались и каковы были их реальные причины.

[1] Я не пытался дать больше, чем краткое резюме этой истории, и использовал Томаса Райта, *Narratives of Sorcery and Magic* (London, 1851), I, 181-190, и миссис Линн Линтон, *Witch Stories*, 21-34. Памфлет о докторе Фиане - редкий, но его можно найти в нескольких библиотеках. Он был перепечатан в "*Джентльменском журнале*", том XLIX (1779), в "Роксбургском клубе" (Лондон, 1816), Робертом Питкэрном в его "*Уголовных процессах в Шотландии*" (Эдинбург, 1829-1833), том I, и, несомненно, во многих других местах. Питкэрн также напечатал часть протоколов суда над ним.

[2] Все это основано на рассказах современников, упомянутых выше.

[3] *Регистр Тайного совета Шотландии*, IV (Эдинбург, 1881), 644-645, примечание.

[4] Свежее издание было выпущено в Лондоне в 1603 году. В 1616 году оно снова появилось в составе прекрасного собрания его *трудов*, составленного епископом Винчестерским.

[5] Эту историю можно найти в апокрифической книге "Бел и дракон". Она сыграла большую роль в дискуссиях писателей о колдовстве.

[6] В книге Н. С. Lea, *Superstition and Force* (4th ed., Philadelphia, 1892), 325 ff., приводятся некоторые факты о водных испытаниях на континенте. Как раз в это время там шел острый спор о его использовании в делах о ведьмах.

[7] Он рекомендовал пытки для выявления виновных: "И дальнейший опыт ежедневно доказывает, насколько они не желают признаваться без пыток, которые свидетельствуют об их виновности", *Dæmonologie*, bk. ii, ch. i.

[8] Райт, *Рассказы о колдовстве и магии*, I, 197.

[9] Эдвард Фэрфакс, "*Рассуждение о колдовстве, как оно действовало в семье мистера Эдварда Фэрфакса ... в 1621 году*" (Philobiblon Soc., *Miscellanies*, V, ed. R. Monckton Milnes, London, 1858-1859), "Preface to the Reader", 26, объясняет мотив короля: "Его Величество нашел недостаток в статутах, ... по которым никто не умирал за колдовство, но они только тех, кто убивал этим способом, так что такие были казнены скорее как убийцы, чем как ведьмы".

[10] *Журналы палаты лордов*, II, 269; Wm. Cobbett, *Parliamentary History*, I, 1017, 1018.

[11] *Журнал лордов*, II, 271, 316; *Журнал общин*, I, 203-204.

[12] *Cal. St. P., Dom., 1603-1610*, 117.

[13] Он прошел третье чтение в общинах 7 июня; *Commons' Journal*, I, 234.

[14] Вряд ли можно сомневаться, что изменение формулировки закона было продиктовано не только желанием упростить вопрос доказательства, но и стремлением удовлетворить тех богословов, которые утверждали, что любое использование колдовства - это "завет со смертью" и "соглашение с адом" (Исаия xxviii, 18).

[15] См. дело Саутворта в книге Thomas Potts, *The Wonderfull Discoverie of Witches in the countie of Lancaster* ... (London, 1613; переиздание, Chetham Soc., 1845), L 2 verso. Здесь и далее цитируется как Поттс.

[16] См. ниже, приложение В. Следует добавить, что еще шесть человек, осужденных судьями за околдовывание мальчика, были освобождены по приказу Джеймса.

[17] *Ведьмы Нортгемптоншира* ... С 2 verso. Автор этого памфлета, который не рассказывает об этом испытании так подробно, как автор рукописного отчета "Краткое изложение процесса над девятью ведьмами в Нортгемптоне 21 июля 1612 года" (Brit. Mus., Sloane, 972), тем не менее, приводит доказательства влияния Джеймса на это дело. Он говорит, что ведьмы проверяются двумя способами: по меткам и "испытанию их бесчувственности", а также по "их бегству по воде", что является точной цитатой из Джеймса, хотя и не обозначено так.

[18] Мать и отец, очевидно, не были отправлены в суд присяжных.

[19] Женское жюри использовалось в Нортгемптоне ("женщины под присягой"), а также в Бедфорде, но частным образом.

[20] В 1621 году он был применен к Элизабет Соьер из Эдмонта. В данном случае это было сделано явно по приказу судьи, который судил ее в Олд-Бейли.

[21] Элизабет Девайер, однако, призналась, что "у упомянутого Девилла была кровь под левой рукой", что заставляет подозревать, что это признание было результатом обвинений в ее адрес на этот счет.

[22] О суде в Ланкастере см. в следующей главе.

[23] Этот случай следует использовать с осторожностью; см. ниже, приложение А, § 3.

[24] В Уорбойсе от Сэмюэлов требовали повторить: "Если я ведьма и согласна на смерть" такой-то и такой-то. Алисе Уилсон в Нортгемптоне в 1612 году судья пригрозил казнью, если она не скажет после священника "Я оставляю дьявола". Говорят, она заявила, что не может этого сказать. См. MS. рассказ о ведьмах из Нортгемптона.

[25] Хорошо известна приписываемая ведьмам практика изготовления воскового изображения, которое затем накалывали или расплавляли перед огнем, полагая, что мучения, причиняемые ему, будут испытывать те, кого оно изображало.

[26] Potts, E 3 verso, F 4, G 2; также *The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower*, ... (London, 1619), 21.

[27] См. рассказ о Нортгемптонских ведьмах в MS.

[28] Там же: "К нему явились еще несколько ведьм. Он слышал, как многие из них обрушивались на Джейн Лукас, возлагая на нее вину за то, что их так обвинили".

[29] В ланкаширских делах практически не было призрачных свидетельств. Листер на смертном одре кричал на Дженнет Престон, а Джона Лоу мучило видение Алисона Девиса "и днем, и ночью"; Potts, Y 2 verso. Но это были исключительные случаи.

[30] См. "Самое жестокое и кровавое убийство, совершенное ... Аннис Делл.... With the Severall Witch-crafts ... of one Johane Harrison and her Daughter (London, 1606).

[31] MS. рассказ о Нортгемптонских ведьмах.

[32] См. Potts, Z 2.

[33] Драматург Деккер использовал это; см. его "Ведьму из Эдмонтон", акт IV, сцена I (издание "Русалки", Лондон, 1904):

1-й граф. - Эта солома не хуже присяжных доказывает, что она ведьма.

* * * * *

Судья: - Ну-ка, ну-ка: уволить ее солому? Нелепо!

Осторожнее, сэры, что вы делаете; если только ваши доказательства не будут лучше направлены, вместо того, чтобы превратить ее в ведьму, вы окажетесь полными дураками.

[34] См. Поттс, P 2.

[35] См. там же, Q verso. Однако судья уже второй раз пытался прибегнуть к этой уловке; см. там же, P 2.

[36] См. выше, примечание 21.

[37] North Riding Record Soc., *Quarter Sessions Records* (London, 1883, etc.), III, 181.

[38] Два из них, однако, были выданы одной и той же женщине: один в 1604 году, другой в 1610 году.

[39] *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIII, 4 (Rye), pp. 136-137, 139-140, 144, 147-148.

[40] Термин "пряха" иногда использовался в отношении замужней женщины.

[41] *Cal. St. P., Dom., 1619-1623*, 125, Чемберлен - Карлетону, 26 февраля 1620 г.: "Пикок, школьный учитель, помещен в Тауэр и подвергнут пыткам за то, что занимался колдовством над королем, чтобы вовлечь его в дела сэра Тоса Лейка". Это один из тех редких случаев, когда мы точно знаем, что пытки применялись.

[42] Сэр Томас Лейк - виконту Крэнборну, 20 января 1604 г., *Brit. Mus., Add. MSS.*, 6177, fol. 403.

[43] *Cal. St. P., Dom., 1623-1625*, 474, 485, 497.

[44] Т. В. и Т. J. Howell, *State Trials* (London, 1809-1818), II.

[45] См. Potts, O 3 verso.

[46] См. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIII, 4 (Rye), pp. 136-137, 139-140, 144, 147-148.

[47] См. Александр Робертс, *"Трактат о колдовстве..."* (Лондон, 1616), посвященный "мэру и олдерменам".

[48] М. А. Ричардсон, *Настольная книга* (Лондон, 1841-1846), I, 245.

[49] North Riding Record Soc., *Quarter Sessions Records*, I, 58.

[50] "... и они не имели права заставлять ее идти без констебля".

[51] Brit. Mus., Add. MSS., 36,674, fol. 148. Это краткое описание того, "как обнаружить ведьму". В нем рекомендуется испытание водой и приводится случай с мистером Энгером и Мэри Саттон.

[52] В случае с тремя из этих четырех мы знаем только то, что они были приговорены.

[53] До дела Флауэр в Линкольне было дело Уиллимонта-Бейкера в Лестере. Процесс в Бедфорде очень напоминал Нортгемптонское дело предыдущего года.

ГЛАВА VI.

Знаменательные якобинские дела.

Можно просеивать, анализировать и реконструировать материал, полученный в ходе судебных процессов над ведьмами, пока не появится возможность сделать несколько выводов о том или ином периоде. Можно доказать, что значительная часть случаев относится к той или иной категории, можно показать, что определенный процент женщин обладает теми или иными общими чертами. И все же вполне возможно, что, вооружившись колчаном, полным обобщений, можно так и не постичь якобинское колдовство. Если бы лондонец 1620 года мог получить информацию по этому вопросу, он, вероятно, услышал бы мало о колдовстве в целом, но очень много о процессах в Ланкашире, Нортгемптоне, Лестере, Линкольне и Фэрфаксе. Возможно, лондонец смог бы полностью рассказать истории всех этих знаменитых дел. Он был бы просто плохо информирован, если бы не рассказал о некоторых из них, а слушатель уловил бы поверхностный смысл этих историй. Но ведьмовская паника - вещь тонкая, ее не понять тем, кто не следит за всеми ее глубинными закономерностями. Пружины движения, взаимодействие причин и следствий, действие личных качеств - все это факторы, которые необходимо оценивать, и это не те факторы, которые можно уложить в общую схему, обозначить и классифицировать.

Это не означает, что случаи должны рассматриваться в хронологической последовательности. В этом нет необходимости; ведь полдюжины случаев, которые мы рассмотрим, практически не имели причинно-следственной связи друг с другом. Удобно, однако, сделать некоторую классификацию, и самой простой является классификация по вероятному происхождению, тем более что она позволит нам подчеркнуть эту важную особенность испытаний. Итак, с помощью этого метода шесть или более примечательных судебных процессов можно разделить на три группы: случаи, которые, по-видимому, возникли в результате реальной практики магии, случаи, когда жертвы конвульсий и припадков начали фурор, и случаи, которые были просто последней стадией ожесточенных ссор или результатом обид.

К первой группе относится Ланкастерское дело 1612 года, которое, впрочем, можно отнести и к последней рубрике. Ни одно дело в ходе развития суеверия в Англии не получило такой

широкой известности. На нем Шэдвелл отчасти основал известную пьесу "*Ланкаширские ведьмы*" (), а поэты и прозаики ссылались на него до тех пор, пока эти два слова не соединились во фразе, давшей им устойчивую ассоциацию. Именно в одиноком лесу Пендл среди диких холмов восточного Ланкашира жили две враждующие семьи, возглавляемые Элизабет Саузерн, или "Старым Демдайком", и Анной Чаттокс. Последняя была чесальщицей шерсти, "очень старой, увядшей, измученной и декретной тварью", "ее губы вечно болтали"; первая - слепой нищенкой четырех десятков лет, "главным агентом дьявола во всех этих краях" и "злобным огненным оплотом", который воспитал ее детей и внуков ведьмами. Обе семьи исповедовали сверхъестественные практики. Обе семьи, несомненно, торговали страхом, который они внушали. Действительно, дама Чаттокс, как говорят, продала свою гарантию не причинять вреда в обмен на фиксированный ежегодный платеж в размере "одного аген-дола милы".

То, что между двумя кланами возникла вражда, было вполне ожидаемо. Они были одновременно и соседями, и конкурентами, и занимались карьерой, в которой должны были строить заговоры друг против друга и подозревать друг друга. Есть и намеки на другие сложности. За несколько лет до этого произошла ссора из-за украденного имущества. Дочь Демдайка упустила одежду и еду на сумму 20 шиллингов, а позже часть одежды оказалась у дочери Чаттокса. Более серьезная проблема возникла в третьей семье: один из членов семьи Наттер, зажиточных людей в Ланкашире, попытался соблазнить замужнюю дочь старого Чаттокса, а когда получил отпор, предупредил ее, что, когда он унаследует имущество, где она живет, она будет выселена. В ответ Чаттокс попытался убить Наттера с помощью колдовства, к чему его подстрекали три женщины, желавшие избавиться от Наттера, чтобы "женщины, их кузины, могли получить землю". В результате Наттер умер в течение трех месяцев. Ссора, действительно, была трехугольной. Поговаривали, что дочь Демдайка слепила из глины изображение женщины Наттера.^[1]

Здесь есть все элементы горной вражды, но вместо современных револьверов и кентуккийского самогона - глиняные изображения и сатанинские застолья. Битвы должны были вестись с адскими импами в качестве участников и с боеприпасами, поставляемыми самим Злодеем. Именно эта связь с резервуаром нетронутых демонических сил сделала ссору несчастных горцев самым знаменитым происшествием в истории Ланкашира. Здесь боролись друг с другом заклинатели и "инчантеры", опытные торговцы магией. Неудивительно, что общество встревожилось, и Роджер Новелл, мировой судья, внезапно нагрянул к семьям Пендл. Прошло совсем немного времени, и он запер четырех женщин в замке Ланкастера. Еще через несколько дней он смог добиться от них признания. Они признались в знакомстве с дьяволом и вовлекали в это друг друга.

Теперь начинается странная часть истории. Согласно признаниям, сделанным позже, Элизабет Девайс, которая еще не была заточена, но могла в любой момент оказаться в тюрьме, созвала в Страстную пятницу собрание всех ведьм в Пендлском лесу. Они должны были прийти в ее дом в Малкинг-Тауэр, чтобы составить план освобождения заключенных женщин путем взрыва замка Ланкастер.^[2] Мероприятие проходило в форме ужина; подавались говядина, бекон и жареная баранина. "Все ведьмы вышли из указанного дома в своих собственных обликах и подобиях. И все они, выйдя из доров, сели на лошадей, как Фоалес, одни одного цвета, другие другого; жена Престона была последней; и когда она села на лошадь, все они тут же исчезли с глаз долой". Такова была эта история, и различные свидетели сходились во мнении относительно ее основных деталей. Те, кто верил в "шабаш" ведьм, должны были почувствовать, что их мнение подтверждается показаниями свидетелей в Ланкастере. Даже современный читатель, с его скептицизмом, несколько обескуражен

совокупной силой этих доказательств и готов рационализировать их, предположив, что некое собрание действительно имело место в Малкинг-Тауэр и что некоторые мужчины и женщины Пендла, которые углублялись в магические искусства, пока не поверили в них, сформулировали планы мести. Но это предположение маловероятно. Сопутствующие доказательства в истории о Малкинской башне не более убедительны, чем те, что можно найти во множестве континентальных историй о сборищах ведьм, которые, как было показано, являются результатом физического или психического давления и наводящих вопросов. Кажется, нет необходимости признавать даже субстрат фактов.[3] Возможно, одна из обвиняемых женщин придумала историю о ведьмином пире по образцу других, о которых она слышала, или развила ее под влиянием наводящих вопросов судьи. Такой рассказ, начавшись, распространился бы как лесной пожар, и свидетели и обвиняемые, которых убедили признаться, могли бы рассказать примерно одну и ту же историю. Внимательное перечитывание всех этих свидетельств наводит на мысль, что различные показания действительно могли быть отголосками первого нарратива. В них, по-видимому, отсутствуют те характерные отличия, которые выдавали бы их за независимые рассказы. Более того, когда рассказ был начат, не исключено, что судьи и заседатели помогали свидетелям, задавая вопросы, основанные на уже изложенном повествовании. Нельзя сказать, что существуют доказательства, позволяющие выдвинуть эту гипотезу. Мало что свидетельствует о том, что свидетели были ловко подведены к своим рассказам. Но из других процессов мы знаем, что этот метод применялся так часто, что нет ничего страшного в том, чтобы заподозрить, что он использовался и в Ланкастере.

Не стоит перечислять утомительные подробности, которые выплывали из признаний. Те, кто уже находился в тюрьме, делали признания, которые уличали других, пока занятые мировые судьи не закрыли шестнадцать женщин и четырех мужчин для суда на ассизах. Сэр Эдвард Бромли и сэр Джеймс Алтхэм, находившиеся в то время в северном округе, прибыли в Ланкастер шестнадцатого августа. Тем временем "старый Демдайк", признавшись в самых ужасных преступлениях, умер в тюрьме. Все остальные предстали перед судом. Томас Поттс составил очень тщательный отчет о всех полученных показаниях, возможно, самый подробный отчет о суде над ведьмами, написанный на английском языке, за исключением дела Сент-Озеса. По правде говоря, свидетельства были примерно такого же типа. Тайные беседы с лукавым, обещания богатства, договор, скрепленный кровью, маленькие фигурки собак, кошек и зайцев, глиняные картинки, которые были высушены и смяты, угрозы и последующее "томление" и смерть - таковы были атрибуты этих историй. Истории были старыми. Новым было только происшествие в Малкинской башне. Но именно его новизна придавала правдоподобность историям, которые плелись вокруг него. Не нашлось ни одного человека, который мог бы высказать сомнения. Перекрестные допросы были не более чем слабыми попытками выдвинуть новые обвинения.

Хотя в протоколе мало что говорит о том, что для получения признаний использовалось давление, тот факт, что три признания были отозваны, заставляет подозревать, что они были даны не совсем свободно. Несомненно, в порыве к признанию было что-то заразное. Тем не менее, любопытно, что пять членов двух враждующих семей Пендл сделали признание, в то время как все остальные, кого касались их признания, упорно твердили о своей невинности.[4] Среди тех, кто упорно отрицал свою вину, особого внимания заслуживает Алиса Наттер. Мы уже упоминали о ней в предыдущей главе как о примере обеспеченной и имеющей большие связи женщины, ставшей жертвой ланкаширских волнений.[5] Улики против этой женщины были, пожалуй, самыми ничтожными из всех, когда-либо представленных суду. Главными обвинителями выступили Элизабет Девайс, дочь "старого Демдайка", и двое ее детей. Элизабет видела Алису на собрании в Малкинг-Тауэр. Более

того, она заявила, что Алиса помогла ее матери ("старой Демдайке") околдовать человека до смерти. Ее сын слышал, как его бабушка Демдайк рассказывала об этом инциденте. Эти показания и точное заявление его сестры о том, что Элис Наттер посещала собрание в Малкинг-Тауэр, подтвердили вину госпожи Наттер.^[6] Судья, действительно, "с большим подозрением отнесся к обвинению этой юной девицы, Дженнет Девайс", и, как мы уже видели, заставил ее выйти из зала суда, пока обвиняемую леди не поместили среди других заключенных, после чего девушку вернули и потребовали перед большой аудиторией вычислить ведьму, что, конечно, она легко сделала, и так же легко избежала еще одной прозрачной ловушки.^[7]

С этого момента двое детей стали играть важную роль. Девятилетняя девочка дала показания о событиях трехлетней давности, а молодой человек, которому вряд ли было больше лет,^[8] поведал о том, что произошло двенадцать лет назад. Именно их показания против матери вызвали наибольший интерес. Хотя они носили косвенный характер, они самым замечательным образом вписывались в уже представленные доказательства.^[9] Мать, пишет бесстрастный памфлетист, возмущенно "кричала на ребенка", ругала ее с таким негодованием, что ее удалили из комнаты, пока ребенок продолжал выступать. Бесполезно тратить сочувствие на мать, которая получала от своих детей то же самое, что и ее собственная мать Демдайк. Семья Чаттоксов держалась лучше. Госпожа Редфирн была тщательно защищена показаниями своей матери Чаттокс, но она стала жертвой обвинений противной семьи. Ход ее судебного разбирательства был поразительным. С большим упорством отрицая свою вину, она каким-то чудом была оправдана. Но этот вердикт вызвал недовольство людей, присутствовавших на суде. Под влиянием криков народа суд убедили судить ее снова. Обвинение против нее было точно таким же: восемнадцать лет назад она участвовала в убийстве Кристофера Наттера с помощью глиняной фигурки. "Старый Демдайк" видел ее в процессе изготовления фигурки, и здесь также были приведены показания сестры и брата погибшего, которые вспомнили, что Роберт Наттер на смертном одре обвинил Анну в своем околдовывании.^[10] Судя по всему, суду не пришло в голову, что принцип, согласно которому человек не может быть дважды привлечен к ответственности за одно и то же преступление, уже был старым принципом в английском праве.^[11] Судьи больше заботились об умиротворении народа, чем о том, чтобы вспомнить старые прецеденты, и отправили женщину на виселицу.

Дела Пендла были прерваны на третий день судом над тремя женщинами из Солмсбери, которые не признали себя виновными и положились "на Бога и графа". Дело против них строилось на показаниях одной молодой женщины, Грейс Соуэрбаттс, которая заявила, что в течение трех лет ее донимали женщины, о которых идет речь, которые "жестоко тащили ее за волосы и укладывали на верхушку сеновала". Это восхитительно абсурдное обвинение сопровождалось некоторыми свидетельствами о появлении обвиняемых в виде животных. Трое мужчин попытались подкрепить эту историю, но никакого "колдовства" не было доказано, говорит недоверчивый мистер Поттс. Решающим моментом воспользовались женщины. Они встали на колени перед судьей и попросили его допросить Грейс Соуэрбаттс на предмет того, кто ее подговорил. Судья, который, похоже, и не думал об этом раньше, последовал их предложению. Девушка изменилась в лице и призналась, что ей рассказали ее историю. По приказу судьи ее допросили священник и два мировых судьи, которые пришли к выводу, что ее заставил рассказать свою историю некий мастер Томпсон, он же Саутворт, "священник-семинарист". Так закончились обвинения против ведьм из Солмсбери.

Можно было бы предположить, что этот вердикт мог бы переломить ситуацию в других делах. Но доказательства, как осторожно показывает Поттс, чтобы читатель не сделал неправильного вывода, в других процессах были совсем другого характера. Все они были закончены на третий день суда и переданы присяжным. Пятеро из обвиняемых, за исключением тех, кто находился в Солмсбери, были оправданы, один приговорен к годичному заключению, а десять - к смертной казни. К этому числу следует добавить Дженнет Престон, которую в предыдущем месяце судили в Йорке за убийство мистера Листера, и которую свидетели из Ланкастера называли одной из банды в Малкинг-Тауэр.

Так закончились ланкаширские процессы 1612 года. Самое выдающееся событие такого рода в правление Якова, они явно были результатом его трудов и политики. Поттс резко спрашивает: "Что написал и опубликовал королевский майстер в своей "Демонстрации" в качестве предчувствия и предупреждения, что не было исполнено, применено на практике или обнаружено здесь первым или последним?"

Ко второй группе случаев относятся те, в которых тревогу подняли судорожные и "одержимые" люди. Такими примерами являются дела в Нортгемптоне, Лестере и Личфилде. Последние два, однако, можно здесь не упоминать, поскольку они будут рассмотрены в другой связи. Дело, произошедшее в Нортгемптоне в 1612 году, всего на месяц раньше ланкаширского, заслуживает внимания. Элизабет Белчер и ее брат, "мастер Эйвери", были агентами беспокойства. Госпожа Белчер давно страдала от болезни, которая не поддавалась диагностике. Ей было высказано предположение, что причина кроется в колдовстве. Ей повторили список женщин, считающихся ведьмами. Имя Джоан Браун произвело на нее впечатление. "Неужели она это сделала?" - спросила она.^[12] Имя было повторено, и с тех пор она считала Джоан виновной.^[13] Джоан и ее мать были заперты. Тем временем у мастера Эйвери начались припадки, и он стал помогать своей сестре в составлении обвинений. Вскоре они обвинили в своих несчастьях шесть женщин. Этот ажиотаж вывел на поверхность скрытые подозрения других. Началась ведьмовская паника, и мировые судьи^[14] бегали туда-сюда, пока в Нортгемптоне не заперли четырнадцать ведьм. Когда в Нортгемптоне состоялся суд, героем стал мастер Эйвери. Он с большим успехом повторил роль детей Трокмортон в Уорбойсе. Когда он приехал в суд - а приехал он в "коче", - его сразу же охватили конвульсии. Его мучения в суде были очень убедительными. Приятно сознавать, что, выйдя из припадков, он говорил очень "сдержанно, по-христиански и милосердно". Однако мастер Эйвери был разносторонним. Его доказательства против женщин основывались далеко не только на его припадках. У него было бесчисленное множество видений, в которых он видел обвиняемых;^[15] его таинственным образом сбросили с лошади; самое странное, что в определенное время он предсказал, что если кто-нибудь спустится в тюрьму и послушает голоса ведьм, то не сможет понять ни слова. После этого магистр искусств Тринити-колледжа в Оксфорде отправился в тюрьму в странный час два часа ночи и "услышал сбивчивый шум, много болтовни и возни, но не смог разобрать ни одного готового слова".

Мастер Эйвери мог бы рассказать еще многое, но присяжные, похоже, не вполне ему поверили.^[16] Однако они признали виновными Джоан Браун и ее мать по обвинению Элизабет и ее брата. Трое других были признаны виновными по другим пунктам. Ни один из них, насколько можно судить по записям, а записи были тщательными в этом вопросе, не признал своей вины.^[17] Один молодой человек из тех, кого повесили, с самого начала ожесточенно сопротивлялся своему осуждению и умер, заявив, что власть превратилась в тиранию. Он вполне мог так считать. Его отец и мать были измучены водным испытанием, а мать переживала до тех пор, пока не покончила с собой в тюрьме.

Это подводит нас к третьему типу дел - тем, которые были результатом ссор или обид. Уже было отмечено, что дело Ланкашира вполне можно отнести к этому типу. Не будет преувеличением сказать, что значительная часть всех остальных процессов над ведьмами в период правления Якова может быть классифицирована таким же образом. Самым заметным среди них был знаменитый процесс над ведьмами из Бельвуара в Линкольне в 1618-1619 годах. Этот процесс получил широкую огласку, поскольку касался ведущей семьи - возможно, самой богатой в Англии - великого католического рода Мэннерсов, главой которого был граф Ратленд. Попытка объяснить загадочную болезнь своего юного наследника и того, что несколькими годами ранее унесло старшего брата мальчика, привела к обвинению в колдовстве трех скромных женщин, живших по соседству. Дело Ратленда показывает, как легко подозрение в колдовстве может связать судьбы ничтожных людей с судьбами великих. Джоан Флауэр и две ее дочери работали чаровницами в замке Бельвуар, доме Ратлендов. Одна из дочерей, правда, была назначена ответственной за "птицеловню за границей и мойку в Доресе". Но эта дочь, по-видимому, не удовлетворила графиню в ее работе, возникли другие причины для разногласий, в которых оказалась замешана матушка Флауэр, и и матушка Флауэр, и ее дочь были отосланы из замка. Это было началом неприятностей. Матушка Цветок "прокляла всех, кто был причиной этого недовольства". Естественно, на ее ворчание мало кто обратил внимание. Подобные вещи были обычным делом, и никому даже не пришло в голову, когда старший сын графа заболел и умер, что это событие как-то связано со злым умыслом Цветов. Лишь спустя примерно пять лет, когда младший сын Фрэнсис заболел болезнью, оказавшейся смертельной, подозрения, похоже, пали на трех женщин.[18] Тогда вспомнились обстоятельства, приведшие к их увольнению, а вместе с ними - масса досужих сплетен и скандалов против женщин. Вспомнили, что мать Жанна была "чудовищно злобной женщиной, полной клятв, проклятий и нерелигиозных выражений". Некоторые из ее соседей "осмеливались утверждать, что она общается со знакомыми духами, и пугали их всех проклятиями и угрозами мести". В конце концов, в феврале 1618/19 года, по возвращении графа из поездки к Его Величеству "в Ньюмаркет перед Рождеством и на Рождество в Уайтхолл", женщины были доставлены к мировым судьям, которые обязали их явиться в Линкольн на судебные слушания. Мать Флауэр умерла по дороге в Линкольн, но двух дочерей судили там перед сэром Эдвардом Бромли, который был судьей на ланкаширских процессах, и перед сэром Генри Хобартом. Женщины подробно признались в странных преступлениях. Рассказывали о перчатках, принадлежавших двум молодым сыновьям графа, о перчатках, которые были найдены в жутких местах, положены в горячую воду и натерты кошкой или духом Руттеркина. Были и более страшные истории, которые не стоит повторять. Нет нужды говорить, что Маргарет и Филиппа Флауэр были осуждены и повешены.[19]

Случай в Ратленде был использован для иллюстрации того, как обвинение в колдовстве может возникнуть на почве обиды или ссоры. Было еще три или четыре случая, которые иллюстрируют такое происхождение обвинения. Первый - это случай с Джоанной Харрисон, о которой мы уже упоминали в предыдущей главе, - у которой произошла "ссора" с соседом. Конечно, она угрожала ему, он заболел, а он ее поцарапал.[20] Но тут банальная история принимает новый оборот. Она арестовала его и получила компенсацию в пять шиллингов и расходы по иску. Неудивительно, что мужчина снова заболел. Возможно, - но в этом нельзя быть уверенным - это был тот самый человек, который однажды пил эль со своими товарищами, когда она вошла и стала над ним "злорадствовать". Он повернулся и сказал: "Слышишь, ведьма, посмотри в другую сторону". Женщина обрушила на него гневные слова, а наутро, почувствовав себя плохо - накануне он сильно напился, - потащила ее к судье. Через несколько недель она и ее дочь были повешены в Хартфорде.[21]

История матери Саттон и мастера Энгера уже неоднократно упоминалась, но ее стоит рассказать в повествовательной форме. Матушка Саттон была бедной квартиранткой хозяина Энгера, "богомольного джентльмена", который часто одаривал ее "едой и одеждой". За свою нужду она была избрана деревенской "повитухой" и в течение двадцати лет исполняла свои обязанности "не без похвалы". Но случилось так, что однажды она поссорилась со своим благодетелем, и тогда начались его трудности. История почти банальна, чтобы ее повторять, но тем не менее характерна. Слуги хозяина Энгера везли на рынок кукурузу, как вдруг им встретилась пасущаяся "прекрасная черная свинья". Непоседливое животное стало поворачиваться "с такой же готовностью, как парус ветряной мельницы при работе; и так же быстро их лошади пустились наутек - то в одну сторону, то в другую". Они отправились за телегой с кукурузой, но сорвались с нее и убежали. Слуги поймали их и отправились с грузом в Бедфорд. Но свиноматка последовала за ними. Когда кукуруза была продана, один из слуг отправился домой, а другой остался со своими "компаньонами-бунами". Вернувшись домой, он обнаружил, что свиноматка пасется за городом. Она бежала рядом с ним, а лошади снова разбежались. Но слуги наблюдали за свиноматкой и видели, как она вошла в дом матушки Саттон. Мастер Энгер отнесся к этой истории легко, когда ему ее рассказали, и с удивительной для персонажа истории о ведьмах проницательностью "предположил, что они были пьяны". Но через несколько дней тот же слуга заговорил с матушкой Саттон, и в этот момент к нему прилетел жук и ударил его. Он впал в транс, а потом пошел домой и рассказал хозяину. На следующую ночь слуга рассказал, что в его комнату вошла Мэри Саттон - видение, которое мы уже описывали.^[22]

Остальную часть истории читатель знает из предыдущей главы. Мать Саттон и ее дочь подверглись различным испытаниям и в конце концов были повешены. Несомненно, мнимый слуга, который каким-то образом, возможно, был вовлечен в первоначальную ссору, приобрел расположение хозяина и авторитет в обществе.^[23]

История о ведьмах из Бейквелла очень любопытна и, хотя на нее нельзя полагаться с уверенностью, может служить примером того, как можно было воспользоваться суеверием, чтобы отплатить за обиду. Шотландец, остановившийся в ночлежном доме в Бейквелле, влез в долги к хозяйке, которая оставила в залог часть его одежды. Он отправился в Лондон, спрятался в подвале и был обнаружен там сторожем, который арестовал его за нахождение в незанятом доме с преступными намерениями. Он признался, что был ошеломлен, и заявил, что в три часа утра находился в Бейквелле в Дербишире. Он объяснил это тем, что повторил некоторые слова, которые слышал от хозяйки ночлежки и ее сестры. Судья был поражен, показания мужчины были записаны, а сам он отправлен к судьям Дерби.

Все, что мы знаем о деле Бейквелла, - это то, что в 1607 году там, вероятно, погибло несколько ведьм. Местный антиквар рассказал эту историю о том, как началась тревога.^[24] Хотя она не похожа ни на одно другое повествование о колдовстве, она не обязательно лишена оснований.

Читатель, несомненно, заметил, что все описанные нами случаи, за одним исключением, произошли между 1603 и 1619 годами. Обсуждая вопрос о распространении колдовства в прошлой главе, мы отметили, что не только казни за это преступление, но даже обвинения и судебные процессы были почти полностью ограничены первыми пятнадцатью годами правления Якова. Если верно, что в правление ревностного Иакова произошло довольно внезапное сокращение числа преследований, то этот факт заслуживает объяснения. К счастью, объяснение искать далеко не надо. Вера короля в правдивость многих обвинений,

выдвигаемых против ведьм, была грубо поколеблена. Собственно говоря, в его характере всегда присутствовала доля скептицизма. Это проявилось еще до того, как он попал в Англию. В 1597 году он был встревожен распространением судебных процессов в Шотландии и отменил все действовавшие тогда комиссии по рассмотрению дел о преступлениях.[25] В то самое время, когда он стал королем Англии, возникли особые обстоятельства, которые должны были иметь для него значение. В последние годы правления Елизаветы, как мы уже видели, существовал нездоровый интерес к одержимости бесами, на который быстро откликнулись любители сенсаций. Мы видели, что в конце шестнадцатого века англиканская церковь вмешалась, чтобы пресечь изгнание духов,[26] в основном, возможно, потому, что этим занимались католики и пуританские священнослужители. Однако ни книга Харснетта, ни тюремное заключение Даррела не смогли положить конец практике, которая во все времена предлагала всем желающим путь к дурной славе. Джеймс не пробыл на английском троне и года, когда его заинтересовало одно из подобных дел. Мэри Гловер, девушку, якобы околдованную матерью Джексона, по желанию короля осмотрел опытный врач, доктор Эдвард Джорден, который признал ее припадки болезнью, довел девушку до признания, опубликовал отчет о случившемся, и тем самым спас жизнь женщине, которую она обвиняла.[27]

В следующем году в Кембридже произошел случай, который привлек внимание королевской семьи. Нелегко установить факты из писем по этому вопросу, но похоже, что две кембриджские служанки страдали диковинной болезнью, наводящей на мысль о заколдованности.[28] Под подозрение попали францисканец и пуританский священник, а также другие лица. Дело сразу же было передано на рассмотрение короля и правительства. Яков распорядился провести обследования и доложить ему. Так и было сделано. Яков добился от "главного" признания в том, что тот ранее имел дело с колдовством, но передал дело в суд, где, похоже, позже было установлено, что болезнь заколдованных девиц была "естественной".

Это были лишь первые из нескольких самозванств, заинтересовавших короля. Одна девушка в Виндзоре, другая в Хартфордшире были одержимы дьяволом,[29] две служанки в Вестминстере были "в восторге от Девы Марии и Михаила Архангела",[30] священник из Лестершира был "одержим Пресвятой Троицей".[31] Подобные случаи - не говоря уже об исповеди Грейс Соуэрбаттс в Ланкастере, которая должна была закончиться столь трагично, - были отголосками крайне религиозной эпохи. Читатель ранних колониальных дневников в Америке заметит их сходство с чудесами, о которых они сообщают. Джеймс относился к таким случаям с особой серьезностью.[32] Одержимого вызывали ко двору для показа, или король срывался с места, чтобы увидеть его. Известно, что Иаков гордился своей сообразительностью. Преуспев в раскрытии некоторых мошенничеств, он стал экспертом-детективом. В одном случае "он распорядился, чтобы подходящий придворный занялся любовью с одной из этих заколдованных девиц"[33] и вскоре избавил ее от неприятностей. В другом случае женщина, на которую "странным образом подействовал" первый стих Евангелия от Иоанна, не смогла распознать его при чтении на греческом языке,[34] доказательство того, что всезнающий дьявол не овладел ею.

Три случая разоблачения самозванства были наиболее примечательны: Грейс Соуэрбаттс, мальчик из Лестера и "мальчик из Билстона". Первый из них уже достаточно рассмотрен в связи с ланкаширскими процессами. Второй случай не имел ничего примечательного. У двенадцати-тринадцатилетнего мальчика случались припадки, которые, по его словам, вызывались духами, насылаемыми несколькими женщинами, которых он обвинял как ведьм. Девять женщин были повешены, а еще шесть находились под арестом и, вероятно, постигла

бы та же участь, если бы король во время своего продвижения на север, остановившись в Лестере, не обнаружил притворство.[35] Был ли наказан мальчик, мы не знаем. Некоторое удовлетворение вызывает тот факт, что судьи были опозорены.[36]

Мальчик из Билстона, если верить Вебстеру, был[37] самым известным, если не самым успешным, мошенником из всех. Это дело прогремело на все королевство, и тысячи людей пришли посмотреть на него. Эта история почти полностью повторяет более ранние рассказы об одержимости. Тринадцатилетний мальчик Уильям Перри из Билстона в Стаффордшире начал страдать от припадков и обвинять некую Джейн Кларк, присутствие которой неизменно ухудшало его состояние. Он "выбрасывал изо рта тряпки, нитки, солому, кривые булавки". Это были лишь отдельные обманы в репертуаре разнообразных трюков. Несомненно, его обучал этой роли римский священник. Во всяком случае, католики пытались применить к нему экзорцизм, но безрезультатно. Возможно, некоторые пуритане экспериментировали с лекарствами, которые приводили к подобным результатам.[38] Мальчик продолжал свои спазмы и обвинения в адрес ведьмы, и она предстала перед судом на июльских слушаниях. Но на суде присутствовал епископ Мортон,[39] к канцлеру которого сначала привели мальчика, и судьи передали мальчика ему для дальнейшего расследования.[40] Затем, с помощью своего секретаря, он приступил к проверке мальчика и с легкостью разоблачил его обман, причем весьма любопытным образом. Мальчик, как и один из тех, с кем мы уже встречались, не выдержал первого стиха Евангелия от Иоанна и не смог узнать его, прочитав по-гречески. После этого за ним стали тайно наблюдать, и выяснилось, что он тщательно готовился к своему притворству. Его убедили признаться в своем обмане в суде перед сэром Питером Уорбертоном и сэром Хамфри Уинчем, "и перед лицом всего графства и страны, которые там собрались"[41], а также попросить прощения у женщин, которых он обвинил.

Как видно, записи о самозванстве вполне могли соперничать с записями о колдовстве, если не по количеству, то хотя бы по тому, какое внимание им уделялось. А король, который так яростно осуждал Реджинальда Скота, сам становился генеральным первооткрывателем Англии.[42] Поэтому не без предостережения мы читаем замечательное заявление Фуллера о том, что король изменил свое мнение. "Частота появления таких поддельных вещей так изменила суждения короля Якова, что он, отступив от того, что написал в своей "Деймонологии", сначала стал сомневаться, а затем и вовсе отрицать деятельность ведьм и дьяволов как ложь и заблуждение".[43] В непосредственной связи с этим следует процитировать слова Фрэнсиса Осборна.[44] Ему сказали, пишет он, что король пошел бы на то, чтобы отрицать любые подобные действия, но из государственных соображений и в угоду церкви.[45]

Такое обращение настолько поразительно, что мы могли бы пожелать иметь абсолютно современные свидетельства о нем. На самом деле процитированные нами высказывания представляют собой не более чем вероятность, но они, безусловно, ее подтверждают. Фуллер, церковный историк, ответственный за первое из этих двух заявлений, был студентом Королевского колледжа[46] в Кембридже в последние четыре года правления Якова; Осборн был мужчиной тридцати двух лет, когда умер король, и провел часть своей юности при дворе. Их показания были свидетельствами людей, имевших все возможности узнать об изменении мнения короля.[47] В отсутствие каких-либо доказательств обратного мы должны хотя бы условно принять их утверждения.[48] И это легче сделать, учитывая заметный спад судебных преследований, который мы уже отмечали. Это действительно подтверждение отрицательного характера; но у нас есть одно интересное доказательство утвердительного характера - результаты судебного процесса в Йорке в 1622 году. В том году дети мистера

Эдварда Фэрфакса, члена исторической йоркширской семьи Фэрфаксов, были охвачены странной болезнью, во время которой они снова и снова видели призраки шести разных женщин. Этих женщин осмотрели мировые судьи и предали суду.^[49] Тем временем в обществе у них нашлись умелые и энергичные защитники. Что произошло на апрельских слушаниях, нам неизвестно, но мы знаем, что четыре женщины были освобождены, две из них - под залог.^[50] Вероятно, это был компромиссный способ уладить дело. Фэрфакс не был удовлетворен. Вероятно, благодаря его влиянию дело женщин вновь было рассмотрено на августовских слушаниях.^[51] Тогда, по крайней мере, как мы точно знаем, их официально судили, на этот раз по обвинениям, выдвинутым самим Фэрфаксом.^[52] Судья предупредил присяжных, чтобы они были очень осторожны, и, выслушав некоторые доказательства, отклонил обвинения женщин на том основании, что улики "не доходят до пункта устава".^[53] Это кажется важным. Человек из известной окружной семьи был совершенно не в состоянии выдвинуть обвинение в деле, в котором были замешаны его собственные дети.^[54] Похоже, что среди судей были и те, кто, следуя примеру короля, высматривал самозванство.^[55] В любом случае в определенных кругах существовало общественное настроение, направленное против осуждения ведьм, и это настроение давало о себе знать. Мы еще не раз будем иметь случай отметить это, прослеживая течения и колебания мнений.

[1] Конечно, доказательства того, что некоторые из обвиняемых действительно претендовали на магию, основываются на их собственных признаниях и обвинениях друг друга и могут быть частью запутанной ткани лжи. Но, если на время отбросить абсолютную недостоверность признаний и обвинений, есть случайные высказывания, которые намекают на занятия магией. Например, юная дочь Элизабет Девайс процитировала длинный амулет, которому, по ее словам, ее научила мать и который она вряд ли придумала на скорую руку. А Демдайка попросили "поправить больную корову".

[2] Пороховой заговор, произошедший семью годами ранее, несомненно, дал направление этому плану, или, возможно, лучше сказать, дал идею тем, кто признался в этом плане.

[3] Джеймс Кроссли, похоже, считает, что за этой историей скрывалась "некоторая доля правды". См. его издание Potts, notes, p. 40.

[4] Среди тех, кто так и не признался, кажется, была дочь Чаттокса, Энн Редфирн.

[5] См. выше, с. 116.

[6] Приятно сознавать, что Алиса умерла "без покаяния" и что даже ее дети не смогли "подвинуть ее к исповеди".

[7] См. выше, с. 112-113, и Potts, Q-Q verso.

[8] См. Potts, I.

[9] Вряд ли можно сомневаться в том, что дети были тщательно пропитаны историями, распространявшимися против их матери.

[10] Другие свидетели обвиняли ее во "многих странных практиках".

[11] Принцип, согласно которому жизнь человека не может быть дважды поставлена под угрозу за одно и то же преступление, был довольно прочно закреплен еще до 1612 года. См.

дело Дарли, 25 елизаветинского года (1583), *отчеты* Коука (изд. Томас и Фрейзер, Лондон, 1826), IV, f. 40; дело Во, 33 елизаветинского года (1591), там же, f. 45; дело Урота *против* Виггса, 33 елизаветинского года (1591), там же, f. 47. Этот принцип развивался на протяжении нескольких столетий. См. Bracton (ed. Sir Travers Twiss, London, 1878-1883), II, 417, 433, 437; Britton (ed. F. M. Nichols, Oxford, 1865), bk. I, cap. xxiv, 5, f. 44 b.

Однако следует отметить, что статут от 3 Hen. VII, cap. II, предусматривает, что обвинительные акты по факту смерти человека возбуждаются немедленно, по иску короля, не дожидаясь подачи апелляции; и что признание *вины* в обвинительном акте (*antefort acquit*) не является препятствием для подачи апелляции. Этот закон был принят, чтобы обойти особые юридические неудобства, и касался только убийств и единственного случая преследования по апелляции. В целом, мы можем сказать, что доктрина бывшей ответственности была частью общего права: (1) апелляция по уголовному делу была препятствием для последующей апелляции или обвинения, (2) обвинительный акт - препятствием для последующего обвинения, и (3) обвинительный акт - для последующей апелляции, за исключением случаев, когда закон от 3 Hen. VII., cap. II, изменил закон в отношении убийств. За это краткое изложение я обязан профессору Вильяму Андерхиллу Муру из Висконсинского университета.

То, что Поттс рассказывает о деле Анны Редфирн, вряд ли позволяет нам сделать вывод о его юридическом аспекте.

[12] Такова история, описанная в MS. (Brit. Mus., Sloane, 972). Печатный рассказ о происхождении этого дела несколько отличается. Джоан однажды получила удар от госпожи Белчер за неподобающее поведение и затаила обиду. Несомненно, этот случай вспомнился Джоан после того, как против нее были направлены подозрения.

[13] В книге Джона Котты "*Триалл о колдовстве...*" (Лондон, 1616), 66-67, есть очень интересное высказывание, которое, вероятно, относится к этому случаю. Котта, как известно, был врачом в Нортгемптоне. Он писал: "Есть очень редкое, но правдивое описание одной джентльменки, около шести лет назад излеченной от различных видов конвульсий, ... После того как она была почти излечена, ... но излечение не было доведено до конца, один из известных знахарей прошептал ... что эта джентльменша была просто околдована, предполагаемые ведьмы были обвинены и после казнены..... В этом последнем седьмом году ... припадки снова вернулись". Котта говорит, что шесть лет назад, а Нортгемптонский процесс состоялся в 1612 году, за четыре года до этого. Однако вполне возможно, что госпожа Белчер начала болеть в 1610 году.

[14] Одним из них был сэр Гилберт Пикеринг из Тичмарша, почти наверняка тот самый Гилберт Пикеринг, который упоминается как дядя детей Трокмортон в Уорбойсе. См. выше, с. 47-48. Его ненависть к ведьмам, несомненно, усилилась после этого случая.

[15] См. то, что говорится о спектральных свидетельствах в главе V, выше.

[16] По крайней мере, нет никаких свидетельств того, что Алиса Эббот, Кэтрин Гардинер и Алиса Харрис, которых он обвинял, были каким-либо образом наказаны.

[17] Похоже, однако, что Артур Билл, хотя и упорно отрицал свою вину, был прежде вынужден сделать некое признание. Он "неожиданно признался, что у него есть определенные духи в подчинении". Но это может означать не что иное, как то, что его слова были неверно истолкованы.

[18] Три женщины из Лестершира, Энн Бейкер, Джоан Уиллимот и Эллен Грин, которые в своих признаниях обвинили Цветы (они принадлежали к приходам, соседним с Бельвуаром, который находится на границе графства) и чьи показания против них фигурировали в судебных процессах, в это же время (февраль-март 1618/19 года) находились под следствием в этом графстве. Были ли эти женщины авторами или жертвами подозрений в Бельвуаре, мы не знаем. Но поскольку у нас есть их проклятые признания, судьба их не вызывает сомнений.

[19] Женщин судили в марте 1618/19 года. Генри, старший сын графа, был похоронен в Боттесфорде 26 сентября 1613 года. Джон Николс, *История и древности графства Лестер* (Лондон, 1795-1815), II, pt. i, 49, примечание 10. Фрэнсис, второй, прожил до начала 1620 года. Его сестра, леди Кэтрин, чье слабое здоровье также приписывали ведьмам, теперь была наследницей и в том же году стала невестой Бекингема, фаворита короля. В этом деле есть один аспект, который нельзя упускать из виду. Обвинения против Флауэрсов не могли быть неизвестны королю, который был частым гостем в резиденции Ратлендов. Трудно поверить, что при таких обстоятельствах к пыткам, которые Яков объявил необходимыми для выявления вины обвиняемых ведьм, не прибегли. Странные и сверхъестественные признания служат подтверждением этой гипотезы.

[20] *Жесточайшее и кровавое убийство, совершенное ... Аннис Делл, ... с несколькими колдовскими преступлениями ... некой Джоан Харрисон и ее дочери, 63 лет.*

[21] Эту историю следует принимать с сомнением; см. ниже, приложение А, § 3.

[22] См. выше, с. 110-111.

[23] Суд над Элизабет Сойер в Эдмонтоне в 1621 году был связан с подобными пустяками. Однажды Агнес Рэтклифф стирала, когда свиноматка, принадлежащая Элизабет, слизала немного ее мыла. Она ударила ее "стиральным жуком". Конечно же, она заболела и на смертном одре обвинила госпожу Элизабет Сойер, которая впоследствии была повешена.

[24] См. T. Tindall Wildridge, in William Andrews, *Bygone Derbyshire* (Derby, 1892), 180-184. Найти источники этой истории не удалось. Дж. Чарльз Кокс, исследовавший записи Дерби, похоже, так ничего и не обнаружил об этом деле.

[25] См. F. Legge, "Witchcraft in Scotland," in the *Scottish Review*, XVIII, 264.

[26] См. выше, гл. IV, особенно примечание 36.

[27] О Мэри Гловер см. также приложение А, § 2. О других самозванцах см. Thomas Fuller, *Church History of Britain* (London, 1655; Oxford, ed. J. S. Brewer, 1845), ed. of 1845, V, 450; письма, приведенные Edmund Lodge, *Illustrations of British History, Biography and Manners ...* (London, 1791), III, 275, 284, 287-288; также *King James, His Apothegms, by B. A., Gent.* (Лондон, 1643), 8-10.

[28] *Cal. St. P., Dom., 1603-1610*, 218.

[29] Fuller, *op. cit.*, V, 450.

[30] Там же; Джон Ги, *"Нога из силка, или Обнаружение практики и самозванства священников и иезуитов в Англии..."* (Лондон, 1624), перепечатано в *Somers Tracts*, III, 72.

[31] Там же; Fuller, *op. cit.*, V, 450.

[32] О том, насколько серьезнее его придворные, говорит анекдот о сэре Джоне Харингтоне: Джеймс серьезно спросил сэра Джона, почему дьявол чаще работает с древними

женщинами, чем с другими. "Этому нас учит Писание, - весело ответил сэр Джон, - где сказано, что дьявол ходит по сухим местам". См. его *"Nugæ Antiquæ"* (Лондон, 1769), изд. в Лондоне, 1804, I, 368-369.

[33] Фуллер, указ. соч., V, 451.

[34] Там же.

[35] Историю о повешении в Лестере в 1616 году приходится собирать из различных источников. Однако главным авторитетом для нас являются два письма, написанные Робертом Хейриком из Лестера своему брату Уильяму в 1616 году, которые можно найти в книге Джона Николса *"История и древности графства Лестер"* (Лондон, 1795-1815), II, pt. ii, 471, и в ежегодном реестре за 1800 год. См. также William Kelly, *Royal Progresses to Leicester* (Leicester, 1884), 367-369. Вероятно, речь идет о случае, упомянутом Фрэнсисом Осборном, когда мальчик был отправлен к архиепископу Кентерберийскому для дальнейшего обследования. Осборн, писавший много позже этих событий, очевидно, спутал историю о ведьмах из Лестера с историей мальчика из Билстона - их происхождение было схожим - и создал странный рассказ; см. его *"Собрание сочинений, парадоксов и проблемных рассуждений"* (Лондон, 1658-1659), 6-9.

[36] О позоре судей см. *St. P., Dom., 1611-1618*, 398.

[37] Вебстер знал епископа Мортон, а также его секретаря Баддели, который был нотариусом в этом деле и написал о нем отчет. См. John Webster, *The Displaying of Supposed Witchcraft* (London, 1677), 275.

[38] Католики заявили, что пуритане испробовали на нем "силлабуб". Возможно, это была саркастическая ссылка на их попытки вылечить его с помощью медицины.

[39] Затем из Личфилда.

[40] Бэддели, который был секретарем епископа Мортон и подготовил рассказ об этом деле для типографии, говорит, что женщина была освобождена в результате дознания; Рус. Baddeley, *The Boy of Bilson ...* (London, 1622), 61. Артур Уилсон, который говорит нам, что слышал эту историю "из уст самого епископа почти за тридцать лет до того, как она была вставлена сюда", утверждает, что женщина была признана виновной и приговорена к смерти; Arthur Wilson, *Life and Reign of James I* (London, 1653), 107. Очевидно, что история Баддели заслуживает большего доверия. Конечно, возможно, хотя и не вероятно, что было два процесса, и что Бэддели проигнорировал второй, результаты которого были бы менее достойны епископа.

[41] Webster, *Displaying of Supposed Witchcraft*, 275.

[42] См. Fairfax, *A Discourse of Witchcraft* (Philobiblon Soc.): "и тех, чьи самозванства наш мудрый король так недавно раскрыл". См. также интересное письмо самого Якова в J. O. Halliwell, *Letters of the Kings of England* (London, 1846), II, 124-125.

[43] Фуллер, *Церковная история Британии*, V, 452 (гл. X, раздел 4). Примечательно, что Питер Хейлин, который в своем *"Examen Historicum"* (Лондон, 1659) пытался разнести Фуллера в пух и прах, не упоминает этот момент.

[44] См. Francis Osborne, *Miscellany*, 4-9. Люси Эйкин, *"Мемуары о дворе короля Якова Первого"* (Лондон, 1823), II, 398-399, приводит примерно ту же историю, что и Фуллер и

Осборн, и, хотя формулировки немного отличаются, вполне вероятно, что они были ее источниками.

[45] Артур Уилсон, указ. соч. С. 111, рассказывает: "Король с наслаждением постигал с помощью своего разума глубину таких грубых самозванцев, и он обнаружил их множество". Автор "*Джентльменского журнала*" (LIV, pt. I, 246-247) в 1784 году говорит, что он где-то читал, что король Яков на смертном одре признал, что его обманули в его мнении относительно колдовства, и выразил беспокойство, что так много невинных людей пострадали из-за этого. Но поскольку он забыл, где читал об этом, его свидетельство, конечно, не имеет особой ценности.

[46] Колледж, где ежегодно читалась проповедь на тему колдовства после дела Уорбойса.

[47] Заявление Осборна, возможно, следует немного отбросить из-за его скептицизма. С другой стороны, он не был таким уж поклонником Якова I, чтобы не воздавать ему должного. Мнение Фуллера разделилось.

[48] Джеймс все еще верил в колдовство в 1613 году, когда проходил злополучный бракоразводный процесс леди Эссекс. Однако при внимательном прочтении его высказываний того времени создается впечатление, что он уже не был так уверен в возможности колдовства, как в момент написания своей книги. Его позиция была явно оборонительной. Следует помнить, что Джеймсу в 1613 году было важно добиться своего и он не допустил бы, чтобы возможные сомнения в колдовстве помешали его желанию развестись. См. Howell, *State Trials*, II, 806.

[49] Одна из них была подвергнута публичному обыску по приказу судьи. См. Fairfax, *op. cit.*, 138-139.

[50] Там же, 205. Две из женщин уже ушли домой, там же, 180.

[51] Там же, 225-234.

[52] Там же, 234.

[53] Там же, 237-238. Если женщин судили дважды, это выглядит явным нарушением принципа прежней ответственности. См. выше, примечание 11. Статут от 3 Hen. VII, cap. I, согласно которому признание *невиновности* не является препятствием для подачи апелляции, в данном случае неприменим, поскольку этот закон распространялся только на случаи *убийства*.

[54] Кроме того, Фэрфакс был человеком, к которому король питал большое личное уважение.

[55] На августовской ассамблее была предпринята попытка показать, что дети "подделывают". См. "*Рассуждения*", 235-237.

ГЛАВА VII.

Ланкаширские ведьмы и Карл I.

По своему отношению к суевериям Карл I напоминал скорее позднего, чем раннего Якова I. Ни одно царствование вплоть до революции не было отмечено таким малым количеством казней. Это было время сравнительного спокойствия. То тут, то там отдельные ропоты против

предполагаемых порождений дьявола побуждали мировых судей писать письма и даже проводить расследования, которые нередко приводили к бессрочным обязательствам или вызывали протесты соседей в пользу обвиняемого. Но если дел было не так много, то они представляли собой обширную территорию. Мидлсекс, Уилтс, Сомерсет, Лестершир, Стаффордшир, Ланкашир, Дарем, Йоркшир и Нортумберленд были в числе графств, подвергшихся заражению. Однако мы можем насчитать всего шесть казней, и только четыре из них опираются на надежные доказательства.[1] Разумеется, это означает, что правление Карла не продолжалось до 1642 года, когда разразилась Гражданская война и пуританские лидеры взяли на себя ответственность за управление страной.

До этого времени в Англии была лишь одна действительно заметная тревога, связанная с ведьмами. Но именно она, как и в Эссексе, еще раз проиллюстрировала непрерывность суеверия в той или иной местности. Ланкаширские ведьмы 1633 года стали прямым следствием ланкаширских ведьм 1612 года. История странная. Одиннадцатилетний мальчик однажды прогулял свою пастьбу и, как он потом рассказывал, отправился собирать сливы. Когда он вернулся, ему пришлось искать благовидное оправдание, чтобы представить его родителям. Парень рос в лесу Блэкберна, неподалеку от холма Пендл; он подслушивал рассказы о Малкинг-Тауэр[2] из болтовни сплетниц;[3] он вздрагивал, когда ему указывали на подозреваемых женщин; он знал имена некоторых из них. Его воображение в поисках оправдания ухватилось за мотив ведьмы[4] и развило его с легкой выдумкой юности.[5] Он увидел, как к нему бегут две борзые. Они были похожи на тех, что принадлежали двум его соседям. Увидев, что за ними никто не идет, он отправился с ними на охоту, и вскоре перед ним поднялся заяц, при виде которого он закричал "Лоо, Лоо", но собаки не убежали. Очень рассердившись, он привязал их к небольшому кусту в изгороди и стал бить, и тут же вместо черной борзой встала "некая жена Дика Онсона", а вместо коричневой борзой - "маленький мальчик, которого этот информатор не знает". Он начал убежать, но женщина остановила его и предложила ему кусок серебра, "похожий на дорогой шиллинг", если он не предаст ее. Совестливый мальчик ответил: "Нет, ты ведьма", - и тогда она снова сунула руку в карман и вытащила веревку, похожую на уздечку, которая звенела, и надела ее на маленького мальчика, который стоял у борзой лошади, и тогда мальчик встал на белого коня". В истинном стиле "Арабских ночей" они сели на коней и поскакали прочь. Они приехали в новый дом под названием Хоарстоунс, где было три десятка или больше людей, лошади разных цветов и костер, на котором жарилось мясо. Они ели мясо и хлеб на траншее и пили из стаканов. После первого вкуса мальчик "отказался и больше не хотел, сказал, что это ничто". На пиру были и другие угощения. Мальчик, как он потом признался, был знаком с историей о пире в Малкинг-Тауэр.[6]

Имена присутствовавших он сначала не назвал, но, когда его допросили, он назвал восемнадцать[7], которых видел. Мальчик признался, что ему хватило ума составить список из тех, кого уже подозревали соседи.

Достаточно было чиркнуть спичкой, чтобы разгорелось пламя ненависти к ведьмам в Ланкашире. Рассказ мальчика был вполне достаточным. Был ли его рассказ спонтанной выдумкой, придуманной в чрезвычайных обстоятельствах, как он утверждал в своем признании в Лондоне, или это была тщательно продуманная ложь, которой его научил отец, чтобы отомстить ненавистным соседям, а возможно, и с целью шантажа, как позже утверждали некоторые обвиняемые, мы никогда не узнаем. Впоследствии мальчик, как говорят, признался, что его подговорил отец,[8] но это повествование имеет некоторые признаки истории, придуманной детским воображением.[9] Примирить эти две теории достаточно легко, если предположить, что мальчик начал рассказ по собственной

инициативе, а его отец был слишком проницателен, чтобы не воспользоваться возможностью произвести сенсацию и, возможно, заработать немного денег. Он отвел мальчика к мировым судьям, которые с тем же рвением, что и их предшественники двадцать два года назад, произвели множество арестов.^[10] Мальчика выставляли из города в город в Ланкашире как великое чудо и детектор ведьм. Именно в ходе этих выставок его привезли в маленький городок на границе Ланкашира и Йоркшира и привели на дневную церковную службу, где молодой священник, ставший впоследствии известным противником суеверий, выступал перед прихожанами. Служители держали мальчика на руках, как бы давая ему возможность обнаружить ведьм среди слушателей. Священник увидел его, а по окончании службы сразу же подошел к мальчику и без обиняков спросил его: "Добрый мальчик, скажи мне искренне и серьезно, видел ли ты и слышал ли ты о собрании ведьм то, о чем многие рассказывают?" Мальчику, как рассказывает Уэбстер, не дали времени на ответ люди, отвечавшие за него, которые протестовали против подобных вопросов. По их словам, мальчик уже побывал у двух мировых судей и не подвергался подобной катехизации.^[11]

У одинокого скептика было мало шансов отбить волну ажиотажа, вызванную рассказами юного Робинсона. Успех побудил его придумывать новые истории.^[12] Он видел жену Ллойда, сидящую на перекладине в дымоходе его отца; он позвал ее; она не спустилась, а растворилась в воздухе. Мальчик рассказывал и другие истории, но ни в одной из них не было той явной выдумки, которая была в его первом рассказе.

Он сделал свое дело. Мировые судьи доставляли обвиняемых на судебные заседания в Ланкастер. Там Робинсона снова призвали дать свои знаменитые показания. Его поддержал отец,^[13] который рассказал, что в тот день, когда он послал своего мальчика за скотом, он пошел за ним и, приблизившись, услышал его плач и обнаружил, что тот совсем "растерялся". Когда мальчик пришел в себя, он рассказал уже рассказанную историю. Таковы были показания отца, и вместе с показаниями сына они составили наиболее показательную часть представленных свидетельств. Но, как обычно бывает в таких случаях, оно послужило открытием для всех, кто по каким-либо причинам считал, что у них есть основания подозревать кого-либо из соседей. Один из свидетелей вспомнил, что соседская девочка могла заколдовать ведро и заставить его катиться к ней. Позже нам представится случай обратить внимание на то, какие факты лежат в основе этого любопытного обвинения. Были и другие свидетельства столь же пагубного характера. Но почти во всех случаях упор делался на телесные отметины. В одном случае, правда, больше ничего не было предъявлено.^[14] Читатель помнит, что в Ланкастерских делах 1612 года свидетельства о следах на теле заметно отсутствовали, настолько заметно, что у нас возникло подозрение, что судья их исключил. То, что такие доказательства теперь считались важными, доказывает, что этой особенно мрачной черте суеверия о ведьмах уделялось все больше внимания.

Сколько всего было обвиненных, мы не знаем. Вебстер, писавший позднее, сообщил, что семнадцать человек были признаны виновными.^[15] Не исключено, что еще большее число было оправдано. Безусловно, некоторые были оправданы. В доказательствах было проведено некое различие. Тем сложнее понять, почему правдивость рассказов Робинсона не была проверена так же, как в 1612 году проверяли рассказы Грейс Соуэрбаттс. Неужели судьям не пришлось в голову обнаружить обман, или они никогда не слышали о знаменитом мальчике из Билстона? Возможно, виноваты не они, а присяжные, ведь, судя по сайту, суд не был полностью удовлетворен вердиктом присяжных и отложил вынесение приговора. Возможно, судьи написали об этом в Лондон. Как бы то ни было, Тайный совет решил разобраться в деле, о котором уже говорили во всем королевстве.^[16] Секретари Коук и Уиндебанк отправили Генри Бриджмену, епископу Честера и преемнику того Мортон,

который разоблачил мальчика из Билстона, поручение обследовать семь осужденных ведьм и составить отчет.^[17] Бриджмен, несомненно, знал об успехах своего предшественника в разоблачении мошеннических обвинений. Не успел епископ подготовить доклад, как Его Величество приказал доставить трех или четырех обвиняемых в Лондон по ордеру хабеас корпус. Из-за того, что не было указано конкретных имен, произошла задержка.^[18] Вероятно, именно в этот промежуток времени епископ Бриджмен смог провести свой допрос. Он обнаружил, что трое из семи уже мертвы, а один безнадежно болен. Остальных троих он допросил с особой тщательностью. Двое из них, Мэри Спенсер, девушка двадцати лет, и Фрэнсис Диконсон, первая, кого обвинил Робинсон, выступили с пылкими отрицаниями. Мэри Спенсер заявила, что ее обвинители в течение нескольких лет питали злобу к ней и ее родителям. По ее словам, на суде она не смогла ответить за себя, поскольку шум толпы был настолько сильным, что не позволил ей услышать улики против нее. Что касается обвинения в том, что она заколдовала ведро, чтобы оно само по себе бежало к ней, то она заявила, что в детстве катила ведро вниз по склону и звала его за собой, когда бежала, - совершенно естественная детская игра. Фрэнсис Диконсон также обвинила в злонамеренности своих обвинителей, особенно отца Эдмунда Робинсона. Ее муж, по ее словам, не захотел продать ему корову без поручительства и тем самым навлек на себя его недоброжелательство. Далее она утверждала, что старший Робинсон вызвался отказаться от обвинений в ее адрес, если ее муж заплатит ему сорок шиллингов. Это встречное обвинение было поддержано другим свидетелем и, похоже, произвело на церковника сильное впечатление.

Третьей женщиной, которую допрашивал епископ, была шестидесятилетняя вдова, которая не была включена в число семнадцати ведьм. Она признала, что была ведьмой, но, как писал епископ, "чаще всего ошибалась в деталях своих действий, как человек с сильным воображением, но слишком слабой памятью, чтобы сохранить или рассказать о втором". Женщина рассказала банальную историю о мужчине в черном одеянии, который пришел к ней шесть лет назад и заключил обычный договор. Но очень любопытно, что она смогла назвать только одну другую ведьму и призналась, что не знает ни одной из тех, кто уже сидит в тюрьме.

Таковы были результаты обследований, присланных епископом. В письме, которое он отправил, он выразил сомнение по поводу всего этого дела. "Коварство и злоба, - писал он, - настолько сильны у многих в этих краях, что они легко дадут клятву отомстить своему ближнему". Он намекнул, что пошел бы дальше в рассмотрении встречных обвинений, выдвинутых обвиняемым, если бы не то, что он намеревался выступить против короля, то есть против обвинения.

Этот доклад, несомненно, подтвердил опасения правительства. Повестки шерифу Ланкастера были перенаправлены, а четырех женщин привезли в Лондон и доставили в "Корабельную таверну" в Гринвиче, неподалеку от одной из королевских резиденций.^[19] Два хирурга Его Величества, Александр Бейкер и сэр Уильям Ноулз, последний из которых имел обыкновение осматривать кандидатов на королевское прикосновение, вместе с пятью другими хирургами и десятью дипломированными акушерками, получили приказ провести телесный осмотр женщин под руководством выдающегося Харви,^[20] королевского врача, который впоследствии должен был обнаружить циркуляцию крови. В ходе этой главы мы увидим, что Харви долгое время лелеял сомнения по поводу колдовства. Вероятно, к этому времени он уже успел разувериться в нем. Остается только гадать, не собирался ли Чарльз, уже наверняка знавший о взглядах Харви, с самого первого шага в ланкаширском деле дать своему врачу шанс утвердиться в своем мнении. В любом случае его отчет и отчеты его

подчиненных были полностью в пользу женщин, за исключением того, что в случае Маргарет Джонсон (которая призналась) они нашли клеймо, но такое, которому они не придали особого значения.^[21] Женщины, похоже, предстали перед самим королем.^[22] Однако мы не знаем, что он высказал какое-либо мнение по этому поводу.

У всего этого дела есть один аспект, который был полностью упущен из виду. Каким бы ни был вердикт тайного совета и короля - а он, очевидно, был осторожным - они дали разрешение из высших кругов на использование теста на наличие следов на теле. Это доказательство колдовства было давно известно в Англии и медленно пробивало себе дорогу в судебную процедуру, пока теперь его не признали высшие силы королевства. Конечно, их целью, скорее всего, было отменить безрассудные приговоры в Ланкашире и разбить доказательства женщин-присяжных; но тем самым они создали прецедент для процедуры рассмотрения дел о ведьмах в период гражданской войны.

Тем временем, пока хирурги и акушерки возились с этими четырьмя женщинами, Робинсоны, отец и сын, приехали в Лондон по вызову Тайного совета.^[23] Там мальчика разлучили с отцом. Мировому судье из Мидлсекса, назначенному секретарем Уиндебэнком для снятия показаний, он признался, что вся его история была выдумкой и не имела под собой никакой фактической основы.^[24] И отец, и сын были заключены в тюрьму, и, похоже, против них было возбуждено дело одним из ныне раскаявшихся присяжных, которые вели дело.^[25] Как долго их держали в тюрьме, мы не знаем.

Естественно предположить, что по возвращении в Ланкастер женщин освободили, но, согласно записям шерифа, два года спустя в тюрьме все еще находились девять ведьм.^[26] Три из них носили те же имена, что и те, кого Робинсон притворялся, что видел в Хоарстоуне. В 1634 году была осуждена как минимум еще одна из девяти, а возможно, и больше. Маргарет Джонсон, единственной признавшейся, насколько нам известно, там не было. Вероятно, за это время она умерла в тюрьме. Мы не знаем, почему женщины не были освобождены. Возможно, общественные настроения в стране не позволили шерифу сделать это, возможно, несчастные провели в тюрьме два или более лет - мы не знаем, когда они вышли на свободу, - в результате судебной халатности, примеров которой слишком много в записях того времени. Скорее всего, король и тайный совет, сомневаясь в обвинениях, выдвинутых против женщин, не захотели возмущать общественные настроения, объявив их невиновными.

Неприятно констатировать, что Ланкастер еще не покончил со своими ведьмами. В начале следующего года епископ Честерский был вновь призван тайным советом рассмотреть дела четырех женщин. Возникла некоторая задержка, во время которой между епископом и шерифом разгорелся спор о том, где епископ должен проводить осмотр ведьм - в Уигане, как он предлагал, или в Ланкастере.^[27] Можно предположить, что гражданские власти герцогства Ланкастерского могли быть возмущены участием епископа в этом деле. Когда Бриджмен прибыл в Ланкастер, он обнаружил, что две из женщин уже мертвы. Две другие, как он писал, были обвинены человеком, который ранее был "рассеянным и сумасшедшим", и женщиной, которая была обычной нищенкой; другую давно считали ведьмой, но он не видел причин верить этому. По его признанию, он обнаружил небольшой комочек плоти на ее правом ухе.^[28] Увы, епископ Честерский, как и король и тайный совет, как бы ни отвергал он обвинения в колдовстве, так и не избавился полностью от одной из самых мрачных и неприятных форм веры в то, что лукавый телесно общается со своими подданными.

В одном отношении дело 1633-1634 годов в северной Англии было необычным. Социальный и моральный облик обвиняемых был явно высок. Не то чтобы они принадлежали к какому-то крестьянскому сословию, но представляли собой хороший тип фермерских людей. У мужа Фрэнсис Диконсон, очевидно, было какое-то имущество. Мэри Спенсер утверждала, что привыкла ходить в церковь и повторять проповедь своим родителям, и что она не боится смерти, поскольку надеется, что она откроет ей вход на небеса. Маргарет Джонсон была убеждена, что мужчина и его жена, находившиеся в тюрьме по обвинению Робинсона, не были ведьмами, потому что мужчина "ежедневно молится, читает и кажется благочестивым человеком". С этим свидетельством религиозной жизни, которое должно было что-то значить для статуса людей в общине, должно сочетаться полное отсутствие историй об угрозах в адрес нищих и ссорах между плохо настроенными и распущенными женщинами - историй, которые заполняют так много унылых страниц записей о колдовстве. Нет также никаких упоминаний о практике притворной магии.

В предыдущих главах мы уже имели возможность наблюдать преемственность суеверий в определенных местностях. Очевидно, что Ланкашир является одной из лучших иллюстраций этого принципа. Связь между тревогами 1612 и 1633-1634 годов не является предметом теории, а может быть установлена с помощью конкретных доказательств. Возможно, не будет лишним поинтересоваться, почему Лан Кашир был так заражен ведьмами. Это тем более необходимо, если учесть, что в стране были и другие дела о ведьмах. Дети Николаса Старчи стали поводом для первого испуга. Вероятно, некий Атли был повешен в Ланкастере в 1630 году за околдовывание ребенка джентльмена.^[29] В дни Содружества, как мы увидим, в Ланкастере была объявлена тревога, которая, вероятно, стоила жизни двум ведьмам. Ни в одном графстве Англии, кроме Эссекса, не было подобных записей. Записи этих двух графств нельзя объяснить ничем, кроме того, что оба они были рано заражены ненавистью к ведьмам и что ведьмы по традиции были связаны с определенными населенными пунктами в этих графствах и с определенными семьями, живущими там. Это действительно объяснение, которое ничего не объясняет. Все возвращается к преемственности суеверий.

Мы уже упоминали о широко распространенном интересе к ланкаширским ведьмам. Есть две хорошие иллюстрации этого интереса. Когда сэр Уильям Бреретон путешествовал по Голландии в июне 1634 года, за некоторое время до того, как четыре женщины были доставлены в Лондон, он встретил сестру короля Карла, королеву Богемии, и сразу же, очевидно, они заговорили о великом ланкаширском открытии.^[30] Другой случай комментирования этого дела произошел в Англии. Он показывает, что драматурги тогда, как и сейчас, стремились быть в курсе актуальных тем. Еще до того, как было вынесено окончательное решение по делу ланкаширских женщин, Томас Хейвуд и Ричард Бром, известные драматурги, написали пьесу на эту тему, которая сразу же была опубликована и "сыграна в "Глобусе" на Бэнксайде актерами Его Величества". Некоторые предполагали, что эта пьеса была более старой, основанной на ланкаширском деле 1612 года и переделанной в 1634 году; но основные события и персонажи пьесы настолько полно скопированы с показаний молодого Робинсона и с обвинений, выдвинутых против Мэри Спенсер, Фрэнсис Диконсон и Маргарет Джонсон, что неспециалист сразу же объявил бы ее пьесой, написанной полностью на основе дела 1634 года. Ничто уникальное в этих историях не было упущено. Инцидент с кастрюлей, разумеется, без рационального объяснения, был перенесен в пьесу и поставлен на сцене. В самом деле, брак, ставший крючком, на который можно было повесить кучу непристойностей, и история добродетельного мужа, обнаружившего, что его жена - ведьма, были единственными важными дополнительными мотивами. Для нашей цели значение пьесы заключается, конечно, в том, что она свидетельствует о всеобщем интересе - жители Лондона, очевидно, были знакомы даже с

детальными обвинениями - и, вероятно, отражает мнение лондонцев о деле. На протяжении всех пяти актов были те, кто утверждал, что ведьм не было, что свидетельствует о существовании такого мнения. Разумеется, в пьесе все они до опускания занавеса были убеждены в своей ошибке. Авторы, которые, несомненно, ориентировались на общественные настроения, не были столь серьезны, как прорицатели своего времени, но они были почти столь же суеверны. Хейвуд показал себя в другой работе, *"Иерархия блаженных ангелов"*,^[31] искренним приверженцем колдовства и подкрепил свою веру делом Уорбойса. Вероятно, он читал Шотландца, но он был совсем не из тех людей, которые идут против течения. *Поздние "Ланкаширские ведьмы"*, без сомнения, довольно точно выражали мнение Лондона. Как известно, она была написана до того, как можно было предвидеть окончательный исход дела. Возможно, Хейвуд предвидел его, но более вероятно, что он плыл по течению, когда писал в эпилоге,

... "Возможно, великое милосердие,
После справедливого осуждения, дать им день
более долгой жизни".

При обсуждении ланкаширского дела легко упустить центральную фигуру. Фрэнсис Диконсон, Мэри Спенсер и другие, могли ли они знать об этом, были обязаны своей жизнью, по всей вероятности, интеллектуальной независимости Уильяма Харви. В старом рукописном письме неизвестного автора есть ценная история о Харви, которая, если ей можно доверять, проливает свет на поведение врача в этом деле. Письмо, похоже, было написано мировым судьей на юго-западе Англии около 1685 года.^[32] Он имел некоторый опыт общения с колдунами - мы уже упоминали о них в другой связи - и они побудили его рассказать историю о докторе Харви, с которым он был "очень хорошо знаком". "Однажды я спросил его, какого он мнения о колдовстве; существует ли оно вообще. Он ответил мне, что считает, что нет". На вопрос о причинах его сомнений Харви рассказал, что "когда он был в Ньюмеркате с королем [Карлом I], он услышал, что в одиноком доме на границе пустоши живет женщина, которую считают ведьмой, и он пошел к ней один и нашел ее одну дома..... Он сказал, что сначала она была очень недоверчива, но когда он сказал ей, что он волшебник и пришел специально, чтобы поговорить с ней об их общем ремесле, она легко поверила ему; потому что он сказал мне: "Ты знаешь, у меня очень волшебное лицо"". Лекарь спросил ее, где находится ее знакомый, и пожелал увидеть его, на что она принесла блюдо с молоком и издала хихикающий звук, как это делают жабы, на что из-под сундука вылезла жаба и выпила немного молока. Теперь Харви разработал план, как избавиться от женщины. Он предложил, что, как друзья-ведьмы, они должны выпить вместе, и попросил ее раздобыть немного эля. Она отправилась в соседнюю пивную, расположенную в полумиле от дома, а Харви, воспользовавшись ее отсутствием, взял жабу и разрезал ее. Из нее вытекло молоко. При тщательном осмотре он пришел к выводу, что жаба "ничем не отличается от других жаб", но что меланхоличная старуха принесла ее домой как-то вечером, приручила, накормила и стала считать ее духом и своей знакомой. Когда женщина вернулась и обнаружила, что ее "знакомый" разрублен на куски, она "налетела, как Тигр", на его лицо. Лекарь предложил ей денег и попытался убедить ее, что ее знакомый - не более чем жаба. Когда он понял, что это ее не успокоило, он пошел другим путем и сказал ей, что он королевский врач, посланный узнать, не ведьма ли она, и, если это так, велеть ее задержать. Благодаря такому объяснению Харви удалось скрыться. Он рассказал об этом королю, с разрешения которого отправился в

экспедицию. Рассказчик добавляет: "Я уверен, что это аргумент против духов или колдовства - лучший и самый экспериментальный из всех, что я когда-либо слышал".

Кто был мировым судьей, написавшим это письмо, мы не можем даже предположить, равно как и не знаем, на чьих основаниях оно было опубликовано. Поэтому мы не можем утверждать это с абсолютной уверенностью, но можем сказать, что оно обладает рядом признаков *добросовестного* письма.^[33] Если оно таковым является, то дает новый ключ к разгадке поведения Харви в 1634 году. Мы, конечно, не можем быть уверены, что инцидент с жабой произошел до этого времени; вполне возможно, что врач начал свое расследование уже после того, как интерес, вызванный этим делом, угас. Как бы то ни было, перед нами был человек, который научным способом рассматривал суеверия.

Появление такого человека было очень значимым в истории колдовства, возможно, самым значимым фактом такого рода в царствование Карла I. Это царствование, несмотря на ланкаширское дело, характеризовалось продолжением и ростом скептицизма в отношении ведьм,^[34] столь распространенного в последние годы предыдущего царствования. Неверие еще не было агрессивным, оно не блокировало судебные преследования, но мешало их эффективности. Виселица еще не была отменена, но ее применение значительно ограничивалось центральным правительством. Суеверие все еще оставалось хищной птицей, но ему подрезали крылья.^[35]

[1] Автор "*Собрания современных отношений*" (Лондон, 1693) говорит о казни в Оксфорде, но в объемных публикациях об Оксфорде нет ничего, что бы ее подтверждало; случай в Мидлсексе также опирается на сомнительные доказательства (см. приложение C, 1641).

[2] *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 152.

[3] *Там же*, 141.

[4] Это, конечно, теория; ср. рассказ Доде о своем детстве в "*Le Pape est mort*".

[5] По-видимому, существует пять различных источников о первоначальных показаниях юного Робинсона. Томас Д. Уитакер, "*История ... Уолли*" (3-е изд., 1818), 213, имеет несовершенную расшифровку показаний, приведенную в Бодлианском архиве, *Dodsworth MSS.*, 61, ff. 45-46. Джеймс Кроссли в своем предисловии к книге "Поттс, чудесные открытия ведьм в графстве Ланкастер" (*Chetham Soc.*), lix-lxxii, скопировал показания, данные Уитакером. Томас Райт, "*Рассказы о колдовстве и магии*", II, 112-114, пересказал историю на основе копии этого и других показаний в *MSS* лорда Лондесборо. Вебстер печатает третью копию, "*Проявление предполагаемого колдовства*", 347-349. Четвертый приводится в книге Эдварда Бейнса "*История ... графства ... Ланкастер*", изд. 1836 г., I, 604, и взят из *Brit. Mus., Harleian MSS.*, cod. 6854, f. 26 b. Пятый находится в Бодлиане, *Rawlinson MSS.*, D, 399, f. 211. Источник Райта нам подробно не известен, но остальные четыре, хотя и несколько различаются по пунктуации, орфографии и именам, замечательно согласуются в деталях рассказа.

[6] *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 152.

[7] Джон Стерн, "*Подтверждение и разоблачение колдовства... вместе с признаниями многих казненных с мая 1645 года*" (Лондон, 1648), 11, говорит, что в Ланкашире "собралось девятнадцать человек". В показаниях Робинсона, напечатанных Вебстером в книге "*Разоблачение предполагаемого колдовства*", названо девятнадцать имен.

[8] Webster, *op. cit.*, 277.

[9] Мальчик на своих первых экзаменах в Лондоне заявил, что сам придумал эту историю.

[10] Любопытно, что одним из мировых судей был Джон Старчи, который был одним из околдованных мальчиков семьи Старчи в Кливорте в 1597 году. См. выше, гл. IV. См. Baines, *Lancaster*, ed. of 1868-1870, I, 204.

[11] Об этом инциденте рассказывает Уэбстер, *указ. соч.* С. 276-278. Уэбстер рассказывает, что мальчик был еще жив, когда он писал, и что он сам не раз слышал всю эту историю из его уст. Он прилагает к своему тому первоначальные показания мальчика (в Падихаме, 10 февраля 1633/4 года).

[12] Эти показания даны в одном документе, но этот документ, вероятно, представляет собой показания мальчика на судебном процессе.

[13] Отец был свидетелем на ланкаширских процессах в 1612 году. См. Baines, *Lancaster*, ed. of 1868-1870, I, 204-205.

[14] Это, конечно, пока у нас есть доказательства. Немного опасно придерживаться абсолютных отрицаний.

[15] Уэбстер, *указ. соч.* С. 277. Пелхэм 16 мая 1634 года писал: "Говорят, что 19 осуждены и ... 60 уже обнаружены". *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 26.

[16] В Лондоне сообщалось, что ведьмы подняли бурю, от которой Чарльз пострадал на море. Письмо Пелэма, там же.

[17] Там же, 77. См. также Реестр Совета (MS.), Карл I, т. IV, с. 658.

[18] *Hist. MSS. Comm. Reports*, XII, 2, p. 53. Тем временем канцлер герцогства Ланкастерского написал, что к нему приходили судьи. Что было делать с ведьмами?

[19] См. *Hist. MSS. Comm. Reports*, X, 2, p. 147; и *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 98.

[20] *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 98, 129. См. также Реестр Совета (MS.), Chas. I, vol. V, p. 56.

[21] *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 129.

[22] Вебстер, *указ. соч.* С. 277, говорит, что они были рассмотрены "после Его Величества и Совета".

[23] См. Реестр Совета (MS.), Карл I, т. IV, с. 657.

[24] *Cal. St. P., Dom.*, 1634-1635, 141.

[25] Там же, 152.

[26] *Farington Papers* (Chetham Soc, № 39, 1856), 27.

[27] *Hist. MSS. Comm. Reports*, XII, 2, p. 77.

[28] *Ibid.*, p. 80.

[29] Baines, *Lancaster*, ed. of 1868-1870, II, 12. Утверждается, что Атли, который был исповедуемым фокусником, околдовал до смерти некоего Ашетона.

[30] Путешествия по Голландии, Соединенным провинциям, Англии, Шотландии и Ирландии в 1634-1635 годах сэра Уильяма Бреретона, барта. (Chetham Soc., No. 1. 1844), 33.

[31] (Лондон, 1635 г.) Что касается Хейвуда, см. также главу X.

[32] Корреспондент, приславший копию MS. в *Gentleman's Magazine*, подписывается "В. С. Т.". Мне не удалось установить его личность. Его рассказ о рукописи и ее содержании см. в *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. I, 405-410, 489-492.

[33] В книге Джона Обри "*Письма выдающихся людей*" (Лондон, 1813), II, 379, говорится, что Харви "препарировал лягушек, жаб и ряд других животных и вел любопытные наблюдения за ними". Это хорошо согласуется с историей и в некоторой степени подтверждает ее.

[34] Например, в 1637 году епископ Бата и Уэллса отправил Джойс Ханниман к лорду Вроттесли, чтобы тот осмотрел ее и оправдал. Тот так и сделал, а епископ написал ему письмо, в котором благодарил его и поносил "неких наваждений, которые ходят и пугают людей". См. *Hist. MSS. Comm. Reports*, II, app., p. 48. Случай оправдания ведьмы и разоблачения притворных конвульсий ее обвинителя см. в *Cal. St. P., Dom.*, 1635, 477. Примеры исков за клевету см. в *North Riding Rec. Soc*, IV, 182, заседание 9 июля 1640 года.

[35] Следует упомянуть об одиночном памфлете этого периода. Он был озаглавлен: *Страшные новости из Ковентри, или Правдивая история и печальная история одного Томаса Холта из Ковентри, музыканта, который из-за любопытства и неумеренной любви к деньгам продал себя Девиллу, с которым заключил контракт на несколько лет, а также о его плачевном конце и смерти 16 февраля 1641 года* (Лондон, 1642). "Печальный субъект этого маленького трактата" был музыкантом с девятнадцатью детьми. Опасаясь, что не сможет обеспечить их, он якобы заключил договор с дьяволом, который в итоге сломал ему шею.

ГЛАВА VIII.

Мэтью Хопкинс.

В анналах английского колдовства Мэтью Хопкинс занимает особое место. Более двух лет он был зачинщиком судебных процессов, которые, по крайней мере, по количеству казненных, знаменуют прилив и отлив этого заблуждения. Его имя было малоизвестно современникам, но с тех пор он стал фигурой в анналах английского мошенничества. Совсем недавно его жизнь вошла в книгу "*Двенадцать плохих людей*".[1]

То, что мы знаем о нем до момента его первого появления в своей успешной роли в марте 1644/5 года, мы вскоре расскажем. Он был сыном Джеймса Хопкинса, священника из Уэнхема[2] в Саффолке. Он был "малоизвестным адвокатом" в Ипсвиче, а затем переехал в Мэннингтри. Был ли он тем Мэтью Хопкинсом из Саутварка, который в 1644 году жаловался на невозможность платить налоги[3], более чем сомнительно, но есть достаточно оснований полагать, что юриспруденция показалась ему не слишком прибыльной профессией. Он был готов к новому начинанию, и случайное обстоятельство в Маннингтри заставило его заняться совершенно новым делом. Он взял на себя роль охотника за ведьмами и, как говорят, получил титул генерального охотника за ведьмами.[4]

Он практически не готовился к работе, которая теперь попала ему в руки. Знаменитая *"Dæmonologie"* короля Джеймса была ему знакома, но, возможно, он изучал ее после первого опыта в Мэннингтри. Также представляется несколько вероятным, что он читал и даже испытал сильное влияние рассказа о ланкаширских ведьмах 1612 года, а также *"Советов присяжным заседателям"* Ричарда Бернарда. Но если он и читал последнюю книгу, то, похоже, совершенно неправильно ее истолковал. Что касается его общих сведений и образования, то у нас нет никаких данных, кроме намеков, которые можно почерпнуть из его собственных сочинений. Его письмо Джону Гаулу и небольшая брошюра, которую он написал для самозащиты, показывают человека, способного выражать свои мысли с некоторой ясностью и большой энергией. За его вызывающими словами скрывались сила характера и нервная энергия. Как мы увидим, проследив его карьеру, не будет преувеличением сказать, что крестоносец ведьм был человеком действия, который мог бы добиться успеха в другой области.

Было бы крайне интересно узнать о его религиозных наклонностях. Однако в этом вопросе он не дает нам никаких подсказок. Но его коллега по работе, Джон Стирн, явно был пуританином^[5], и Хопкинс, несомненно, придерживался той же веры. Однако вряд ли можно доказать, что в своей кампании он руководствовался религиозным рвением. Для времени духовной серьезности его высказывания кажутся довольно вялыми.

Именно в своем городе он впервые обратил внимание на опасность колдовства. Ведьмы, рассказывает он, имели обыкновение проводить свои собрания неподалеку от его дома. Во время одного из собраний он услышал, как одна ведьма попросила своих импов отправиться к другой ведьме. Другая ведьма, чье имя он таким образом узнал, - Элизабет Кларк, бедное одноногое существо, - была немедленно взята под стражу по обвинению Хопкинса.^[6] Посыпались и другие обвинения. Джон Ривет проконсультировался с одной хитрой женщиной по поводу болезни своей жены и узнал, что в этом виноваты два соседа. Одна из них, как ему сказали, жила немного выше его собственного дома; "после чего он решил, что его жена околдована... Элизабет Кларк, ... за что мать упомянутой Элизабет и некоторые другие ее родственники пострадали смерти за колдовство". Мировые судьи^[7], соответственно, "обыскали ее женщинами, которые много лет знали следы Девилла", и, когда они были найдены на ней, они приказали ее опекунам "не давать ей спать две или три ночи, ожидая, что за это время она увидит своих знакомых".^[8]

Пытки неизвестны английскому законодательству; но в наше время "третьей степени" никому не нужно объяснять, что то, что выставляется за дверь, может влезть в окно. Возможно, в семнадцатом веке благочестивые английские судьи и не подозревали, что принудительная бессонница - это форма физической пытки, более нервная и неотразимая, чем закручивание большого пальца. Три дня и ночи "бдения" привели к тому, что Элизабет Кларк "во многом призналась"; а когда на четвертую ночь ее горожане Хопкинс и Стирн пришли, чтобы из ее собственных уст заполнить ордера на тех, кого она назвала соучастниками, она сказала им, что, если они останутся и не причинят ей вреда, она позовет одного из своих импов.

Хопкинс сказал ей, что не допустит этого, но остался. Через четверть часа появились импы, шесть штук, один за другим. Первый был "белой тварью, похожей на кошку, но не такой большой", второй - белой собакой с песочными пятнами и очень короткими ногами, третий, Укусный Том, был борзой с длинными ногами. Нам нет необходимости углубляться в эту историю. В судебных протоколах приводятся показания Хопкинса и Стерна. Оба рассказали о случившемся в своих памфлетах.^[9] Еще шесть человек, четверо из которых были женщинами, присягнули в том, что им являлись бесы. В этом отношении судебный процесс является уникальным среди всех в истории Англии. Восемь человек свидетельствовали, что

видели импов.[10] Двое из них рассказали о том, что видели, в других местах, и их рассказы во многом совпали.[11] Можно сомневаться, что доказательства, представленные на каком-либо судебном процессе в XVII веке в Англии, зашли так далеко в установлении факта реального появления так называемых ведьмовских импов.

Как же объяснить эти явления? Какова была природа заблуждения, которое, как казалось, разделяли восемь человек? На этот вопрос должен ответить психолог. Обывателю же приходят в голову два объяснения. Не исключено, что в тюрьме водились грызуны - ужасные условия содержания в тюрьмах того времени слишком хорошо известны, чтобы их описывать, - и что бегающие в темноте существа легко принимались возбужденными людьми за нечто более естественное. Не исключено также, что все эти явления были плодом воображения или выдумки. Все зрители находились в состоянии ожидания сверхъестественных явлений. То, что, как заявляли бдительные лидеры, видели они, должны были видеть и другие. Были ли эти лидеры обмануты сами или легко обманули остальных, выкрикивая описание того, что они, по их словам, видели, трудно предположить. Писателю последняя теория кажется менее правдоподобной. Рассказы этих двух людей настолько явно независимы и в то же время так хорошо согласуются по факту, что это, кажется, ослабляет версию о сговоре с целью самозванства. На этом неспециалисту можно оставить этот вопрос. Какие гипнотические возможности заложены в этой истории, он не может знать. Конечно, обвиняемая женщина не была торговцем магией, и заподозрить ее в том, что она загипнотизировала наблюдателей, нелегко.

После признаний Элизабет Кларк были арестованы еще пять женщин - "старая бельдам" Энн Уэст, которая "много лет назад подозревалась в колдовстве и подвергалась за это тюремному заключению", [12] ее дочь Ребекка, [13] Энн Лич, ее дочь Хелен Кларк и Элизабет Гудинг. Как и в случае с первой, вскоре на них было собрано множество улик. Некий Ричард Эдвардс вспомнил, что, переезжая через мост, он услышал крик, "очень похожий на вопль рыси", и едва не был сброшен с лошади. Кроме того, он потерял несколько голов скота из-за загадочной болезни. Кроме того, его ребенка выхаживала добрая жена, жившая неподалеку от Элизабет Кларк и Элизабет Гудинг. Ребенок заболел, у него "рябило в глазах", и он умер. Он считал, что причиной его смерти стали Энн Лич и Элизабет Гудинг. Однако его убеждение, которое было предложено в качестве независимого свидетельства, похоже, основывалось на признании Анны Лич, которое было сделано до этого времени и вскоре передано мировым судьям. Роберт Тейлор обвинил Элизабет Гудинг в гибели своей лошади, но и у него были предположения от других свидетелей. Пруденс Харт заявила, что ночью, когда она лежала в своей постели, "что-то упало ей на правый бок". "Из-за темноты она не может сказать, что это было, но считает, что причиной ее болей были Ребекка Уэст и Энн Уэст".

Но обвинители едва ли могли превзойти обвиняемых. Стоило только предположить преступление, как они тут же брали его на себя. Казалось, что ведьмы участвуют в гонке за звание главной преступницы. За исключением Элизабет Гудинг, которая упорно твердила о своей невинности, они с радостью признавались, что калечили своих жертв, заставляли их "томиться" и даже убивали. Вспоминались встречи в доме Элизабет Кларк. Энн Лич вспомнила, что там читали книгу, "в которой, по ее мнению, не было ничего хорошего". [14]

Так закручивалась паутина обвинений и встречных обвинений, пока в ее сети не попали двадцать три или более женщины. Не менее двенадцати из них признались в причастности к самым отвратительным преступлениям. Но была и такая, которая в суде отказалась от своих признаний. [15] Не менее пяти полностью отрицали свою вину. Среди них была бедная женщина, которая вызвала подозрения главным образом потому, что перед ее домом видели

молодого зайца. Она готова была признать, что видела зайца, но отрицала все более серьезные обвинения.^[16] Другая из тех, кто не признал себя виновным, пыталась отвести от себя обвинения, добавив их к тем, что накопились против ее матери. Ее обвинение было проклятым. Мать угрожала ей, а на следующую ночь она "почувствовала, как что-то попало в постель в районе ее ног, ... но не смогла ничего найти". Это было столь же серьезное свидетельство, как и показания одного из мировых судей, который со скамьи подсудимых заявил, что его честный друг видел, как из дома Энн Уэст при лунном свете выходили три-четыре привидения. Хопкинс не отставал от других обвинителей. Он посетил Колчестерский замок, чтобы допросить Ребекку Уэст, и добился от нее признания, что она прошла через свадебную церемонию с дьяволом.

Но зачем вдаваться в подробности? Улики были однотипными. Женщины-присяжные, как и на процессе в Ланкастере в 1633 году, представили результаты своих томительных допросов. Вынося вердикты и массу обвинений и признаний, мировые судьи были заняты в течение марта, апреля и мая 1645 года. Суд состоялся только двадцать девятого июля. Он проходил в Челмсфорде перед мировыми судьями и Робертом Ричем, графом Уориком. Уорвик не был странствующим судьей и, насколько нам известно, никак не был связан с судебной системой. Один из самых видных пресвитериан в Англии, он в апреле этого года, в результате "самоотверженного ордонанса", сложил с себя полномочия главы военно-морского флота. Он исчезает из виду до августа, когда ему снова поручают работу. В это время состоялся суд над Челмсфордом. Мы можем только догадываться, что граф, назначенный главой Восточной ассоциации менее чем через месяц^[17] (27 августа), действовал в этом случае в военном качестве. Судебные заседания были приостановлены. Несомненно, некоторые мировые судьи настаивали на срочности дел, подлежащих рассмотрению. Мы можем предположить, что он заседал вместе с ними на квартальных сессиях, но, похоже, он играл роль разъездного судьи.

Никакого повествования о самом процессе не сохранилось. Некий человек, подписавшийся "H. F.", переписал и напечатал показания мировых судей и вставил на полях приговоры. Таким образом, мы знаем, что было осуждено по меньшей мере шестнадцать человек, возможно, еще двое, а возможно, одиннадцать или двенадцать.^[18] Из первоначальных шестнадцати человек один был освобожден, один умер до казни, четверо были повешены в Маннингтри и десять - в Челмсфорде.

Эти случаи требуют комментариев, которые нельзя обойти вниманием, поскольку они пригодятся в дальнейшем при анализе причин вспышки. Артур Уилсон, которого мы уже упоминали как историка того времени, оставил свой вердикт по поводу этого процесса. "Ничто, - писал он, - не может быть так противно моему нраву, как предание смерти стольких ведьм". Он не видел в женщинах, осужденных в Челмсфорде, "ничего, кроме бедных меленхолли... плохо питающихся и атрабильных, чьи фантазии, работающие под воздействием сильных испарений и паров, могут заставить воображение быть готовым к любым впечатлениям". Вильсон долго бился со своим Богом над вопросом о ведьмах и в конце концов пришел к выводу, что "безграничной благости Всемогущего Бога не пристало выпускать Сатану на свободу столь хищным образом".

Мнение парламентского журнала в Лондоне от двадцать четвертого июля, за три дня до казней в Эссексе, показывает, что роялисты были склонны отмечать количество ведьм в графствах, дружественных парламенту: "Обычная забава злопыхателей в этом городе - говорить об ассоциации ведьм в соседних графствах, но при этом они должны понимать истинность старой пословицы, гласящей, что там, где Бог имеет свою церковь, дьявол имеет свой чепель". Писатель продолжает: "С прискорбием сообщаю вам, что одна из них была

женой Парсона (это будет хорошей новостью для папистов) Ее звали Вес..... Эта женщина (как я слышал) была задержана первой".[19] Однако, похоже, миссис "Вес" удалось избежать наказания. Социальное и религиозное влияние не было бесценным. Более поздний памфлетист говорит нам, что случай с миссис Уэйт, женой священника, был "явной ошибкой, так как хорошо известно, что она - нежная женщина, ведущая очень благочестивую и религиозную жизнь".[20]

Тем временем Хопкинс распространил свою деятельность на Саффолк. Элизабет Кларк и Энн Лич обвинили некоторых женщин в этом графстве. Их обвинения были переданы мировым судьям и стали началом паники, которая, как лесной пожар, распространилась по округе.

Методы, которые использовал генерал-колдун, очень интересны. В графстве были назначены четыре сыщика: двое мужчин и две женщины.[21] "В каком бы городе... ни находился человек или люди, подозреваемые в том, что они ведьмы или ведьмаки, они посылают туда двух или всех указанных сыщиков, которые берут подозреваемого в дом и раздевают его, ее или их догола".[22] Священнослужитель Гауль сообщает нам дальнейшие подробности:[23] "Взяв подозреваемую ведьму, ее ставят посреди комнаты на табурет или стол, скрестив ноги, или в какую-нибудь другую неловкую позу, и если она не подчиняется, ее связывают шнурами; там ее караулят и держат без мяса и сна в течение 24 часов В двери также проделывается небольшое отверстие, через которое может входить импа; а чтобы она не могла прийти в каком-нибудь менее заметном виде, тех, кто наблюдает, учат постоянно подметать комнату, и если они увидят каких-нибудь пауков или мух, то убивать их. А если они не смогут их убить, то могут быть уверены, что это ее импы".[24] Хатчинсон рассказывает историю одной женщины, которая после долгого поста и отсутствия сна призналась, что держит у себя импа по имени Нан. Но "очень ученый и изобретательный джентльмен, возмущенный этим", выгнал людей из дома, дал женщине немного еды и отправил ее спать. На следующее утро она узнала, что никакой Нэн не было, а был только пульман.

Самым сенсационным открытием в Саффолке стало то, что Джон Лоус, пастор из Брандестона, был ведьмой. Дело было необычным и пролило свет на тревоги о ведьмах того времени. Лоусу было восемьдесят лет, и он был пастором на одном и том же месте в течение пятидесяти лет. Он попадал в неприятности, несомненно, из-за неумения ладить с окружающими. В молодости его вызвали в синод в Ипсвиче за то, что он не подчинялся обрядам установленной церкви.[25] В первый год правления Карла он был обвинен в отказе выставить свой мушкет[26], а позже дважды был обвинен в колдовстве и один раз как обычный имбарритор.[27] Сам факт того, что его уже обвиняли в колдовстве, придает окраску обвинению, выдвинутому в 1645 году. У нас действительно есть ключ к разгадке мотивов этого обвинения. Один из прихожан и соседний провидец впоследствии высказали мнение, что "мистер Лоус, будучи человеком сутяжным, доставлял своим прихожанам (слишком упорным в своих обычаях) много беспокойства, так что они были рады воспользоваться возможностью тех нечестивых времен, чтобы повесить его, а не избавляться от него". Хопкинс предоставил им такую возможность. Колдун взял пастора под руку. Он заставил его не спать несколько ночей подряд и гонял его взад-вперед по комнате, пока тот не запыхался. "Потом его немного успокаивали, а затем снова гоняли, и так несколько дней и ночей подряд, пока он не изнемогал от жизни и не переставал понимать, что говорит или делает".[28] При первом обвинении он отрицал все обвинения и требовал доказательств, но после того, как его подвергли этим суровым методам, он сделал полное признание. По его словам, он потопил парусное судно из Ипсвича, сделав за четверть часа четырнадцать вдов.

Следователь спросил его, не огорчило ли его то, что за короткое время было брошено столько людей, и он ответил: "Нет, он радовался, видя, какой силой обладают его Импы".[29] Он хвастался, что у него есть талисман, который помогает ему не попасть в тюрьму и не оказаться на виселице. Очень жаль, что уверенность безумца в своем обаянии оказалась неуместной. Вся его дикая исповедь - иллюстрация эффективности пыток. Его судьба свидетельствует об истерии того времени и о том, какие преимущества извлекали из нее злонамеренные люди. Именно его враждебность к церковным и политическим симпатиям своей общины стала причиной его падения.

Слабоумие, вызванное пытками в случае с Лоузом, проявилось и в случае с другими людьми, которые сделали признания в длительных убийствах. "Эти и все остальные признались, что жестокая злоба... была их главным наслаждением". Жестокими пытками обвиняемых заставляли оказать помощь в панике, которая превосходила все, что происходило в Англии до и после этого. От ста тридцати до двухсот человек[30] вскоре были обвинены и заключены в тюрьму Бури.

Весть об этом дошла до парламента в Лондоне, который был сильно занят другими делами. Мы не можем сделать ничего лучше, чем процитировать биографа пуритан Кларка.[31] "Парламенту был представлен доклад ... будто некие занятые люди использовали некие дурные искусства, чтобы вырвать такое признание; ... после этого была назначена специальная комиссия для суда над этими ведьмами". При сборе доказательств необходимо было тщательно следить за тем, чтобы признания были добровольными и подкреплялись "многими сопутствующими обстоятельствами". Приговоры должны были выноситься только на основании доказательств явного договора с дьяволом или доказательств использования импов, что подразумевало то же самое. Сэмюэл Фэрклоу и Эдмунд Калами (старший), священники-нонконформисты из Саффолка,[32] вместе с сержантом Джоном Годболтом и мировыми судьями, должны были составить этот специальный суд. Суд собрался в конце августа, через месяц после заседаний под руководством Уорика в Челмсфорде, и был открыт двумя проповедями, произнесенными мистером Фэрклоу в церкви Бьюри. Одним из первых дел специального суда, вполне возможно, по инициативе двух священнослужителей, было прекращение теста на плавание,[33], который применялся к нескольким обвиняемым, несомненно, по распоряжению мировых судей. Это, конечно, было в некотором смысле ударом по Хопкинсу. Тем не менее большая часть собранных им доказательств должна была быть принята во внимание. Восемнадцать человек, включая двух мужчин,[34] были приговорены к повешению.[35] В ночь перед казнью их заключили в сарай, где они дали согласие не произносить ни слова на виселице на следующий день и спели псалом в подтверждение. На следующий день они "умерли... очень отчаянно".[36] Но в тюрьме оставалось еще сто двадцать человек[37], ожидавших суда. Несомненно, многих из них ждал бы тот же конец, если бы не счастливый случай, выпавший на долю воинов. Королевские войска приближались, и суд поспешил прервать свои заседания.[38]

Но эта опасность вскоре миновала, и через три недели суд, похоже, возобновил свои заседания.[39] Об этой второй сессии мы вообще ничего не знаем, кроме того, что, вероятно, еще сорок или пятьдесят ведьм были осуждены и, несомненно, казнены.[40] Что стало с остальными, мы можем только догадываться. Возможно, кого-то выпустили, кого-то оставили в тюрьме на неопределенный срок.

Такие дела не делались в углу. Однако в Англии царила такая суматоха, что, если верить негативным свидетельствам, они не вызвали особого внимания. Однако те комментарии, которые были, свидетельствовали о разрыве мнений. В перерыве между двумя сессиями "*Moderate Intelligencer*", парламентский орган, возникший во время Гражданской войны,

выступил с редакционной статьей по этому поводу. "Но откуда взялось, что дьяволы предпочитают общаться с глупыми женщинами, которые не отличают правую руку от левой, - вот великое чудо..... Они не станут связываться ни с кем, кроме бедных старух, как явствует из того, что мы получили сегодня из Бьюри..... Многие осуждены, некоторые казнены, и еще больше тех, кого хотят казнить. Жизнь бесценна, и прежде чем ее отнять, необходимо провести тщательную проверку".[41]

Это единственное известное нам газетное упоминание, а также единственное абсолютно современное упоминание об этих процессах. Другие высказывания появились позже. Джеймс Хауэлл, популярный эссеист своего времени, упоминал об этих процессах в своей переписке как о новом доказательстве реальности колдовства.[42] Благочестивый епископ Холл видел в них "преобладание сатаны в эти времена".[43] Томас Эди, который в 1656 году выпустил книгу "Свеча во тьме", упомянул "Берри Ассиз"[44] и заметил, что некоторые легковверные люди опубликовали об этом книгу. Он считает, что критика была заслуженной за принятие показаний тюремщика, чья выгода заключалась в том, чтобы казнить как можно большее число людей.[45]

Мы уже описывали Хопкинса как человека действия. Ничто не может служить лучшим доказательством этого, чем то, как он спешил туда и обратно по восточным графствам. В течение последней половины мая он, вероятно, был занят сбором доказательств против обвиняемых в Бьюри. Задолго до суда над ними он был занят в другом месте. Мы можем проследить его передвижения лишь в общих чертах, но знаем о них достаточно, чтобы оценить его огромную энергию. Примерно в начале июня он, должно быть, отправился в Норфолк. До двадцать шестого июля в этом графстве было казнено двадцать ведьм.[46] Ни одна из подробностей этих процессов до нас не дошла. Судя по тому, как быстро они были завершены, можно с уверенностью сказать, что мировые судьи, не видя вероятности проведения в ближайшем будущем сессий ассамблеи, приступили к рассмотрению дел по собственной инициативе.[47] Пятнадцатого августа корпорация Грейт-Ярмута, расположенного на южной оконечности побережья Норфолка, постановила послать за мистером Хопкинсом, чтобы он получил гонорар и вознаграждение за свои труды,[48] "как он делал это в других местах". Он приезжал в два разных раза, один раз в сентябре, другой - в декабре. Вероятно, вся тяжесть работы была возложена на четырех помощниц, которым выдавалось по шиллингу в день на каждую.[49] Шесть женщин были осуждены, одна из них получила отсрочку.[50] Позже обвинения были предъявлены еще трем женщинам и одному мужчине, но к этому времени ярость против них, похоже, утихла, и они, вероятно, вышли на свободу.[51]

Дальнейший путь Хопкинса можно проследить с определенной долей уверенности. Из Ярмута он, вероятно, отправился в Ипсвич, где 9 сентября по решению мировых судей была сожжена мать Лейкланда.[52] Смерть матери Лейкланда через сожжение - это второй случай такой формы приговора во время паники Хопкинса,[53]. Это объясняется тем, что в Англии было принято сжигать женщин, убивших своих мужей. Главным обвинением против матушки Лейкланд, которая, кстати, была женщиной гораздо выше того класса, из которого обычно набирали ведьм,[54] было то, что она околдовала своего мужа до смерти.[55] Преступление было квалифицировано как "мелкая измена".

Нет ничего удивительного в том, что Хопкинс сделал достаточную паузу в своей активной карьере, чтобы написать отчет об этом деле, настолько хорошо его принципы раскрытия были представлены в памфлете, вскоре вышедшем из лондонской прессы.[56] Но, во всяком случае, еще до сожжения матушки Лейкланд он был на пути в Олдебург, где восьмого сентября уже за работой по сбору улики.[57] Здесь у него также был помощник, Гуди Филлипс,

который, несомненно, продолжил работу после его отъезда. Двадцатого декабря и седьмого января он снова был в Олдебурге, и главный итог его работы был подведен в кратком отчете: "Заплатил... одиннадцать шиллингов за повешение семи ведьм".[58]

Из Олдебурга Хопкинс, возможно, отправился в Стоумаркет. Мы не знаем, сколько слуг лукавого он здесь обнаружил; но, поскольку за свои услуги он получил двадцать три фунта[59], а в Олдебурге получил всего шесть фунтов, можно предположить, что его работа здесь была весьма плодотворной.

Теперь мы на некоторое время теряем след передвижений колдуна. Вероятно, он удваивал свой след и посещал судебные заседания. В декабре, как мы знаем, он нанес второй визит в Ярмут. Оттуда он мог отправиться в Кингс-Линн, где в этом году были повешены две ведьмы, а оттуда, возможно, в начале января вернулся в Олдебург и другие места в Саффолке. Не стоит думать, что его деятельность ограничивалась только названными городами. По меньшей мере пятнадцать других мест в Саффолке упоминаются Стерном в его рассказах о признаниях ведьм.[60] Хотя подчиненные Хопкинса, вероятно, представляли его в некоторых из этих деревень, мы не можем сомневаться, что сам охотник за ведьмами посетил множество городов.

Из Восточной Англии Хопкинс отправился на запад, в Кембриджшир. Его прибытие туда пришлось на январь или февраль. Его репутация, действительно, шла впереди него, и ведьмы, как сообщалось, заранее предприняли шаги, чтобы предотвратить обнаружение.[61] Но их усилия оказались тщетными. Следователь обнаружил не менее четырех или пяти отвратительных существ,[62], вероятно, больше. Однако нам известно лишь об одной казни - женщины, попавшей под подозрение из-за того, что она держала прирученную лягушку.[63]

Из Кембриджшира Хопкинс отправился в Нортгемптоншир, возможно, в марте 1645/6 года. Там он обнаружил по меньшей мере две зараженные деревни и нашел несколько примечательных доказательств. До сих пор в его крестовом походе содержание импов было непогрешимым тестом, на котором настаивал охотник за ведьмами. Но в Нортгемптоне спектральные свидетельства, похоже, сыграли значительную роль.[64] Хопкинс не высказывает своего мнения по поводу этой разновидности доказательств, но его коллега заявляет, что их следует использовать с большой осторожностью, поскольку "явления могут исходить от фантазий тех, кого принято бояться или, по крайней мере, подозревать".

Но именно случай в Нортгемптоншире другого типа, похоже, произвел на Стерна самое неизгладимое впечатление. Черри из Трэпстона, "очень пожилой человек", во время ссоры высказал пожелание, чтобы у его соседа отсох язык. После этого сосед страдал от болезни, которую мы, вероятно, назовем раком языка. Возможно, пока возможности внушения еще не настолько раскрыты, чтобы мы могли полностью опровергнуть физические последствия злобного пожелания. Однако гораздо легче поверить в то, что произнесенное изречение воображается после его предполагаемого эффекта. Как бы то ни было, Черри был вынужден признать свою вину, а также признать, что он нанес вред сэру Джону Вашингтону, который в разное время был его благодетелем.[65] Большое жюри предъявило ему обвинение, но он умер в тюрьме, весьма вероятно, покончив с собой, в тот день, когда должен был состояться суд.[66]

Из Нортгемптоншира путь Хопкинса привел его в Хантингдоншир,[67] графство, которое, похоже, не тревожили ведьмины тревоги со времен дела Уорбойса в 1593 году. Мировые судьи охотно взялись за поиски. В собранных ими доказательствах было мало необычного.[68] Мэри Чандлер послала своего призрака Вельзевула, чтобы навредить

соседу, который не пригласил ее на вечеринку. Обвиняемая ведьма, которую допрашивали о других возможных ведьмах, представила в качестве доказательства необычное свидетельство. Он имел разговор с "сыном Кларка из Кейстона", , который сказал ему (свидетелю): "Я не подозреваю, что вы умерли ведьмой, поскольку никогда не видел вас на наших собраниях". Казалось бы, это была ловкая выдумка, чтобы отвести от себя обвинения. Но, как ни странно, свидетель заявил, что он ответил, "что, возможно, их собрания проходили в разных местах".

В графстве Хантингдон у Хопкинса не все было гладко. Священнослужитель из Грейт-Стоутона возмутился его работой и выступил с проповедью против нее. Следовательно ведьм получил приглашение посетить город, но колебался. Тем временем он написал это грубое письмо одному из прихожан Джона Гоула.

"Служу Вашему Почитанию, сегодня я получил письмо и т. д.-приехать в город под названием Грейт-Стаутон для поиска злонамеренных лиц, называемых ведьмами (хотя, как я слышал, ваш министр далеко не согласен с нами по незнанию). Я намерен приехать (с Божьей помощью) тем скорее, чтобы выслушать его необычное суждение в отношении таких лиц; я знал, как один министр в Саффолке проповедовал столько же против их обнаружения на кафедре и был вынужден отказаться от этого (комитетом) в том же месте. Я очень удивляюсь, что у таких злобных членов[69] должен быть кто-то (тем более кто-то из духовенства), кто должен ежедневно проповедовать ужас, чтобы убедить таких преступников, встать на свою сторону против тех, кто жалуется на короля и сам страдает со своими семьями и имуществом. Я намерен внезапно посетить ваш город, я собираюсь приехать в Кимболтон на этой неделе, и это будет десять к одному, но я приеду в ваш город первым, но я хотел бы определенно знать, много ли в вашем городе приверженцев для таких Cattell, или желающих оказать нам хороший прием и развлечения, как в других местах, где я бывал, иначе я отмахнусь от вашего Шира (еще не начав ни в одной его части) и направлю меня в такие места, где я буду делать и смогу упорствовать без контроля, но с благодарностью и вознаграждением." [70]

Это воодушевило боевой дух викария Грейт-Стоутона, и он ответил ведьмоискателю в небольшой книге, которую опубликовал вскоре после этого и посвятил полковнику Уолтону из Палаты общин. В другой главе у нас будет повод обратить внимание на его точку зрения.

Несмотря на противодействие, работа Хопкинса в Хантингдоншире процветала. В марте и апреле мировые судьи были заняты допросами. Возможно, обвиняемых было около двадцати.[71] По крайней мере половина этого числа была допрошена. Несколько человек были казнены - мы не знаем точного числа, но почти наверняка по решению мировых судей.[72] Приятно сознавать, что одна из них была оправдана, пусть даже после того, как ее дважды обыскали и один раз подвергли испытанию плаванием.[73]

Вероятно, из Хантингдоншира Хопкинс и Стерн совершили свою следующую экскурсию в Бедфордшир. Об их успехах здесь мы знаем очень мало. В двух деревнях, похоже, им удалось выследить свою добычу.[74] Но они оставили другим начатые ими поиски.[75]

Следовательно ведьм работал чуть больше года. Но в последние месяцы его открытия были не столь заметны. Может, интерес к нему упал? Или он встречает все большее сопротивление в народе? Или суды присяжных, возобновившие свои заседания летом 1646 года, не одобряли его? Трудно ответить на этот вопрос без дополнительных доказательств. Но, во всяком случае, ясно, что летом и осенью 1646 года он не занимался активно своей профессией.

Вполне возможно, что он уже страдал от чахотки, которая должна была унести его в следующем году. А с уходом на покой его движущего духа крестовый поход ведьм вскоре завершился. Почти двенадцать месяцев спустя было сделано одно[76] открытие ведьм. Это было на острове Эли; и церковные суды,[77] мировые судьи,[78] и суды присяжных,[79] которые теперь были возрождены, смогли повесить несколько ведьм.[80]

Мы не знаем, участвовал ли Хопкинс в деле Эли или нет. Кажется несомненным, что его коллега, Стерн, принимал в нем какое-то участие. Но если так, то это было его последнее открытие. Работа этих двух людей была закончена. Они преследовали стаю ведьм в восточных графствах с марта 1644/5 года. Даже порицания тех, кто выступал против них, не могли омрачить удовольствия, которое они испытывали от содеянного. А когда их призвали защищаться, они не могли удержаться от ликования по поводу своих успехов. Они действительно имели полное право ликовать. Когда мы составим список их жертв, то увидим, что их заслуги как первооткрывателей ведьм превзошли все остальные.

Ошибочно полагать, что они действовали бессистемно. Поведение обоих мужчин было основано на совершенно логичных выводах из определенных предпосылок. *Деймонология* короля Джеймса была их катехизисом, закон против кормления импов - их книгой правил. Оба человека исходили из одного фундаментального понятия: колдовство - это содержание импов. Но это была вещь, которую можно было обнаружить по меткам на теле.[81] Оба готовы были признать, что можно ошибиться, и часто ошибались, принимая естественные телесные знаки за знаки дьявола. Однако существовали особые признаки, по которым можно было определить разницу между ними.[82] И оба охотника за ведьмами, конечно же, обладали той "проницательностью"[83], которая была необходима для проведения различия. В теории, на основе которых они работали, мы не будем вдаваться. Достаточно сказать, что когда они доказали, как им казалось, существование импов, следующим шагом было наблюдение за теми, кого в этом обвиняли.[84] "Для наблюдения, - говорит Стерн,[85], - не следует применять насилие или крайности, чтобы заставить их признаться, но одно лишь наблюдение заключается в том, чтобы сначала посмотреть, не приходит ли к ним какой-нибудь из их духов или знакомых". Очевидно, что и Хопкинс, и Стерн признавали тот факт, что признания, вырванные у женщин под пытками, ничего не стоят, и таким объяснением защищались от обвинений в применении пыток. Кажется, нет достаточных оснований сомневаться в искренности их объяснений. Стерн говорит нам, что ведьм держали отдельно "также для того, чтобы благочестивые боги могли беседовать с ними". "Ибо если кто из их общества придет к ним, чтобы побеседовать с ними, они никогда не признаются".[86] Здесь, действительно, кроется разгадка многих исповедей. Несколько мужчин, объединившихся против одной одинокой и слабой женщины, могли сломить ее решимость и получить от нее все, что хотели.

Что касается голодания ведьм и лишения их сна, то Стерн утверждал, что это делалось ими только поначалу. Хопкинс дал такое же свидетельство. "После того как они вместе били их по головам в гаолах, и после того как судьи и другие магистраты не разрешили использовать это средство, оно больше никогда не использовалось, то есть уже полтора года".[87] Другими словами, эти два человека отказались от этой практики, потому что парламентская комиссия заставила их это сделать.

По словам самого Хопкинса, к признаниям следует относиться с большой осторожностью.[88] Ведь так легко вложить слова в уста ведьмы. "У вас есть четыре импа, не так ли? Она отвечает утвердительно. 'Да' Разве их не зовут так-то и так-то? Да, - говорит она. Не ты ли послал такого Импа убить моего ребенка? "Да", - говорит она". Подобные вещи происходили слишком часто, утверждал добродетельный охотник за ведьмами. Он искренне

желал, чтобы "все магистраты и присяжные заседатели чуть больше, чем раньше, допрашивали свидетелей по поводу допрошенных признаний". Каким осторожным, осмотрительным человеком был этот знаменитый охотник за ведьмами! Признания, писал он, которым можно доверять, - это когда женщина без всяких "жестких уговоров или вопросов, задаваемых ей, по собственному желанию рассказывает, по какому поводу к ней явился дьявол".[89]

Тест на плавание использовался обоими мужчинами на ранних этапах их работы. "Оно использовалось, - писал Стерн, - и я не решался очистить себя от него, потому что раньше я его использовал, но это было в такое время года, когда никто не принимал вреда от него, и я никогда не делал этого, кроме как по их собственной просьбе".[90] Задумчивым человеком был этот Стерн! В последнее время он отказался от теста - с тех пор как "судья Корболт" прекратил его[91] - и пришел к убеждению, что это способ "не доверять Божьему провидению".

Как видно, люди, которые вели крестовый поход против ведьм, смогли представить последовательную философию своего поведения. Разумеется, это была философия, построенная для того, чтобы противостоять нападению, силу которого им пришлось признать. Pamфлет Хопкинса и *"Подтверждение"* Стерна были написаны с целью оправдать своих авторов в глазах ополчившейся против них общественности.[92] Похоже, что эта оппозиция впервые проявилась в их доме в Эссексе. Женщина, подвергавшаяся инквизиции, нашла сторонников и, хотя ее осудили, несмотря на их усилия, в конце концов была оправдана.[93] Ее друзья перевернули ситуацию, обвинив Стерна и еще около сорока человек в заговоре, и, по-видимому, сумели изгнать их из графства.[94] В Бьюри силы оппозиции обратились к парламенту, и для ограничения их деятельности была отправлена Комиссия судей и терминаторов, которая, надо заметить, ни разу не упоминается ведьмоискателями. В Хантингдоншире мы видели, как Хопкинс привел в чувство протестующего священнослужителя Джона Гаула. Если судить по письму, которое он написал одному из прихожан Гоула, Хопкинс к тому времени уже достаточно столкнулся с оппозицией, чтобы понять, когда лучше не вмешиваться. Предполагалось, что его смелость прикрывает страх.

Но именно в Норфолке противодействие охотникам за ведьмами достигло кульминации. Там самые язвительные "запросы" были заданы Хопкинсу через судей присяжных. Его обвинили во всех тех жестокостях, которые, как мы видели, он пытается защищать. Кроме того, его обвинили в том, что он обкрадывает страну ради собственной выгоды.[95] Ответ Хопкинса гласил, что он брал огромную сумму в двадцать шиллингов за город, "чтобы содержать свою компанию с тремя лошадьми".[96] То, что это было неправдой, достаточно подтверждается записями Стоумаркета, где он получил двадцать три фунта и свои дорожные расходы. При таких расценках на открытия можно не сомневаться, что вдвоем они заработали от трехсот до тысячи фунтов, что было не такой уж большой суммой в те времена, когда за день работы платили шесть пенсов.

Какие дальнейшие действия были предприняты в отношении запросов, "переданных судьям присяжных", мы не знаем. И Хопкинс, и Стерн, как мы видели, ушли на покой и занялись оправданием себя. В течение года Хопкинс умер в своем старом доме в Мэннингтри. Стерн говорит, что он умер "мирно, после долгой болезни консумации". Но традиция вскоре распорядилась иначе. Хатчинсон пишет на сайте, что в его время ходила история о том, что Хопкинс в конце концов сам подвергся испытанию плаванием и утонул. Согласно другой истории, которая, похоже, задержалась в Саффолке, он предложил показать дьяволу список всех ведьм в Англии и был обнаружен.[97] Батлер в своем *"Гудибрасе"* говорит о нем:

"Который после показал себя ведьмой,
И сделал жезл для своей собственной казни".

Строки Батлера появились всего через пятнадцать лет после смерти Хопкина, и его высказывание - достаточное свидетельство того, что подобная традиция уже существовала. Традиция значима. Она, вероятно, означает не то, что Хопкинс действительно понес такое наказание за свою карьеру - слова Стерна достаточно веское доказательство обратного, - а то, что в его собственном поколении его имя стало объектом презрения.

Джон Стерн не вернулся в Мэннингтри - возможно, побоялся, - но поселился неподалеку от Бэри, места своих величайших успехов.

Если писать эпитафии этим двум людям, то их деяния можно было бы свести к банальной статистике. И это заставляет нас задаться вопросом, какова же была сумма их достижений. Ее оценивают по-разному. Нередко утверждается, что за время правления парламента в Англии было повешено тридцать тысяч ведьм, и это дикое предположение копируется авторитетными авторами. В других работах это число оценивается в три тысячи, но это тоже неосторожное предположение. Сам Стерн хвастался, что ему известно о двухстах казнях, и Стерну следовало бы это знать. Вполне возможно, что его оценка была слишком завышена. У него была неосторожная привычка путать приговоры с казнями, что заставляет нас подозревать, что в этой оценке он, возможно, думал скорее о количестве приговоров, чем о повешениях. Тем не менее, его цифры - это данные человека, который был на месте событий, и их нельзя легкомысленно сбрасывать со счетов. Более того, Джеймс Хауэлл, писавший в 1648 году, утверждает, что "в течение двух лет около трехсот ведьм были привлечены к суду и большей частью казнены только в Эссексе и Саффолке".^[98] Если эти оценки верны - или даже если они приближаются к верным, - то обнаруживается примечательный факт. Хопкинс и Стерн за четырнадцать месяцев отправили на виселицу больше ведьм, чем все остальные охотники на ведьм в Англии, что можно доказать - насколько позволяют судить наши современные записи - за сто шестьдесят лет, в течение которых в Англии продолжалось преследование. Читателю должно прийти в голову, что этот крестовый поход был необычным. Безусловно, он требует объяснения.

Насколько известно писателю, было предложено только одно объяснение. В истории колдовства до тех пор повторялось, пока не стало общим местом, что крестовый поход Хопкинса был одним из проявлений нетерпимого рвения пресвитерианской партии во время ее контроля над парламентом. Это представление во многом связано с Фрэнсисом Хатчинсоном, который написал первую историю английского колдовства. Хатчинсон был англиканским священником, но мы не должны обвинять его в пристрастности, когда он обвиняет пресвитериан. В поддержку его точки зрения имелся немалый объем доказательств. Идея была развита сэром Вальтером Скоттом в его "*Письмах о демонологии*", но именно Лекки в своем классическом эссе о колдовстве представил дело против пресвитерианского парламента в наиболее убедительной форме.^[99] Его интерпретация фактов с тех пор нашла всеобщее признание.

Нетрудно понять, как появилось это объяснение. В то время, когда Хатчинсон проводил свое исследование, Ричард Бакстер, самый выдающийся пуританин своего времени, все еще пользовался большой известностью среди защитников колдовства.^[100] На его страницах Хатчинсон читал о том, как пуританские богословы сопровождали колдовских судей во время их обходов и как "читающий пастор" стал одной из их жертв. Гаула, который выступал против них, он, похоже, считал англиканином. Он явно верил в строки *Гудибраса*. Однако,

вероятно, ни один из этих моментов не имел для него такого значения, как общий факт совпадения по времени великого преследования ведьм и пресвитерианского правления. Трудно было не прийти к выводу, что эти две необычные ситуации должны быть каким-то образом связаны между собой.

Ни Хатчинсон, ни те, кто последовал за ним, не обратили внимания на один момент, который является таким же хорошим доказательством их утверждения, как и все остальные. Именно в восточных графствах, где процветала Восточная ассоциация и где парламент, равно как и армия, находили самую сильную поддержку - в графствах, которые последовательно выступали против короля, - именно в этих графствах Хопкинс и Стирн продолжали свою работу.^[101]

В свете этих фактов может показаться излишним предлагать какое-либо иное объяснение крестового похода ведьм. Однако вся правда отнюдь не раскрыта. Уже было замечено, что Хатчинсон допустил несколько ошибок. Парсон Лоус, которого повесили как ведьму по требованию его недовольных прихожан, был повешен не потому, что был англиканином.^[102] А пресвитерианский парламент отправил в Саффолк комиссию не для того, чтобы вешать ведьм, а чтобы проверить беспорядочные процессы, которые там велись против ведьм. Более того, если верно, что Восточная Англия и прилегающие к ней графства, оплот пуритан, были местом действий Хопкинса, то не менее верно и то, что в этих графствах возникла та мощная оппозиция, которая заставила охотников за ведьмами уйти в отставку. В другой связи мы уже отмечали, что "злопыхатели" были склонны насмехаться над количеством ведьм в графствах, дружественных парламенту, но нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что насмешники не верили в реальность колдовства.^[103]

Достаточно легко обратить некоторые рассуждения Хатчинсона против него самого, а также ослабить силу других аргументов, которые могут быть представлены на его стороне. Но, сделав все это, нам все равно придется столкнуться с неприятными фактами: преследование ведьм совпало по времени с пресвитерианским правлением, а по месту - с пуританскими общинами. Обойти эти факты очень сложно. Писатель также не считает, что их можно полностью избежать, даже если их острие можно несколько притупить. Это было время ожесточенной борьбы. Исход ее еще нельзя было предсказать. Партийные чувства были на высоте. Ситуацию можно несправедливо сравнить с тем, что было летом 1863 года во время гражданской войны в Америке. Тогда вспышки в Нью-Йорке выявили общественное напряжение. В 1645 году в восточных графствах произошла похожая ситуация. Все силы были направлены на ведение войны. Напряжение вполне могло проявиться и в других формах, а не в охоте на предполагаемых агентов дьявола. На самом деле явления и дьяволы, стуки и странные звуки, заполнившие страницы популярной литературы, были признаками перенапряжения общественного сознания. Религиозная вера становилась все более буквальной под напряжением войны. Англикане сражались за своего короля, пуритане - за свою лигию. Религиозный пыл, который очень легко переходит в слабоумие, был сильно акцентирован.^[104]

Тем не менее, возможно, слишком большое значение придается роли, которую сыграло пресвитерианство. Нет никаких свидетельств, позволяющих с уверенностью утверждать, что болезненное состояние общества приняло бы форму повешения ведьм, если бы не руководство Хопкинса и Стерна. Дело Мэннингтри началось так же, как и многие другие в другие времена. С той лишь разницей, что два толстосума взялись за дело и использовали его как возможность. Читатель, следивший за карьерой этих людей, видел, как они стали основой всего движения. Правда, город Ярмут по собственной инициативе пригласил их заняться этим делом, но только после того, как они уже прославились на всю Восточную

Англию. На самом деле слишком много свидетельств того, что их визиты почти в каждом случае были результатом их собственной сознательной цели расширить поле своего труда. Короче говоря, два агрессивных человека воспользовались временем народных волнений и тревог. Им повезло с состоянием общественного мнения, но, похоже, они были больше обязаны своим собственным усилиям.

Но, возможно, ни один из факторов не был так сильно связан с их успехом, как отсутствие правительства в Англии в это время. В предыдущей главе мы видели, что Карл I и его тайный совет положили конец панике ведьм, которая должна была закончиться весьма трагично. Не то чтобы они мешали случайным казням, которые происходили то тут, то там. Когда число жертв становилось слишком , правительство вмешивалось, чтобы пересмотреть приговоры. Именно этого не смогло сделать правительство парламента. И причины этого искать далеко не надо. Парламент был очень занят войной. Писатель считает, что можно доказать, что, за исключением тех случаев, когда речь шла о войне, правительство парламента и Комитет обоих королевств практически не уделяли внимания делам королевства. Безусловно, верно, что они позволяли судебным делам проходить мимо. В последней половине 1645 года и первой половине 1646 года проведение судебных заседаний было почти, если не полностью, приостановлено.^[105] Мировые судьи, которые всегда демонстрировали готовность охотиться на ведьм, были предоставлены самим себе.^[106] Конечно, были и исключения. Граф Уорик держал суд в Челмсфорде, но он, вероятно, действовал в военном качестве и, не имея опыта в судопроизводстве, несомненно, во многом зависел от мировых судей, которые, собираясь на квартальные сессии, помогали ему. Правда и то, что парламент направил в Бьюри комиссию по рассмотрению дел, состоявшую из сержанта и двух священнослужителей. Но эти два случая, насколько мы можем судить, являются единственными за эти два года, когда мировые судьи не были предоставлены сами себе. Это очень важно. За исключением Миддлсекса и городов Англии, где действовали хартии, за исключением времени войны, мы не имеем никаких записей о том, что ведьмы когда-либо приговаривались к смерти, кроме как судьями ассизов.

Одним словом, Англия находилась в состоянии судебной анархии.^[107] Местные власти контролировали ситуацию. Но местные власти слишком часто выступали против ведьм. Появление Хопкинса и Стирна дало им шанс, и некому было сказать "стоп".

Это объяснение хорошо согласуется с тем фактом, о котором мы расскажем в другой главе, что немалая часть английских процессов над ведьмами происходила в городах, обладавших отдельными правами юрисдикции. Особенно это было характерно для семнадцатого века. Примерами могут служить дела в Ярмуте, Кингс-Линне, Ньюкасле-на-Тайне, Бервике и Кентербери. В самом деле, единственное судебное разбирательство, к которому не приложил руку сам Хопкинс, состоялось в одном из этих городов - Фавершаме в Кенте. Там мэр и "местные присяжные" отправили на виселицу не менее трех человек.^[108]

Еще один аспект крестового похода Хопкинса заслуживает дополнительного внимания. В ходе этой главы было показано, что в этот период снова и снова применялись пытки. Методы были особенно мучительными. В то же время это были методы, которые оправдывались теорией веры в ведьм. Теорию вряд ли стоит повторять. Считалось, что ведьмы, связанные договором с дьяволом, используют духов, которые принимают облик животных. Эти бесы, как их называли, имели обыкновение посещать свою хозяйку раз в двадцать четыре часа. Если ведьму, говорили ее преследователи, положить голой на стул посреди комнаты и не давать ей спать, то импы не смогут к ней приблизиться. В этом и заключалась

предполагаемая разумность применяемых методов. И власти, предлагавшие такое оправдание пыткам, не замедлили пойти дальше. Они заявили, что необходимо выгуливать существ, чтобы они не спали. Вскоре выяснилось, что принудительная бессонница и ходьба через два-три дня и ночи приводят к признаниям. Сам Стерн описывает этот случай наглядно: "Для наблюдения, - пишет он, - не нужно применять насилие или крайности, чтобы заставить их признаться, а нужно, во-первых, следить, не приходит ли к ним какой-нибудь их дух или знакомый; ибо я обнаружил, что, если придет время, дух или так называемый имп, должен прийти, он будет либо видимым, либо невидимым, если видимым, то его могут заметить те, кто находится в доме, если невидимым, то сам участник. Во-вторых, это также для того, что если стороны, которые наблюдают за ними, будут настолько осторожны, что ни один из них не придет ни видимым, ни невидимым, но который может быть обнаружен, если они следуют своим указаниям, то сторона в настоящее время после времени, когда их знакомые должны были прийти, если они ошибаются, в настоящее время признается, ибо тогда они думают, что они либо больше не придут, либо оставили их. В-третьих, это делается также для того, чтобы с ними беседовали благочестивые люди и другие, ибо если кто-нибудь из их общества придет к ним, чтобы побеседовать с ними, они никогда не признаются..... Но если честные благочестивые люди будут беседовать с ними, рассказывая им о святости их грехов и о том, в каком состоянии они находятся без покаяния, и рассказывая им о коварстве дьявола и милости Божьей, то эти способы приведут их к исповеди без крайностей, это заставит их перейти к исповеди в надежде на милосердие".[109]

Хопкинс рассказывает нам больше о том, как ходили ведьмы. В ответ на возражение, что обвиняемых "чрезвычайно ходили, пока у них не появлялись мозоли на ногах, и таким жестоким способом принуждали к исповеди", "он ответил, что это делалось только для того, чтобы они не спали: причина была такова: когда они лежали или сидели в кресле, если они предлагали лечь, то наблюдатели должны были только пожелать им встать и походить вокруг".

Из этих описаний можно сделать вывод, что применение пыток было новой чертой преследований за колдовство, характерных для периода Гражданской войны. Существует мало свидетельств того, что до этого времени подобные методы применялись. Школьный учитель, который, как предполагалось, использовал магию против Якова I, был поставлен на дыбу. Были и другие случаи, в которых, как можно предположить, этот метод мог быть опробован. Однако доказательств такого испытания практически нет.

Однако такое предположение было бы совершенно необоснованным. Отсутствие доказательств применения пыток ни в коем случае не свидетельствует об отсутствии такой практики. Скорее можно сказать, что доказательства этой практики, которыми мы располагаем в делах Хопкинса, такого рода, что заставляют нас подозревать, что к ней часто прибегали. Если бы по этим делам мы располагали только такими свидетельствами, которые в большинстве предыдущих случаев составляли всю сумму нашей информации, мы бы ничего не знали о тех ужасных страданиях, которым подверглись бедняги из Челмсфорда и Бьюри. Признания даются в полном объеме, как и в отчетах о других процессах, но ни слова не говорится о причинах, которые привели к ним. Разница между этими делами 1645 года и другими заключается в том, что Хопкинс и Стирн обвинили столь большое количество ведьм, что вызвали противодействие. Именно через тех, кто выступал против них, и их собственные ответы мы узнаем о пытках, которым подвергались предполагаемые агенты дьявола.

На важности этого факта нельзя настаивать слишком сильно. Случайность сохранила для нас факт пыток того времени. Вполне возможно - почти вероятно, - что, если бы мы располагали всеми фактами, мы бы обнаружили, что подобные или столь же жестокие методы применялись и во многих других случаях с ведьмами.

Мы были очень подробны в описании крестового похода Хопкинса и ни в коем случае не кратки в попытке объяснить его. Но можно с уверенностью сказать, что он является самым важным эпизодом в той череде эпизодов, которые составляют историю английского колдовства. Разумеется, ни один из них не входит в общую череду исторических событий. Кому-то может показаться, что мы преувеличили тот момент, когда они затронули более широкие интересы того времени. Не стоит забывать, что Хопкинс был фактором своего времени и что, как бы мало он ни влиял на более масштабные проблемы того времени, он был затронут ими. Только необычные условия, созданные Гражданскими войнами, сделали возможным великого охотника на ведьм.

[1] См. J. O. Jones, "Matthew Hopkins, Witchfinder," in Thomas Seccombe's *Twelve Bad Men* (London, 1894).

[2] См. *Notes and Queries*, 1854, II, 285, где приводится цитата из приходского реестра Мистли-кум-Маннингтри: "Мэтью Хопкинс, сын мистера Джеймса Хопкинса, министра из Уэнхема, был похоронен в Мистли 12 августа 1647 года". См. также John Stearne, *A Confirmation and Discovery of Witchcraft*, 61 (здесь и далее цитируется как "Stearne").

[3] *Календарь заседаний Комитета по выдаче денег, 1642-1656*, I, 457. Ср. *Notes and Queries*, 1850, II, 413.

[4] Часто повторяемое утверждение о том, что парламент поручил ему выявлять ведьм, похоже, опирается лишь на насмешливые слова батлеровского *Гудибраса*:

"Разве нынешний парламент не
A Ledger to the Devil sent,
Полностью уполномоченный заниматься
Выискивать восставших ведьм?"

(*Hudibras*, pt. ii, canto 3.)

К этим строчкам один из ранних редакторов добавил примечание: "Охотник за ведьмами в Саффолке, который в пресвитерианские времена имел поручение обнаруживать ведьм". Но он не называет никаких авторитетов, и их невозможно найти. Возможно, это путаница с комиссией, назначенной для суда над ведьмами в Саффолке (см. ниже, с. 178). Даже использование им титула "генерал-искатель ведьм" весьма сомнительно. "Искателем ведьм" он называет себя в своей книге; только на фронтисписе написано "Witch Finder Generall". Ни Стерн, ни Гоул, ни другие современные источники не дают ему такого титула. Возможно, это всего лишь неправильное понимание фразы Хопкинса на титульном листе: "На благо всего королевства" - фразы, которая, как показывает пунктуация, описывает не самого искателя ведьм, а его книгу. Тем не менее, в книге *"Народные предания графства Саффолк"* (Folk Lore Soc., 1893), 178, есть отрывок о Джоне Лоусе из Брандестонского MS: "Его главным обвинителем был некто Хопкинс, который называл себя генералом-колдуном". Но это неопределенная дата, и, возможно, она относится к Хатчинсону.

[5] Это достаточно очевидно из его постоянного использования Писания и кальвинистской печати его теологии; но он не оставляет сомнений, когда (стр. 54) описывает пуританина Фэрклоу как "способного православного божества".

[6] Мэтью Хопкинс, *"Разоблачение ведьм"* (Лондон, 1647), 2 - здесь и далее цитируется как "Хопкинс".

[7] Одним из них был сэр Харботтл Гримстон, баронет пуританского происхождения, который принимал активное участие в работе Долгого парламента, но теперь, как "умеренный человек", отошел на второй план. Другим был сэр Томас Боус. Оба они чуть позже стали пресвитерианскими пресвитерами.

[8] Хопкинс, 3.

[9] Hopkins, 2; Stearne, 14-16.

[10] Однако следует отметить, что клятвы четырех женщин собраны вместе, а один из мужчин заявил лишь, что подтвердил сведения Стерна.

[11] Хотя Хопкинс не упомянул в своих показаниях первое животное, которое видел Стерн. Он упомянул его позже, назвав Холтом. Стерн назвал его Лоут. См. Хопкинс, 2; Стерн, 15. Но Стерн называет его Hoult в своих показаниях, воспроизведенных в *"Правдивом и точном изложении нескольких сведений, обследований и признаний последних ведьм... в Челмсфорде..."* (Лондон, 1645), 3-4.

[12] Несмотря на эту запись, Энн Уэст описывается Стерном (стр. 39) как одна из очень религиозных людей, которые внешне демонстрируют, "как будто они были святыми на земле".

[13] Исповедь Ребекки Уэст действительно датирована "21" марта 1645 года, в тот самый день, когда была арестована Элизабет Кларк; но весь контекст указывает на то, что это ошибка. Несмотря на ее признания, которые были самыми пагубными, Ребекка Уэст была в конце концов оправдана.

[14] Однако ни на минуту нельзя забывать, что эти признания были вырваны у замученных существ.

[15] Ричард Картер и Генри Корнуэлл дали показания, что Маргарет Мун призналась им. Вероятно, так оно и было, поскольку в то время она, несомненно, находилась под пытками.

[16] Улики, представленные против нее, наглядно показывают, на каких ничтожных основаниях можно обвинить ведьму. "Этот информатор утверждает, что в доме, где жили вместе этот информатор и упомянутая Мэри, обитал Леверет, который обычно сидел перед дором: И этот информатор знал, что у некоего Энтони Шалока была отличная борзая, которая убила много зайцев; и слышал, что ребенок упомянутого Энтони был сильно преследуем и беспокоен, и что мать ребенка подозревала упомянутую Мэри в том, что она была причиной этого: Этот информатор отправился к упомянутому Энтони Шалоку и сообщил ему, что леверет обычно приходит и садится перед дором, где живут этот информатор и упомянутая Мэри Гринлайф, и попросил упомянутого Энтони привести свою борзую, чтобы посмотреть, сможет ли она убить упомянутого левера; и на следующий день упомянутый Энтони привел свою борзую и натравил ее, но убила ли собака ее, этот информатор не знает: Но когда за некоторое время до этого собака Доброго Человека Меррилса была натравлена на него, собака побежала на него, но Леверет не шелохнулся, и как раз когда собака настигла его, он

перескочил через него, повернулся и стоял неподвижно, и смотрел на него, и вскоре после этого собака зачала и умерла".

[17] См. Bulstrode Whitelocke, *Memorials of English Affairs ...* (London, 1682; Oxford, 1853), ed. of 1853, I, 501.

[18] Публикация "Н. Ф." - это "*Правдивая и точная реляция*", приведенная выше (примечание 11). Он, по-видимому, написал ее в последних числах мая, но вставил приговоры позже на полях. Артур Уилсон, присутствовавший при этом, говорит, что было казнено 18 человек; Фрэнсис Пек, *Desiderata Curiosa* (Лондон, 1732-1735; 1779), изд. 1779 г., II, 476. Но Хопкинс пишет, что 29 были осуждены сразу, а Стерн говорит о 28; вполне возможно, что в Челмсфорде было два процесса. Есть только одно другое предположение: Хопкинс и Стерн перепутали число первоначально обвиненных с числом повешенных. Дальнейшее обсуждение несколько противоречивых свидетельств о количестве эссекских ведьм и датах их суда см. в приложении С, раздел "1645 год".

[19] *Дневник или точный дневник*, 24-31 июля 1645 года, стр. 5-6.

[20] *A True Relation of the Araignment of eightene Witches at St. Edmundsbury ...* (London, 1645), 9.

[21] Там же, 6.

[22] Там же.

[23] Джон Гоул, *Избранные случаи совести, касающиеся ведьм и колдовства* (Лондон, 1646), 78, 79.

[24] Запросы 8 и 9, на которые Хопкинс ответил в Норфолкских ассизах, подтверждают описание Гаула. См. Hopkins, 5. "Вопрос 8. Когда эти... будут полностью обнаружены, этого будет недостаточно для их осуждения, но их нужно пытать и не давать спать две или три ночи, чтобы отвлечь их и заставить говорить что угодно; это способ укротить дикого Кольта или Хоука". "Вопрос 9. Помимо этого неразумного наблюдения, их чрезвычайно часто выгуливали, пока у них не появлялись мозоли на ногах, и таким жестоким способом заставляли признаться". Хопкинс сам признает, что не давал Элизабет Кларк спать, но при этом старается вставить "по приказу судьи". Hopkins, 2-3. На с. 5 он снова ссылается на этот момент. Стерн, 61, использует фразу "с согласия судей".

[25] Саффолкский институт археологии, *Труды*, X, 378. Бакстер, по-видимому, положил начало представлению о том, что Лоус был "читающим парсоном", или англиканином.

[26] Там же.

[27] См. "*Журнал Скандала, или описание злодеяний двух позорных министров*" (Лондон, 1642), где есть показания, датированные 4 августа 1641 года, о том, что Лоусу дважды предъявлялись обвинения в колдовстве, и один раз он был осужден по закону как "обычный бареттор" на ассамблее в Саффолке. 23-летний Стерн утверждает, что он был обвинен как "обычный имбарритор" более чем за тридцать лет до этого.

[28] Этот рассказ о пытках приводится в письме к Хатчинсону неким мистером Риветом, который "слышал это от тех, кто наблюдал за ним". Он в некоторой степени подтверждается MS. историей Брандестона, процитированной в *County Folk Lore, Suffolk* (Folk Lore Soc.), 178, которая добавляет вышеупомянутое свидетельство о его религиозности.

[29] Стерн, 24.

[30] *A True Relation of the Araignment of eighteene Witches*, 5; *Moderate Intelligencer*, September 4-11, 1645.

[31] См. Сэмюэл Кларк, *"Жизни разных выдающихся людей..."* (Лондон, 1683), 172. При написании жизни Сэмюэля Фэрклоу Кларк использовал бумаги Фэрклоу; см. там же, 163.

[32] Фэрклоу был нонконформистом, но не симпатизировал пресвитерианству. Калами считался пресвитерианином.

[33] Hopkins, 5-6; Stearne, 18.

[34] Одним из них был Лоус.

[35] *A True Relation of the Araignment of eighteene Witches*.

[36] Stearne, 14.

[37] *A True Relation of the Araignment of eighteene Witches*, 5.

[38] Там же; Stearne, 25.

[39] Хатчинсон говорит о повторных сеансах. Стерн, 25, говорит, что "по причине алларума в Кембридже тюремное заключение в Бьюри-Сент-Эдмундс было отложено примерно на три недели". На самом деле, войска короля, похоже, не продвинулись дальше Бедфорда и Кембриджа на восток. См. Whitelocke, *Memorials*, I, 501.

[40] Стерн, 11, говорит о 68 осуждениях. На с. 14 он говорит о 18 казненных в Бэри, но это может относиться только к первой группе. В MS. history of Brandeston, цитируемой в *County Folk Lore, Suffolk* (Folk Lore Soc.), 178, говорится, что Лоус был казнен вместе с 59 другими. Однако нет полной уверенности в том, что это свидетельство является независимым. Тем не менее, оно содержит информацию, которой нет в других рассказах, и поэтому не может быть проигнорировано.

[41] *Moderate Intelligencer*, 4-11 сентября 1645 года.

[42] Howell, *Familiar Letters* (я использую издание Joseph Jacobs, London 1890-1892) II, 506, 515, 551. Цитируемые письма датированы февралем 1646 (1647) и февралем 1647 (1648 по нашему календарю) года; но, как известно, датам Хауэлла нельзя доверять. Первая была напечатана в томе его писем, изданном в 1647 году, остальные - в томе, изданном в 1650 году.

[43] Джозеф Холл, *"Солилоквисы"* (Лондон, 1651), 52-53.

[44] Томас Эди, *"Свеча во тьме"* (Лондон, 1656), 101-105.

[45] На суде присутствовал преподобный Джон Уортингтон. Упомянув о нем в своем дневнике, он не сделал никаких комментариев. *Diary and Correspondence of Dr. John Worthington*, I (Chetham Soc., № 13, 1847), 22.

[46] Так, по крайней мере, утверждает Уайтлок, *Memorials*, I, 487.

[47] J. G. Nall, *Great Yarmouth and Lowestoft* (London, 1867), 92, note, приводит цитаты из книги собрания Ярмута. Налл делает очень небрежные заявления, но на его цитаты из книги собраний можно положиться.

[48] *Ibid.*

[49] *Hist. MSS. Comm. Reports*, IX, pt. i, 320.

[50] В "*Сборнике современных отношений*" говорится, что было повешено шестнадцать человек, но этот сборник был опубликован через сорок семь лет после событий: число 6 было заменено на 16. Одна ведьма, похоже, пострадала позже, см. Stearne, 53. Утверждение о 16 ведьмах, повешенных в Ярмуте, можно найти практически во всех историях английского колдовства, например, см. недавний очерк о Хопкинсе, написанный Дж. О. Джонсом в *Seccombe's Twelve Bad Men*, 60. Все они могут быть прослежены через различные линии к этому источнику.

[51] H. Manship, *History of Great Yarmouth*, continued by C. J. Palmer (Great Yarmouth, 1854-1856), где полностью приведены записи о Хопкинсе из Ярмута. См. также H. Harrod, в *Norfolk Archaeology* (Norfolk and Norwich Arch. Soc., 1847-1864), IV, 249.

[52] *The Lawes against Witches and Conjuraton ...* (London, 1645), 4. Дж. О. Джонс в своем рассказе о Хопкинсе, *loc. cit.*, говорит, что "многие были повешены или сожжены в Ипсвиче". Я считаю, что для этого утверждения нельзя привести ни одного авторитетного источника.

[53] Первая статья находится в "*Правдивом рассказе о приговоре восьмидесяти ведьмам*", 5. Мы, конечно, не знаем, был ли приговор приведен в исполнение.

[54] Хозяин корабля был "сутором" для ее внука; *The Lawes against Witches*, 8. Она была "исповедующей религию, постоянно слушающей Слово в течение многих лет".

[55] *Там же.*

[56] Т. е. "*Законы против ведьм*" (Лондон, 1645). См. ниже, приложение А, § 4.

[57] N. F. Hele, *Notes or Jottings about Aldeburgh* (Ipswich, 1890), 43-44.

[58] Это, несомненно, была плата палачу. Мистер Ричард Браун и мистер Ньюгейт, которые были либо мировыми судьями, либо местными магистратами, получили по 4 фунта за свои услуги по суду над ведьмами.

[59] A. G. Hollingsworth, *History of Stowmarket* (Ipswich, 1844), 170.

[60] Список этих городов см. ниже, в приложении С, в разделе "1645 год, Саффолк".

[61] Stearne, 45, два случая.

[62] *Там же*, 37, 39, 45.

[63] Томас Эди, *Свеча во тьме*, 135.

[64] Стерн, 39.

[65] Все его признание похоже на слова измученного человека.

[66] Ранее его нашли с веревкой на шее. Это, конечно, приписали колдовству. Стерн, 35.

[67] *Там же*, 11.

[68] Джон Уинник и Джоан Уоллис сделали эффективные признания. Первый в пылу страсти из-за потери кошелька расписался в своей душе (Stearne, 20-21; см. также памфлет, посвящение которого подписано Джоном Дэвенпортом, под названием *"Ведьмы Хантингдона, их допросы и признания..."* (*The Witches of Huntingdon, their Examinations and Confessions...*). London, 1646, 3). Последний содержал отряд импов, среди которых особенно выделялись Блэкман, Грисселл и Гредигут. Полубезумное создание не смогло вспомнить имена при повторении своих признаний, но эта неудача, похоже, не вызвала сомнений в ее виновности. Стерн не мог не заметить, что некоторые из тех, кто пострадал, были очень религиозны. Одна женщина, которая держала имп в течение двадцати одного года, "прибегала к помощи церкви и желала избавиться от своего несчастного бремени".

[69] *То есть ведьмы.*

[70] Это письмо напечатано Гаулем в начале его *"Избранных случаев совести, касающихся ведьм и колдовства"*.

[71] Stearne, 11; ср. ниже, приложение С, 1646 г. (с. 405-406).

[72] То, что это было сделано мировыми судьями, можно заключить из языка Стерна. См. его рассказ о Джоан Уоллис, с. 13, а также рассказ о Джоне Уиннике, с. 20-21. То, что экзамены проходили в марте и апреле (см. рассказ Джона Дэвенпорта *"Ведьмы Хантингдона"*), а казни - в мае, является фактом, подтверждающим это; см. Stearne, 11. Но гораздо важнее то, что Джон Дэвенпорт посвящает свой памфлет мировым судьям графства Хантингдон и говорит: "Вы присутствовали и были судьями на суде и осуждении их".

[73] Возможно, испытание плаванием было неофициальным; см. Stearne, 19. Другим случаем было дело Элизабет Чандлер, которая была "утянута"; *Witches of Huntingdon*, 8.

[74] Тилбрук-буш, Стерн, 11; Рисден, там же, 31.

[75] Об этом можно судить по словам Стерна: "но потом я услышал, что она сделала очень большое признание", там же, 31.

[76] Томас Райт, Джон Эштон, Дж. О. Джонс и другие авторы, работавшие с Хопкинсом, говорят о Вустерском процессе 1647 года, на котором, как утверждается, были повешены четыре женщины. Все их утверждения основаны на памфлете *"Полное рассмотрение дела, допрос и осуждение четырех печально известных ведьм на судебном процессе, состоявшемся в Вустере 4 марта 1900 года"* (*The Full Tryals, Examination, and Condemnation of Four Notorious Witches at the Assizes held at Worcester on Tuseday the 4th of March....*). Напечатано для I. W. На том, что, по-видимому, было первым изданием этой брошюры, нет даты. В 1700 году было напечатано другое издание для "J. M." на Флит-стрит. Какой-то писатель, пишущий о колдовстве, решил, что этот памфлет относится к 1647 году и посвящен событиям того года. Райт, Джон Эштон и У. Х. Дэвенпорт-Адамс (*"Ведьма, колдун и маг"*, Лондон, 1889) - все они принимают эту дату. Изучение памфлета показывает, что он был ловко скомпонован из *"Правдивой и точной реляции"* 1645 года. Четверо обвиняемых носят имена четырех обвиняемых в Челмсфорде и дают, с небольшими различиями, те же признания. Дальнейшее обсуждение этого памфлета см. ниже, приложение А, § 4. Странно, что такой внимательный студент, как Томас Райт, был обманут этим памфлетом, тем более что он заметил, что признания были "подражанием" признаниям в Эссексе.

[77] A. Gibbons, ed., *Ely Episcopal Records* (Lincoln, 1891), 112-113.

[78] Stearne, 37.

[79] О том, что были присяжные, свидетельствует заявление о том, что "жена Мура" призналась перед "судьей, скамейкой и деревней", там же, 21-22, а также ссылка в *Епископальных записях Эли*, 113, на "присяжные".

[80] Stearne, 17, 21-22.

[81] Четкое изложение этой точки зрения см. там же, 40-50.

[82] Stearne, 46-47.

[83] Там же, 50.

[84] Там же, 17.

[85] Там же, 13.

[86] Там же, 14.

[87] Хопкинс, 5. Но Хопкинс не сказал здесь точной правды. Когда он был в Олдебурге в сентябре (8-го числа), за обвиняемыми следили днем и ночью. См. рассказы камергера в N. F. Hele, *Notes or Jottings about Aldeburgh*, 43.

[88] Хопкинс, 7.

[89] Хопкинс, 9.

[90] Stearne, 18. Хопкинс не пытался отрицать использование испытания. Он поддержал себя, процитировав Джеймса; см. Hopkins, 6.

[91] Stearne, 18. Он, конечно же, имеет в виду сержанта Годболта.

[92] См. Стерн в своем предисловии к читателю, также с. 61; и см. также полное название книги Хопкинса, приведенное в приложении А (с. 362).

[93] Аналогичный случай произошел с Анной Бинкс, о которой Стерн упоминает на с. 54. Он говорит, что она призналась ему в своей вине. "Была ли эта женщина пригодна для жизни?... Я уверен, что она жила не так давно и была оправдана на суде".

[94] Только после того, как Стерн был уже занят другим делом. Стерн, 58.

[95] Похоже, что к Стерну также предъявлялись иски о взыскании выплаченных ему сумм. "Многие, скорее, обрушиваются на меня за то, что я получил; но я надеюсь, что такие иски будут отменены". Stearne, 60.

[96] Хопкинс, 11.

[97] *County Folk Lore, Suffolk* (Folk Lore Soc.) 176, цитата из J. T. Varden в *East Anglian Handbook for 1885*, p. 89.

[98] Джеймс Хауэлл, "Знакомые письма", II, 551. Хауэлл, конечно, мог легко считать приговоры казнями. Кроме того, это было время, когда ходили самые разные слухи, и Хауэлл не стал бы заниматься их проверкой. Тем не менее его согласие со Стерном в цифрах примечательно. Несколько ранее (письмо датировано 3 февраля 1646/7 г.) Хауэлл писал, что "в Эссексе и Саффолке за эти два года было предъявлено более двухсот обвинений и более половины казнено" (ibid., 506). Но, как отмечалось выше, его датам не стоит доверять.

[99] См. его "Историю рационализма".

[100] Имя, однако, не более значительное, чем имя Гланвилла, который был видным англиканином.

[101] В этой связи не стоит, но следует сказать, что одним из самых веских оснований считать пресвитерианскую партию в значительной степени ответственной за преследование ведьм является большое количество ведьм в Шотландии на протяжении всего периода господства этой партии. На этот аргумент вряд ли можно успешно ответить. Тем не менее, возникает закономерный вопрос, не были ли склонности севера к охоте на ведьм в равной степени результатом шотландских законов и нравов, а также шотландской религии.

[102] Журнал "Скандал", говоря о Лоусе и другом человеке, отмечает: "Их религия либо отсутствует, либо дует как ветер: Если обряды склоняются к папизму, то никто так не продвигается вперед, как они, а если есть приказы, явно противоположные, то они превосходят любого круглоголового на острове Великой Британии". См. также выше, с. 175-177.

[103] Однако нельзя упускать из виду, что сам Стерн, который должен был хорошо знать религиозные симпатии своих оппонентов, спрашивает, с. 58: "И кто же они, которые были против обвинения... но только такие, которые (без обиняков могу сказать это) являются врагами Церкви Божьей?". Он не осмеливается называть имена, "не только из страха обидеть, но и из-за судебных исков".

[104] Скотт очень хорошо изобразил это в *Вудстоке*. Хороший пример этого можно найти в книге *"Ивелл в Кенте, или Его странные заблуждения в Сандвиче"* (Лондон, 1647).

[105] См. ниже, примечание 107.

[106] Ведьм из Олдебурга судили на "сессиях", Н. Ф. Хеле, указ. соч. С. 43-44. Мать Лейкленд, вероятно, была осуждена мировыми судьями; см. *"Законы против ведьм"*. Ведьмы Хантингдона были судимы мировыми судьями; см. выше, прим. 73. Что касается судебных процессов в Норфолке, Нортгемптоншире, Бедфордшире и Кембриджшире, то можно с достаточной уверенностью утверждать, что они проводились мировыми судьями, исходя из других имеющихся у нас свидетельств, что в последней половине 1645 года и первые пять месяцев 1646 года не было ассизов; см. Whitelocke, *Memorials*, II, 31, 44, 64.

[107] Некоторые свидетельства такого положения дел в эти годы см. в James Thompson, *Leicester* (Leicester, 1849), 401; *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 109-110, 322; XIII, 4, p. 216 (обратите внимание на пробелы в записях); Whitelocke, *Memorials*, I, 436; II, 31, 44, 64, 196; III, 152. Можно привести еще бесчисленное множество ссылок, подтверждающих этот тезис. Ф. А. Индервик в своей книге *"Междоусобица"* (Лондон, 1891), 153, заходит так далеко, что утверждает: "С осени 1642 года до осени 1646 года ни один судья не выезжал на округа". Это кажется довольно огульным заявлением.

[108] См. *"Экзамен, исповедь и т. д."* (Лондон, 1645). Перед судом предстали Джоан Уиллифорд, Джоан Кариден и Джейн Хотт. Первые две быстро признались в том, что держали импов. Но не Джейн Хотт, которая подстрекала остальных к признанию и "очень извращенно твердила, что она чиста". Когда ее подвергли испытанию плаванием, она выплыла и, как говорят, заявила, что дьявол "сидел на кресте и смеялся над ней". Элизабет Харрис была допрошена и дала против себя несколько порочащих показаний. Она назвала несколько добрых жен, у которых были очень свободные языки.

[109] Стерн, 13, 14.

ГЛАВА IX.

Колдовство во времена Содружества и Протектората.

В прошлой главе мы проследили историю колдовства в Англии через эпизод с Хопкинсом в 1645-1647 годах. С момента суда в Эли осенью 1647 года до открытий в Бервике летом 1649 года в ведьмовских тревогах наступило затишье. Затем на севере Англии разразилась эпидемия. В этой главе мы опишем эту эпидемию и продолжим повествование о важных случаях с того времени до Реставрации. При этом мы выделим два периода: один - с 1649 по 1653 год, когда казни были еще многочисленны, и второй - с 1653 по 1659 год, когда произошел стремительный спад не только смертных приговоров за колдовство, но даже обвинений. Конечно, такое деление несколько искусственно, поскольку на протяжении двух периодов происходило постепенное снижение числа нападения, но 1653 год как никакой другой отмечает год, когда это снижение стало заметным.

Эпидемия 1649 года пришла из Шотландии. В течение всего года северное королевство было "заражено".^[1] От одного конца королевства до другого горели костры ведьм. Нельзя было предположить, что они внезапно погаснут, когда достигнут границы. В июле гильдия Бервика пригласила приехать в Бервик шотландца, который прославился как "колдун", и пообещала ему иммунитет от любого насилия.^[2] Он приехал и начал применять свои методы обнаружения. Они основывались на предположении, что у ведьмы на теле есть неощутимые пятна и что их можно найти, воткнув булавку. Таким образом он обнаружил тридцать ведьм, которые были отправлены в тюрьму. Некоторые из них дали признательные показания, но отказались признать, что причинили кому-либо вред.^[3] Напротив, они помогали Кромвелю, как утверждали некоторые из них, наиболее изобретательные, в битве при Престоне.^[4] Помогло ли это их делу, мы не знаем, поскольку нам не рассказывают о его результатах. Однако кажется почти несомненным, что немногие из них, если вообще кто-либо из них, пострадали от смерти. Но колющий вернулся в Шотландию с тридцатью фунтами, договорившись, что он будет получать по двадцать шиллингов за ведьму.

Вскоре к нему снова обратились. В декабре того же года город Ньюкасл пережил страшное происшествие. Двое горожан, вероятно, сержанты, применили испытание с таким успехом, что в марте (1649/50 г.) жители обратились в общий совет с просьбой принять какие-то определенные меры в отношении ведьм. Совет принял это предложение и отправил двух сержантов - несомненно, людей, уже занятых в этой работе, - в Шотландию, чтобы нанять колдуна. Его привезли в Ньюкасл с определенным договором, согласно которому он должен был оплачивать проезд туда и обратно и получать по двадцать шиллингов за каждую найденную ведьму. Магистраты сделали все возможное, чтобы помочь ему. По его прибытии в Ньюкасл они отправили посыльного по городу, приглашая всех подавать жалобы.^[5] В таком деловом тоне они собрали тридцать женщин в ратуше, раздели их и подвергли испытанию уколами. Этот жестокий, чтобы не сказать бестактный, процесс проходил с дополнениями, которые, должно быть, весьма забавляли низменных придир и зрителей.^[6] Четырнадцать женщин и один мужчина были преданы суду (Гардинер говорит, что по решению суда) и признаны виновными. Все без исключения они заявили о своей невинности, но это не помогло. В августе 1650 года они были казнены на городском болоте^[7] в Ньюкасле.^[8]

Искатель ведьм продолжал свою деятельность на севере, но против него поднималась буря. Генри Огл, покойный член парламента, добился того, чтобы его посадили в тюрьму и обязали

отвечать на заседаниях.[9] К несчастью, этот человек сбежал в Шотландию, где позже погиб за свои деяния, вероятно, во время кромвелевского режима в этой стране.[10]

Мы уже видели, что Генри Огл изгнал шотландского колдуна из страны. В этот же период он участвовал в другом деле о ведьмах, что является не меньшей его заслугой. Детей Джорджа Машампа в Нортумберленде в течение двух лет (1645-1647) беспокоили странные судороги.[11] Семья подозревала Дороти Свиноу, которая была женой полковника Свиноу. Похоже, что жена полковника в какой-то момент грубо высказалась в адрес одного из детей. Несомненно, больная девочка слышала их слова. Во всяком случае, ее бред стал принимать форму обвинений в адрес подозреваемой женщины. Семья обратилась к Джону Халтону, "который мог сделать больше, чем позволял Бог", и он обвинил жену полковника Свиноу. Но, к несчастью для него, ребенку было гораздо лучше в его присутствии, и его тоже заподозрили. Мать детей отправилась к мировому судье, который послал за Халтоном, но не за госпожой Свиноу. Тогда женщина обратилась в магистрат, но судья, "ложно информированный", не принял никаких мер. Миссис Машамп была настойчива, и в городе Бервик ей удалось добиться ареста женщины, которой она опасалась. Но Дороти Свиноу была не без друзей, которые успешно выступили в ее защиту. Миссис Машамп обратилась к "советнику", который отказался вмешиваться в это дело, а затем к судье, который велел ей ехать в Дарем. Она так и сделала и получила ордер, но он не был исполнен. Тогда она достала второй ордер и, по-видимому, добилась обвинительного заключения. Но толку от этого было мало: Дороти Свиноу не была задержана.

Невозможно удержаться от улыбки, глядя на несчастную миссис Машамп и ее ревностных помощников, "врача" и двух священнослужителей. Но ее бедным дочерям становилось все хуже, а больной ребенок, который раньше видел ангелов в своих конвульсиях, теперь увидел жену полковника и в бреду кричал на нерадивого судью.[12] Этот случай одновременно жалок и забавен, но в то же время он имеет определенное значение. Ее спасло не только социальное положение миссис Свиноу, хотя и оно, несомненно, имело значение. Дело было в нежелании судей северной части города расследовать обвинения. Не то чтобы у них не получалось с судебными процессами. Два смертных приговора в Дареме и еще один в Гейтсхеде, хотя, возможно, это последствия деятельности шотландского колдуна, показали, что ведьму все еще боялись; но такие случаи были исключением. В целом дела заканчивались оправдательными приговорами. В другой главе мы увидим, что открытие, которое встревожило Йоркшир и Нортумберленд в 1673 году, почти наверняка имело такой исход; а дела, рассмотренные в то время, составили последнюю главу в истории северного колдовства.

Но если на севере вешать ведьм было нелегко, то на юго-западе Англии все еще оставались районы, где это можно было сделать, и мало кто мог сказать "нет". Анна Боденхэм,[13] из Фишертон-Ангера в Уилтшире, не имела такого социального положения, как Дороти Свиноу, но она была женой суконщика, который жил "по хорошей моде", а в старости учила детей читать. Судя по всему, в ранней жизни она была способной ученицей доктора Ламбе и научилась у него магическим премудростям. Она рисовала магические круги, видела видения людей в стекле, владела многочисленными чарами и заклинаниями, а главное - вела замечательную магическую книгу. Она пыталась найти потерянные деньги, предсказать будущее и вылечить болезни; у нее был разнообразный репертуар оккультных представлений.

Госпожа Боденхэм делала все эти вещи за деньги и не вызывала вражды в своем окружении до тех пор, пока ей не посчастливилось иметь дело со служанкой в одной из уилтширских семей. За немногими намеками, которые дает нам осторожная писательница, невозможно

уследить. Члены этой семьи, очевидно, занимавшей какое-то положение в Уилтшире, поссорились между собой. Соседи считали, что кто-то из семьи замыслил отравить свекровь. Во всяком случае, одна из служанок семьи была заключена в тюрьму за участие в таком заговоре. Именно тогда Энн Боденхэм впервые попала в эту историю. Служанка, судя по тем немногим сведениям, которыми мы располагаем, чтобы отвлечь внимание от собственных дел, сделала признание, что подписала книгу дьявола своей кровью, и все это по наущению Анны Боденхэм. Более того, Энн, по ее словам, предложила отправить ее в Лондон через два часа. Об этом было сообщено мировому судье, который незамедлительно взял обвиняемую под стражу. Служанка, добившись успеха, начала симулировать припадки и возлагать вину за них на госпожу Анну. На вопрос о том, как она представляет себе свое состояние, она ответила: "О, очень проклятое, очень жалкое". По ее словам, она видела дьявола, который стоял на крыше дома и смотрел на нее. Эти фантазии перешли в разряд фактов, и обвиняемую подвергли обычным унижениям. Ее обыскивали, допрашивали, добивались признания. Рассказчик этой истории делал все возможное, чтобы вырвать у нее признание своей вины, но она ускользала из всех его ловушек. Против своего обвинителя она была очень горька. "Она меня обманула... я честная женщина, это разобьет сердце моему мужу, он скорбит, видя меня в этих железах: А ведь когда-то я жила в достатке".

Дело было передано мировыми судьями на рассмотрение в Солсбери, где председательствовал главный барон казначейства Джон Уайлд.^[14] Свидетельство служанки было приобщено к делу, равно как и другие доказательства.^[15] О процессе известно лишь то, что Анна была осуждена, и что судья Уайлд был настолько доволен своей работой, что призвал Эдмунда Боуэра, который начал писать об этом деле, но не решался выставлять себя на всеобщее обозрение в "этот цензурный век", продолжить свою брошюру. Этот отвратительный человек внимательно следил за ходом дела. После вынесения приговора он работал с женщиной, пытаясь заставить ее признаться. Но от пылкой госпожи Боденхэм не удалось добиться признания вины, даже когда потенциальный отец-исповедник дал ей ложную надежду на милосердие. Она составила завещание, по которому одарила тридцать человек, заявила, что в тюрьме ее обокрали служанки, оплакивала горе мужа и просила похоронить ее под виселицей. Подобно Макферсону, который так бесцеремонно и развязно танцевал под деревом виселицы, она до конца оставалась храброй душой. Когда офицер сказал ей, что она должна пойти с ним на место казни, она ответила: "Будь готов, я готова". Рассказчик завершает рассказ некоторыми моральными размышлениями. В заключение можно отметить, что в летописи колдовства нет более яркого примера женского мужества, чем случай с Анной Боденхэм. Несомненно, она использовала чары и экспериментировала с очками; это делали люди более высокого ранга, чем она.

Что же касается служанки, то она прекрасно выпуталась из неприятностей. Когда госпожу Боденхэм повесили, припадки прекратились, и она выразила огромную благодарность Богу и желание служить ему.

Дело Джоан Петерсон, которую судили в Олд-Бейли в 1652 году, - еще один пример борьбы сильной духом женщины со слишком большими трудностями. Джоан, как и госпожа Боденхэм, хранила различные порошки и прописывала лекарства больным соседям.^[16] Однако, если верить ее защитнице, не за рецепты, а за отказ давать ложные клятвы ее постигла гибель. Хотелось бы знать имя энергичного защитника, который после казни издал *"Декларацию в ответ на несколько лживых памфлетов о ведьме из Уоппинга"* (*A Declaration in Answer to severall lying Pamphlets concerning the Witch of Wapping*). Его рассказ о заговоре против обвиняемой женщины предлагает правдоподобное объяснение случившегося и не заслуживает доверия. Как он рассказывает, существовали некие родственники леди Пауэлл,

которые были разочарованы тем, что ее имущество было завещано миссис Энн Левингстон. Они сговорились избавиться от наследницы, обратились к одной хитрой женщине и предложили ей щедро заплатить, если она поклянется, что миссис Левингстон с помощью колдовства лишила жизни леди Пауэлл. К несчастью для заговорщиков, хитрая женщина выдала их планы. Однако, не унывая, они наняли другую женщину, которая, как их представитель, пришла к Джоан Петерсон и предложила ей сто фунтов, чтобы та поклялась, что миссис Левингстон приобрела у нее "некоторые порошки и мешочки с семенами". Джоан отказалась от этого предложения, и заговорщики, опасаясь повторного разоблачения своих планов, решили, что госпожа Петерсон также должна быть выведена из игры. Им удалось получить ордер на ее арест и обыск. На нее оказывалось сильное давление, чтобы она призналась во всем, что касается миссис Левингстон, и ей дали понять, что если она сделает это, то ее пощадят. Но Джоан отказалась от их предложений и отправилась на суд. Если верить этому рассказу, то для справедливого разбирательства было приложено мало усилий. Свидетели против нее были заранее куплены, незнакомцам предлагали деньги, чтобы они свидетельствовали против нее, а тех, кто должен был дать показания на ее стороне, в большинстве своем запугивали, чтобы они не участвовали в суде. Четыре врача и два хирурга подписали свидетельство о том, что леди Пауэлл умерла от совершенно естественных причин. Но это было бесполезно. Джоан была осуждена и умерла мужественно, до конца отрицая свою вину.^[17] Ее защитник утверждает, что некоторые судьи, рассматривавшие дело, были замешаны в заговоре против нее. Одним из них был сэр Джон Дэнверс, член совета Кромвеля. На полях своего отчета памфлетист пишет: "Сэр Джон Дэнверс пришел и пообедал в доме заседаний, имел много частных бесед с регистратором и многими судьями, а затем пришел и сел на скамью подсудимых на ее суде, где он редко или никогда не бывал в течение этих многих лет".

В июле 1652 года состоялся еще один судебный процесс, который привлек внимание уже в свое время. Шесть кентских женщин предстали перед судом Питера Уорбертона на аукционе в Мейдстоне.^[18] Мы почти ничего не знаем о доказательствах, представленных обвинением, кроме того, что в гостинице "Лебедь" в Мейдстоне был выставлен кусок плоти, который дьявол, по слухам, дал одной из обвиняемых, и что восковое изображение маленькой девочки фигурировало в доказательствах. Некоторые из обвиняемых признались, что использовали его, чтобы убить ребенка. Его начали искать, и он был найден, если верить рассказчику, под дверью, где, по словам ведьм, он должен был находиться.^[19] Все шестеро были осуждены и подверглись казни. Еще несколько человек были привлечены к суду, но, вероятно, избежали его.

Если эпоха была настолько "цензурной" по отношению к подобным вещам, как считал Эдмунд Боуэр, то весьма примечательно, что "эти процессы", проходившие в нескольких минутах езды от Лондона, вызвали столь мало шума в метрополии. Элиас Эшмол, основатель Ашмольевского музея в Оксфорде и знаток астрологии, присутствовал на испытаниях вместе с Джоном Традескантом, путешественником и садовником.^[20] Он не оставил никаких комментариев. *Журнал "Верный скаут"* в номере от 30 июля - 7 августа упомянул о суде и признаниях, но воздержался от выражения своего мнения.

В этот период были и другие судебные разбирательства, но о них следует поскорее забыть. Врачи были как никогда заняты предположениями о колдовстве. Мы можем обнаружить руку врача в приписывании странной болезни девушки, выпустившей большое количество камней, измышлениям Кэтрин Хаксли, которая в результате была повешена в Вустере.^[21] В случае с Эксетером врач был виноват лишь косвенно. Когда Грейс Мэтьюс обратилась к нему по поводу болезни своего мужа, он, очевидно, отказался от этого дела и направил ее к

мудрой женщине.[22] Мудрая женщина предупредила госпожу Мэтьюс о соседе "высокого роста, с бледным лицом и немигающими глазами", против которого хорошо бы использовать определенные предписанные средства. Госпожа Мэтьюс так и сделала, и вызвала ведьму, которой оказалась жена мясника Джоан Бейкер. Когда ведьма обнаружила, что ее заклинания не действуют, она направила их против служанки миссис Мэтьюс, которая в результате умерла. Это было частью улики против Джоан, и они были подтверждены ее родней: свекор видел, как она обращается с жабами. Она была арестована, но больше мы ничего не слышали об этом деле.

О том, что случайных обвинений не боялись так, как раньше, свидетельствует смелость подозреваемых в возбуждении дела против своих обвинителей, даже если смелость иногда была неправильно оценена. У нас есть два подобных случая.

Джоан Рид из Девайзеса считали ведьмой, и из-за этого пекари отказали ей в привилегии использовать их пекарни для приготовления теста.[23] Она бросила перчатку своим обвинителям, потребовав, чтобы их привели по ордеру, чтобы обвинить ее. Несомненно, она понимала, что имеет хорошую поддержку в своей общине и что ее вызов вряд ли будет принят. Но женщина, жившая недалеко от Лэндс-Энда в Корнуолле, похоже, переоценила поддержку, на которую она могла рассчитывать. Она добилась ордера против своих обвинителей, чтобы передать дело на рассмотрение мэра. Суд встал на сторону обвинителей, и женщина предстала перед судом. Пойманная сама, она стала заманивать в ловушку других. В результате восемь человек были отправлены в Лонсестон,[24] а некоторые, вероятно, погибли.[25]

Мы уже видели, какую запутанную паутину сплела миссис Машамп, когда вознамерилась посадить в тюрьму жену полковника. Легко привести примеры, свидетельствующие о таком же нежелании продолжать судебное преследование. Четыре женщины в Лестере обыскали Энн Четтл и не нашли никаких доказательств ее вины.[26] В Дареме дело рассматривал судья Генри Темпест.[27] Обвиняемой была Мэри Сайкс. Ребенок Сара Родс, проснувшись от сна в испуге, заявила матери, что "жена Сайкса" вошла "через дыру в ногах кровати" и схватила ее за горло. Разумеется, Сара Родс заболела. Более того, ведьму видели в полночь верхом на спине коровы, а в другой раз она вылетела из "туманного окна". Но женщина, несмотря на неблагоприятное мнение искательниц, вышла на свободу. Подобные случаи, похоже, закончились в Йорке, в Лидсе и в Скарборо. Это были намеки на то, что, как мы уже заметили, северные графства меняют свое отношение.[28] Но дело в Дербишире заслуживает большего внимания, потому что судья, Герваз Беннет, был одним из членов совета Кромвеля. Само дело не было чем-то необычным. Нищая женщина, которой оказывали щедрую поддержку те, кто ее боялся, предстала перед судом по обвинению в колдовстве. Поскольку Беннетт был тесно связан с правительством, нам было бы интересно узнать, что он сделал с этим делом, но тот факт, что приговор женщине не сохранился среди записей, позволяет предположить, что она не была доставлена на ассамблею.[29]

Теперь мы переходим к рассмотрению второго из подпериодов, на которые мы разделили Междоусобие. Мы имеем дело с промежутком между войной и установлением протектората - временем, которое из мрачных теней междоусобной борьбы перешло в высший свет стабильного мира и безопасности. К 1653 году равновесие в Англии было восстановлено. Правительство Кромвеля начало работать без сбоев. Суды работали полным ходом. Ни одно из тех условий, которым мы приписывали распространение тревог о ведьмах во время гражданских войн, больше не действовало. Поэтому неудивительно, что

Протекторат был одним из самых спокойных периодов в летописи ведьмовства. Если в 1648-1653 годах в Англии было совершено тридцать казней, то в период Протектората - всего полдюжины, и три из них пришлось на несколько беспокойное правление Ричарда Кромвеля.[30] Другими словами, количество приговоров за колдовство заметно сократилось, и это сокращение началось еще до 1653 года. Однако сокращение числа смертных приговоров ни в коем случае не означает, что королевство избавилось от суеверий. В Мидлсексе, в Сомерсете и Девоне, в Йорке, Нортумберленде и Камберленде борьба с ведьмами со стороны народа продолжалась с прежней энергией. Если не было сделано великих открытий, если не были раскопаны гнезда вредоносных существ, мировые судьи были заняты проверками, как никогда раньше.

Конечно, анализ дел доказывает, что все большая часть тех, кто предстал перед судом, были легкими правонарушителями, "добрыми ведьмами", чье целительское искусство, возможно, не имело успеха, торговцами магией, вызывавшими зависть или страх. Судебные записи Мидлсекса и Йорка полны жалоб на профессиональных чародеев. В большинстве случаев их увольняли. Время от времени женщину отправляли в исправительный дом[31], но и это наказание было исключением.

Два других вида случаев встречаются не так часто. Мы имеем один очень яркий пример в Уэйкфилде, в Йорке, где ссора между двумя фермерами-арендаторами из-за их прав на шоссе стала настолько ожесточенной, что случайная угроза, произнесенная проигравшим в суде: "Это будет дорогой день работы для тебя", - привела к обвинению в колдовстве.[32] В другом случае долг в один пенни, по-видимому, стал началом ненависти между двумя безденежными существами, что и привело к обвинению.[33]

Самым распространенным типом дел, конечно, были те, в которых играли роль странные болезни или смерть. В Йоркшире, Хартфордшире и Корнуолле проходили судебные процессы, основанные на доказательствах, с которыми читатель уже хорошо знаком. Больной матери умершего ребенка было легко вспомнить или представить себе гневные слова, сказанные ей незадолго до смерти ее отпрыска. Для больного ребенка было вполне естественно встревожиться при виде посетителя и забиться в судорогах. Однако не существовало никаких фиксированных правил, регулирующих отношения между больными детьми и возможными ведьмами. Когда называли имя Уильяма Уэйда, Элизабет Мэллори впадала в припадок.[34] Когда в комнату входила Джейн Брукс, околдованный юноша из Чарда впадал в истерику.[35] Иначе обстояло дело с жертвой из Эксетера,[36], который оставался здоров только до тех пор, пока ведьма, вызвавшая беду, оставалась с ним.[37]

С этими видами доказательств тесно связано так называемое спектральное свидетельство - форма доказательства, повторяющаяся на протяжении всей истории английского колдовства. Во времена Протектората мы имеем как минимум три подобных случая. Обвиняемая женщина являлась страдающему человеку то в своем собственном облике, то в других формах, как кошка, как пчела или как собака.[38] Идентификация конкретного лица в голове пчелы, должно быть, представляла определенную сложность, но нет никаких оснований полагать, что в суде против этих показаний были выдвинуты какие-либо возражения. Во всяком случае, это свидетельство вошло в официальные протоколы в Йоркшире. В Сомерсете дело Джейн Брукс,[39] уже упоминалось, вызвало спектральные свидетельства в форме, которая действительно должна была быть очень убедительной. Когда заколдованный мальчик закричал, что видит ведьму на стене, его кузен ударил по этому месту, после чего мальчик закричал: "О отец, Коз Гибсон порезал руку Джейн Брукс, и она окровавлена". Согласно этой истории, констебль отправился в дом женщины и обнаружил, что у нее порезана рука.

О социальном статусе людей, участвовавших в процессах Протектората, мало что можно сказать, кроме того, что уже было сказано о многих предыдущих делах. Как мы уже отмечали, среди обвиняемых было гораздо больше шарманщиков и чародеев, людей, которые зарабатывали пенни здесь и два пенса там, но в лучшем случае влачили жалкое существование. Некоторые из них, несомненно, торговали на страхе, который они внушали своим общинам, и выпрашивали то буханку хлеба, то горшок пива. Это были те самые люди, которые, когда попрошайничество и очарование не помогали, прибегали к воровству.^[40] В одном из йоркширских показаний есть, возможно, намек на другой класс, из которого набирали ведьм. Кэтрин Эрл ударила мистера Фрэнка по плечу и сказала: "Вы симпатичный джентльмен; не хотите ли вы меня поцеловать?". Когда мужчина умер, это предложение приобрело серьезный характер.^[41]

Колдовство действительно так часто становилось результатом разборок низших классов, что судебные процессы с участием высших классов кажутся достойными особого упоминания. Во времена протектората на сайте было проведено два довольно примечательных процесса. В 1656 году Уильям и Мэри Уэйд были обвинены в околдовывании четырнадцатилетней дочери Элизабет Мэллори из Студли-Холла. Мэллори были известной семьей в Йоркшире. Дед обвиняемого ребенка был членом парламента и известным полковником-роялистом. Когда госпожа Элизабет заявила, что ее припадки не прекратятся, пока Мэри Уэйд не скажет, что она поступила неправильно, Мэри Уэйд уговорили произнести эти слова. Элизабет сразу поправилась, но Мэри отозвала свое признание, и Элизабет возобновила свои припадки, действительно, "она держалась за пасту, ее экстримальность была такой". Теперь она потребовала, чтобы оба Уэйда были заключены в тюрьму, и когда они "оба были в тюрьме", она снова поправилась. Их допросил мировой судья, но, вероятно, отпустил.^[42]

История Дианы Кросс из Эксетера более жалкая. Миссис Кросс когда-то содержала школу для девочек - может быть, между преподаванием и колдовством есть какая-то связь?^[43] - столкнулась с несчастьем и в конце концов оказалась в нищете. У нас нет возможности узнать, предшествовало ли подозрение в колдовстве ее крайней бедности или нет, но совершенно очевидно, что бывшая школьная учительница приобрела дурную славу в обществе. Она горько возмущалась отношением людей и однажды, кажется, обратилась к мэру. Возможно, именно этим поступком она вызвала подозрения соседей. Не стоит подробно останавливаться на деталях судебного процесса. Диана Кросс, вероятно, избежала казни, чтобы провести остаток жизни в нищете.^[44]

Районы Англии, затронутые заблуждением в этот период, уже были указаны. Хотя случайные случаи были отмечены в Саффолке, Хартфордшире, Уилтшире, Сомерсете, Камберленде и Нортумберленде, наибольшая активность, по-видимому, наблюдалась в Мидлсексе, Корнуолле и Йоркшире. Для неспециалиста это выглядит так, как будто север Англии произвел большую часть своего фольклора. Несомненно, что истории о ведьмах Йоркшира, как и Ланкастера в другое время, своими таинственными и романтическими элементами заставляли южные судебные процессы казаться плоскими, черствыми и невыгодными. Однако они редко приводили к столь же серьезным результатам.

Для историка дела Мидлсекса должны быть более интересными, потому что они должны дать представление об отношении к ним центрального правительства. К сожалению, мы не знаем о судьбе йоркширских ведьм, хотя, в отсутствие доказательств обратного, предполагается, что все они избежали казни.^[45] В Средней секс мы знаем, что в этот период только одна женщина, насколько можно судить по сохранившимся записям, была признана виновной. Все остальные были отпущены на свободу. Это может иметь значение, а может и нет. Не кажется неразумным предположить, что четвертьсессии Мидлсекса были в согласии с

центрального правительства. Однако это не более чем предположение. Не так-то просто сориентироваться, чтобы определить положение правительства Кромвеля. Сам протектор был занят более важными делами и, насколько нам известно, никогда не произносил ни слова на эту тему. Он почти наверняка был ответственен за помилование Маргарет Гингелл в Солсбери в 1655 году,[46] но мы не можем быть уверены, что в этом случае он не руководствовался особыми обстоятельствами, а также рекомендациями подчиненных.

У нас есть еще немного свидетельств об отношении к нему государственного совета. За три года до введения Протектората колеблющийся шериф Камберленда, у которого на руках было несколько ведьм, получил разрешение приступить к исполнению закона.[47] Но, с другой стороны, именно в тот же период английские комиссары в Шотландии положили конец тревогам, связанным с ведьмами, в этом королевстве. Одним из первых их действий было изъятие обвиняемых женщин из церковных судов и требование доказательств против них.[48] Когда выяснилось, что их пытали, чтобы заставить признаться, комиссия решила провести расследование поведения шерифа, священников и мучителей, которые были в этом замешаны. Обвинения были предъявлены нескольким женщинам. Ни одна из них не была осуждена. Дело было передано в государственный совет, где, вероятно, действия комиссаров были одобрены. Семь или восемь лет спустя, во времена правления Ричарда Кромвеля, произошел случай, когда совет, очевидно, по собственной инициативе, приказал отряду солдат арестовать ведьму из Ратлендшира. Однако впоследствии дело было прекращено.[49]

Делать однозначный вывод из этих фактов было бы опрометчиво. Возможно, мы можем отталкиваться от общей позиции правительства. Во всем Протекторате существовала тенденция, которую поощрял Кромвель, смягчать строгость уголовного закона. Было выдано огромное количество помилований; и когда Уайтлок предложил, чтобы ни одно преступление не было смертным, кроме убийства, измены и мятежа, никто не поднялся в священном ужасе, чтобы указать на исключение колдовства,[50] и предложение, хотя и не было принято к исполнению, было благосклонно рассмотрено.[51]

Если учесть это общее отношение к преступлению в связи с тем, что мы уже говорили о стремительном сокращении числа приговоров, вынесенных ведьмам, то можно с уверенностью предположить, что правительство Кромвеля, хотя и не было сильно заинтересовано в колдовстве, все же было склонно к снисхождению.

[1] Whitelocke, *Memorials*, III, 63, 97, 99, 113.

[2] См. выдержку из "Книги Гилдхолла" в John Fuller, *History of Berwick* (Edinburgh, 1799), 155-156.

[3] Письмо Томаса Уиддрингтона к Уайтлоку (Whitelocke, *Memorials*, III, 99). Уиддрингтон сообщил, что этот человек назвал себя "художником в этой области". Писатель, очевидно, был настроен несколько скептически.

[4] Там же.

[5] Ральф Гардинер, *"Недовольство Англии, раскрытое в связи с торговлей углем"* (Лондон, 1655), 108.

[6] Там же.

[7] См. Джон Бранд, *История и древности ... Newcastle* (London, 1789), II, 478, или *Chronicon Mirabile* (London, 1841), 92, где приводится выдержка из приходских регистров с указанием имен. Вместе с ними была казнена ведьма из сельской местности Нортумберленда.

[8] Ведьмы 1649 года не ограничивались севером. Две, как говорят, были казнены в Сент-Олбансе, мужчина и женщина; одну женщину судили в Вустершире, одну в Глостере и двух в Мидлсексе. Джон Палмер и Элизабет Нотт, пострадавшие в Сент-Олбансе, приобрели некоторую дурную славу. Палмер заключил договор с дьяволом и уговорил свою родственницу помочь ему добиться смерти женщины с помощью глиняных картинок. Оба, вероятно, занимались магией. Палмер, даже находясь в тюрьме, утверждал, что способен превращать людей в зверей. Женщина, похоже, подверглась испытанию плаванием. Оба были осуждены. Во время казни Палмер рассказал о "целой толпе ведьм", большинство из которых, несомненно, были такими же практиками, как и он сам, но его случайные обвинения, вероятно, были оставлены без внимания. См. книгу *"Заблуждения Дивелса, или Верная связь Джона Палмера и Элизабет Нотт..."* (1649).

[9] Ralph Gardiner, *op. cit.*, 109.

[10] См. там же. По словам Гардинера, во время казни он признался, что стал причиной смерти 220 ведьм в Шотландии и Англии. Либо этот человек был виновен в непристойной и хвастливой лжи, что весьма вероятно, либо Шотландия действительно была сильно "заражена". См. выше, примечание 1.

[11] Этот рассказ содержится в книге *"Чудесные новости с севера, или Правдивая история печальных и тяжких мучений, причиненных... трем детям мистера Джорджа Мушампа..."* (Лондон, 1650).

[12] История этого случая была отправлена в Лондон и там опубликована, где вскоре стала классикой среди духовенства, верящего в ведьм.

[13] См. два памфлета Эдмонда Боуэра, описанные ниже в приложении А, § 5, и Генри Мор, *"Противоядие против атеизма"*, bk. III, ch. VII.

[14] Уайлд не пользовался большим уважением как судья. После установления протектората он не был вновь назначен Кромвелем.

[15] Обри (который узнал об этом от очевидца) рассказывает, что "толпа зрителей подняла такой шум, что судья не мог слышать заключенного, а заключенный - судью; но слова передавались от одного к другому мистером Р. Чандлером и иногда не совсем верно повторялись". John Aubrey, *Remaines of Gentilisme and Judaisme ...* (ed. J. Britten, *Folk Lore Soc. Publications*, IV, 1881), 261.

[16] Об этом случае см. *The Tryall and Examinations of Mrs. Joan Peterson ...; The Witch of Wapping, or an Exact ... Relation of the ... Practises of Joan Peterson ...; A Declaration in Answer to severall lying Pamphlets concerning the Witch of Wapping ...*, (об этих памфлетах, напечатанных в Лондоне в 1652 году, см. ниже, приложение А, § 5); *French Intelligencer*, April 6-13, 1652; *Weekly Intelligencer*, April 6-13, 1652; *The Faithful Scout*, April 9-16, 1652; *Mercurius Democritus*, April 7-17, 1652.

- [17] *Французская газета Intelligencer* рассказывает о ее казни: "Она выглядела очень удрученной и имела меланхолический вид; на вид ей было не больше 40 лет, и она не была нисколько обезображена внешне, как обычно бывает у таких существ".
- [18] Рассказ об этом деле см. в книге *A Prodigious and Tragical History of the ... осуждения шести ведьм в Мейдстоне...* (Лондон, 1652).
- [19] Предполагалось, - говорит рассказчик, - что от их рук пострадали девять детей, а также мужчина и женщина, пропал скот на 500 фунтов стерлингов, а в море затонуло много зерна. Две женщины сделали признание, но не в этом.
- [20] См. дневник Эшмола, приведенный в книге Чарльза Бирмана *"Жизни Элиаса Эшмола, эсквайра, и мистера Уильяма Лилли, написанные ими самими..."* (Лондон, 1774), 316.
- [21] В книге *"Уверенность в мире духов"* (Лондон, 1691), 44, 45, Ричард Бакстер, который отнюдь не является абсолютно достоверным, рассказывает нам об этом случае. Следует понимать, что это только предположение писателя, что врач был виноват в обвинении; но это очень похоже на другие случаи, когда врач начал неприятности.
- [22] William Cotton, *Gleanings from the Municipal and Cathedral Records Relative to the History of the City of Exeter* (Exeter, 1877), 149-150.
- [23] *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 127.
- [24] *Mercurius Politicus*, 24 ноября - 2 декабря 1653 года. Возможно, одна из этих ведьм была родом из Лонсестона в Корнуолле в книге R. and O. B. Peter, *The Histories of Launceston and Dunheved* (Plymouth, 1885), 285: "the grave in wch the wich was buried."
- [25] Ричард Буртхогге, *"Эссе о разуме и природе духов"* (Лондон, 1694), 196, пишет, что у него есть признания в MS. "большого количества ведьм (некоторые из которых были казнены), которые были взяты мировым судьей в Корнуолле более тридцати лет назад". Не исключено, что речь идет о том же деле, что и то, о котором говорится в записи Лонсестона.
- [26] *Leicestershire and Rutland Notes and Queries* (Leicester, 1891, etc.), I, 247.
- [27] Джеймс Рейн, ред., *"Выборка из показаний по уголовным делам, взятых в северных магистратах, из оригиналов, хранящихся в Йоркском замке"* (Surtees Soc., № 40, 1861), 28-30. Здесь и далее цитируется как *"Йоркские показания"*.
- [28] Однако в 1650 году в Гейтсхеде произошел испуг, который обошелся плательщикам в 2 фунта стерлингов, из которых значительной статьей расходов были 6 д. за "могилу для ведьмы". *Denham Tracts* (Folk Lore Soc.), II, 338. В Дареме в 1652 году были казнены два человека. Ричардсон, *Настольная книга* (Лондон, 1841), I, 286.
- [29] J. C. Cox, *Three Centuries of Derbyshire Annals* (London, 1890), II, 88. Кокс, однако, считает вероятным, что она была наказана.
- [30] Конечно, не совсем безопасно рассуждать на основании отсутствия зафиксированных казней, и менее всего это безопасно во времена гражданских войн и в годы восстановления.
- [31] *Middlesex County Records*, ed. by J. C. Jeaffreson (London, 1892), III, 295; *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 129.
- [32] *York Depositions*, 74.

- [33] *Hertfordshire County Sessions Rolls*, compiled by W. J. Hardy (Hertford, 1905), I, 126. Во втором случае нет абсолютной уверенности в том, что приговор был вынесен в исправительный дом.
- [34] *York Depositions*, 76-77.
- [35] Joseph Glanvill, *Sadducismus Triumphatus* (London, 1681), pt. ii, 122.
- [36] Cotton, *Gleanings ... relative to the History of ... Эксетера*, 152.
- [37] В знаменитом деле Уорбойса в 1593 году именно присутствие ведьмы избавило заколдованных от их недугов.
- [38] *York Depositions*, 64-67.
- [39] Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 120-121.
- [40] *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 120.
- [41] *York Depositions*, 69.
- [42] Там же, 75-78.
- [43] См. историю Анны Боденхэм.
- [44] Cotton, *Gleanings ... Relative to the History of ... Exeter*, 150-152.
- [45] Джеймс Рейн, редактор "*Йоркских показаний*", пишет, что не нашел ни одного случая осуждения ведьмы. Предисловие, xxx. *Хронология преступлений в замке Йорк с реестром преступников, капитально осужденных и казненных* (Йорк, 1867), не содержит ни одной казни за колдовство.
- [46] Inderwick, *Interregnum*, 188-189.
- [47] *Cal. St. P., Dom.*, 1650, 159.
- [48] Существует несколько вторичных описаний этого дела. См. F. Legge в *Scottish Review*, XVIII, 267. Но наиболее важным первоисточником является письмо Кларка спикеру Ленталлу, опубликованное Шотландским историческим обществом в томе "*Шотландия и Содружество*" (Эдинбург, 1895), 367-369. См. также трактат в Brit. Mus. Thomason collection, *Two Terrible Sea Fights* (London, 1652). См. также слова Томаса Эди, "*Свеча в темноте*", 105.
- [49] *Cal. St. P., Dom.*, 1658-1659, 169.
- [50] Однако когда Государственный совет в 1652 году издал акт о всеобщем помиловании, колдовство было специально зарезервировано, наряду с убийством, изменой, пиратством и т. д. *Cal. St. P., Dom.*, 1651-1652, 106.
- [51] Inderwick, *Interregnum*, 231.
-

ГЛАВА X.

Литература о колдовстве с 1603 по 1660 год.

Не малая часть нашего повествования была посвящена трудам Скота, Гиффорда, Харснета и короля Джеймса. Невозможно понять значение судебных преследований, не ознакомившись с ходом развития мнений по этому вопросу. В этой главе мы вернемся к началу правления Якова и проследим до конца Содружества специальные дискуссии о колдовстве, а также некоторые из наиболее интересных случайных упоминаний. Напомним, что *"Dæmonologie"* Джеймса вышла за несколько лет до того, как ее автор вззошел на английский престол. С приходом шотландского короля в Вестминстер работа была переиздана в Лондоне. Но, хотя Джеймс в силу своего положения легко занял первое место среди тех, кто писал на эту тему, он отнюдь не был на сцене в одиночестве. Не менее четырех других людей получили известность в период правления и по этой причине заслуживают внимания. Это Перкинс, Котта, Робертс и Купер.

Книга Уильяма Перкинса *"Рассуждения о проклятом искусстве колдовства"* стоит на первом месте, ведь она была написана в последние годы правления Елизаветы, но опубликована только в 1608 году, через шесть лет после смерти автора. [1] Уильям Перкинс был стипендиатом колледжа Христа в Кембридже и выдающимся проповедником в этом университете. Он занимает высокое место среди пуританских богословов. Его проповеди до сих пор можно найти в библиотеках старых священнослужителей, а цитаты из них в изобилии встречаются в комментариях. Именно в ходе одной из своих университетских проповедей он затронул вопрос о колдовстве. В каком году была произнесена эта проповедь, точно сказать нельзя. То, что он, по-видимому, читал Шотландца, [2], что, однако, он не упоминает книгу короля Якова, [3] - это данные, которые позволяют нам предположить, что он мог произнести это рассуждение между 1584 и 1597 годами. Его точка зрения была строго теологической, а его убеждения, как и следовало ожидать, основывались на текстах Священного Писания. Тем не менее, кажется несправедливым предположить, что он был выразителем мнения в Кембридже, где мы уже видели свидетельства сильной веры в реальность колдовства. Не менее вероятно, что к проповеди его подтолкнуло прочтение книги Реджинальда Скота *"Discoverie"*. Ведьмы в наши дни, признал он, имеют своих покровителей. Его аргументы в пользу существования ведьм были настолько глубоко библейскими, что нам нет нужды их повторять. Однако он не придерживался всех современных представлений о них. Власть лукавого превращать людей в другие формы он категорически отвергал. Царапание ведьм [4] и испытание их водой он считал бесполезным. [5] В этом отношении, как видно, он опередил своего царственного современника агу. По поводу телесных отметин, значение которых так подчеркивал Джеймс, Перкинс, похоже, был менее решителен. Он верил в смертную казнь, [6] но предупреждал присяжных быть очень осторожными в отношении доказательств. [7] Доказательства, основанные на обвинениях "добрых ведьм", на показаниях умирающих или на обвинениях тех, кто страдал от болезней после угроз, по его мнению, должны использоваться с большой осторожностью. Очевидно, что на Перкинса - хотя сам он, несомненно, не признал бы этого - чтение Скота оказало влияние. И все же разочаровывает тот факт, что он одобряет применение пыток [8] в крайних случаях. [9]

Кембриджский ученый, писавший через несколько лет после Перкинса, высказал более далекие от него взгляды. Джон Котта был "доктором физики" из Нортгемптона, который получил степень бакалавра в Кембридже в 1595 году, магистра в следующем году и доктора в 1603 году. Через девять лет после окончания Кембриджа он опубликовал книгу *"Краткие открытия о ненаблюдаемых опасностях"*, в которой посвятил очень глубокую главу связи

между колдовством и болезнями. В 1616 году он развил свои идеи в книге "*Триалл о колдовстве*" (*The Triall of Witchcraft*, [10]), опубликованной в Лондоне. Как и Перкинс, он не одобрял испытание водой.[11] Он также дискредитировал свидетельства о метках, но верил в договоры с дьяволом и приводил в качестве ярких примеров случаи с Мерлином и "этой позорной женщиной" Жанной д'Арк.[12] Но его точка зрения, конечно, была в основном медицинской. Большое количество обвинений в колдовстве было связано с отсутствием медицинского обследования. Многие так называемые одержимости могли быть прекрасно диагностированы врачом. Он упомянул случай, когда предполагаемые ведьмы были казнены, а их жертва, тем не менее, снова заболела.[13] Вероятно, речь идет о госпоже Белчер, по обвинению которой в Нортгемптоне были повешены две женщины.[14]

Однако Котта верил, что существуют настоящие ведьмы, и осуждал Скота за неспособность отличить самозванок от настоящих.[15] По его признанию, это действительно было очень трудно обнаружить, кроме как через признание; и даже признание, как он указал в своей первой работе, может быть "подлым, бедным и неопределенным доказательством", поскольку дьявол способен склонить к ложному признанию.[16] Здесь пробивался богослов - а писателю XVII века трудно было не быть богословом. Но научный дух снова вышел на передний план, когда он заявил, что воображение слишком склонно окрашивать наблюдения, сделанные над заколдованными и ведьмами.[17] Предположение о том, что совпадение объясняет многие из предполагаемых исполнений предсказаний ведьм[18], также опережало его время.

Как же распознать реальные случаи околдовывания? Котта отвечал, что наилучшая гарантия в таких вопросах наступает "всякий раз, когда... врачевание действительно обнаруживает явную запредельную силу".[19] Другими словами, врач из Нортгемптона считал, что его собственная профессия может лучше всего определить эти спорные вопросы. Тот, кто видел, какую жалкую роль играли врачи до этого времени, вряд ли может поверить, что их суждения по этому вопросу были более здравыми, чем у представителей других профессий. Можно даже усомниться в том, что на них можно было положиться больше, чем на столь суеверное духовенство.

В том же году, что и вторая книга Котта, Александр Робертс, "служитель слова Божьего в Кингс-Линне" в Норфолке, выпустил "*Трактат о колдовстве*" в качестве своего рода введения к своему рассказу о суде над Мэри Смит из этого города и в качестве оправдания ее наказания. Эта работа - всего лишь изложение общепринятой теологии того времени применительно к ведьмам, именно такое ее изложение и следовало ожидать от провинциального пастора, который читал Реджинальда Скота и мог использовать Писание против него.[20]

В следующем году была опубликована работа, в равной степени теологическая, "*Тайна колдовства*" преподобного Томаса Купера, который считал, что его участие в издании, освещающем "практику антихриста в этом адском заговоре пороховой войны", позволило ему пролить свет на другие операции дьявола. У него действительно был определенный опыт в этой работе,[21] а также некоторое знакомство с авторами, пишущими на эту тему. Но он ничего не добавляет к дискуссии, разве что соединяет неверие в колдовство с "атеизмом и иррелигией, которые запленили землю". Пять лет спустя книга была вновь издана под другим названием: "*Сатан, превращенный в Ангела Света, ... [ex]emplified specially in the Doctrine of Witchcraft*."

В рассказе о судебных процессах по обвинению в колдовстве в царствование Якова I дело о разводе графини Эссекс было намеренно опущено, поскольку в нем вопрос о колдовстве

был, в конце концов, второстепенным. Однако в истории мнений взгляды на колдовство, высказанные судом, рассматривавшим дело о разводе, ни в коем случае нельзя игнорировать. Не стоит пересказывать зловещие подробности этого необычного дела. Заявительница на развод утверждала, что ее муж не мог вступить с ней в брак, из чего можно было сделать вывод, что он околдован. Следует помнить, что король Яков, стремясь осуществить планы своего фаворита Карра, был слишком заинтересован в аннулировании брака и оказывал сильное давление на членов двора. Архиепископ Аббот с самого начала процесса показал себя неблагосклонным к ходатайству графини, и Яков счел необходимым разрешить свои сомнения по поводу общих оснований для развода.^[22] В частности, по поводу колдовства король писал: "Ибо, как бы ни был уверен Бог, существуют дьяволы, и некоторые дьяволы должны обладать определенной властью, и их власть находится в этом мире..... Что власть дьявола не столь универсальна против нас, это я свободно признаю; но что она полностью сдерживается *quoad nos*, как тогда был заколдован до смерти министр Женева, и ведьмы ежедневно наказывались по нашему закону. Если они не могут причинить вреда никому, кроме папистов, то мы слишком милосердны, чтобы мстить только им". Таково было мнение Джеймса в 1613 году, и стоит отметить, что он был гораздо менее уверен в своих силах и гораздо более оборонительным по отношению к колдовству, чем автор "*Dæmonologie*". Вряд ли можно сомневаться, что на него уже повлияли более либеральные взгляды окружавших его церковников. Архиепископ Бэнкрофт, который через своего капеллана вел войну с экзорцистами, был уже давно мертв. Этот капеллан теперь был епископом Чичестерским, а вскоре должен был стать архиепископом Йоркским. Было бы странно, если бы на Джеймса в какой-то степени не повлияло их мнение. Кроме того, к этому времени он начал свою карьеру разоблачителя самозванцев.

Однако не стоит переоценивать изменения в позиции короля. Он по-прежнему верил в ведьм и, казалось, несколько опасался, что другие усомнятся в этом. Архиепископ Эббот, которого он пытался склонить на сторону развода, не стал бы отрицать теорий Якова, но он был крайне осторожен в использовании термина *maleficium*. Аббот был полностью знаком с историей англиканского отношения к экзорцизму. Можно не сомневаться, что он симпатизировал политике своего предшественника. Поэтому интересно прочитать его тщательно сформулированное заявление по поводу предполагаемого околдования графа Эссекса. В своей речи, защищая свой отказ и отказ трех коллег одобрить развод, он писал: "Один из моих лордов (милорд Винчестерский) заявил, что ему не нравится этот *maleficium*; что он читал Дель Рио, иезуита, пишущего на этот аргумент, и считает его пустым и баснословным товарищем..... Другой из моих лордов (милорд Эли) согласился с этим, и *maleficium* должен исчезнуть. Теперь я со своей стороны не буду полностью отрицать, что ведьмы с Божьего позволения могут иметь власть над людьми, чтобы причинять вред всем или части из них, как Бог их ограничит; но как показать, что это такая вещь в лице человека". Это, конечно, не было выражением неверия в реальность или виновность колдовства. Это было выражение большого нежелания придавать большое значение обвинениям в колдовстве - выражение со стороны высшей церковной власти Англии.

В период правления Карла I до начала Гражданских войн нам предстоит проанализировать лишь один вклад в литературу по нашей теме, сделанный Ричардом Бернардом. Бернارد проповедовал в Ноттингемшире и оттуда отправился в Баткомб в Сомерсете. Еще в Ноттингемшире, в первые годы правления Якова, он видел кое-что об экзорцистах.^[23] Позже он имел отношение к Таунтонскому делу 1626 года; более того, похоже, что он принимал в нем самое активное участие.^[24] Предположительно, он проявлял некоторую тревогу, чтобы ведьмы не получили справедливого обращения, поскольку в своем "*Руководстве для Великих Юристов... в делах о колдовстве*", опубликованном в 1627 году,

он объяснил книгу как "обычное свидетельство министра графства". Из-за его "прямого смысла" в его "кропотливой работе" с одной из ведьм распространился слух, что он благоволит к ведьмам или "придерживается ошибочного мнения шотландских мастеров, что ведьмы - это глупые меланхолики".[25] Вследствие этого он решил ознакомиться со всем предметом и прочитал почти все дискуссии на английском языке, а также все отчеты о судебных процессах, опубликованные до этого времени. Свой труд он посвятил двум судьям из Таунтона, сэру Джону Уолтеру и сэру Джону Денхэму, а также архидиакону Уэллса и канцлеру епископа Бата и Уэллса. Книга действительно представляла собой удивительное лоскутное одеяло. В ней нашли отражение все оттенки мнений - от искренне неверующего шотландца до искренне верующего Робертса. Тем не менее Бернард испытывал здоровое недоверие к одержимости и вслед за Коттой считал, что многие из них вызваны катаlepsией и другими сопутствующими заболеваниями.[26] Он также считал, что дьявол очень часто действует как его собственный агент без каких-либо посредников.[27] Как и Котта, он скептически относился к водным испытаниям;[28] , но, как ни странно, согласился с использованием магического стекла для выявления "подозреваемых".[29] Он был склонен считать, что "явление подозреваемого, которого страждущие в своих припадках как бы видят", является основанием для подозрений. Главной целью его рассуждений было предупредить судей и присяжных, чтобы они были очень осторожны в своих вопросах и методах дознания, чтобы отделить невиновных от виновных.[30] В этом утверждении, да и во всей своей позиции, он был почти рупором эпохи, которая, хотя и придерживалась веры, становилась все более осторожной, чтобы не переносить эту веру слишком далеко в судебный процесс и наказание.[31]

От Бернарда Баткомбского до Джона Гаула прошло семнадцать лет. Нельзя сказать, что Гоул представляет собой четкий шаг в развитии мнения после Бернарда. Его общая позиция была во многом такой же, как и у его предшественника. Его предостережения были, возможно, более серьезными, а скептицизм - чуть более явным. В одной из предыдущих глав мы наблюдали, как смело возмущенный священник из Хантингдоншира принял вызов Хопкинса в 1646 году. Именно крестовый поход Хопкинса вызвал к жизни его трактат.[32] Его небольшая книга в значительной степени была призывом к большей осторожности в использовании доказательств. Слишком легкомысленно относились к подозрениям в отношении "каждого бедного и жалкого старого существа". Всякий раз, когда происходило необычное происшествие, всякий раз, когда возникала болезнь, которую невозможно было объяснить, ее приписывали колдовству. Такие "знаки испытания" он считал "совершенно необоснованными, как происходящие от невежества, юмора, суеверия". Существовали и другие, более надежные признаки, по которым иногда можно было обнаружить ведьм, но эти признаки следовало использовать с особой осторожностью. Ни свидетельство факта, то есть союза с дьяволом, без признания, ни "признание без факта" не должны были рассматриваться в качестве определенного доказательства. В вопросе признания Гауль был необычайно скептичен для своего времени. Необходимо было выяснить, не находится ли исповедующийся в дьявольском заблуждении, не является ли признание вынужденным или не является ли оно результатом меланхолии. Гауль пошел еще дальше. Он не только был склонен подозревать признание, но и серьезно сомневался в значительной части колдовских легенд. Там были истории о метаморфозах, повествования об "утомительных путешествиях на метлах" и сотня других историй от старых авторов, которые мудрый христианин, по его мнению, оставил бы писателям. Однако не верить в них означало бы принижать Божественные атрибуты. На самом деле Гауль принимал очень значительную часть теории ведьм. Его кредо сводилось к следующему: небезопасно объявлять ведьмами таких-то и таких-то. Если ни одна из десяти не была виновна, то десятая все равно должна

была быть учтена.[33] Врач Котта передал бы это дело врачам; священнослужитель Гауле считал, что оно относится к компетенции "Магистратуры и министерства".[34]

В эпоху Содружества можно было предположить, что интеллектуальные люди будут полностью заняты более важными вопросами, чем вина ведьм. Но многочисленные казни, последовавшие за Хопкинсом и Стирном, привнесли в эту тему новый интерес и втянули в борьбу новых воинов. Полдюжины писателей взялись за эту полемику. С консервативной стороны заслуживают упоминания три имени, два из которых небезызвестны по другим связям: Генри Мор и Мерик Касобон. В защиту обвиненных ведьм выступили два человека, едва ли столь известные в свое время, - Роберт Филмер и Томас Эйди.

Мор был молодым кембриджским ученым и прорицателем, которому предстояло занять место среди английских философов XVII века. Воспитанный на Платоне и пропитанный Декартом, чуть позже он основательно заразился кабалистической философией, пришедшей в Европу с Востока. Именно точка зрения, которую он приобрел при изучении этой мистической восточной системы, придала своеобразный поворот его колдовским представлениям, которые благодаря его собственным трудам и трудам Гланвилла нашли широкое признание. Именно в 1653 году Мор опубликовал *"Противоядие от атеизма"*. Феномены колдовства он считал частью доказательств реальности мира духов и использовал их для поддержки религии, точно так же, как сэр Оливер Лодж или профессор Хислоп сегодня использовали бы психические исследования для утверждения бессмертия. Мор сам проводил исследования, вероятно, в Мейдстоуне. В его родном городе Кембридже ходила история - несомненно, шутка колледжа, но он относился к ней со всей серьезностью - о "старике Стренгридже", которого "перебросили через Шелфордский шпиль на черном хогге и порвали его штаны о флюгер".[35] Он считал, что у него есть абсолютное доказательство существования "ночных конвентов" ведьм.[36] Однако он не обладал тем инстинктом научного наблюдения, который отличал Шотландца, и его исследования не помешали ему быть легко обманутым. Его наблюдения отнюдь не так занимательны, как его теории. Его попытка объяснить мгновенную транспортировку ведьм - одно из ярких пятен в прозаических рассуждениях демонологов. Мор был убежденным дуалистом. Разум и материя были двумя отдельными сущностями. Поэтому сразу же возникла следующая проблема: Как души ведьм могут покидать свои тела? "Я полагаю, - говорит он, - что Дивелл проникает в их тело и с помощью своей тонкой субстанции, более действенной и ищущей, чем любой огонь или гнилостный раствор, расплавляет податливые камни тела до такой консистенции... и делает их податливыми для его воображения: и тогда ему так же легко придать им ту форму, какую он пожелает".[37] Если он мог сделать это, то тем более он мог позволить людям покидать свои тела. Тогда возникла проблема: чем этот процесс отличается от смерти? Писатель был озадачен собственным вопросом, но рассудил, что смерть - это результат непригодности тела для содержания души.[38] Но такого состояния не было, когда действовал дьявол; и, несомненно, тело можно было помазать таким образом, чтобы душа могла выходить и возвращаться.

Мерик Касобон, сын выдающегося классического ученого и сам известный студент, скептически относился к историям о воздушных путешествиях ведьм, которые Мор так старался объяснить. Этот вопрос, писал он в своем *"Трактате об энтузиазме"*, [39] много споров среди ученых людей. Сделанные признания трудно объяснить, но осуждать обвиняемых на основании этих доказательств он считал бы очень неправильным. Мы еще встретимся с Казобоном.[40]

Натаниэль Хоумс, писавший из своей пасторской школы Мэри Стэйнинг в Лондоне и посвятивший свою работу[41] Фрэнсису Роусу, члену парламента, не был человеком

полумер. Он был убежденным учеником Перкинса. Он признавал, что злые духи совершают многие свои чудеса с помощью трюков жонглирования - а ведь пришло время, когда нужно было идти на уступки, - но при этом безропотно проглатывал все, что можно.[42] Но он безропотно проглатывал всю чепуху о заветах и был склонен видеть в действиях дьявола предвестие последних дней.[43]

Читатель может легко заметить, что Мор, Казобон и Хоумс были вынуждены обороняться. Они были вынуждены предлагать объяснения тайн колдовства, они были достаточно готовы сделать признания; но тем не менее они строго придерживались основных доктрин. С удовольствием обратимся к трудам двух более смелых людей, Роберта Филмера и Томаса Эйди. Сэр Роберт Филмер был кентским рыцарем с сильными роялистскими взглядами, который писал против ограничений монархии и не боялся скрестить шпаги с Мильтоном и Гоббсом в вопросе о происхождении правительства. В 1652 году он присутствовал на судебном процессе в Мейдстоне, где, как помнится, были осуждены шесть женщин. Как Скот был взволнован процессом в Сент-Осе, так и Филмер был взволнован тем, что увидел в Мейдстоне,[44] и в следующем году опубликовал *"Обращение к присяжным Англии"*. Он поставил перед собой задачу опровергнуть трактат Перкинса. Как следствие, он занялся Священным Писанием и толкованием хорошо известных отрывков Ветхого Завета. Еврейская ведьма, заявил Филмер, виновна не более чем в "лживых пророчествах". Эндорская ведьма, вероятно, использовала "пустословие". В этом предположении Филмер следовал за своим знаменитым кентским предшественником.[45] Но главным интересом Филмера, как и Бернарда и Гауля до него, было предупредить тех, кому приходилось разбирать дела, о необходимости быть предельно осторожными. Он считал, что значительная часть используемых доказательств не стоит и вовсе ничего.

Книга Томаса Эди *"Свеча во тьме"* была опубликована тремя годами позже.[46] Даже больше, чем Филмер, Эди был учеником Скота. Но он действительно изучил всех английских авторов по этому вопросу и принялся отвечать им один за другим. Король Яков, чью книгу он упорно отказывался считать делом рук самого короля, Купер, который был "крикливым гонителем", Гиффорд, в котором "было больше духа истины, чем во многих", Перкинс, заклятый враг, Гоул, чьи "намерения были благочестивыми", но который слишком сильно "поколебался в общей традиции людей",[47] все они были один за другим разобраны. Ади же выступал за здравый смысл. Именно с этой точки зрения он высмеивал испытание водой и свидетельства о метках,[48] и нападал на причинно-следственную связь между угрозами и болезнью. "Те, кто выдвигает это возражение, должно быть, живут очень далеко от соседей".[49]

И все же даже Эди не был откровенно неверующим. Он защитил Скота от сообщения о том, "что он придерживается мнения, что ведьм нет, поскольку это не его компетенция и не моя". Увы, Эди не просвещает нас, какого именно мнения он придерживался. Конечно, его ведьмы были существами без силы.[50] Но кем же они были? Были ли они безобидными существами со злобным умом? Мистер Эди не дает ответа.

За сто лет истории колдовства не нашлось человека, который был бы готов отрицать в печатной работе существование ведьм. Несомненно, такое отрицание часто можно было услышать в чулане, но оно никогда не провозглашалось на крыше дома. Шотландец не был столь смел - хотя можно представить, что если бы его тихонько допросили в уголке, он мог бы полностью отрицать существование ведьм, - а те, кто последовал за ним, так и не решились пойти дальше него.

Полемика, действительно, в большинстве своем велась по линиям, намеченным первым агрессором. Гиффорд, Котта и Эди привнесли несколько новых аргументов для атаки на суеверие, но в целом нападавшие ориентировались на Скота. С другой стороны, только Перкинс и Мор внесли что-то стоящее в выстроенную оборону. И все же читатель заметит, что прогресс налицо. Центр борьбы сместился в сторону внешних стен. От водных испытаний и доказательств следов отказалось большинство, если не все. Теперь борьба шла за перевозку ведьм по воздуху, и сражение складывалось неудачно для защитников.

Теперь мы перейдем к случайным признакам изменения мнения. В каком-то смысле эти свидетельства значат больше, чем официальная литература. Однако их фрагментарный характер в лучшем случае не позволяет придавать им большого значения.

Если бы мы включили все упоминания о колдовстве в драматургии того периода, это обсуждение могло бы растянуться на длинную главу. Мы должны поспешно пропустить отрывки из драматургических произведений, но некоторые моменты следует отметить. Шекспир в пьесе *"Макбет"*, которую ученые обычно относят к 1606 году, использовал огромное количество колдовских преданий. Он использовал их с очевидной добросовестностью, хотя делать из этого вывод, что он сам в них верил, было бы опаснейшим шагом.^[51] Томас Миддлтон, чья *"Ведьма"*, вероятно, была написана несколько позже, и который, как считается, использовал Шекспира для создания некоторых материалов о ведьмах, не дает абсолютно никаких указаний на то, что в этой пьесе он не доверял тем рассказам о выступлениях ведьм, которыми он воспользовался. То же самое можно сказать о Деккере и о тех, кто сотрудничал с ним в написании *"Эдмонтонской ведьмы"*.^[52]

Мы можем пойти дальше и сказать, что ни в одной из этих трех пьес нет и намека на то, что существовали неверующие. Но когда мы переходим к Бену Джонсону, то сталкиваемся с другой историей. Мы не можем здесь рассматривать его различные пьесы. Достаточно сказать, что, по мнению внимательных комментаторов, он открыто или завуалированно высмеивал все якобы сверхъестественные явления своего времени.^[53] Возможно, поиск среди малоизвестных драматургов того периода мог бы обнаружить и другие свидетельства скептицизма. Мы не можем провести такой поиск. Однако следует отметить, что Томас Хейвуд в пьесе *"Поздние ланкаширские ведьмы"*^[54], которая подробно описана в предыдущей главе, заставляет одного из персонажей сказать:^[55] "Похоже, вы придерживаетесь мнения, что ведьмы существуют. Со своей стороны, я с трудом склоняюсь к мысли, что такие люди существуют".^[56] Эта речь тем более примечательна, что вера самого Хейвуда в колдовство, как уже отмечалось в другой связи, не вызывает сомнений.

Интерес к колдовству среди литераторов не ограничивался драматургами. Три прозаика, выдающиеся в свое время, обращались к этому вопросу. Бертон в своей *"Анатомии меланхолии"*^[57] признает, что "многие вообще отрицают существование ведьм, а если таковые и есть, то они не могут причинить никакого вреда". Но он говорит, что на другой стороне группируется большинство "юристов, богословов, физиков, философов". Джеймс Хауэлл, знаменитый автор писем середины века, испытывал такое же благоговение перед авторитетами: "Я говорю... что тот, кто отрицает, что существуют такие занятые духи и такие бедные пассивные существа, над которыми они работают, которых обычно называют ведьмами... показывает, что в нем самом есть дух противоречия".^[58] По его словам, существуют законы против ведьм, законы Парламента и законы в Священном кодексе.

Фрэнсис Осборн, литератор, чья репутация едва ли пережила свой век, но эссеист с большой известностью в свое время,^[59] был человеком, который сделал свое состояние,

плывя против, а не по ветру. Было принято верить в ведьм, и Осборн ни за что не стал бы придерживаться общепринятых взглядов. Он занял скептическую позицию,[60] и, возможно, как никто другой повлиял на то, чтобы эта позиция стала модной.

От этих менее ярких представителей литературного мира мы можем перейти к рассмотрению позиции, занятой тремя влиятельными в свое время людьми, чья репутация почти не померкла со временем: Бэконом, Селденом и Гоббсом. Не то чтобы их взгляды были показательны для своего времени, ведь каждый из них мыслил по-своему, и все трое во многих отношениях опережали свой день. Во времена правления Якова I Фрэнсис Бэкон написал книгу "*Сильва Сильварум*" и довольно случайно затронул тему колдовства. Он предупредил судей, чтобы они с осторожностью верили признаниям ведьм и уликам против них. "Ибо сами ведьмы мнительны и часто верят, что делают то, чего не делают; а люди легковверны в этом отношении и готовы приписать колдовству несчастные случаи и естественные действия. Стоит заметить, что... великие чудеса, о которых они рассказывают, - перенос по воздуху, перемещение в другие тела и т. д., - как утверждают, совершаются не с помощью заклинаний или церемоний, а с помощью мазей и помазывания себя со всех сторон. Это может справедливо натолкнуть человека на мысль, что эти басни - плод воображения".[61]

Конечно, все это звучит скептически. Однако во многом благодаря другому отрывку, который был небрежно прочитан, великий Бэкон был со слезами на глазах отнесен к числу самых слепых вождей слепых.[62] Внимательное сравнение его различных упоминаний о колдовстве убеждает в том, что, хотя он и верил в эту практику,[63] отчасти, возможно, из уважения к взглядам Джеймса,[64] он склонен объяснять многие описанные явления эффектами воображения[65] и действием "естественных причин", пока еще неизвестных.[66]

Бэкон, хотя и был юристом и человеком дела, придерживался точки зрения философа. У Джона Селдена мы получаем более непосредственную точку зрения юриста. В своей книге "*Застольная беседа*"[67] этот выдающийся юрист написал параграф о ведьмах. "Закон против ведьм, - заявил он, - не доказывает, что они существуют; но он наказывает злобу тех людей, которые используют такие средства, чтобы лишить людей жизни. Если кто-то будет утверждать, что, трижды повернув шляпу и воскликнув "Баз", он может лишить человека жизни (хотя на самом деле он ничего подобного сделать не может), все же это будет справедливый закон, принятый государством, что тот, кто трижды повернет шляпу и воскликнет "Баз" с намерением лишить человека жизни, должен быть предан смерти".[68] Что касается достоинств этой юридической шутки, то чем меньше сказано, тем лучше; но очень трудно увидеть в этом отрывке что-либо, кроме откровенного скептицизма в отношении силы ведьмы.[69]

Небезынтересно, что точка зрения Селдена в точности совпадала с точкой зрения философа Гоббса. Нет человека семнадцатого века, если только это не Оливер Кромвель или Джон Мильтон, чье мнение по этому вопросу мы хотели бы знать лучше, чем мнение Гоббса. В 1651 году Гоббс выпустил своего великого "*Левифана*". Здесь нет необходимости настаивать на широком влиянии этой работы. Однако следует отметить, что Гоббс не только положил начало новой философии, но и был воспитателем принца Чарльза[70] и должен был стать фигурой в правлении этого принца.[71] Работы Гоббса были направлены против суеверий во многих формах, но нам достаточно обратить внимание на его высказывание о колдовстве, которое ни в коем случае не ускользнуло от его современников. "Что касается ведьм, - писал он, - то я не думаю, что их колдовство представляет собой какую-либо реальную силу; но все же они справедливо наказываются за ложную веру в то, что они могут причинить такое зло, соединенную с их намерением сделать это, если они могут".[72] Возможно, великий философ

имел в виду тех претендентов на дьявольские искусства, которые понесли наказание, и таким образом защищал общество, избавившееся от хищного класса. В любом случае, защищая закон, он ставил себя в один ряд с неверующими в колдовство.

От этих мнений великих мы можем перейти к более тривиальным признакам смещения мнений, которые можно обнаружить в памфлетной литературе. Само собой разумеется, что авторы памфлетов верили в то, о чем говорили. Нас интересует не столько их открытая вера, сколько упоминание тех оппонентов, чьей численности они удивлялись и чье недоверие брались поколебать. Нигде лучше, чем в предисловиях памфлетистов, нельзя найти свидетельств растущего скептицизма. Рассказчик о делах в Нортгемптоне в 1612 году заявил, что его цель - убедить "многих, кто еще сомневается, есть ли ведьмы или нет".[73] Этот яркий недоброжелатель, мистер Поттс, сообщивший о делах в Ланкастере в 1612 году, очень кстати сообщает нам, что родственники и друзья Дженнет Престон, которая, как помнится, пострадала в Йорке, объявили все обвинение актом злого умысла.[74] Йоркширский поэт и джентльмен Эдвард Фэрфакс, который поднял такой шум из-за болезни двух своих дочерей в 1622 году и отправил бы за это на виселицу шесть существ, был очень откровенен, описывая противодействие, которое он встретил. Обвиняемые женщины находили сторонников среди "самых способных и самых понимающих".[75] По его мнению, существовало три типа людей, сомневающихся в этих вопросах: те, кто слишком многое приписывал естественным причинам и довольствовался тем, что называл явные случаи околдовывания конвульсиями; те, кто, когда заходила речь о колдовстве, говорили о феях и "ходячих призраках", и, наконец, те, кто верил, что ведьм не существует. "Такого мнения, как я слышал и видел, придерживаются многие, некоторые из них - люди достойные, религиозные и честные".[76]

Авторы памфлетов времен правления Джеймса приспособились к противостоянию. Авторы Гражданских войн и Содружества были готовы к насмешкам.[77] "Есть некоторые, - говорит рассказчик одной йоркширской истории, - кто считает, что нет ни Дивеллов, ни ведьм. Люди в наш век стали настолько злыми, что склонны верить, будто нет больших Дивеллов, чем они сами".[78] Другой автор, чтобы подкрепить свою историю перед скептически настроенной публикой, заявляет, что он "очень осторожен и с трудом верит отрывкам такого рода".[79]

Мы уже говорили, что рассказчики историй о ведьмах защищали себя от насмешек. Эти насмешки, очевидно, должны были часто встречаться в разговорах, но иногда они проникали даже в газеты и трактаты того времени. Гражданские войны привели к появлению регулярной лондонской прессы. Мы уже встречали в ней высказывания серьезных мнений.[80] Но не все они были такого рода. В 1654 году *Mercurius Democritus*, "Панч" своего времени, воспользовался случаем, чтобы посмеяться над историями о сверхъестественном, которые тогда были в ходу. В нем рассказывалось о странных историях транса и явлений, о призраке, который, по слухам, живет за границей, о женщине, повесившейся на табачной трубке. С очень широким юмором журнал пересказывал странные сообщения того времени и заканчивал предупреждением, что в "эти смутные времена" "праздной женщине" небезопасно смотреть на небо.[81]

Та же насмешливая недоверчивость проявилась в 1648 году в небольшой брошюре под названием *"Дьявол, увиденный в Сент-Олбансе, правдивый рассказ о том, как дьявола видели в погребке, в облике барана; и как мясник пришел и перерезал ему горло, и продал часть мяса, а остальное приготовил для себя, пригласив многих на ужин, которые и съели его"*. [82] Эта история была умной пародией на демонические трактаты, которые так часто выходили в волнительные времена войн. Автор ясно дал понять, что его история имеет равную ценность со всем, что когда-либо писал "Британник". [83] Важность этих указаний

можно переоценить. Но они означают, что были люди, достаточно смелые, чтобы высмеивать. Десятилетие или два спустя насмешки стали обоюдоострым ножом, режущим суеверия направо и налево. Но даже при ужасно серьезных пуританах скептицизм начал пользоваться этим оружием, от которого его вряд ли можно было обезоружить.

Проследивая историю мнений, мы должны снова упомянуть некоторые случаи, рассмотренные в предыдущих главах, - случаи, свидетельствующие о растущей силе сомнений. Читатель вряд ли забыл исход ланкаширских дел в 1633 году. Там епископ Бриджмен и король если и не дискредитировали колдовство, то дискредитировали его проявление в конкретном случае.^[84] Что касается Уильяма Харви, то после небольшого инцидента в Ньюмаркете он, вероятно, перестал верить во все это дело.^[85] Когда мы переходим ко времени Гражданских войн, мы не можем забыть, что Стерн и Хопкинс встретили противодействие не только со стороны министра Хантингдона, но и со стороны большой партии в Норфолке, которая в конце концов заставила колдуна защищаться в суде. Нельзя забывать и о колдуне из Бервика, которого отправили в полет обратно на родную северную землю, и об упорной миссис Машамп, которая бродила по Нортумберленду в поисках ордера и не нашла его.

Ход мнений весьма извилист. Мы следили за тем, как оно вьется туда-сюда на протяжении более чем полувека. Мы с максимальным уважением выслушивали капризы деревенских парсонов и университетских проповедников, мы слышали от ученых, от джентльменов, от юристов и людей дела, от медиков и философов. Сейчас их мнение и слова не имеют большого значения, но тогда они имели значение. Мы видели, как легко было впасть в заблуждение, что средний путь - это ближайшая истина. Путь был широк, и многие шли по нему. Но даже те, кто шел по этому пути, меняли свое направление. Ибо мнения менялись. С каждым десятилетием путники, как и те, кто отклонялся в сторону, так и те, кто следовал за толпой, становились немного ближе к истине.

[1] "Напечатано Кантрелом Легге, печатником Кембриджского университета" (1608, 1610).

[2] См. *"Рассуждения о проклятом искусстве колдовства"*, гл. VII, разд. I.

[3] Его литературный душеприказчик, Томас Пикеринг, бывший ученик Эммануэль-колледжа в Кембридже, а ныне "министр Финчингфилда в Эссексе", подготовивший *"Рассуждения"* к печати (как в отдельном виде, так и в составе собрания сочинений Перкинса) и посвятивший их сэру Эдварду Коуку, однако, ничего не говорит о Джеймсе, хотя в своем предисловии он упоминает шотландца по имени.

[4] Там же, гл. IV, разд. I. См. также гл. II.

[5] Там же, гл. VII, разд. II.

[6] Там же, гл. VI.

[7] Там же, гл. VII, разд. II.

[8] Там же, гл. VII, разд. II.

[9] Джеймс Мейсон, *"Мастер искусств"*, чья *"Анатомия колдовства"* ("напечатанная в Лондоне Джоном Легаттом, печатником Кембриджского университета", 1612 г.) ставит его в

хронологическом порядке рядом с Перкинсом, нуждается лишь в мимолетном упоминании. Он считает реальность колдовства само собой разумеющейся и посвящает себя аргументации против его использования.

[10] ... В "Описании истинного и правильного метода открытия". Котта был знаком с важнейшими судебными процессами своего времени. Он знал о процессах в Уорбойсе, Ланкастере и Йорке и, вероятно, близко соприкасался с делами в Нортгемптоне. Он также прочитал несколько книг на эту тему, таких как Скот, Виер и Перкинс. Поэтому его упущение работы короля Якова не только любопытно, но и важно. Второе издание его книги было опубликовано в 1625 году.

[11] См. *Triall of Witchcraft*, гл. XIV.

[12] См. там же, р. 48.

[13] Там же, 66-67.

[14] См. там же, гл. VI. Котта говорит об этом случае шестью годами ранее.

[15] *Ibid.*, 62, 66.

[16] *A Short Discoverie*, 70.

[17] *Triall of Witchcraft*, 83-84.

[18] *A Short Discoverie*, 51-53.

[19] *Triall of Witchcraft*, 70.

[20] Объяснение Робертса о склонности женщин к колдовству заслуживает отдельного упоминания. Женщины более доверчивы, более любопытны, "их цвет лица мягче", у них "больше возможностей для падения", больше желания отомстить и "у них скользкий язык". *Трактат о колдовстве*, 42-43.

[21] "В Чешире и Ковентри", - говорит он нам. "Разве Ковентри, - спрашивает он (стр. 16), - не был обычно преследуем этими адскими колдунами, где, по признанию одного из них, не менее трех десятков человек принадлежали к этой конфессии?... И не был ли я там по необходимости вынужден обнаружить этот выводок?"

[22] Все дело см. в Howell, *State Trials*, II.

[23] См. статью о Бернарде в *Dict. Nat. Biog.*

[24] См. ниже, приложение С, список дел о ведьмах под 1626 годом.

[25] См. "Руководство для Великих Юристов", Посвящение.

[26] Там же, 11-12.

[27] Там же, 53.

[28] Там же, 214.

[29] Так он поступил по поручению раскаявшегося мистера Эдмондса из Кембриджа, который однажды был допрошен университетскими властями за колдовство. Там же, 136-138.

[30] *Руководство для Великих Юристов*, 22-28.

[31] Он был "за закон, но против его исполнения".

[32] *Select Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft* (London, 1646).

[33] Там же, 92.

[34] Там же, 94, 97. То, что Гаул был пуританином, как утверждается, не следует из его книги. Если он посвятил *"Избранные случаи"* своему горожанину полковнику Уолтону, шурина Кромвеля, а *"Маг-астромант"* (более поздняя диатриба против современных суеверий) - самому Оливеру, то в его предисловиях нет ничего, что указывало бы на его принадлежность к их партии. Да и тон его сочинений не наводит на мысль о кальвинизме. То, что в 1649 году Гаул был выбран для проповеди перед присяжными Хантингдона, указывает, пожалуй, только на его популярность как лидера реакции против работ Хопкинса.

[35] *Antidote to Atheisme*, 129.

[36] Там же, 127-130.

[37] Там же, гл. VIII, 134.

[38] Там же, 135.

[39] См. с. 118. Этот трактат был впервые опубликован в 1655 году. Четыре года спустя, в 1659 году, он опубликовал *"Правдивое и верное повествование о том, что произошло... между доктором Джоном Ди... и некоторыми духами"* (*A True and faithful Relation of what passed... between Dr. John Dee, ... and some spirits*). В предисловии к ней он объявил о своем намерении написать работу, которую впоследствии опубликовал под названием *Of Credulity and Incredulity*.

[40] Мимоходом мы должны упомянуть Ричарда Фарнворта, который в 1655 году выпустил памфлет под названием *"Колдовство, изгнанное из религиозного семени и Израиля Божьего"*. Фарнворт был квакером и писал лишь для того, чтобы предостеречь своих собратьев от магии и колдовства. Он ни на секунду не усомнился в фактах колдовства и чародейства, а также в причастности к ним дьявола. Что касается ведьм, то они были обречены на вечное пребывание в озере огненном.

[41] *Деймонология и теология. Первая - "Болезнь...", вторая - "Средство"* (Лондон, 1650).

[42] Там же, 42.

[43] Там же, 16.

[44] См. введение к *"Рекламе"*.

[45] Далее Филмер отметил, что Септуагинта переводит еврейское слово "ведьма" как "аптекарь, лекарствовед, тот, кто соединяет яды".

[46] Лондон, 1656 год.

[47] Во втором издании книги Эди *"Совершенное разоблачение ведьм"* (1661), 134, поскольку книга Гауля тем временем попала к нему в руки, он говорит о Гауле как о человеке, "склонном к истине", но все же поколебленном традициями и авторитетом ученых. Он добавляет: "Мистер Гоул, если эта моя работа попадет к вам в руки, как ваша попала ко мне, не сердитесь на меня за то, что я пишу Божью истину".

[48] "...немногие мужчины и женщины, связанные по рукам и ногам, могут утонуть, пока не утонут" (*Candle in the Dark*, 100); "...очень немногие люди в мире не имеют частных знаков" (*Ibid.*, 127).

[49] Там же, 129.

[50] В "Причине книги" он писал: "Великое заблуждение последних веков - это приписывание власти ведьмам".

[51] См. недавнее обсуждение почти аналогичной темы профессором Элмером Столлом в *Publications of the Modern Language Association*, XXII, 201-233. Об отношении английских драматургов к Шекспиру можно узнать из книги Л. У. Кушмана *"Дьявол и порок в английской драматической литературе до Шекспира"* (Галле, 1900).

[52] Около 1622 года или вскоре после.

[53] См., например, введение г-на У. С. Джонсона к его изданию *"Дьявол - осел"* (Нью-Йорк, 1905).

[54] 1634. Эта пьеса была написана, конечно, в сотрудничестве с Бромом; см. выше, с. 158-160. Другие высказывания Хейвуда о колдовстве см. в его *"Иерархии блаженных ангелов"*, 598, и в его *"ГΥΝΑΙΚΕΙΟΝ: или Девять книг различных историй о женщинах"* (Лондон, 1624), lib. viii, 399, 407 и др.

[55] Акт I, сцена 1.

[56] В другой части той же сцены: "They that thinke so dreame", *то есть* те, кто верит в колдовство.

[57] Впервые опубликовано в 1621 г., однако я пользуюсь изданием Шиллето (Лондон, 1893 г.), которое следует за изданием 1651-1652 годов; см. pt. I, sect. II, memb. I, sub-sect. 3.

[58] Джеймс Хауэлл, *"Знакомые письма"*, II, 548.

[59] Его *"Советы сыну"*, впервые опубликованные в 1656-1658 годах, выходили из издания в издание. Она очень занимательна. Его настоятельный совет не жениться произвел фурор среди молодых оксфордцев.

[60] *Сочинения Фрэнсиса Осборна* (Лондон, 1673), 551-553.

[61] *Сочинения Бэкона* (изд. Спеддинг, Лондон, 1857-1858), II, 642-643.

[62] "Сообщается, что мазь, которую используют ведьмы, делается из жира детей, выкопанных из могил; из соков малаги, волчьего лыка и сабельника, смешанных с мукой из мелкой пшеницы; но я полагаю, что лучше всего для этого подходят сопорообразующие лекарства". См. *Sylva Sylvarum*, cent. X, 975, в *Сочинениях*, изд. Spedding, II, 664. Но даже этот отрывок показывает Бэкона скептиком. Его предположение о том, что сопористые лекарственные средства скорее всего делают это, означает, что он считает галлюцинации ведьм субъективными и вызванными наркотиками. Другие ссылки на эту тему см. в *Сочинениях*, II, 658, 660; VII, 738.

[63] *De Argumentis*, bk. II, гл. II, в *Сочинениях*, IV, 296; см. также там же, III, 490.

[64] *Advancement of Learning*, bk. II; там же, III, 490.

[65] *Сочинения*, IV, 400-401.

[66] Там же, IV, 296.

[67] Selden, *Table Talk* (London, 1689). Предполагается, что книга была написана в последние двадцать лет жизни Селдена, то есть между 1634 и 1654 годами.

[68] Selden, *Table Talk*, s. v. "Witches".

[69] Селден также не верил в собственность. См. его эссе о дьяволах в "Застольной беседе".

[70] См. статью о Гоббсе в *Dict. Nat. Biog.*

[71] См., например, "Историю своего времени" епископа Бернета (Оксфорд, 1823), I, 172, 322-323.

[72] *Леваифан* (1651), 7. См. также его *Диалог об общих законах Англии* в *Сочинениях* (изд. Лондон, 1750), 626: "Но я не хочу рассуждать на эту тему; ибо, хотя, без сомнения, в этих преступлениях есть некое великое зло, но я никогда не находил себя слишком тупым, чтобы понять их природу или то, как дьявол имеет силу делать многие вещи, в которых обвиняют ведьм". См. также его главу о деймонологии в "*Леваифане*" в *Сочинениях*, 384.

[73] Он продолжает: "Некоторые утверждают (но насколько разумно, пусть судит мудрейший), что все колдовство, о котором говорят священные писатели или о котором свидетельствуют другие авторы, что оно было у язычников или в более поздние времена, было и есть не что иное, как либо родство [он читал по-шотландски], либо сговор, так что, по мнению этих людей, Дьявол никогда не делал и не может делать ничего с помощью ведьм". *The Witches of Northamptonshire*, ... A 4.

[74] Potts, *The Wonderfull Discoverie* ..., X 4 verso.

[75] Fairfax, *A Discourse of Witchcraft* (Philobiblon Soc.), 12.

[76] *Ibid.*, 20.

[77] Следует упомянуть один примечательный случай. Г. Ф., рассказчик об эссекском деле 1645 года ("*Правдивая и точная история*"), не только признавал сильную позицию тех, кто сомневался, но и сам ни в коем случае не был крайним. "Я не сомневаюсь, - писал он, - но эти вещи могут показаться столь же невероятными для одних, сколь и предметом восхищения для других..... Самым большим сомнением и вопросом будет, в силах ли дьявол совершить такое перемещение и локальный перевод тел ведьм..... И являются ли эти сверхъестественные дела, которые выше сил человека, и приличествуют только Духам, настоящими или только воображаемыми и надуманными." Писатель приходит к выводу, что дьявол имеет власть распоряжаться телами и перемещать их, но что касается превращения их в животных, то, по его мнению, это "всего лишь шутовские превращения".

[78] *Самое правдивое и удивительное повествование о двух женщинах, околдованных в Йоркшире...* (1658).

[79] "Relation of a Memorable Piece of Witchcraft at Welton near Daventry", in Glanvill, *Sadducismus Triumphatus* (London, 1681), pt. ii, 263-268.

[80] Выражение о преследовании в 1645 году см. выше, с. 179-180.

[81] *Меркурий Демокрит*, 8-15 февраля 1654 г.

[82] 1648. Это следует отличать от "*Заблуждения Дивелса...*", 1649 г. (см. выше, гл. IX, прим. 8), где речь идет о двух ведьмах, казненных в Сент-Албане.

[83] Правда в том, что газеты, памфлеты и т. д. были полны подобных историй. И им верили многие умные люди. Тот, кто просмотрит "*Мемории*" Уайтлока, может прочесть, что этот человек был крайне суеверен. Будь то сообщение о всаднике, которого видели в воздухе, или рассказы о ведьмах в Бервике, Уайтлок был одинаково заинтересован. Хотя он просто записывал сообщения других людей, в них нет и следа скептицизма.

[84] См. выше, с. 152-157.

[85] См. выше, с. 160-162.

ГЛАВА XI.

Колдовство при Карле II и Якове II.

Ни в один период английской истории не наблюдалось более широкого интереса к как к теории, так и к практике колдовства, чем в годы, следовавшие за Реставрацией. На протяжении двадцати восьми лет, которые длилось второе правление Стюартов, дьявол проявлял себя во многих формах и с необычайной частотой. Особенно в первой половине этого периода его появления носили настолько захватывающий характер, что враги нового короля вполне могли бы сказать, что Лукавый, как и Карл, снова пришел к своим. Ведьмы появлялись по всему королевству. Если общее количество судебных процессов и казней не дотягивало до показателей времен правления Якова I или Гражданской войны, то, тем не менее, тревога была распространена как никогда ранее. Не менее чем в двадцати графствах Англии были обнаружены и преданы суду ведьмы. До этого времени, насколько можно судить по печатным документам, юго-западные графства не вызывали особого беспокойства. Теперь же центром паники стали Сомерсет, Девон и Корнуолл. На севере Йоркшир начал завоевывать репутацию центра активности, которую долгое время удерживал Ланкашир. Не то чтобы ведьма была новым преступником в йоркширских судах. Во время Гражданских войн и следовавших за ними смутных лет первооткрыватели были активны. Но с воцарением Карла II их рвение значительно возросло. И если раньше они никогда не приводили в суд мирового судьи столько "подозреваемых", то никогда раньше они не были так часто обескуражены результатом. Среди множества подобных дел, известных нам за это время, нет ни одного упоминания о приговоре.[1] В Кенте возрождались старая ненависть к ведьмам. В год, когда Карл занял трон, город Кентербери отправил несколько женщин на виселицу. В Эссексе все было иначе. В этом графстве не зафиксировано ни одного случая за этот период. В Мидлсексе, графстве, которое со времен Елизаветы и до Реставрации оставалось очень ровным - среди множества оправдательных приговоров то и дело попадались обвинительные, - в правление Карла II не было ничего серьезнее некоторых обязательств и освобождений под залог. В графствах Мидленда, где во времена Якова I процветали суеверия, теперь время от времени рассказывали об одержимости и выдвигали неясные обвинения, которые редко доходили до ушей судей присяжных. Нортгемптон, где была осуждена ведьма-зажигательница, стал единственным исключением. В Восточной Англии было достаточно шума, чтобы доказать, что времена Мэтью Хопкинса не забыты.

Нет нужды указывать на то, что большая часть дел была повторением предыдущих процессов. Если и можно заметить разницу, то она заключается в увеличении числа обвинений, начало которым положили странные болезни, называемые одержимостью.

После окончания XVI века и деятельности Джона Даррела число случаев одержимости заметно сократилось, но в последней трети XVII века наблюдается явное возрождение этой тенденции приписывать определенные формы болезней действию дьявола. У нас есть ссылки на многие случаи, но только в исключительных случаях приводятся подробности. Оливер Хейвуд, один из выдающихся диссентеров северной Англии, постился и молился вместе со своими коллегами над судорожными и истерическими мальчиками и девочками в Вест-Райдинге. Натан Доджсон после долгих постов был оставлен в "очень благоразумном состоянии"[2], но проблемы вернулись и привели, как мы увидим в другой связи, к очень трагическим результатам. Однако пуританские священнослужители, похоже, не обладали каким-либо высокоразвитым методом экзорцизма и не рассматривали случаи одержимости в свете, сильно отличающемся от того, в котором они рассматривали бы обычные болезни.

Среди баптистов Йоркшира был случай одержимости, вызвавший широкий резонанс. Мэри Холл из Литтл-Гаддесдена в Хартфордшире, дочь кузнеца, была одержима осенью 1663 года двумя духами, которые, как говорят, явились к ней, спускаясь по дымоходу на палке. Духи объявили через девочку, что их послала добрая жена Харвуд, и когда подозреваемую женщину привели к девочке, духи закричали: "О, добрая жена Харвуд, вы пришли? Это хорошо; ...мы пытались задушить ее, но не смогли", и, когда госпожа Харвуд ушла, духи умоляли пойти с ней.[3]

В Саутварке Джеймс Барроу, сын Джона Барроу, долгое время был одержим, и ни "доктора, ни астроло геры, ни аптекари" не могли ему помочь. Его отвели к католикам, но безрезультатно. В конце концов он был брошен среди "бедных удрученных людей, которых Господь взял в Свою руку как орудие для совершения этого великого дела".[4] Под "бедным удрученным народом" почти наверняка подразумевались баптисты.[5] Благодаря их помощи он, похоже, был исцелен. Так же поступила и Ханна Крамп из Уорика, которая была поражена колдовством и помещена в лондонскую больницу. Благодаря молитве и посту она полностью выздоровела.

Мэри Холл отвезли к доктору Вудхаусу из Беркхэмпстеда, "человеку, известному своими исцелениями заколдованных людей". Имя Вудхауса то и дело всплывает в записях того времени. На самом деле он был очень типичным образцом знахаря. Когда к нему обратилась Мэри Холл, он отрезал кончики ее ногтей и "с некоторым добавлением" подвесил их в дымоходе на ночь, прежде чем поставить диагноз.[6] Он признавался, что находит и краденые вещи, и в одном случае попал под суд, вероятно, потому, что женщина, обратившаяся к нему, не смогла заплатить шиллинг.[7] Он был привлечен к суду и провел срок в тюрьме. Несомненно, многие знахари знали, как устроены тюрьмы, и после этого возвращались к успешной практике. Редман, "о котором одни говорят, что он колдун, другие - что он честный и способный знахарь", побывал в тюрьме, но, тем не менее, после этого у него была "богатая практика", и о нем много говорили "в отдаленных уголках", и все это несмотря на то, что он был "не сведущ в языках".[8]

Обычно, конечно, знахарем становилась бедная женщина, которая была очень рада получить время от времени грошовую плату, но рисковала попасть на виселицу больше, чем ее конкуренты-мужчины. Ее репутация, которая приносила ей немного денег от больных и от тех, кто потерял ценности, делала ее в то же время успешной попрошайкой. Те, кого она просила, боялись ей отказать. Но она постоянно находилась в опасности. Если она обижалась на плохое обращение, если она давала на зло столько же, сколько брала, то непременно попадала в руки сурового мирового судьи. Вряд ли можно сомневаться в том, что значительная часть тех, кого в конце концов повесили за колдовство, после Реставрации, как и в любой другой период, на самом деле претендовала на мастерство в магических

искусствах. Несомненно, некоторые из них даже торговали на страхе, который они внушали. Не мало несчастных существ, доставленных в замок Йорк для суда, были "инчантерами".

Очень часто женщина, которая была не более чем повитухой и, возможно, немного разбиралась в медицине, легко причислялась обществом к обычным знахарям и приобретала дурную славу. Независимо от того, оправдывала она свое имя или нет - а соблазн сделать это был бы велик, - с этого момента она стала бы объектом подозрений и в конце концов могла бы стать жертвой мирового судьи. Миссис Пеппер была не более чем акушеркой, которая также проводила некоторые простые медицинские осмотры, но когда с одной из ее пациенток происходило "странное обращение", ее отдавали под суд.^[9] Маргарет Стотхард, вероятно, насколько мы можем судить по ее истории, была женщиной, которая успешно успокаивала капризных детей и таким образом завоевала себе репутацию ведьмы. Несомненно, со временем она освоила несколько трюков чародея, которые укрепили ее репутацию и расширили практику. Все шло хорошо, пока один из ее пациентов не умер. Тогда ее отвезли в Ньюкасл, и, возможно, ее ждала бы смерть, если бы не мудрый судья.^[10]

Это типичные случаи. Будущий целитель больных рисковал, и не всегда только от того, что не смог вылечить. Если знахарь оказывался не в состоянии принести облегчение пациенту, легко было предположить, что другой знахарь - а такими обычно были женщины - околдовал больного. Существует множество случаев, и они не ограничиваются конкретным периодом, с которым мы имеем дело, когда одна "добрая ведьма" начинала подрывать репутацию другой. Даже обычный врач иногда мог поддаваться искушению подавить конкурентов.

Конечно, если рассматривать все случаи, лишь очень небольшая часть "добрых ведьм" попадала в лапы закона. Закон предусматривал вполне определенные наказания за их деятельность, но в большинстве случаев никаких действий не предпринималось до тех пор, пока не накапливались "подозрительные обстоятельства", а если и предпринимались, то шансы, как мы видели, к этому времени были явно в пользу обвиняемого.

Это ни в коем случае не означает, что судьи и присяжные Англии перешли на сторону ведьмы. Период, с которым мы имеем дело, был отмечен разнообразием решений, что свидетельствует о недоумении судей и присяжных. Действительно, из восьмидесяти - ста дел, по которым были выдвинуты обвинения, менее двадцати ведьм были повешены. Но это не значит, что шесть раз из каждых семи суды выносили решения против факта колдовства. В случае с шестью освобожденными не было очень большого количества доказательств против них, которые нужно было учитывать, или, возможно, не было сильного народного течения, которое нужно было остановить. В целом можно сказать, что суды по-прежнему поддерживали закон Якова I.

Чтобы доказать это, необходимо остановиться на некоторых из ведущих судебных процессов того периода. Мы кратко рассмотрим четыре процесса, которые вели судья Арчер, главный барон Хейл, судья Рейнсфорд и судья Реймонд.

Джулиан Кокс, которая была одной из "язвительного выводка" ведьм, выслеженных в Сомерсете агрессивным судьей Робертом Хантом, предстала перед судьей Арчером в 1663 году в Таунтоне.^[11] Обвинения против нее вызвали такой интерес по всей Англии и столько насмешек со стороны неверующих, что нам будет нелишним остановиться на основных пунктах доказательств. Главным свидетелем против нее был егерь, который рассказал странную историю. Он запустил зайца и погнал его за куст. Но когда он подошел к кусту, то

обнаружил там Джулиана Кокса, сгорбленного и совсем запыхавшегося. Другой свидетель рассказал о ней странную историю. Она пригласила его подняться к ней на крыльцо и выкурить с ней трубку табака. Когда он был с ней и курил, то увидел между ног жабу. Вернувшись домой, он достал трубку, снова закурил и снова увидел между ног ту же самую жабу. "Он вытащил жабу, чтобы убить ее, и, подумав, разрезал ее на несколько частей, но, вернувшись к своей трубке, жаба все еще появлялась..... В конце концов жаба закричала и исчезла". Третий свидетель видел, как обвиняемая влетела в ее окно "во всей своей красе". Эта ткань доказательств была, пожалуй, самой абсурдной из всех, когда-либо использованных против ведьмы, но присяжные вынесли обвинительный вердикт. Неприятно осознавать, что судья Арчер подвергся немалому количеству критики за свое участие в этом деле.

В следующем году состоялся суд в Бэри-Сент-Эдмундс, интерес и значение которого во многом обусловлены позицией председательствующего судьи, сэра Мэтью Хейла, который в это время был главным бароном казначейства, а позже стал главным судьей королевской скамьи. По признанию одного не слишком дружелюбного к нему человека, он был признан "самым глубоким юристом своего времени".^[12] Хейл с юности был пуританином, хотя и не из тех, кто придерживается жестких или теологических взглядов. Во время Гражданских войн и последовавших за ними событий он оставался беспартийным. Он принял должность от Кромвеля, хотя, без сомнения, мягко симпатизировал королю. Один из тех, кто содействовал отзыву Карла II, он вскоре стал главным бароном казначейства. Известный своей тщательностью и аргументированным толкованием законов, он оставил после себя высокую репутацию за справедливость и исключительную точность своих решений. Не будет лишним сказать, что он был одной из величайших юридических фигур своего века и что его решения в немалой степени способствовали исправлению законодательства.

Нам хотелось бы знать, насколько он был связан с темой колдовства, но мы можем только догадываться. Его ранняя карьера в немалой степени была сформирована Селденом, который, как уже отмечалось в предыдущей главе, верил в наказание тех, кто утверждал, что является ведьмой. Небезосновательно полагать, что пуритане, с которыми его свела судьба, все до одного были готовы цитировать Писание против приспешников Сатаны. Мы знаем, что он читал некоторые работы Генри Мора,^[13] и, независимо от того, был ли он знаком с его главами о колдовстве или нет, мог бы вывести из общей философии духов этого писателя конкретное применение.

Судебное разбирательство касалось двух жительниц Лоустофта, Эми Дьюни и Роуз Каллендер. Первая считалась ведьмой и "человеком очень дурного поведения". По всей вероятности, она состояла в родстве с некоторыми из тех женщин, которые пострадали от рук Хопкинса, и именно этой связи была обязана своим дурным именем. Примерно за шесть или семь лет до даты суда она попала в беду, ухаживая за ребенком одного из торговцев в Лоустофте. По-видимому, вопреки приказу матери, она сосала ребенка. В ту же ночь у ребенка начались приступы, и знахарь из Ярмута, к которому обратились за консультацией, прописал ему лекарства. Читатель заметит, что это "подозрительное обстоятельство" произошло за семь лет до этого, и большая часть доказательств, представленных в суде, касалась событий, произошедших за пять-семь лет до этого.

Мы не можем вдаваться в подробности судебного процесса, изобиловавшего любопытными уликами. Основная интрига действительно была старой. Обвиняемая женщина, после того как ее уволили с работы и упрекнули, стала выкрикивать угрозы, после чего дети тех, кого она проклинала, которые теперь выступали против нее свидетелями, заболели. Двое из детей сильно страдали и страдают до сих пор. Они выбросили булавки и даже двухпенсовый

гвоздь. Гвоздь, который был представлен в суде в качестве вещественного доказательства, был принесен одной из детей пчелой и засунут в рот ребенка, после чего она его изгнала. Этот рассказ стоял в одном ряду с другим, согласно которому мухи приносили ребенку кривые булавы. И мухи, и пчелы, как можно понять, были ведьмами в другом обличье. Аналогичным свидетельством было и то, что жаба, найденная в результате указаний знахаря, была брошена в огонь, после чего раздался резкий треск. Когда этот инцидент был засвидетельствован в суде, судья прервался, чтобы спросить, не было ли после взрыва в огне видно вещество жабы. Ему ответили отрицательно. На следующий день Эми Дьюни обнаружила, что ее лицо и тело полностью обожжены. Она сказала свидетельнице, что "может поблагодарить ее за это". Не может быть никаких сомнений в том, что это свидетельство о совпадении сожжения женщины и жабы было расценено как уничтожающее доказательство, и нет никаких оснований полагать, что суд счел необходимым сослаться на слова одного-единственного свидетеля в подтверждение этого факта. Наряду с такого рода необоснованными свидетельствами была представлена однообразная масса спектральных доказательств. Явления ведьм были постоянным поводом для пароксизмов у детей. В связи с этим следует отметить, что в последней половине XVII века эта форма доказательств становилась все более распространенной. Вряд ли можно сомневаться в том, что так или иначе использование подобных доказательств в Бьюри повлияло на другие судебные процессы и, в частности, на Салемские дела в Новом Свете, где доказательствам такого рода придавалось огромное значение.

Обычное тошнотворное свидетельство о дьявольских метках было представлено показаниями матери одного из околдованных детей. За месяц до этого она была членом жюри присяжных, назначенных мировым судьей для осмотра тела обвиняемой. Против этой женщины были найдены самые убедительные доказательства. Нам очень трудно понять, почему Хейл позволил дать показания в качестве одной из присяжных матрон женщине, которая в то же время была матерью одного из околдованных детей, от которых во многом зависело обвинение.

До сих пор обвинение было очень убедительным, но именно во время финальных экспериментов в суде, которые должны были скрепить доказательства, произошел очень серьезный казус. В суд был доставлен околдованный ребенок одиннадцати лет. С закрытыми глазами и откинутой на барную стойку головой она молчала до тех пор, пока к ней не подвели одну из обвиняемых, и тогда она сразу же стала неистово пытаться ее поцарапать. Это пытались делать снова и снова, и в каждом случае результат был один и тот же. Видимо, спектакль произвел должный эффект. Но на суде случайно присутствовали три сержанта закона. Один из них, сержант Джон Келинг, через несколько лет ставший главным судьей королевской скамьи, был "очень недоволен". Он настаивал на том, что сам факт того, что дети были околдованы, не дает им права называть авторов их несчастья. Были и другие присутствующие, которые согласились с Келингом в подозрениях относительно действий девушки на скамье подсудимых. В конце концов барона Хейла убедили назначить комиссию из нескольких джентльменов, включая сержанта Келинга, чтобы провести суд над девушкой с закрытыми глазами. К ней подвели постороннего человека и дотронулись до ее руки. Девушка ожидала, что к ней подведут Эми Дьюни, и впала в обычный пароксизм. Именно этого и ожидали члены комитета, которые заявили, что вся эта операция - сплошное надувательство. Можно было бы предположить, что все остальные должны были прийти к такому же выводу, но мистер Пэйси, отец девушки, предложил объяснение ее ошибки, которое, похоже, нашло поддержку. По его словам, служанка "могла обмануться, заподозрив, что ведьма прикасалась к ней, хотя это было не так". Можно предположить, что это тонкое предположение разрушило бы чары, и мистер Пэйси был бы поднят на смех. Увы,

юмор в зале суда XVII века был редкостью! Объяснение не только было воспринято всерьез, но и, по словам судебного репортера, впоследствии оказалось правдой.

Тем временем были привлечены эксперты. Трудно сказать, был ли доктор Браун привлечен к этому делу или просто случайно оказался рядом. Во всяком случае, к нему обратились, чтобы он высказал свое мнение как медик. Имя Томаса Брауна - выдающееся в английской литературе и небезызвестное в анналах английской медицины и науки. Более чем за двадцать лет до этого он выразил веру в реальность колдовства.^[14] В своей *Commonplace Book*, представляющей собой серию записей, которые он делал на протяжении всей жизни, он подтвердил свою веру, но выразил сомнение в связи между одержимостью и колдовством.^[15]

Нам было бы интересно узнать, в какое время Браун написал это выступление; ведь когда к нему обратились в Бьюри, он не стал применять свои принципы осторожности. Он высказал свое мнение, что околдование двух девушек было настоящим. Рвота иглами и гвоздями очень напомнила ему недавний случай в Дании. На мгновение лекарь заговорил, заявив, что "эти мечущиеся Припадки были естественными". Но именно студент богословия XVII века продолжил: они были "усилены до чрезмерности изощренностью дьявола, сотрудничающего со злобой тех, кого мы называем ведьмами, по чьей инициативе он совершает эти злодеяния".

Несомненно, слова Брауна подтвердили настроение зала суда и укрепили доводы обвинения. Но внимательный читатель не упустит из виду, что он ни в коем случае не утверждал, что виновны те, кто выступал в суде.

Когда судья пришел к выводу, что заключенным "нечего сказать в свое оправдание", он обратился к присяжным. Возможно, потому, что у него самого не было полной ясности в отношении существа дела, он отказался подвести итог доказательствам. Мы не можем понять, почему он не продолжил тесты, которые убедили Келинга в мошенничестве, или почему он не задал вопросы, которые выявили бы слабость показаний. Нельзя не подозревать, что критические замечания Норта о том, что он "склоняется к популярности" и что он приобрел такой "трансцендентный" авторитет, что ему нелегко возразить,^[16] были совершенно точны. Во всяком случае, он обошел все доказательства и заявил, что перед присяжными стоят две проблемы: (1) были ли эти дети околдованы, (2) виновны ли в этом заключенные, находящиеся в суде? Что касается существования ведьм, то он никогда не сомневался в этом. Писание утверждало это, и во всех странах существовали законы против таких людей.

В следующее воскресенье барон Хейл написал размышление на эту тему. К сожалению, это была просто диссертация по текстам Священного Писания, и закон в ней не затрагивался ни разу.

Для самого случайного читателя очевидно, что у сэра Мэтью Хейла был шанс предвосхитить работу верховного судьи Холта и он его упустил. В девяностых годах семнадцатого века, как мы увидим, на посту верховного судьи был человек, осмелившийся отменить закон Якова I. Не будет лишним сказать, что Мэтью Хейл с помощью другого обвинения присяжных мог бы с такой же легкостью заставить течение судебных решений течь в пользу обвиняемых ведьм по всей Англии. Его вес был переброшен в другую сторону, и противники ведьм еще полвека ссылались на имя Хейла.^[17]

Существует интересная, хотя и не заслуживающая доверия история, рассказанная спикером Онслоу^[18], писавшим столетие спустя, о том, что Хейл "впоследствии сильно изменился в

своих взглядах на этот вопрос, и его сильно беспокоило то, что постигло этих людей". Это кажется тем более сомнительным, что нет ни малейшего доказательства того, что решения Хейла вызвали хоть слово критики среди его современников.^[19] Его имя было так сильно заморожено, что даже такой человек, как Джон Уэбстер, не осмелился прокомментировать его решение. И действительно, почти до середины XVIII века никто не считал, что это решение требует извинений.

Третье примечательное решение по поводу преступления колдовства в этот период было вынесено несколько лет спустя в Уилтшире судьей Рейнсфордом. История, как он сам рассказал ее своему коллеге, была такова: "В Солсбери привезли ведьму и судили ее. Сэр Джеймс Лонг пришел к нему в палату и стал усиленно жаловаться на эту ведьму и сказал, что если она сбежит, то его поместье ничего не будет стоить, потому что все люди уйдут. Случилось так, что ведьму оправдали, а рыцарь продолжал сильно беспокоиться; поэтому судья, чтобы спасти имущество бедного джентльмена, приказал держать женщину в тюрьме, и чтобы город выплачивал ей 2s. 6 д. в неделю; за что он был очень благодарен. На следующей же ассамблее он пришел к судье с просьбой, чтобы его светлость позволил ей вернуться в город. И почему? Там ее можно держать за 1 шиллинг. 6 д. там; а в тюрьме она обходилась им на шиллинг дороже".^[20] Другое дело, рассматриваемое судьей Рейнсфордом, показало, что он был менее снисходителен. Совершенно случайно в нашем распоряжении оказалось письмо, написанное в то время одним из мировых судей в Малмсбери, которое проливает свет на это дело и на правовой статус колдовства в то время.^[21] Некая Энн Тиллинг была взята под стражу по жалобе миссис Вебб из Малмсбери. У сына последней случались приступы обморока, в которых он обвинял Энн в том, что она его околдовала. Энн Тиллинг дала чистосердечное признание, обвинив Элизабет Пикок и Джудит Витчелл, которые, по ее словам, вовлекали ее в свои злые искусства. Были названы и другие ведьмы, и за короткое время под обвинениями оказались двенадцать женщин и двое мужчин. Но олдермен Малмсбери, который был главным судьей этого города, счел разумным, прежде чем идти дальше, позвать четырех мировых судей этого района графства. Трое из этих мировых судей пришли, выслушали признания и уже собирались составить миттимус для отправки одиннадцати обвиняемых в Солсбери, когда прибыл четвертый судья, человек, о котором мы рассказываем эту историю. Он, по его собственному признанию, не был "очень доверчив в вопросах колдовства" и обратился к остальным судьям с речью. "Джентльмены, то, что делается в этом месте, в бору, удаленном от центра этого большого графства, и почти в сорока милях от Солсбери, будет израсходовано [*sic*] и преподобными судьями, и ученым советником..., и дворянами всего графства, так что если что-то будет сделано здесь необдуманно, это будет сурово осуждено". Далее он указал на опасность того, что мальчик, чьи припадки стали причиной столь сильного волнения, может оказаться самозванцем, а Энн Тиллинг, давшая чистосердечное признание, может быть в сговоре с родителями. Скептически настроенный судья, который, несмотря на свою хвастливую недоверчивость, верил в реальность колдовства, добился успеха у своих коллег. Все обвиняемые, кроме Тиллинга, Пикок и Витчелла, были уволены. Их отправили в Солсбери и судили перед сэром Ричардом Рейнсфордом. Элизабет Пикок, которую ранее судили по аналогичному обвинению, была отстранена от должности. Двое других были приговорены к повешению.^[22]

Десять лет спустя было вынесено четвертое примечательное решение против колдовства, на этот раз судьей Реймондом на сайте Эксетера. За прошедшие годы в Англии было множество дел и несколько повешений, но ни одно из них не привлекло внимания. И только летом 1682 года, когда три жительницы Девоншира предстали перед судом и были

отправлены на виселицу судьей Раймондом,^[23] общественность вновь осознала, что колдовство все еще поддерживается судами.

Сами по себе судебные процессы не отличались особым размахом. По крайней мере, две из трех женщин были нищими; вторая, которая была первой обвиняемой и которая, по всей вероятности, привлекла двух своих спутниц, уже дважды привлекалась к суду, но была отпущена. Улики, представленные против них, состояли из обычных заявлений под присягой, сделанных соседями мировому судье, а также из едва ли связных признаний обвиняемых. Повторение молитвы "Отче наш" и результаты допросов, проведенных женщинами-присяжными, были подробно описаны *ad nauseam*. Бедняги на суде были удивительно глупы, даже для существ их класса. Их несколько признаний не совпадали друг с другом ни по одному пункту.

Сэр Томас Реймонд и сэр Фрэнсис Норт были судьями, присутствовавшими на Эксетерских слушаниях. К счастью, последний оставил свои впечатления об этом процессе.^[24] Он признается, что суды над ведьмами беспокоили его, потому что улики обычно были незначительными, а люди были очень заинтересованы в вынесении обвинительного приговора. Он был очень рад, что в Эксетере его коллеге, выступавшему на "стороне короны", пришлось нести ответственность.^[25] Две женщины (больше он, кажется, не знал ни одной) были едва живы в смысле чувства и понимания, но были "переполнены меланхолией и бодрствующими снами". Кроме признаний, другие доказательства он считает ничтожными, и приводит показания свидетеля, который "видел, как в сумерках в окно ее (старухи) впрыгнула кошка; и этот информатор далее утверждает, что он искренне верит, что упомянутая кошка - дьявол, и больше ничего не говорит". Раймонд, по словам его коллеги, не делал никаких красивых различий в том, что меланхоличные женщины могут составить о себе ложное мнение, а предоставил этот вопрос на усмотрение присяжных.^[26]

Мы уже упоминали, что решения судов далеко не во всех случаях были неблагоприятны для ведьм. Почти одновременно с далеко идущим приговором сэра Мэтью Хейла в Бэри проходили судебные процессы в Сомерсете, где мухи, гвозди и иглы играли аналогичную роль, но исход был совершенно иным. Ревностный мировой судья Роберт Хант в течение последних восьми лет занимался поиском ведьм. В 1663 года он передал Джулиана Кокса на милость судьи Арчера. К 1664 году он обнаружил "адский узел" из злых женщин и стал брать на них показания, выбивать из них признания и со всей возможной скоростью отправлять в тюрьму.^[27] Женщины были обычного класса - стадо бедных ссорящихся и препирающихся женщин, которые ходили из дома в дом, прося милостыню. По количеству обвиняемых это открытие напоминало то, что произошло в Ланкастере в 1633-1634 годах, как, впрочем, и в других отношениях. Было признано, что это собрание ведьм или конвент. Графство пугали и развлекали самыми ужасными историями, как вдруг "некоторые из власть имущих" положили этому делу конец. Погоня за ведьмами, которая во времена Гражданских войн привела бы к трагедии, была прервана, вероятно, благодаря вмешательству тайного совета, менее опасавшегося народных настроений, чем судьи присяжных.

Дело Момпессона^[28] имело не меньшее значение для своего времени, хотя оно относится скорее к анналам хитрости, чем к анналам колдовства. Но сенсация, которую оно вызвало в Англии, и споры, которые велись по этому поводу между сторонниками колдовства и "саддукеями", придают этой истории значительный интерес и делают исход судебного процесса важным. Единственный случай такого рода в свое время, он, тем не менее, был наиболее типичным для суеверий того времени. Маленький городок в Уилтшире был потревожен бродячим барабанщиком. Самозваного шумахера призвал к ответу незнакомый житель деревни, мистер Момпессон из Тедворта, который, осмотрев его лицензию, увидел,

что она поддельная, и отобрал ее у него. Так, во всяком случае, рассказывал мистер Момпессон о том, как он навлек на себя недоброжелательность этого человека. Барабанщик отомстил необычным способом. Через несколько дней семью Момпессонов в Тедворте стали донимать по ночам странные звуки и барабанный бой на крышах. Все явления и проявления, которые мы связываем с современной историей о доме с привидениями, наблюдались этой встревоженной семьей XVII века. Маленькие девочки по ночам ворочались в своих кроватках, крепкого слугу насильно держали за руки и за ноги, детские башмачки разбрасывали, стулья скользили по комнате. Казалось бы, все эти дерзкие игры должны были вскоре стать достоянием общественности, но они весело продолжались. Когда звучала какая-нибудь мелодия, ее исполняли на барабане. Семейная Библия была брошена в пепел вверх ногами. Однако на три недели духи прекратили свою деятельность во время лежания миссис Момпессон. Но они старательно избегали слуг семьи, особенно когда те оказывались вооружены мечами. А они могли бы, ведь нам рассказывают, что в одном случае после пистолетного выстрела в том месте, где их услышали, на месте была обнаружена кровь. В другом случае, согласно собственному рассказу мистера Момпессона, были замечены фигуры "в форме мужчин, которые, как только раздавался выстрел, вместе уходили в беседу".

Совершенно очевидно, что г-ну Момпессону был предложен несколько неуклюжий обман. Современник рассказывает, что ему сказали, что это сделали "две молодые женщины в доме с целью запугать мать мистера Момпессона".^[29] Из других источников можно с уверенностью сказать, что к этому делу приложил руку раненый барабанщик. Очень похожая игра была сыграна в Вудстоке в 1649 году и стала комедийной ситуацией, которую Скотт блестяще использует в своем одноименном романе. Вполне возможно, что барабанщик, который был солдатом Кромвеля, был вдохновлен воспоминаниями о том случае.

Но некому было обнаружить обман, как в Вудстоке. Тедворт стал Меккой для тех, кто интересовался сверхъестественным. Одним из посетителей был Джозеф Гланвилл, в то время молодой человек двадцати семи лет, впоследствии ставший членом Королевского общества и ординарным капелланом короля. Духи были менее шумными; они всегда были несколько сдержанны перед посетителями, но царапались о простыни и пытели по-собачьи, пока Гланвилл не был основательно захвачен. До конца своей жизни этот экспериментатор-экстрасенс вел литературную войну по поводу этого случая с теми, кто высмеивал его. Хотя мы не можем этого доказать, мы можем с некоторой долей уверенности предположить, что этот эпизод стал началом особого интереса к сверхъестественному со стороны Гланвилла, который впоследствии сделал его архетипом защиты от колдовских суеверий в его поколении.

О том, какой широкий интерес вызвал этот случай, можно судить по бурным дискуссиям в Кембридже и по королевскому интересу к нему, который побудил Карла послать комитет по расследованию. Любопытно, что во время работы королевских следователей духи были необычайно спокойны, на что с удовлетворением указывали восхищенные скептики.

Удивительно, что барабанщик, который наверняка знал, что его имя будет связано с этим делом, не осознавал, какому риску он подвергался со стороны охотников за ведьмами. Ему предъявили обвинения в мелких преступлениях другого рода, но обвинения, которые выдвинул против него Момпессон, похоже, обошли стороной. Мужчина был осужден за воровство и отправлен в путь. С его отъездом неприятности в Тедворте прекратились. Но барабанщик каким-то образом сбежал и вернулся в Англию. Разгневанный Момпессон привлек его к суду как преступника на основании статута Якова I. К сожалению, у нас нет

никаких подробностей этого процесса, мы не знаем даже имени судьи; но мы знаем, что присяжные вынесли оправдательный вердикт.

В 1671 году Корнуолл был взбудоражен из-за ведьмы, чьи преступления, как утверждалось, были направлены против государства. Она помешала английскому флоту в войне с голландцами, она заставила быка убить одного из врагов неконформистов в парламенте, она была виновна в бесплодии королевы. А главным доказательством всех этих политических преступлений было то, что возле ее дома видели играющих ("танцующих") кошек. Она была предана суду вместе с несколькими другими обвиняемыми женщинами. Хотя на суде было доказано, что все они держали кошек и крыс, они вышли на свободу.^[30]

В 1682 году, в том же году, когда были осуждены три женщины из Девоншира, в Саутварке, недалеко от Лондона, состоялся суд, завершившийся оправдательным приговором. Дело имело много обычных черт, но в двух моментах было уникальным. Джоан Баттс обвиняли в том, что она околдовала ребенка, которого забрали с припадками.^[31] Девятнадцать или двадцать свидетелей дали показания против ведьмы. Один из свидетелей слышал, как она сказала, что если бы она не заколдовала ребенка, то если бы все дьяволы в аду могли ей помочь, она бы его заколдовала. Джоан признала эти слова, но сказала, что произнесла их в порыве страсти. Затем она набросилась на одного из свидетелей и заявила, что он отдал себя дьяволу душой и телом. Председательствующий на суде верховный судья Пембертон призвал ее к порядку за такое нападение на свидетеля, а затем проинструктировал ее о том, как она узнала об этом факте. Своими словами женщина необдуманно подставила себя под самые серьезные подозрения. Однако, несмотря на это, присяжные признали ее невиновной, "к большому изумлению некоторых, ... другие же, учитывая огромную трудность доказательства вины ведьмы, считали, что присяжные не могли поступить иначе, чем оправдать ее".

В тот период это был единственный судебный процесс в Лондоне или его окрестностях, о котором мы имеем подробные сведения. Не может быть сомнений в том, что суды в Лондоне и его окрестностях начали игнорировать случаи колдовства. После 1670 года в Мидлсексе больше не было подобных процессов.

Читатель помнит, что судья Норт поставил под сомнение справедливость решения судьи Реймонда в Эксетере. Он рассказал нам историю о суде в Таунтон-Дине, где ему самому пришлось судить ведьму.^[32] Десятилетняя девочка, у которой случались странные припадки и которая выплевывала булавки, выступала свидетелем против старика, которого она обвиняла в том, что он околдовал ее. Обвиняемый выступил с "защитой, столь упорядоченной и хорошо изложенной, как я когда-либо слышал". Затем судья спросил мнение мирового судьи, который приговорил этого человека. Тот ответил, что, по его мнению, девушка, "удвоившись в припадке, как в конвульсиях, наклонила голову к животу и ртом вытащила булавки из его края, а затем, немного выпрямившись, выплюнула их в руки прохожего". "Суммой всего этого были злой умысел, угрозы и обстоятельства самозванства в девушке". Когда судья спускался вниз после оправдания мужчины, "отвратительная старуха" крикнула ему: "Милорд, сорок лет назад меня повесили бы за ведьму, да не смогли; а теперь они повесили бы моего бедного сына".

Пять приведенных нами случаев, хотя и не столь знамениты, как те, что были на другой стороне, но вполне отражают то, что происходило в Англии. К сожалению, мы не располагаем документами, по которым можно было бы подсчитать количество оправдательных приговоров этого периода. В большом количестве случаев, когда мы располагаем показаниями, у нас нет сведений о результатах. Особенно это касается

Йоркшира. Как уже отмечалось в предыдущей части главы, мы можем быть уверены, что большинство этих дел были прекращены или так и не были доведены до суда.

Когда мы переходим к вопросу о формах доказательств, представленных в этот период, мы имеем дело с историей, которая уже была рассказана ранее. Женщины-присяжные, судорожные дети или дети-притворщики - все это мы уже встречали. Тем не менее можно отметить два-три отличия. Использование спектральных доказательств становилось все более распространенным. Призраки, как всегда, принимали странные формы. Жена Николаса Рамеса (в Лонгвиттоне, на севере) видела Элизабет Фенвик и дьявола, танцующих вместе.^[33] Больной мальчик в Корнуолле видел "женщину в синей кофте и красной юбке с желтыми и зелеными пятнами", которую быстро опознали и посадили под арест.^[34] Иногда призраки были более материальными. Джейн Милберн из Ньюкасла свидетельствовала, что Дороти Незнакомец в облике кошки прыгнул на нее и удерживал на земле в течение четверти часа.^[35] Мальчик цирюльника из Кембриджа сбежал от призрачной женщины на острове Эли, но она последовала за ним в Кембридж и убила его ударом. "У него на лбу, когда он был мертв, остался точный след от удара, который нанесла ему при жизни Духовная женщина".^[36] Нет необходимости множить примеры. Сборник "Современные отношения" полон свидетельств того же рода.

Почти в каждую эпоху истории ведьм добровольные и невольные признания обвиняемых значительно облегчали трудности судебного преследования. Ведьмы, которых обнаружил Мэтью Хопкинс, были слишком готовы признаться в огромных и противоестественных преступлениях. В этом отношении произошли заметные изменения в период правления поздних Стюартов. Элизабет Стайл из Сомерсета в 1663 году и три девонширские ведьмы в 1682 году были единственными, кто сделал признание. За Элизабет Стайл^[37], вероятно, "следили", несмотря на утверждение Гланвилла об обратном, возможно, теми же пытками, что и за ведьмами из Саффолка, которых "обнаружил" Хопкинс, и ее дикое признание свидетельствует об этом. Девонширские женщины были полубезумными созданиями, из тех, что всегда отличались особой щедростью в признаниях; но теперь такие стали исключением.

Это означает одно из двух. Либо ведьмы эпохи Реставрации по какой-то случайности были более разумными, либо они проявляли больше духа, чем когда-либо прежде, потому что у них было больше сторонников и более справедливое обращение в суде. Вполне возможно, что в обоих предположениях есть доля правды. По мере того как вера в силу ведьм развивалась в форме и теории, она вовлекала в свой радиус все новые группы людей. На ранних стадиях нападение на ведьму было отчасти способом общества избавиться от непорядочного члена. К тому времени, когда процесс нападения был отработан в течение столетия, он стал менее безличным. Личная ненависть теперь чаще становилась поводом для обвинений. Индивидуальная злоба играла все большую роль. Как следствие, обвиняемыми чаще всего становились те, кто был способен бороться за себя или имел друзей, готовых поддержать его. А эти друзья были более многочисленны и ревностны, потому что отношение общества и судов было более дружелюбным к обвиняемой ведьме. Однако это объяснение - в лучшем случае не более чем предположение. У нас нет материала для уверенного обобщения.

Следует упомянуть еще одно доказательство. Город Ньюкасл, который в 1649 году отправился в Шотландию за знахарем, в 1673 году смог воспользоваться талантом, выращенным на родине. В данном случае это была женщина, Энн Армстронг, которая

вовлекла в это дело десяток своих соседей и долгое время ходила по округе, указывая на ведьм. Она была умной женщиной, которая, вероятно, использовала хитроумный способ отвести от себя обвинения. Ее показания касались собраний ведьм или конвентов, проводившихся в разное время и в разных местах. Она рассказывала, кого видела там и что они говорили о своих преступлениях. Она рассказывала об их пирах и танцах. Бедная женщина, она сама была вынуждена петь для них, пока они танцевали. Но и это было не самое худшее. Ею ужасно злоупотребляли. Ее часто превращали в лошадь, затем запрягали в уздечку и садились верхом.[\[38\]](#)

Не стоит углубляться в рассказы Энн Армстронг. Достаточно отметить, что она сообщила подробности о вреде, причиненном определенным лицам определенным образом, которые полностью совпали с показаниями этих лиц под присягой о том, что с ними происходило в указанное время. Невозможно не прийти к выводу, что женщина-колдунья приложила немало усилий, чтобы получить точные сведения даже о таких мельчайших деталях. Она собрала все истории о ведьмах в этой части Нортумберленда и воплотила их в своем рассказе о признаниях, сделанных в "монастырях".

Каково было решение суда по всем этим свидетельствам, мы не знаем. Нам известен лишь один случай, когда какое-либо доказательство было исключено. Это произошло на суде над Джулианом Коксом в 1663 году. Судья Арчер провел эксперимент, но перед этим объяснил суду, что результат не должен учитываться при вынесении вердикта. Он слышал, что ведьма не может повторить просьбу из молитвы "Отче наш": "Не введи нас во искушение". Ведьма действительно не выдержала испытания.[\[39\]](#)

В течение этого периода мы имеем два судебных процесса, которые показывают связь между колдовством и другими преступлениями. Возможно, справедливее было бы сказать, что обвинение в колдовстве иногда выдвигалось, когда другие преступления подозревались, но не могли быть доказаны. В первом случае речь шла о богатом фермере из Нортгемптоншира, который добился недоброй воли женщины по имени Энн Фостер. Тридцать его овец были найдены мертвыми с "ногами, сломанными на куски, и костями, раздробленными в шкурах". Чуть позже его дом и амбары были подожжены. Энн Фостер была привлечена к суду за использование колдовства против него, призналась в этом и была повешена.[\[40\]](#)

Другой случай произошел в Брайтлинге в Сассексе, недалеко от Лондона. Там женщина, которую подозревали в том, что именно она сказала слуге, что дом Джозефа Крутера будет сожжен - пророчество, которое очень скоро сбылось, - была обвинена в колдовстве. За несколько лет до этого ее уже обвиняли на судебном процессе в Мейдстоне, но она вышла на свободу. В этот раз за ней "наблюдали" в течение двадцати четырех часов, а четыре священника держали пост.[\[41\]](#)

Эти случаи заслуживают внимания как свидетельство того, что обвинение в колдовстве все еще было способом избавиться от людей, которых боялись в обществе.

В начале этой главы годы с 1660 по 1688 были выделены как единая эпоха в истории суеверия. Однако эти годы отнюдь не характеризовались однотипными судебными приговорами. В шестидесятые годы по сравнению с годами существования Содружества количество судебных процессов и казней значительно возросло. В семидесятые годы наблюдается стремительное падение обоих показателей. Еще больше - в восьмидесятые. К концу восьмидесятых годов прошлого века случаи колдовства были крайне редки. Решения судов по этому вопросу находились в состоянии колебания. Происходили две вещи. Мировые судьи все неохотнее отправляли обвиняемых ведьм в суды присяжных; а

разъездные судьи, несмотря на решения Хейла и Реймонда, были более осторожны в делах о ведьмах, чем когда-либо прежде, и чаще противостояли общественным настроениям.

Изменения во мнениях, отраженные в литературе того времени, особенно в литературе, посвященной этому вопросу, демонстрируют те же тенденции. Мы рассмотрим их в следующей главе.

[1] См. Raine, ed., *York Depositions* (Surtees Soc.), preface, xxx.

[2] Джозеф Хантер, *Жизнь Хейвуда* (Лондон, 1842), 167, и *Дневники Хейвуда*, изд. J. H. Turner (Brighouse, 1881-1885), I, 199; III, 100. Хейвуду, который был одним из ведущих диссентеров своего времени, не следует приписывать крайнее суеверие. Отмечая смерть мальчика, которого родители считали заколдованным, он написал: "О, если бы они увидели руку Господа". *Дневник*, I, 287.

[3] Уильям Дрейдж, *"Даймономагия"* (Лондон, 1665), 32-38.

[4] *The Lord's Arm Stretched Out, ... or a True Relation of the wonderful Deliverance of James Barrow ...* (London, 1664).

[5] Сравните Drage, *op. cit.*, 36, 39, 42, с *The Lord's Arm Stretched Out*, 17. У Мэри Холл, исцеление которой отмечает Дрейдж, были друзья среди баптистов. Дрейдж, по-видимому, связывает ее случай с случаями Барроу и Ханны Крамп, которым помогли те самые "удрученные люди", которых превозносит автор *"Протянутой руки Господа"*.

[6] Drage, *op. cit.*, 34.

[7] *Yorkshire Notes and Queries*, I (Bradford, 1885), 26. Но лекарь в Винчестер-парке, к которому обратилась Ханна Крамп, попросил пять фунтов за то, чтобы околдовать ее.

[8] Drage, *op. cit.*, 39.

[9] *York Depositions*, 127.

[10] См. E. Mackenzie, *History of Northumberland* (Newcastle, 1825), II, 33-36. Мы не знаем, была ли женщина оправдана, но дело рассматривал Генри Огл, и мы можем с уверенностью предположить его исход.

[11] Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 191-209.

[12] Так оценивает его Норт, который добавляет: "и он это знал". Роджер Норт, *Жизнь достопочтенного Фрэнсиса Норта, барона Гилфорда...* (Лондон, 1742), 62-63.

[13] *Diary and Correspondence of Dr. John Worthington*, II, pt. I (Chetham Soc., № 36, 1855), 155.

[14] В его *"Religio Medici"*. См. *"Сочинения сэра Томаса Брауна"* (изд. С. Уилкин, Лондон, 1851-1852), II, 43.

[15] Там же, IV, 389.

[16] Роджер Норт, указ. соч. С. 61.

[17] Индервик дал хорошую иллюстрацию слабости характера Хейла: "Признаюсь, - говорит он, - я испытываю чувство боли, когда вижу, как в октябре 1660 года он сидит в качестве

судьи в Олд-Бейли, судит и приговаривает к смерти партии реджисидов, людей, по чьим приказам он сам действовал, которые были его коллегами в парламенте, с которыми он заседал в комитетах по изменению законов". *Interregnum*, 217-218.

[18] *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIV, 9, p. 480.

[19] Епископ Бернет в своей книге *"Жизнь и смерть сэра Мэтью Хейла"* (Лондон, 1682), похоже, вообще не считал нужным упоминать процесс в Бьюри. См. также лорд Кэмпбелл, *"Жизнь верховных судей"* (Лондон, 1849), I, 563-567.

[20] Роджер Норт, указ. соч. С. 130, 131. История, рассказанная здесь, относит это событие к году, предшествовавшему первому западному путешествию лорда Гилфорда, то есть к 1674 году. Но, возможно, это не следует понимать слишком точно, и ведьмой, скорее всего, была та самая Элизабет Пикок, которую оправдали в 1670 году и еще раз в деле 1672 года, описанном выше. По крайней мере, в списке "Обвинений в колдовстве в Западном округе с 1670 по 1712 год", опубликованном Индервиком в его книге *"Основные сведения о Стюартах"* (Лондон, 1888), нет ни одного оправдательного приговора в Уилтшире за это десятилетие.

[21] Это письмо см. в *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. I, 405-410, 489-402. Эта история частично подтверждается находками Индервика в записях о доставке в западный гаол. О благонадежности этого неизвестного мирового судьи см. выше, с. 160, 162, и примечания.

[22] То, что судьей был сэр Ричард Рейнсфорд, следует из списка Индервика, упомянутого выше, прим. 20.

[23] *Правдивое и беспристрастное изложение сведений против ... Темперанс Ллойд, Мэри Тремблз и Сюзанны Эдвардс* (Лондон, 1682). И *"Суд, осуждение и казнь трех ведьм..."* (Лондон, 1682). См. также ниже, примечание 26, и приложение А, § 6.

[24] Роджер Норт, указ. соч. С. 130.

[25] На суде в Йорке в 1687 году сэр Джон Рересби, похоже, играл примерно ту же роль, что и Норт в Эксетере. Сержант Пауэлл, впоследствии ставший главным судьей, председательствовал на процессе. "Старую женщину осудили за ведьму. Те, кто был более доверчив в подобных вопросах, чем я, считали, что улики против нее очень веские. Мальчик, которого она околдовала, внезапно падал перед всем судом, когда видел ее, а затем так же внезапно возвращался в себя и очень отчетливо рассказывал о нескольких травмах, которые она ему нанесла; но при всем этом было замечено, что мальчик не искажался; что он не пускал пены у рта, и что припадки покидали его не постепенно, а все сразу; так что в целом судья считал нужным отпустить ее". *Memoirs and Travels of Sir John Reresby* (London, 1813), 329.

[26] Есть некоторые свидетельства того, что Раймонд не хотел осуждать женщин, но все же уступил общественному мнению. В памфлете, опубликованном пять лет спустя, говорится, что судья "в своем обращении к присяжным высказал мнение, что эти три бедные женщины (как он предполагал) устали от жизни, и что он считает правильным отвезти их в тот приход, откуда они прибыли, и что приход должен быть поручен их содержанию, поскольку он считает, что их угнетающая бедность заставила их желать смерти". К несчастью, соседи подняли такой шум, что женщины были признаны виновными и осуждены. Это более поздний и несколько недостоверный рассказ, но он хорошо согласуется с тем, что говорит об этом деле Норт. *Жизнь и беседы Темперанс Флойда, Мэри Ллойд [sic] и Сюзанны Эдвардс: ...* (Лондон, 1687).

[27] Вторая часть книги Гланвилла "*Sadducismus Triumphatus*" полна этих показаний.

[28] Полный отчет об этом деле см. в книге Гланвилла "*Sadducismus Triumphatus*", pt. ii, предисловие и "Relation I". Гланвилл расследовал это дело и старательно собрал все доказательства. Он также был знаком с тем, что говорили "насмешники", и мы можем узнать их точку зрения из его ответов. См. также Джон Бомонт, "*Исторический, физиологический и теологический трактат о духах, явлениях, колдовстве и других магических практиках*" (Лондон, 1705), 307-309.

[29] Там же, 309.

[30] *Cal. St. P., Dom.*, 1671, 105, 171.

[31] У нас есть два рассказа об этом деле: *Странные и удивительные новости из Йоуэлла в Сурри* (1681 г.) и *Рассказ о суде и допросе Джоан Батс* (1682 г.).

[32] Роджер Норт, указ. соч., 131-132.

[33] *Йоркские показания*, 247.

[34] *Правдивый рассказ... о некоем Джоне Тонкене из Пенсана в Корнуолле...* (1686). Другие примеры спектральных свидетельств см. в *York Depositions*, 88; Roberts, *Southern Counties* (London, 1856), 525-526; *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. II, 489.

[35] *York Depositions*, 112, 113.

[36] Drage, *Daimonomageia*, 12.

[37] О ее деле см. в Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 127-146.

[38] *York Depositions*, 191-201.

[39] Полный отчет о деле Джулиана Кокса см. в Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 191-209.

[40] *Полный и правдивый рассказ о суде над Энн Фостер* (Лондон, 1674).

[41] *Сассекские археологические коллекции*, XVIII, 111-113.

ГЛАВА XII.

Гланвилл и Уэбстер и литературная война за колдовство, 1660-1688 гг.

В предыдущей главе мы проследили развитие мнения от Якова I до Реставрации. Мы увидели, что за неполные полвека центр спора значительно сместился: мы отметили, что растет число умных людей, которые дискредитируют истории о колдовстве и даже склонны смеяться над ними. Теперь наша цель - продолжить историю мнений с того момента, на котором мы остановились, до революции 1688 года. Мы обнаружим, что объем литературы по теме значительно увеличился. Мы увидим, что по этому вопросу высказывалась более многочисленная и более представительная группа людей. Спорщики были уже не загонщиками, а хитрыми воинами, которые вступали в бой, осмотрев поле и соизмерив свои силы. Проверялись основы философии, исследовались основы религиозной веры. Прошли времена стычек по поводу испытания водой и проверки дьявольских меток. Теперь бойцам предстояло сразиться за реальность или нереальность сверхъестественных явлений. Мы

увидим, что битва была менее односторонней, чем когда-либо прежде, и что нападавшие на суеверия, которые до сих пор были в меньшинстве, теперь сражались по крайней мере на равных со своими врагами. Мы также увидим, что неучастники и зрители были готовы присоединиться к атакующей стороне, как никогда раньше.

Борьба действительно была войной в миниатюре и в основном велась очень справедливо. Но вполне естественно, что те, кто не верил, прибегали к насмешкам. Это была форма нападения, которой подвергались их противники, веря в совершенно абсурдные истории глупых женщин. Сервантес со своим "Дон Кихотом" высмеял рыцарство в Европе, и в обществе был класс, который охотно высмеял бы колдовство в Англии. Их натиск было очень трудно отразить. Тем не менее защитники колдовства приняли вызов стойко. С неутомимым терпением и абсолютной уверенностью в своем деле они собрали свидетельства для своих рассказов, а затем сказали тем, кто смеялся: вот факты; что вы собираетесь с ними делать?

В последней главе рассказывалось о тревогах в Сомерсете и Уилтсе, и было показано, какой переполох они вызвали в Англии. В связи с этими событиями упоминалось имя отважного исследователя мистера Гланвилла. История литературы о ведьмах этого периода - не более чем рассказ о Джозефе Гланвилле, его мнениях, спорах, его учениках и противниках. Не будет лишним сказать, что в Гланвилле суеверие нашло своего самого искусного защитника. По остроте логического различения, по ловкости и блеску интеллектуальной игры на мечах он превосходил всех, кто до и после него пытался отстаивать веру в колдовство. Он был человеком, имеющим право говорить с определенным авторитетом. Член Эксетер-колледжа в Оксфорде, в 1664 году он был избран членом недавно основанного Королевского общества и симпатизировал его точке зрения. В то же время он был философом, имевшим немалое влияние в своем поколении.

Его интеллектуальную позицию определить несложно. Он был противником оксфордской схоластики и склонялся к школе мысли, представленной Робертом Фладдом, двумя Воганами, Генри Мором и Ван Гельмонтом,^[1] людьми, глубоко испившими кабалистических писателей, учениками Парацельса и Пико делла Мирандолы. Для неспециалиста было бы безрассудством пытаться объяснить тонкости этой философии или процессы философских рассуждений Гланвилла. Его точка зрения была частично раскрыта в *Scepsis Scientifica*, опубликованном в 1665 году^[2] и посвященном Королевскому обществу. В этом трактате он указывал на наше нынешнее незнание явлений и неспособность определить их реальный характер из-за субъективности наших представлений о них, и, следовательно, настаивал на опасности догматизма. Сам он черпал лишь раковину петуха из океана знаний. Его представление о духе - если можно доверять его работам о колдовстве - похоже, сводилось к тому, что это легкая и невидимая форма материи, способная отделяться от более твердых субстанций или вливаться в них, - в точности идея Генри Мора. С религиозной точки зрения, не будет большой ошибкой назвать его реконструктором - чтобы использовать этот современный термин, которым часто злоупотребляют. Он, конечно, не признавал существования какой-либо пропасти между религией и наукой, которую нужно было бы преодолеть, но тенденция его учения, хотя он вряд ли признал бы это, заключалась в том, чтобы показать, что тайны явленной религии относятся к области неизученной науки.^[3] Именно его уверенность в далеких возможностях, открываемых исследованиями в этой области, вместе с кабалистическими представлениями, которые он усвоил, заставили его с такой готовностью стать студентом, изучающим психические явления.

Поэтому неудивительно, что дела Момпессона и Сомерсета оказались ему на руку и что он с готовностью ухватился за них как за неопровержимое доказательство демонического воздействия. Его первой задачей, действительно, было доказать предполагаемые факты;

установив их, он мог легко вписать их во всеобъемлющую схему рассуждений. В 1666 году он выпустил небольшой том *"Некоторые философские соображения, касающиеся ведьм и колдовства"*. Большая часть первого издания сгорела во время пожара в Лондоне, но книга была переиздана. Уже к 1668 году она вышла четвертым тиражом.^[4] В этом издании работа получила новое название *"Удар по современному сатанизму"*, а в 1681 году она была переиздана с новыми дополнениями под названием *Sadducismus Triumphatus*, что можно перевести как "Неверие побеждено".^[5] Книга продолжала раскупаться быстрее, чем издатель мог удовлетворить спрос, и прошла еще через несколько пересмотров и переизданий. Одна из самых популярных книг поколения, она оказалась самым большим титулом Гланвилла, принесшим ему современную славу. Успех книги, несомненно, во многом объясняется наличием в ней сборника рассказов о ведьмах; но они были вставлены автором в качестве основы для аргументации. Он, как никто из участников спора, признал силу аргументов, выдвинутых оппозицией. Это были веские аргументы, но на все они он предлагал один короткий ответ - доказанный факт.^[6] Превращения, приписываемые ведьмам, были смехотворны, контракты между дьяволом и агентами, которые уже находились под его контролем, были абсурдны, дьявол никогда бы не отдал себя на волю несчастных женщин, а Провидение не позволило бы, чтобы его дети подвергались таким нападкам со стороны лукавого: таковы были современные возражения;^[7] и на них все Гланвилл отвечал, что один положительный факт стоит тысячи отрицательных аргументов. Неисчислимы обманы были разоблачены. Да, он знал это,^[8] но здесь были хорошо подтвержденные случаи, которые не были мошенничеством. Гланвилл поставил вопрос прямо. Его уверенность в своей правоте сразу же вызывает восхищение. Он был совершенно искренен. Мухой в мази было, конечно, то, что его самые достоверные случаи не выдерживали никакой тщательной критики. Рассказы, которые он использовал, были предоставлены ему "честными и благородными друзьями". Однако если этого научного исследователя можно обмануть, как это было в Тедворте, то тем более можно обмануть тех достойных, но доверчивых друзей, которых он цитировал.

От простого утверждения, что он излагает факты, Гланвилл перешел к аргументации, которую сейчас часто используют в другой связи защитники чудес. Если обычный ум, говорил он, не может понять "каждую вещь, сделанную математикой и механическим искусством",^[9] насколько больше даже самые знающие из нас не смогут понять силу ведьм. Это предложение, как видит читатель, было не чем иным, как разработкой одного из принципов его философии. Можно не сомневаться, что он занял бы ту же позицию в отношении чудес^[10], которая, должно быть, встревожила многих его современников.

Несмотря на акцент на фактах, Гланвилл, как никто другой, был готов пуститься в теологические изыскания. Мы не будем следовать за ним в эти редкие области мысли. Однако, возможно, не будет лишним отметить два-три момента, которые были весьма характерны для его рассуждений. На утверждение, что если злой дух может причинить вред с помощью ведьмы, то он должен иметь возможность делать это без всякого посредника и таким образом постоянно досаждают всему человечеству, он ответил, что замыслы демонов направлены на душу и, следовательно, могут осуществляться втайне.^[11] На аргумент, что, если принять во внимание "порочность людей", можно было бы ожидать, что злые духи будут практиковать свои искусства не на немногих, а на многих, он ответил, что люди не могут быть потревожены ими, пока не лишатся "опеки и надзора лучших духов", и, кроме того, духам трудно принимать такие формы, которые необходимы для "их переписки с ведьмами". Духам трудно "заставить свои тонкие и цепкие тела принять видимую консистенцию..... Ибо в этом действии их тела должны быть сильно сжаты".^[12] На возражение, что вера в злых существ делает правдоподобным предположение о том, что библейские чудеса были сотворены

дьяволами,[13] ответил, что евангельские чудеса, как известно, противоречат тенденциям, целям и интересам царства тьмы.[14] Предположение о том, что ведьмы не отказались бы от вечного счастья ради коротких и тривиальных удовольствий,[15] пресек, сказав, что "человечество иногда действует до непомерной степени жестокости".

Нет необходимости дальше приводить его аргументы. Несомненно, современному читателю и вопросы, и ответы кажутся придирками, но нельзя недооценивать силу ответов Гланвилла с точки зрения его современников. Он действительно был первым защитником колдовства, который в сколько-нибудь аргументированной манере попытался прояснить проблемы, выдвигаемые оппозицией. Его ответы, без сомнения, были лучшими из всех возможных.

Нам легко забыть о теологической подоплеке английской мысли XVII века. Если допустить, что дьявол обладает сверхъестественными способностями (а в Писании были тексты, подтверждающие это), то до веры в ведьм оставался один шаг. Правда в том, что теории Гланвилла были гораздо более прочно основаны на фундаменте теологии XVII века, чем теории его оппонентов. Его оппоненты пытались использовать здравый смысл, но это был такой здравый смысл, который, как бы мало они его ни видели, должен был подрывать существующие религиозные убеждения.

Гланвилл действительно был очень современен для своего времени. Не иначе как он читал старых ученых авторов. Он был знаком с тем, что говорил "великий Епископий", читал Реджинальда Скота и считал его слишком "нелепым", чтобы отвечать.[16] Но гораздо больше его волновали аргументы, которые он слышал в повседневной беседе. На эти аргументы он и попытался ответить. Его работа отражала текущие дискуссии на эту тему. Больше всего его волновала растущая оппозиция среди тех, с кем он встречался. Не без грусти он признавал, что "большинство рыхлых дворян и мелких притязателей на философию и остроумие в целом насмеются над верой в ведьм и явления".[17] Словно загнанный зверь, он яростно набросился на них. "Пусть наслаждаются мнением своих собственных выдающихся суждений" и бегут в безумии за Скотом, Гоббсом и Осборном. На самом деле он пытался предотвратить опасность для религии. На карту была поставлена одна из основ религии. Отрицание колдовства было одним из этапов распространенного атеизма. Те, кто отказывается от веры в ведьм, отказываются и от веры в дьявола, а затем и в бессмертие души.[18] Вопрос заключался в реальности мира духов.

Понятно, почему этот человек был очень серьезен. Можно действительно задаться вопросом, не было ли его интенсивное переживание по этому вопросу причиной того, что он принимал за *достоверные* истории те, которые здравый смысл должен был заставить его отвергнуть. Отстаивая подлинность удивительных историй, рассказанных обвинителями Джулиана Кокса,[19], он был виновен в такой степени легковерия, которая переходит границы веры. Возможно, читатель вспомнит случай с загнанным кроликом, который исчез за кустом и превратился в задыхающуюся женщину, не кто иная, как обвиняемая Джулиан Кокс. Эта история, должно быть, напрягла все силы Гланвилла. Однако он мужественно выдержал это испытание. Решив не отказываться ни от одного подтвержденного факта, он заявил, что, вероятно, дьявол послал дух, чтобы тот принял видимый облик зайца, пока он торопил женщину к кустам и, предположительно, оставлял ее невидимой до тех пор, пока ее не нашел мальчик. Это Немезида плохого дела, что его величайший защитник позволил себе предаваться таким нелепостям.

По правде говоря, нам позволено задаться вопросом, был ли философ полностью верен своей собственной позиции. В своем *Scepsis Scientifica* он с надеждой говорил о том, что наука может объяснить то, что пока кажется сверхъестественным.[20] Это было опасно

близко к тому, чтобы сказать, что области сверхъестественного, когда они будут исследованы, окажутся естественными и подчиняющимися естественным законам. Если бы это было так, то что бы стало с всеми теми оплотами религии, которые были созданы чудесами колдовства? Очень похоже на то, что Гланвилл допустил непоследовательность в своей философии.

Спустя два года после первого начинания Гланвилла Мерик Казобон выпустил свою работу под названием *"О легковерии и невероятности в вещах естественных, гражданских и божественных"* (*Of Credulity and Incredulity in Things Natural, Civil, and Divine*).^[21] Однако из-за болезни, как он сообщает читателю в своем предисловии, он не смог завершить работу над книгой, и в ней рассматривались только "Естественные" и "Гражданские" вещи. Божественные вещи" стали темой отдельного тома, который вышел в 1670 году под названием *"О легковерии и невероятности в вещах божественных и духовных: где ... дело о ведьмах и колдовстве, против позднего писателя, [полностью аргументировано и оспорено]"*. Интерес этого ученого к теме колдовства, как мы видели, возник отнюдь не недавно. Когда он был молодым ректором в Сомерсете, он присутствовал на суде над ведьмами, вполне возможно, что именно этот процесс подвигнул Бернарда на обращение к присяжным заседателям. В одной из предыдущих глав^[22] мы уже отмечали, что Казобон в 1654 году в своем труде *"Энтузиазм"* слегка коснулся этой темы. Следует напомнить, что он был близок к тому, чтобы поставить под сомнение ценность признаний. Пять лет спустя в предисловии к книге *"Рассказ о том, что произошло между доктором Ди и некоторыми духами"* он предвосхитил выводы, сделанные в книге *"Верую и не верю"*. Эти выводы были в основном согласны с Гланвиллом. С доброй волей он признал, что отрицание ведьм было "очень правдоподобной причиной". Ничто не может быть более обманом, чем показания, данные на судебных процессах, ничто не может быть менее достоверным, чем рассказы о том, что делали ведьмы. Слишком много случаев происходило из-за невежества священнослужителей, которые "в каждом диком представлении или фантазии" искали "внушение дьявола".^[23] Но, как и Гланвилл, как и современные спиритуалисты, он настаивал на том, что многие случаи мошенничества не доказывают отрицательного результата. Существует очень большое количество рассказов, настолько достоверных, что сомневаться в них было бы доказательством неверности. Казобон редко сомневался, хотя и стремился сохранить в себе дух сомнения. Ему было трудно не верить тому, что он читал или ему говорили. Он от природы был легковерен, особенно когда читал рассказы классиков. За такой образ мыслей его вряд ли можно было порицать. Критика только начинала применяться к сказкам римских и греческих писателей. Их произведения были полны историй о магии и чарах, и студенту семнадцатого века было нелегко освободиться от их авторитета. Да и Казобон не хотел этого делать. Он принадлежал к прошлому и по религии, и по дождю, и его следовало причислить к сторонникам суеверий.^[24]

В следующем, 1669 году Джон Вагстафф, выпускник Ориэл-колледжа, посвятивший себя "изучению знаний и политики", выпустил небольшую книгу *"Вопрос о колдовстве обсуждается"*. Вагстафф был университетским человеком без репутации. "Маленький кривоногий человечек и презрительное присутствие", - окрестили его на сайте *Oxford wags the little wizard*.^[25] Тем не менее ему было что сказать, и он был услышан. Многие из его аргументов были чисто теологическими и не нуждаются в повторении. Но он сделал два хороших замечания. Представления о ведьмах берут свое начало в "языческих баснях". Это был сокрушительный удар по тем, кто настаивал на том, что вера в колдовство является неотъемлемым элементом христианской веры; кроме того, Вагстаффе привел веские аргументы. Его второй аргумент был не менее важным. По его мнению, совпадения объясняют большую часть необъяснимого в колдовских историях.^[26]

Через два года книга появилась снова, значительно расширенная, а позже была переведена на немецкий язык. На нее ответили два человека - Казобон во второй части своей книги "Хрестоматия"[27] и автор, подписавшийся "Р. Т.".[28] Казобон не добавил ничего нового, как и Р. Т., который молотил старую теологическую солому. То же самое вряд ли можно сказать о Лодовике Магглтоне, Доуи XVII века, который охотно стал бы пророком новой диспенсации. Он выпустил объяснение Эндорской ведьмы, которое было полностью рационалистическим.[29] Ведьмы, утверждал он, не имеют никаких духов, кроме своих собственных злых фантазий. Савл был просто одурачен женщиной-притворщицей.

В качестве противоядия от этой серьезной литературы можно упомянуть вскользь. В Лондоне, в 1673 года, был опубликован[30] *"Приятный трактат о ведьмах"*, в котором перед читателем открывалась восхитительная перспектива: "Ты не найдешь здесь ничего из тех вульгарных, сказочных и пустых историй, которые не стоят того, чтобы к ним прислушиваться, ни тех отвратительных пилильщиков и когтистоногих, которыми бабушки пугают своих детей, но только приятные и хорошо обоснованные рассуждения сведущих людей как предмет, соответствующий твоему мудрому пониманию". Набросок был предложен, но он был не более чем нитью, на которую можно было нанизать хорошие истории. Это были рассказы о далеком прошлом. Конечно, когда-то существовали ведьмы, но это было в старые добрые времена. Таков был авторский подтекст.

Увы, такое легкое обращение с ними было редкостью! По мнению большинства, эта тема была не для смеха. Она требовала серьезного рассмотрения. Эта точка зрения вновь заявила о себе в книге *"Учение о дьяволах"*, ставшей грандиозным отступничеством последних времен.[31] Голландский переводчик этой книги сообщает нам, что она была написана священнослужителем из Новой Англии.[32] Если это правда, то автор должен был быть одним из наименее провинциальных жителей Новой Англии своего века, поскольку он демонстрирует замечательное знание тревог и дискуссий о ведьмах в Англии. Некоторые из его мнений выдают влияние Шотландии, как, например, его интерпретация изгнания Христом бесов.[33] Термин "иметь дьявола" был всего лишь фразой для одного отвлеченного случая. Однако автор сделал несколько новых выводов. Он считал, что важность новозаветных чудес затмевается более значительными чудесами, творимыми дьяволом.[34] Более убедительным аргументом, по крайней мере для современного читателя, было то, что солидарность общества окажется под угрозой из-за веры, которая заставляет каждого человека бояться своего соседа.[35] Писатель высоко оценивает работу Вагстаффа, а о Казобоне пишет: "Если кто-то и мог околдовать меня верой в колдовство, то этот преподобный человек, как никто другой, скорее всего, мог это сделать". Он осуждает "пролетарский сброд" и "великих философов" (Мор и Гланвилл, несомненно), которые называют себя христианами и при этом придерживаются "мнения, что толпами убивают мужчин и женщин без страха или ума, чувства или разума, заботы или совести"; но он восхваляет "преподобных судей Англии, которые теперь... гораздо мудрее, чем раньше", и которые "не дают или почти не дают поддержки таким обвинениям".

Теперь мы переходим ко второй великой фигуре среди ведьмологов Реставрации, Джону Вебстеру. Гланвилл и Вебстер были главным героем и антагонистом в драме, где остальные играли роль греческого хора. В 1677 году Уэбстер опубликовал книгу *"Демонстрация предполагаемого колдовства"*. [36] В ранней жизни он был священнослужителем-нонконформистом, но в более поздние годы, по-видимому, обратился к медицинской практике. С юных лет он интересовался темой колдовства. Вероятно, этот интерес возник после одного воскресного дня за сорок лет до публикации его книги. Следует вспомнить, что мальчик Робинсон, обвинитель ланкаширских женщин в 1634 году, был приведен в его

йоркширскую общину на послеобеденную службу и очень неудачно ответил на перекрестные вопросы любопытного священника. С тех пор Вебстер стал сомневаться. То и дело в ходе пасторства в Йоркшире и Ланкашире он сталкивался с суевериями. Он не был философом, этот йоркширский доктор душ и тел, и не был более чем сельским ученым, и его аргументация против колдовства не соответствовала, как ясно указал профессор Киттредж[37], научному рационализму. Это была высокая отметка, и немногие в семнадцатом веке достигли ее. Но не будет лишним сказать, что Джон Вебстер был наследником и преемником Скота. Он имел вес благодаря силе своей атаки, если не ее блеску.[38] Он далеко не всегда был последовательным, но наносил крепкие удары. Он редко был оригинален, но поражал своих оппонентов.

Многие из его самых сильных аргументов, конечно, были старыми. В том, что Эндорская ведьма была самозванкой, не было ничего нового. Это была идея Магглтона, и она восходила к Скоту. Подчеркивание роли, которую играет воображение, было столь же древним, как и самые старые английские противники преследования ведьм. Объяснение некоторых странных явлений чревоуещанием - , которое Уэбстер тщательно исследовал, - выдвигалось и раньше. Сам Вебстер не считал, что нужны новые аргументы. Он считал, что "нечестивые и поппские мнения о слишком превозносимых силах демонов и ведьм в этой стране были довольно хорошо подавлены и замолчали" различными писателями и "серьезными разбирательствами многих ученых судей". Но когда он обнаружил, что два "благородных министра", Казобон и Гланвилл, "вновь встали на путь столь дурного дела", он был вынужден пересмотреть их доводы.

Как читатель, возможно, уже догадался, Вебстер, как и многие его предшественники, в основном занимался теологическими и сценарными аргументами. Именно в этом направлении он внес свой самый важный вклад в разгоревшуюся тогда полемику. Гланвилл утверждал, что неверие в колдовство - это лишь один из шагов на пути к атеизму. Ни ведьм, ни духов, ни бессмертия, ни Бога - такова была последовательность рассуждений Гланвилла. В ответ Вебстер заявил, что отрицание существования ведьм - то есть существ, наделенных дьяволом силой творить сверхъестественные чудеса, - не имеет ничего общего с существованием ангелов или духов. Мы должны полагаться на другие основания для веры в мир духов. Рассказы о явлениях не являются доказательством, потому что мы не можем быть уверены, что эти явления сделаны или вызваны духами. У нас нет никаких оснований для веры в мир духов, кроме свидетельства Писания.[39]

Но если мы признаем существование духов, чтобы осовременить форму аргументации Вебстера, мы не доказать существование ведьм. Новый Завет рассказывает о различных видах "обманывающих самозванцев, прорицателей и ведьм", но среди них "не было ни одного, который бы заключил видимый союз с дьяволом". О превращении в кошек, собак или волков не упоминалось.[40] Трудно понять, как самые буквальные ученики Писания могли обойти этот аргумент. В Писании много говорится о дьяволе, о бесноватых, о ведьмах и колдунах - что бы они ни подразумевали под этими терминами. Почему же они совсем не говорят о договорах между дьяволом и ведьмами? Почему они упустили самое важное из колдовских преданий?

Все это необходимо было доказать в то время, когда защитники колдовства кричали христианскому народу Англии "Волк! Волк!". Другими словами, Уэбстер делал возможным для ортодоксов отказаться от того, что Гланвилл называл оплотом религии, и все равно держаться за свою ортодоксальность.

Заслуга Вебстера состоит в том, что он открыто высказался о непристойности того, что вымогали у ведьм. Никто, кто не читал сам, не может иметь представления о гнусном характере обвинений и признаний, содержащихся в памфлетах о ведьмах. Это та сторона вопроса, которая не обсуждалась на этих страницах. Вебстер излагает факты без преувеличения:[41] "Большинство из них не заслуживают доверия по причине своей непристойности и грязности; ведь нечистые уши будут трепетать, услышав такие непристойные и нескромные слова; и какие чистые и трезвые умы не будут тошнить и вздрагивать, понимая такие нечистые истории...? Конечно, даже нечистоты этого может быть достаточно для того, чтобы уничтожить доверие к нему, особенно среди христиан". Профессор Берр сказал, что "в действительности, не малая часть зла в этом деле заключалась в том, что оно так долго развращало воображение христианства".[42]

Мы уже говорили, что Вебстер отрицал существование ведьм, то есть тех, кто совершал сверхъестественные поступки. Но, как и Скот, он явно воздерживался от отрицания существования ведьм *в целом*. На самом деле его мнение было гораздо более удовлетворительным, чем у Скота, поскольку он объяснил, в чем заключался остаток его убеждений. Он считал, что ведьмы - это злобные существа, вдохновленные дьяволом, которые с помощью ядов и естественных средств, неизвестных большинству людей, вредили и убивали своих братьев.[43] Конечно, он бы настаивал на том, что значительная часть всех тех, кого обвиняли в этом, были просто торговцами мошенниками или жертвами ложных обвинений, но остальные случаи он бы объяснил таким чисто естественным образом.

Если это и не был научный рационализм, то, по крайней мере, откровенный скептицизм в отношении сверхъестественного в колдовстве. К тому же в анналах колдовства достаточно случаев, которые выглядят так, будто использовался яд. Недостатком, конечно, является то, что Уэбстер, как и Скот, не избавился от всех суеверий. Профессор Киттредж в своем труде о Вебстере тщательно на это указывает. Вебстер верил, что тела убитых кровоточат от прикосновения убийцы. Он также верил в своего рода "астральный дух", [44] и, похоже, был убежден в истинности явлений.[45] Это были явления, которые, по его мнению, должны были быть подтверждены опытом. На иных основаниях, путем *априорных* рассуждений из предпосылок Писания, он пришел к выводу, что Бог использует злых ангелов "как палачей своей справедливости, чтобы наказывать благочестивых и сдерживать или уничтожать нечестивых".[46]

По сути, это была теологическая концепция. Но между ней и представлением о том, что духи действуют сверхъестественным образом в нашем повседневном мире, был немалый разрыв. И в неспособности преодолеть этот разрыв не было ничего более непоследовательного, чем позиция современных христиан, которые верят в мир духов и при этом дискредитируют без проверки все, что предлагается в качестве новых доказательств его существования.

Правда заключается в том, что Вебстер был слишком занят разрушением укреплений своих оппонентов, чтобы потратить время на создание защиты для себя. Но не будет лишним назвать его самым эффективным из тех, кто в семнадцатом веке противостоял преследованиям ведьм в Англии.[47] Его преимущество перед всеми предшественниками заключалось в том, что с ним была большая и растущая аудитория разумных людей. Он выступал, полностью осознавая, что его поддерживают. Его оппоненты должны были перейти к обороне.

Мы называли имя Джона Уэбстера великим в литературе по нашему предмету, и мы отдали свои реа сы за такое мнение. Однако было бы ошибкой полагать, что в свое время он произвел такой же фурор, как его заклятый оппонент Гланвилл. Его работа так и не вышла

вторым изданием. В трудах того времени есть лишь несколько ссылок на нее, и те - в работах, посвященных защите веры. Бенджамин Кэмфилд, ректор из Лестершира, написал ничего не значащую книгу об *ангелах и их служении*,^[48] и в приложении выступил с нападками на Вебстера. Джозеф Гланвилл яростно обрушился на него с новыми доказательствами того, что он называл фактами, и завещал работу после своей смерти Генри Мору, который в нескольких последующих изданиях *Sadducismus Triumphatus* нападал на него с немалым ожесточением.

Мы можем пропустить трех менее значительных авторов о колдовстве. В начале восьмидесятих годов Джон Бринли, Генри Халливелл и Ричард Бове пустили свои маленькие лодки в море споров. Бринли был дерзким плагиатором Бернарда, Хэлливелл - логичным, но скучным рассуждателем на основе Библии, Бове - ослабленным решением Гланвилла.^[49]

Теперь мы перейдем от специальной литературы о колдовстве к обзору сопутствующих свидетельств. Их у нас больше, чем когда-либо прежде, и они слишком велики, чтобы рассматривать их в деталях. Было бы бесполезно приводить цитаты из книг о колдовских эпизодах, *объясняющие их причины существования*. Все сводится к следующему: они были написаны, чтобы опровергнуть неверующих. Они с пренебрежением и даже с горечью отзываются о тех, кто выступает против веры, не признавая, однако, их численности и влияния. Для нашей цели будет лучше рассмотреть мнения людей в том виде, в каком они высказывали их на суде, кафедре и в других сферах практической жизни.

У нас уже была возможность узнать, о чем думали судьи. Мы слушали Мэтью Хейла, когда он произносил решение, которое прозвучало по всей Англии и даже в североамериканских колониях. Существование ведьм, торжественно заявил он, доказывается Священным Писанием и повсеместностью законов, направленных против них. Судья Рэйнсфорд в последующие годы и судья Рэймонд примерно двадцать лет спустя, похоже, приняли точку зрения Хейла на этот вопрос. На другой стороне были сэр Джон Рересби и Фрэнсис Норт. Ни один из них не был достаточно откровенен, опасаясь гнева народа и обвинений в атеизме. Оба стремились спасти жертв преследований, но скорее путем разоблачения обманов обвинителей, чем путем отрицания самого колдовства. Из огромного количества оправдательных приговоров в семидесятые годы и внезапного сокращения числа процессов над ведьмами в восьмидесятые мы знаем, что наверняка было много других судей, которые оправдывали ведьм или спокойно игнорировали обвинения против них. Несомненно, Келинг, который, будучи зрителем в Бьюри, проявил свой скептицизм по отношению к обвинениям, впоследствии, став верховным судьей, был одним из тех, кто отказывался осуждать ведьм.

От ученых людей было мало высказываний. Хотя в другой раз мы покажем, что многие члены Королевского общества придерживались весьма определенных убеждений или неверия по этому вопросу, мы располагаем мнениями лишь двух человек, которые были профессиональными учеными, - сэра Томаса Брауна и сэра Роберта Бойля. С Брауном мы уже встречались на суде в Бэри. Можно задаться вопросом, был ли он действительно ученым. Безусловно, он был выдающимся врачом. Его позиция в качестве свидетеля-эксперта на суде в Бьюри, как мы помним, вполне соответствовала мнению, изложенному в его *Commonplace Book*. "Мы нисколько не сомневаемся, - писал он, - что ведьмы существуют, но не всегда были удовлетворены применением их колдовства".^[50] Так говорил знаменитый врач из Норвича. Но человеком, чье мнение имело гораздо большее значение, был сэр Роберт Бойль. Бойль был химиком и "натурфилософом". Он стал первооткрывателем воздушного насоса, был избран президентом Королевского общества и вообще был одной из величайших неполитических фигур во времена правления Карла II. Хотя он никогда,

насколько нам известно, не обсуждал колдовство в абстрактном смысле, он стал родоначальником французской истории, которая была привезена в Англию, - истории о демоне Маскона. Он передал эту историю Гланвиллу, чтобы тот использовал ее в своем списке подлинных историй; и когда позже стало известно, что он назвал историю о демоне самозванством, он постарался опровергнуть это сообщение в письме к Гланвиллу.[51]

Литераторов у нас, как и ученых, всего двое. Обри, "восхитительный" антиквар и Уилл Уимбл своего времени, все еще верил в колдовство, как и во всевозможные рассказы о призраках и явлениях. Это был вопрос не столько разума, сколько чувств. Драматург Шэдвелл испытывал такое же чувство к литературным ценностям. В своем предисловии к пьесе *"Ланкаширские ведьмы"* он объяснил, что изобразил ведьм настоящими, чтобы люди не захотели "отвлечься", и чтобы его не назвали "атеистом преобладающая партия, которая плохо относится к тому, что власть дьявола должна быть уменьшена". [52] Но Шедуэлл, хотя и не интересовался всерьез ни одной из сторон этой темы, кроме ее использования в качестве литературного материала, относил себя к группе тех, кто отказался от веры.

О том, что думали философы, мы можем догадаться по всепроникающему влиянию Гоббса на это поколение. Однако мы уже видели, что Генри Мор,[53] чье влияние в свое время не стоило презирать, искренне и часто писал в поддержку веры. Можно упомянуть еще одного философа. Ральф Кадворт в своей *"Истинной интеллектуальной системе"* затронул тему конфедераций с дьяволом и мимоходом заметил, что "существует столь полное подтверждение" этих вещей, "что наши столь уверенные их разоблачители в нынешнюю эпоху едва ли могут избежать подозрений в том, что они имеют некоторую склонность к атеизму".[54] Это снова был Гланвилл. Остается обратить внимание на мнения священнослужителей. История литературы о ведьмах в немалой степени отражает мнение священнослужителей. Гланвилл, Казобон, Магглтон, Кэмфилд и Хэллиуэлл были священнослужителями. К счастью, мы располагаем мнениями по крайней мере полудюжины других церковников. Следует помнить, что Оливер Хейвуд, знаменитый неконформистский проповедник из Ланкашира, верил, хотя и не слишком безоговорочно, в колдовство.[55] Так же поступал и Сэмюэл Кларк, пуританский проповедник и агиограф.[56] К этой же стороне следует отнести Натаниэля Уэнли, составителя любопытной работы *"Чудеса маленького мира"*. [57] Более известным было имя Исаака Барроу, магистра Тринити, учителя Исаака Ньютона и одного из лучших проповедников своего времени. Он заявил, что считать все истории о ведьмах выдумкой - значит "обвинять мир в крайнем тщеславии и злословии". [58] Мы можем привести лишь одного божественного деятеля с другой стороны. Это Сэмюэл Паркер, который в свое время сыграл множество ролей, но запомнился прежде всего как епископ Оксфорда во время проблем Якова II с университетом. Паркер был одним из самых нелюбимых церковников своего времени, но он заслуживает похвалы, во всяком случае, за свою позицию в отношении колдовства. Мы не знаем подробностей его взглядов; более того, у нас нет ничего, кроме того факта, что в переписке с Гланвиллом он подверг сомнению мнение этого выдающегося сторонника колдовства.[59]

К этому времени должно быть ясно, что невозможно провести жесткую дискриминацию по группам между теми, кто верил в колдовство, и теми, кто не верил. Можно с осторожностью сказать, что в семидесятые и восьмидесятые годы судьи, а возможно, и мировые судьи,[60] приходили к неверию. С еще большей осторожностью мы можем рискнуть утверждать, что духовенство, как англиканское, так и неконформистское, все еще придерживалось суеверия. Дальнейшее обобщение было бы крайне опасным. Однако, судя по уже приведенным свидетельствам, а также по некоторым, которые будут приведены в другой

связи - при обсуждении Королевского общества[61] , - ученые не заняли такой позиции, какой от них следовало ожидать.

Когда мы изучаем отношение тех, кто высмеивал истории, за которые ручались Гланвилл и Мор, становится очевидным, что они предполагали, что практически все мыслящие люди были с ними. Другими словами, они считали, что их группа состоит из интеллектуальных людей того времени. Легко было бы поспешить с выводом, что все люди, мыслящие традиционно, поддерживают колдовство, а те, кто придерживается нетрадиционных взглядов, выступают на другой стороне, но это было бы ошибкой. Гланвилл был чрезвычайно оригинальным человеком, а Магглтон - необычайно банальным; среди тех, кто придерживался старого мнения, были люди высокого интеллекта и блестящих талантов.

Значит, нужно искать какую-то другую основу для классификации. Гланвилл дает нам интересное предложение. В язвительном тоне он говорит о "рыхлом дворянстве и мелких претендентах на остроумие". Вот возможная линия раскола. Может ли быть так, что более светские люди из семей графства, те, кто составлял то, что мы можем назвать, за неимением лучшего термина, "умной группой" и литературной группой Лондона, были особенно "разрушителями" суеверий? Нетрудно предположить, что Шэдвелл, мирской епископ Паркер и отполированный сэр Уильям Темпл[62] справедливо отражали бы мнение этого класса. Так же и дневник Пеписа, который нашел Гланвилла "не очень убедительным". Можно представить себе, как высмеивание сверхъестественного могло стать причудой определенной социальной группы. В деле Момпессона, несомненно, присутствовали элементы юмора; дикие истории об Эми Дьюни и Роуз Каллендер были бы необычайно забавными, если бы не привели к таким трагическим последствиям. С историями о Джулиане Коксе обвинители ведьм не могли идти дальше. Они достигли кульминации глупости. Можно предположить, что священнослужитель, философ или ученый не увидят в этом юмора; но у светски настроенного лондонца, которого тексты Левит волновали меньше, чем его отца, который больше знал о кофейнях и спектаклях и с усердием выращивал умных людей, чувство юмора было развито лучше. Не было ничего странного в том, что он недоуменно улыбался, когда ему рассказывали эти странные деревенские истории. Возможно, он не слишком глубоко задумывался над абстрактными вопросами и не читал много - может быть, он видел книгу Эди или бегло просмотрел книгу Скота, - но, когда он встречал в своей группе увлеченных людей, которые тихо смеялись над рассказами о колдовстве, он тоже смеялся. И вот так, совершенно незаметно, без шума труб, скептицизм проникал в общество. Гланвиллу и Мор было бесполезно было бы взывать вслух, а народу - бушевать. Классы, участвовавшие в мирской жизни столицы, будут насмехаться, а деревенские дворяне, бравшие с них пример, последуют их примеру.

Конечно, это теория. Чтобы доказать, что изменение мнения, которое, несомненно, происходило, сначала распространялось в высших слоях общества и достигало низших слоев лишь путем медленной фильтрации, потребовалось бы больше доказательств, чем мы надеемся собрать по этому вопросу. Тем не менее такая гипотеза хорошо согласуется с некоторыми фактами. Мы уже видели, что к концу рассматриваемого нами периода количество судебных процессов по обвинению в колдовстве резко сократилось. Этот спад объяснялся изменившимся отношением судей и мировых судей. Судьи избегали судить ведьм,[63] а мировые судьи были менее усердны в их обнаружении. Но данные о людях других профессий были менее обнадеживающими. Создавалось впечатление, что те, кто отправлял правосудие, опережали духовенство, ученых, медиков и деятелей науки своего времени. Если бы мировыми судьями в Англии были магистр Тринити, врач из Норвича или первооткрыватель воздушного насоса, не исключено, что суеверие процветало бы еще не

одно поколение. Потому ли, что люди закона обладали большим количеством фактов, которые, как предполагается, являются достоянием каждого англичанина? Может быть, потому, что их специальная подготовка давала им более здравый взгляд на вещи? Несомненно, оба эти фактора помогают объяснить разницу. Но разве нельзя считать, что влияние оказала социальная группа этих людей? Странствующие судьи и мировые судьи набирались из дворянства, как и представители других сословий. Такие люди, как Рересби и Норт, унаследовали традиции своего сословия; они проводили часть года в Лондоне и знали, о чем говорят в городе. Можно ли сомневаться, что на их решения повлиял этот факт? Сельский мировой судья был достаточно часто удален от влияния метрополии, но он, как правило, быстро улавливал чувства своего сословия.

Если наша теория о том, что юристы опережали представителей других профессий и происходили из высших слоев общества, верна, то это, конечно, подтверждает более широкую теорию о том, что колдовство было впервые дискредитировано среди дворянства. Однако, как мы уже говорили, это в лучшем случае предположение о том, как происходило ослабление веры, и принимать его следует лишь условно. Мы убедились, что есть и другие утверждения о развитии мысли в этот период, которые можно смело утверждать. Произошли большие изменения во взглядах. Было бы несправедливо говорить о том, что движение к скептицизму ускорилося. Скорее, движение, зародившееся еще в во времена Реджинальда Скота и обретшее в последние дни Якова I второй импульс, спокойно набиравшее силу в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы, теперь набирало силу. Здравый смысл вступал в свои права.

[1] Феррис Гринслет, *Джозеф Гланвилл* (Нью-Йорк, 1900), 153. Автор хотел бы выразить свою признательность мистеру Гринслету за его превосходную книгу о Гланвилле.

[2] *Scepsis Scientifica* на самом деле была переделанной "*Тщеславием догматизма*" (1661).

[3] См., например, вступительное эссе Джона Оуэна в его издании (Лондон, 1885) *Scepsis Scientifica*, xxvii, xxix. См. также *Sadducismus Triumphatus* (все цитаты приведены по изданию 1681 года), 7, 13.

[4] Так, по крайней мере, утверждает Лесли Стивен, *Dict. Nat. Biog.* Сам Гланвилл в "*Эссе на несколько важных тем*" (1676) говорит, что шестое эссе, "Философские соображения против современного саддуцизма", было напечатано уже четыре раза, *то есть* до 1676 года. Издание 1668 года было пересмотрено.

[5] Это издание было посвящено Чарльзу, герцогу Ричмонду и Леноксу, поскольку Его Светлость был "рад похвалить первое и более несовершенное издание".

[6] *Sadducismus Triumphatus*, Preface, F 3 verso, F 4; см. также р. 10. Во второй части см. Предисловие, Aa 2-Aa 3. В некоторых других местах он настаивал на этом.

[7] См. там же, 9 и далее, 18 и далее, 21 и далее, 34 и далее.

[8] Там же, 32, 34.

[9] Там же, 11-13.

[10] См., например, там же, 88-89.

[11] Там же, 25-27.

[12] *Sadducismus Triumphatus*, 39.

[13] Там же, 52-53.

[14] На аргумент, что ведьмы не упоминаются в Новом Завете, он ответил, что и Северная Америка тоже (там же, 82).

[15] Там же, 78.

[16] Тем не менее он принял некоторые положения Скота.

[17] *Sadducismus Triumphatus*, Предисловие.

[18] *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 3.

[19] См. там же, pt. ii, Relation VIII.

[20] *Scepsis Scientifica* (изд. 1885 г.), 179.

[21] Лондон, 1668. Переиздано в 1672 году под названием "*Трактат, доказывающий существование духов, ведьм и сверхъестественных действий с помощью беременных примеров и доказательств*" (*A Treatise proving Spirits, Witches, and Supernatural Operations by pregnant instances and evidences*).

[22] См. выше, стр. 239-240.

[23] *Of Credulity and Incredulity*, 29, 30.

[24] Он характеризует Реджинальда Скота как неграмотного негодяя, но признает, что никогда его не читал. Именно Виеруса он стремился опровергнуть в первую очередь.

[25] Он также пристрастился к "крепким и высокопробным напиткам". Anthony à Wood, *Athenae Oxonienses* (Лондон, 1691-1692; 3-е изд., с дополнениями, Лондон, 1813-1820), изд. 1813-1820, III, 11-14.

[26] *The Question of Witchcraft Debated* (London, 1669), 64.

[27] 1670 (см. выше, с. 293).

[28] *The Opinion of Witchcraft Vindicated. В ответе на книгу, озаглавленную The Question of Witchcraft Debated* (Лондон, 1670).

[29] *Истинное толкование Эндорской ведьмы* (Лондон, 1669).

[30] "Пером в монастыре Эльютери".

[31] Лондон, 1676.

[32] Своим знанием этой приписки я обязан профессору Бурру. Переводчик (английский квакер Уильям Сьюэл, всю жизнь проживший в Голландии) называет его "Н. Орчард, проповедник в Ниув-Энгленде".

[33] См. "*Учение о дьяволах*", гл. VII, VIII, и ср. Scot, *Discoverie of Witchcraft*, 512-514.

[34] Гланвилл ответил на несколько похожий аргумент, что библейские чудеса происходят благодаря дьяволу.

[35] Он также заявил, что если дьявол может принимать "человеческие формы, очертания, привычки, лики, тона, ворота, рост, возраст, цвет лица... и действовать в принятой форме", то не может быть абсолютно никакой уверенности в правосудии.

[36] Книга была написана четырьмя годами ранее.

[37] См. G. L. Kittredge, "Notes on Witchcraft," in *American Antiquarian Soc., Proceedings*, n. s., XVIII (1906-1907), 169-176.

[38] Однако в некоторых рассуждениях Уэбстера есть не мало блеска и проницательности.

[39] *Проявление предполагаемого колдовства*, 38-41.

[40] *Displaying of Supposed Witchcraft*, 53.

[41] *Там же*, 68.

[42] *The Witch-Persecutions* (University of Pennsylvania Translations and Reprints, vol. III, no. 4), revised ed. (Philadelphia, 1903), p. 1.

[43] *Displaying of Supposed Witchcraft*, 247-248.

[44] *Displaying of Supposed Witchcraft*, 308, 312 и далее. Астральный дух, который он представлял себе, не отличался от "тонкой и непрочной субстанции" Мора и Гланвилла.

[45] *Там же*, 294 и далее.

[46] *Там же*, 219-228.

[47] Автор "*Учения о дьяволах*" (см. выше, прим. 32) был достаточно обстоятелен, но его работа, похоже, привлекла гораздо меньше внимания.

[48] Лондон, 1678 год.

[49] Джон Бринли, "джентльмен", выпустил в 1680 году книгу "*Разоблачение самозванства ведьм и астрологов*" (*A Discovery of the Impostures of Witches and Astrologers*). Части его книги могут сойти за здравые размышления, пока у человека не возникнет ощущение, что он уже читал нечто подобное. На самом деле Бринли украл линию мысли и большую часть формулировок у Ричарда Бернарда (1627, см. выше, стр. 234-236), причем без всякой похвалы. Второе издание работы Бринли вышло в 1686 году. Оно было таким же во всех отношениях, за исключением того, что посвящение было опущено, а название изменено на "*Рассуждение, доказывающее с помощью Писания, разума и лучших авторов древности и современности, что существуют ведьмы*" (*A Discourse Proving by Scripture and Reason and the Best Authors Ancient and Modern that there are Witches*).

Генри Хэллиуэлл, магистр искусств из Кембриджа и стипендиат колледжа Христа, в 1681 году выпустил книгу "*Мелампроноза, или Рассуждение о сущности и царстве тьмы, вместе с решением самых главных возражений, выдвигаемых против существования ведьм*". Хэллиуэлл был еще одним в длинном списке кембриджцев, защищавших суеверия. Он взялся опровергнуть "самоуверенных взрывников нематериальных субстанций" путем логических умозаключений из Священного Писания. Его трактат не терпит отлагательств.

Ричард Бове, "джентльмен", в 1684 году подарил миру "*Пандемониум, или Дьявольскую клоаку*", представляющую собой очередной удар по современному саддукейству. В его рассуждениях, которые он посвятил доктору Генри Мору, не было ничего нового. Его позиция была в высшей степени оборонительной. Он был охвачен негодованием против неверующих: "Они противопоставляют свои простые *ipse dixit* самым неоспоримым Свидетельствам"; они даже осмеливаются "оскорблять это отношение Деймона из Тедворта". Он действительно был подавлен сложившейся ситуацией. Он сам рассказывает о весьма явном случае колдовства в Сомерсете; однако, несмотря на то, что многие врачи согласились с этим, "правосудие не было применено". Одной из главных целей Бове в его работе было показать "конфедерацию нескольких пап и римских священников с дьяволом". Он делает одно важное признание в отношении колдовства, а именно, что признания ведьм иногда могут быть результатом "глубокой меланхолии или какого-то ужаса, под которым они могли находиться".

[50] *Works*, ed. of 1835-1836, IV, 389.

[51] Мнение Бойля см. также в Webster, *Displaying of Supposed Witchcraft*, 248.

[52] Он также заявляет: "Со своей стороны я... несколько склонен верить. Доказательства, которые я представил, естественные, то есть незначительные и легкомысленные, такие, на которых обычно вешают бедных старых женщин". Пьесу можно найти во всех изданиях работ Шедуэлла. Я использовал редкий частный том, в котором под названием "*Поэзия колдовства*" (Брикстон Хилл, 1853) Дж. О. Холливелл [-Филлипс] объединил эту пьесу Шедуэлла с пьесой Хейвуда и Брома "*Покойные ланкаширские ведьмы*". Эти две пьесы, столь похожие по названию: пьеса Хейвуда и Брома 1634 года, основанная на деле 1633 года, и пьеса Шедуэлла 1682 года, основанная на деле 1612 года, не должны быть спутаны. См. выше с. 121, 158-160, 244-245.

[53] См. выше, стр. 238-239.

[54] *The True Intellectual System of the Universe* (London, 1678), 702.

[55] См. выше, с. 256 и примечание.

[56] См. его "*Жизни выдающихся личностей*" (Лондон, 1683), 172; также его "*Зеркало или зазеркалье, как для святых, так и для грешников*" (Лондон, 1657-1671), I, 35-38; II, 159-183.

[57] Лондон, 1678; см. с. 515-518.

[58] *Сочинения* (изд. в Эдинбурге, 1841), II, 162.

[59] Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, 80.

[60] К восьмидесятым годам совершенно очевидно, что судьи перестали выдвигать обвинения против ведьм.

[61] В статье, которая будет опубликована отдельно.

[62] См. его эссе "О поэзии" в "*Сочинениях*" (Лондон, 1814), III, 430-431.

[63] Судья Джеффрис и судья Герберт оправдали ведьм, согласно F. A. Inderwick, *Sidelights on the Stuarts* (2d ed., London, 1891), 174.

ГЛАВА XIII.

Окончательный упадок.

В истории колдовства годы с 1688 по 1718 можно объединить в один период. Это не значит, что год Революции ознаменовал какой-либо переход в развитии суеверия. Это не так. Но мы рискнули использовать его как удобную дату, с которой можно связать влияние Реставрации. 1718 год имеет для нас большое значение в связи с публикацией в этом году *"Исторического очерка о колдовстве"* Фрэнсиса Хатчинсона, книги, которая, как нелишне будет сказать, нанесла окончательный удар по этому верованию в Англии.^[1]

Мы говорим об установлении даты, к которой следует привязать влияние Реставрации. На самом деле, в любой дате есть нечто произвольное. Влияние, действовавшее в течение предыдущего периода, продолжалось неуклонно. Язычники бушевали, а народ выдумывал всякую ерунду. Великий пролетариат ненавидел ведьм так же сильно, как и раньше. Но мировые судьи и странствующие судьи преодолевали свой страх перед народным мнением и отказывались выслушивать выдвигаемые против них обвинения. В некоторых отношениях ситуация была такой же, как в конце семидесятых и в течение восьмидесятых годов. Однако были и некоторые особенности, которые отличали этот период. Одной из них стало более широкое использование экзорцизма. Изгнание злых духов было предметом больших споров почти столетие назад. За прошедшее время эта практика ни в коем случае не была забыта, но не получила широкого общественного резонанса. Теперь же изгоняющие дьявола снова вышли на авансцену, чтобы разжечь вражду между пуританами и англиканами в Ланкашире. Но это так и не стало более чем памфлетной полемикой. Другая особенность этого периода была гораздо более значительной. Последними казнями за колдовство в Англии, вероятно, стали казни в Эксетере в 1682 году.^[2] На протяжении целого поколения суды не одобряли преследования ведьм. Теперь же в Англии появились судьи, которые определенно аннулировали закон, записанный в своде законов. Решениями Пауэлла и Паркера, а более всего Холта, статут первого года правления Якова I был практически признан устаревшим за двадцать пять или пятьдесят лет до его фактической отмены в 1736 году. Мы увидим, что постепенное разрушение закона судьями происходило не без борьбы. На знаменитом процессе в Хартфорде в 1712 году вся тема дьявола и его отношения к ведьмам была вновь поднята в своей наиболее определенной форме, и борьба с ней велась в зале суда и на трибуне общественного мнения. Однако это была лишь последняя перестрелка и контрперестрелка на поле боя, где в середине дня во главе с Вебстером и Гланвиллом стояли хозяева. Вопрос, действительно, теперь был очень конкретным. По абстрактному вопросу о колдовстве ничего нового сказать было нельзя. Однако здесь был конкретный случай. Что с ним делать? По этому поводу разгорелась веселая война. Разумеется, развязка была предрешена. Он был предвосхищен действиями судейской коллегии.

Мы увидим, что после признания закона недействительным простые люди начали брать закон в свои руки. Отметим, что вследствие этого увеличилось количество купальских мытарств и других незаконных процедур.

История ланкаширской демономании ничем не отличается от истории Уильяма Сомерса в Ноттингеме столетием ранее. В этом случае не было никакого Джона Даррела, а экзорцисты, скорее всего, были честными, но заблуждающимися людьми. Дело началось в деревне Сури, расположенной неподалеку от порождающего суеверия Пендлского леса. Одержимый мальчик, Ричард Дагдейл, был садовником и слугой в возрасте около девятнадцати лет.^[3] В апреле 1689 года с ним начались припадки, в которых он утверждал, что говорит на латыни и греческом и проповедует против грехов этого места. Каковы бы ни были его притязания, он

казался подходящим объектом для экзорцизма. Говорят, что некоторые католики побаловались с ним, а затем несколько пуританских священников из общины взяли его в руки. В течение восьми месяцев они проводили еженедельные посты ради его выздоровления, но их усилия не увенчались успехом, как они надеялись. Они начали подозревать колдовство[4] и собирались предпринять шаги к судебному преследованию той стороны, которую подозревали.[5] Это ни к чему не привело, но в конце концов Дагдейлу стало лучше. Его избавили от припадков, и священнослужители, которые не оставляли попыток вылечить его, поспешили заявить о своей заслуге. Более дюжины раскольнических проповедников, среди которых были Ричард Фрэнкленд, Оливер Хейвуд,[6] и другие известные пуританские лидеры на севере Англии, оказали поддержку Томасу Джолли, который принял на себя главную роль в молитве и посте. Из Лондона Ричард Бакстер, возможно, самый известный пуританин своего времени, прислал просьбу рассказать о чуде, чтобы вставить его в свою готовящуюся книгу о мире духов. Это привело к плану напечатать полное повествование о случившемся, но со смертью Бакстера этот план был отменен.[7] Тем временем, однако, публикация в Лондоне рассказа Матерса о судебных процессах в Новой Англии в 1692 году[8] вызвала новый спрос на историю Ричарда Дагдейла. Она была подготовлена и отправлена в Лондон, но там каким-то загадочным образом рукопись была утеряна.[9] Однако она была переписана и появилась в 1697 году под названием *The Surey Demoniack, or an Account of Strange and Dreadful Actings in and about the Body of Richard Dugdale*. Предисловие было подписано шестью священнослужителями, включая уже названных; но, скорее всего, книгу написали Томас Джолли и Джон Каррингтон.[10] Реальность владения была подтверждена показаниями, взятыми у двух мировых судей Ланкашира. Целью работы было, конечно, добавить еще одно современное звено в цепь доказательств сверхъестественного. Ученым, которые работали с одержимым мальчиком, было ясно, что его случай был точно таким же, как и в Новом Завете. Более того, его выздоровление стало доказательством силы молитвы.

Нонконформизм был силен в Ланкашире, и англиканская церковь, как и правительство, уже много лет прилагали немало усилий, чтобы подавить его. Появился шанс нанести пуританам удар в одно из самых слабых мест, и Англиканская церковь не замедлила воспользоваться своей возможностью. Закари Тейлор, настоятель Уигана и капеллан епископа Честерского, уже ознакомился с методами экзорцистов. В предыдущем году он напал на католиков Ланкашира за экзорцизм, который, как они утверждали, был совершен в его приходе.[11] Довольный своей новой ролью, он нашел в Томасе Джолли овцу, готовую к стрижке.[12] Он поспешил опубликовать книгу "Самозванец" (*The Surey Impostor*, [13]), в которой с очень доброй волей выступил с нападка на реальность припадков Дагдейла, обвинил его в том, что он был заранее проинструктирован католиками, и что нонконформистские священники стремятся получить богатый урожай от чудес, которые они должны творить. Их целью было самовосхваление. Он высмеял нескольких прорицателей, участвовавших в этом деле, и обвинил их в хитрости и самонадеянности при ведении дела.[14]

Разумеется, Тейлору ответили, причем с не меньшей горечью, чем ему самому. Томас Джолли ответил ему в статье *A Vindication of the Surey Demoniack*. "Я не стану портить свою газету, - писал мягкий Джолли, - и оскорблять своего читателя этими мерзкими и нелепыми пассажами на этой странице. О, извержения измученного сердца! Как отчаянно порочно человеческое сердце!"[15]

Мы не будем вдаваться в подробности этого спора, который действительно перерос в сектантскую склоку.[16] Единственное обсуждение этой темы, приближающееся к справедливости, было сделано анонимным автором[17], который назвал себя

беспристрастным и придерживающимся иных религиозных убеждений, чем Джолли. Конечно, он был человеком, который верил в одержимость духами. Можно также усомниться в том, что его предположение о справедливом отношении к Англиканской церкви было полностью оправданным. Но, во всяком случае, его работы были свободны от инвектив и отличались умеренностью. Он считал, что священнослужители-диссиденты, вероятно, находятся в некотором заблуждении. Но они действовали, по его мнению, из добрых побуждений, пытаясь помочь тому, кто к ним обратился. Некоторые из них были не только "серьезными хорошими людьми", но и людьми, хорошо известными в народе. Это действительно было так. Диссентеры сами подставили себя под удар, и, несомненно, некоторые из них увидели свою ошибку и пожалели о ней. По крайней мере, небезынтересно, что ни Оливер Хейвуд, ни Ричард Фрэнкленд, ни кто-либо другой из диссентеров не был достаточно уверен в своих силах, чтобы поддержать Джолли в споре, в который его втянули.[18]

Мы подробно остановились на деле Дагдейла из-за его важности для своего времени и потому, что оно было так характерно для последней эпохи борьбы за власть дьявола. Случаи одержимости были не только в Ланкашире, но в Сомерсетшире, а также в Лондоне и его окрестностях. Не без борьбы Его Сатанинское Величество сдавал свои позиции.

Отвлечемся от этого спора, чтобы проследить за решениями тех выдающихся судей, которые отменяли статут против ведьм. Мы уже упоминали три имени - Холта, Пауэлла и Паркера. Это не потому, что они были единственными судьями, выносившими оправдательные вердикты - мы знаем, что должны были быть и другие, - а потому, что их имена связаны с важными решениями. Несомненно, главный судья Холт сделал больше, чем любой другой человек в истории Англии, чтобы положить конец преследованию ведьм. Судья Пауэлл не был столь храбрым человеком, но ему довелось председательствовать на одном из самых ожесточенных судебных процессов, и его вердикт подтвердил прецеденты, созданные Холтом. Судье Паркеру посчастливилось рассматривать последнее дело о колдовстве в Англии.

Холт стал главным судьей королевской скамьи после воцарения Уильяма и Марии. Не являясь одним из великих имен в английских судебных списках, его решительная позиция против суеверий делает его великим в истории колдовства. Где и когда он приобрел свое скептическое отношение, мы не знаем. Прошло то время, когда такое отношение было необычным. Как бы то ни было, с момента вступления в должность верховного судьи он прямо выступил против наказания за колдовство. Как премьер-министр английской судебной системы его пример значил не меньше, чем его собственные решения. И их совокупный эффект был немалым. Нам известно не менее одиннадцати судебных процессов, в которых он как председательствующий сыграл важную роль в вынесении оправдательного приговора. В Лондоне, в Ипсвиче, в Бэри, в Эксетере, в Корнуолле и в других частях королевства были вынесены эти вердикты, и они не могли не повлиять на мнение и на решения других судей. Три из этих процессов мы рассмотрим вкратце - в Бэри, Эксетере и Саутворке.

В 1694 году он судил мать Маннингс в Бэри-Сент-Эдмундс,[19], где его великий предшественник Хейл осудил двух женщин. Матушка Муннингс объявила, что до следующей субботы домовладелец должен лежать носом вверх в церковном дворе, и, конечно же, ее пророчество сбылось. Тем не менее, несмотря на эти и другие свидетельства, ее оправдали. Два года спустя Холт судил Элизабет Хорнер в Эксетере, где Раймонд осудил трех женщин в 1682 году. Епископ Трелони из Эксете́ра отправил своего иподиакона, Лонселота Блэкберна (впоследствии архиепископа Йоркского), изучить это дело, и его отчет кое-что добавляет к

тому, что рассказал нам Хатчинсон.^[20] Елизавету видели "три ночи подряд на большом пуху в одном и том же месте, как будто поднимающуюся из земли". Против нее свидетельствовал свидетель, что она вбила раскаленный гвоздь "в левую ступню ведьмы, после чего та захромала, а при обыске ее нога и ступня показались красными и огненными". Эти свидетельства были "наиболее весомыми против нее", как и показания матери некоторых одержимых детей, которая заявила, что ее дочь четыре или пять раз поднималась по стене высотой девять футов назад и вперед, ее лицо и передняя часть тела были параллельны потолку, и сказала, что Бетти Хорнер несла ее вверх. Завершая повествование, архидиакон написал без комментариев: "Милорд верховный судья своими вопросами и манерой поджимать показания, как мне кажется, вообще не поверил в колдовство и не поверил в факт хождения по стене, в котором поклялась мать". Он добавил: "Присяжные признали ее невиновной".

Дело Сары Мордаик из Лондона *против* Ричарда Хэтэуэя^[21] еще больше проясняет отношение Холта. За несколько лет до этого Сара Мордаик, или Мордак, была обвинена Ричардом Хатауэем в том, что стала причиной его болезни. Несколько раз он царапал ее. Преследуемая сбродом, она уехала из Саутварка в Лондон. Ричард Хатауэй последовал за ней, и вскоре в нескольких церквях молились о его выздоровлении. Она обратилась к магистрату за защитой, получила отказ и предстала перед судом в Гилфорде, где была оправдана. Однако к этому времени многие стали считать Хатауэя мошенником. Его арестовали и поместили под наблюдение хирурга, который внимательно следил за ним и вскоре обнаружил, что голодания, которые были характерны для его притворных припадков, были ложными. Это был не первый случай, когда его уличили в самозванстве. Ранее его заставили поцарапать женщину, которую он ошибочно принял за Сару Мордак. Несмотря на все разоблачения, как всегда, он продолжал притворяться и в конце концов предстал перед судом в Саутварке по обвинению в попытке лишить жизни Сару Мордаик за то, что она была ведьмой. Приятно осознавать, что священнослужитель, доктор Мартин, встал на сторону ведьмы и помог Хатауэю предстать перед судом. Верховный судья Холт и барон Хатселл председательствовали на суде^[22], и, похоже, не было никаких сомнений в исходе. Присяжные, "не сходя с места", признали Хэтэуэя виновным.^[23] Вердикт был знаменательным. Притворщики и раньше попадали в неприятности, но вскоре выходили из них. Мальчик из Билстона был наказан; молодой Робинсон, который отправил бы на виселицу дюжину своих товарищей, счел за труд продержаться несколько месяцев в Лондоне.^[24] Ряд дел во времена Карла I показал, что взыскать ущерб за клевету на ведьму практически невозможно, хотя во времена Содружества одна женщина вышла из дела с пятью шиллингами в придачу. Конечно, когда клеветали на выдающегося человека, обстоятельства менялись. Когда-то, очень близко суду над Хатауэем, Элизабет Хоул из Дербишира была вызвана в суд за то, что обвинила сэра Генри Хемлока, известного баронета, в колдовстве.^[25] Такое обвинение против человека с положением было серьезным делом. Но дело Мордайка-Хэтэуэя лежало в совершенно иной плоскости, чем все эти случаи. Сара Мордак не была женщиной с положением, однако ее обвинительница была наказана, возможно, длительным тюремным заключением. Это был прецедент, который стал бы большей защитой для предполагаемых ведьм, чем многие оправдательные приговоры.

Судье Пауэллу не суждено было пользоваться авторитетом Холта, однако он принял одно решение, последствия которого оказались далеко идущими. Это произошло во время суда над Джейн Уэнхем в Хартфорде в 1712 году. Суд над этой женщиной был в некотором смысле ее собственным делом. Она была вдовой, которая на сайте занималась стиркой на день. Долгое время ее подозревал в колдовстве соседний фермер, настолько, что, когда его слуга начал вести себя странно, он сразу же возложил вину на вдову. Джейн обратилась к сэру

Генри Чонси, мировому судье, с просьбой выдать ордер на арест ее обвинителя. Его отпустили, оштрафовав на шиллинг, а ей мистер Гардинер, священнослужитель, дал наставление жить более мирно.[26] Так закончился первый акт. В следующей сцене этого драматического случая служанка преподобного мистера Гардинера, только что оправившаяся от перелома колена, была обнаружена одна в комнате, раздетая "донага" и державшая в руках связку палок. Когда миссис Гардинер попросила ее объяснить свое состояние, она рассказала любопытную историю. "Когда она осталась одна, в голове у нее начались странные мысли, ... она вспомнила о Джейн Уэнхем и решила, что должна куда-то бежать... она перелезла через ворота с пятью перекладинами и побежала по шоссе вверх по холму... до места под названием Хакни-Лейн, где она оглянулась и увидела маленькую старушку в капюшоне для верховой езды". Эта дама спросила, куда она идет, велела ей сорвать несколько палок с дуба, велела засунуть их в платье и, что самое удивительное, дала ей большую кривую булавку.[27] Миссис Гардинер, как гласит история, взяла палки и бросила их в огонь. Престо! В комнату вошла Джейн Уэнхем, притворившись, что у нее есть какое-то поручение. Впоследствии выяснилось, что поручение было фиктивным.

Все это вызвало большой переполох. Сказка была абсолютно оригинальной, но от этого не менее примечательной. Горничная со сломанным коленом пробежала полмили и обратно за семь минут - очень хорошее время, учитывая обстоятельства. На следующий день горничная, несмотря на разбитое колено и начавшийся приступ, отправилась выполнять поручение. Она встретила Джейн Уэнхем, и та вполне заслуженно отругала ее за рассказы, которые она наплела, после чего припадки горничной стали еще сильнее, чем прежде. Затем, пока несколько человек внимательно наблюдали за ней, она повторила свой прежний забег на длинную дистанцию, перепрыгнув через ворота с пятью перекладинами "проворно, как борзая".

Теперь Джейн Уэнхем была заключена в тюрьму мировым судьей, который со всей скоростью собирал улики против нее. В этом ему помогали преподобный Фрэнсис Брэгге, настоятель Уокерна, и преподобный мистер Стратт, викарий Одли. Несчастная женщина просила судью позволить ей пройти испытание водой,[28] но он отказался, объявив его незаконным и неоправданным. В это время преподобный мистер Стратт использовал испытание молитвой "Отче наш",[29] тест, который был отменен уже полвека назад. Она не смогла правильно произнести молитву и в свое оправдание заявила, что "ее сильно мутило", как и должно быть. Но против нее быстро появились и другие улики. Ее поймали на краже репы, и она покорно попросила прощения, сказав, что в тот день у нее не было еды и денег, чтобы ее купить.[30] На следующий же день человек, давший эти показания, потерял одну из своих овец, а другую нашел "странно поведшейся, скачущей и стоящей на голове".[31] Были и другие столь же глупые свидетельства. Нам нет нужды в них вдаваться. Два официозных священника возились с ней до тех пор, пока одному из них не удалось вырвать у нее некое подобие признания. Это был рассказ, в котором она пыталась объяснить странное поведение Анны Торн и потерпела неудачу.[32] Через несколько дней, в присутствии трех священников и мирового судьи, ее заставили повторить признание, но она была "полна двусмысленностей и уклонений", а , когда на нее надавили, сказала своим экзаменаторам, что они "ждали ее жизни".

Брэгге и Стратт приложили немало усилий для сбора доказательств. Однако, когда дело дошло до суда, женщину обвинили лишь в том, что она имела дело с духом в виде кошки.[33] Это было сделано по совету адвоката. К сожалению, у нас нет подробностей о причинах, но очень похоже на то, что адвокат понимал, что показания, собранные священнослужителями, уже не повлияют на суд, и считал, что одно обвинение в использовании кошки в качестве

духа может быть обоснованным. На заседаниях присутствовало множество людей. "Такого огромного количества людей, - пишет очевидец, - не собиралось на заседаниях суда на памяти человека".[34] Помимо доказательств, приведенных мировым судьей, который энергично возглавил обвинение, преподобный мистер Брэгге, которого не стали пресекать из-за ограниченности обвинений, дал несколько замечательных показаний о набивке подушки Анны Торн. Она была набита лепешками из мелких перьев, скрепленных между собой каким-то вязким веществом, сильно напоминающим "мазь из плоти мертвецов", о которой упоминал мистер Гланвилл. Брэгге провел исследование этого вещества и обнаружил, что частицы расположены в геометрических формах с равным количеством в каждой части.[35] Судья Пауэлл потребовал предъявить подушку, но ему пришлось довольствоваться словами свидетеля, поскольку подушка была сожжена. Артур Чонси, который, вероятно, был родственником мирового судьи, предложил показать судье булавки, взятые у Анны Торн. В этом не было необходимости, ответил судья, полагая, что это кривые булавки.[36] Руководители обвинения, похоже, чувствовали, что судья насмехается над ними на протяжении всего процесса. Когда Анна Торн была в припадке, а преподобный мистер Чишулл, получив разрешение помолиться над ней, читал службу о посещении больных, судья Пауэлл насмешливо заметил: "Он слышал, что в римской литургии есть формы экзорцизма, но не знал, что они есть в нашей церкви".[37] Должно быть, англиканские священнослужители были очень разочарованы тем, что Пауэлл так легкомысленно отнесся к делу. Когда против обвиняемой было дано показание, что она привыкла летать, Пауэлл, как говорят, сказал ей: "Вы можете, нет закона, запрещающего летать".[38] Это действительно вполне соответствует тому, каким его описывает Свифт: "старик с седыми волосами, который был самым веселым старым джентльменом, которого я когда-либо видел, говорил приятные вещи и смеялся до слез".

Несмотря на очевидное мнение Пауэлла о процессе, он не смог помешать вынесению обвинительного приговора. Несомненно, толпа присяжных оказала на них большое влияние. Судья, по-видимому, в форме осудил женщину, но позаботился о том, чтобы она была оправдана. [39] Тем временем ее дело, как и дело Ричарда Дагдейла, стало предметом сектантских разборок. Враги Джейн Уэнхем утверждали, что в тюрьме ее поддерживали диссентеры,[40] хотя, по их словам, до этого момента она никогда не была воцерковленной женщиной. Это было повторение дела Дагдейла, за исключением того, что стороны были поменяны местами. Тогда пуритане выступали на стороне суеверия, теперь же некоторые англикане, похоже, встали на эту сторону.[41] Разумеется, переполох был сильнее. Мистрис Джейн оказалась в Лондоне "предметом городского обсуждения", и началась полемика о памфлетах, не уступающая по накалу страстей спору между Томасом Джолли и Закари Тейлором. Было выпущено не менее десяти брошюр. Мировой судья разрешил опубликовать свою историю этого дела, а преподобный мистер Брэгге бросился в печать с книгой, которая выдержала пять изданий. Разумеется, защитники Джейн Уэнхем и судьи, освободившего ее, не замедлили с ответом. Врач, не подписавший своего имени, обрушил на все это дело сокрушительные насмешки:[42], а защитник судьи Пауэлла рассмотрел дело в мягкой манере: он не отрицал возможности колдовства, но подверг резкой импичментации благонадежность свидетелей против женщины.[43]

Но мы не можем задерживаться на деталях этого спора. Судья Пауэлл разворошил осиное гнездо оппозиции, но это мало что значило.[44] Насекомые могли жужжать, но их жала были нарисованы.

Последний суд над колдовством состоялся в 1717 году в Лестере под руководством судьи Паркера.^[45] Любопытно, что обстоятельства, связанные с ним, свидетельствуют о том, что грубые формы суеверия были еще живы. Приличия не позволяют описывать подробности методов, использованных для доказательства вины подозреваемых. Не менее двадцати пяти человек объединились против "старухи Нортон и дочери" и подвергли их испытаниям самого одобрительного характера. Нет нужды говорить, что испытание плаванием было опробовано, и оба существа "плавали как пробка". Затем преследователи принялись за работу, чтобы "добыть кровь ведьм". В этом они добились "хороших успехов", но ведьмы "были настолько упрямы, что им часто приходилось звать констебля, чтобы он привел на помощь несколько человек и силой удерживал их, чтобы пустить кровь".^[46] Старую ведьму также раздевали и обыскивали "публично перед большим количеством добрых женщин". Самая жестокая и незаконная из всех форм ведьминых процедур была возрождена, словно в честь последнего появления дьявола. Но остальная часть истории более приятна. Когда дело предстало перед большим жури на судебном процессе, где председательствовал судья Паркер, "законопроект не был найден".

На этом история английских судебных процессов заканчивается. Статут Якова I был практически отменен, и, хотя он не должен был изыматься из книг законов в течение девятнадцати лет, теперь он ничего не значил. Простому народу было очень трудно осознать случившееся. По мере того как закон разрушался, они проявляли все большую склонность брать правосудие в свои руки. В деле, которое мы только что рассматривали, мы видели, как обвинители посягали на личные права человека и призывали констеблей помочь им в их совершенно незаконных действиях. Это было не ново. Уже в 1691 году, если верить Хатчинсону, в Саффолке, Эссексе, Кембриджшире и Нортгемптоншире "нескольких человек судили вплавь, и некоторые были утоплены". Было бы легко добавить другие и более поздние свидетельства,^[47] но мы должны довольствоваться одним.^[48] Вдова Коман в Эссексе недавно потеряла мужа, и ее пастор, преподобный мистер Бойс, отправился поддержать ее в меланхолии. Поскольку он слышал, что она считается ведьмой, он внимательно расспросил ее и получил бесстрастное признание в связях с дьяволом. Это поразило его. Когда он попытался расспросить подробнее, его отстранили. "Масло стоит восемь пенсов за фунт, а сыр - круп за фунт", - пробормотала женщина, и священнослужитель ушел в недоумении. Но после обеда он вернулся, и она разразилась таким диким бредом, что он решил, что ее признание было всего лишь "рассеянностью в ее голове". Две женщины, однако, встревожились от ее дальнейших и более поразительных признаний. Священник вернулся, приведя с собой "мистера Голдсмита и мистера Граймса", двух неверующих "искр века". Остальную часть истории можно рассказать так, как она изложена в другом рассказе, дневнике того времени. "3 июля 1699 года вдову Коман пустили в реку, чтобы посмотреть, не утонет ли она, ... и она не утонула, а поплыла, ... и ее попробовали снова 19 июля, и тогда она снова поплыла. 24 июля вдову попробовали в третий раз, опустив ее в реку, и она поплыла. 27 декабря. Вдова Коман, которую считали ведьмой, была похоронена". Промежуточные звенья вряд ли нужно приводить, но преподобный мистер Бойс их привел: "то ли от холода, который она получила в воде, то ли каким-то другим способом, она сильно заболела и умерла".

Должно быть, эти эксперименты с водой были очень увлекательны, и к началу XVIII века они стали настолько популярны, что главный судья Холт^[49], как говорят, постановил, что в будущем, если купание приведет к летальному исходу, виновные будут преследоваться за убийство. Возможно, такое заявление на некоторое время заставило отказаться от использования этого метода, но во второй трети XVIII века он был возрожден.

Народные чувства по-прежнему были настроены против ведьмы. Если все более широкое использование плавательных судов и было ответом на неисполнение якобинского статута, то это был ответ невежественных классов. Их влияние должно было уменьшиться. Но можно предложить и другое возможное последствие разрушения закона. Мистер Индервик, много исследовавший английское колдовство, говорит, что "с 1686 по 1712 год ... обвинения и приговоры в злонамеренном нанесении ущерба имуществу при поджоге стогов сена, амбаров и домов, а также в злонамеренном нанесении вреда людям и скоту чрезвычайно возросли". [50] Это очень интересно, если это правда, и кажется вполне соответствующим истории колдовства, чтобы это было правдой. Снова и снова мы видим, что обвинение в колдовстве было оружием обвинителей, которые не могли доказать другие подозреваемые преступления. По мере того как обвинения в колдовстве отпадали, обвинения в других преступлениях, естественно, множились; и теперь, когда уже не так просто было свалить все на ведьму общины, число обвиняемых также росло.

Мы подошли к концу процесса над ведьмами. В другой главе мы проследим историю мнений через этот последний период. После увольнения женщин Нортон в Лестере суды покончили с процессами над ведьмами.

[1] См. ниже, с. 342-343.

[2] Мы исходим из того, что дела в Нортгемптоне в 1705 году и в Хантингдоне в 1716 году не имеют под собой фактической основы. В Нортгемптоне, согласно памфлету, были повешены и сожжены две женщины, а в Хантингдоне, согласно другому сообщению, - женщина и ее дочь. Возможно, в этих памфлетах речь идет об исторических событиях, но вероятность такого предположения говорит против. Подробное обсуждение этого вопроса см. ниже, приложение А, § 10.

[3] О его ранней истории см. в книге *"The Surey Demoniack, ... or, an Account of Satan's ... Actings, In and about the Body of Richard Dugdale...."* (Лондон, 1697).

[4] Католики, насколько можно судить по рассказу, ничего не говорили о колдовстве.

[5] *The Surey Demoniack*, 49; Zachary Taylor, *The Surey Impostor, being an answer to a ... Pamphlet, Entitled The Surey Demoniack* (London, 1697), 21-22.

[6] "N. N.", *The Lancashire Levite Rebuked, or a Vindication of the Dissenters from Popery.....* (Лондон, 1698), 3-4; см. также предисловие к *"The Surey Demoniack"*.

[7] *Ibid.*

[8] *The Wonders of the Invisible World: being an Account of the Tryals of ... Witches ... in New England* (London, 1693), автор Cotton Mather, и *A Further Account of the Tryals of the New-England Witches* (London, 1693), автор Increase Mather. См. предисловие к книге *"Сурпи Демониак"*.

[9] Томас Джолли рассказал любопытную историю о том, как группа вооруженных людей на Стрэнде силой отобрала рукопись у человека, который нес ее в типографию. См. там же.

[10] Александр Гордон в своей статье о Томасе Джолли, *Dict. Nat. Biog.*, говорит, что памфлет был составлен Джолли и дополнен Каррингтоном. Закари Тейлор в своем ответе на него (*The*

Surey Impostor) постоянно называет мистера Каррингтона в качестве автора. "N. N." в книге *"The Lancashire Levite Rebuked"* также предполагает, что автором был Каррингтон.

[11] *Дьявол, превращенный в казуиста, или Обманы Рима, открытые при изгнании отчаявшегося дьявола....* By Zachary Taylor, ... (London, 1696).

[12] Интересно, что отец Закари Тейлора был нонконформистом; см. *The Lancashire Levite Rebuked*, 2.

[13] Лондон, 1697.

[14] *The Devil Turned Casuist*.

[15] *A Vindication of the Surey Demoniack*, 17.

[16] Тейлор ответил на книгу Джолли *"Vindication of the Surey Demoniack"* в 1698 году памфлетом под названием *"Popery, Superstition, Ignorance and Knavery ... very fully proved ... in the Surey Imposture"*. Затем появился *"Обвинение ланкаширского левита"* неизвестного автора "N. N.", чьи взгляды мы приводим в тексте. Тейлор, по-видимому, ответил на письмо "Н. Н.", которое вызвало яростный ответ (1698) в книге *The Lancashire Levite Rebuked, or a Farther Vindication of the Dissenters.....* Ответ Тейлора, вышедший в 1699 году, был озаглавлен *"Popery, Superstition, Ignorance, and Knavery Confess'd and fully Proved on the Surey Dissenters...."*.

[17] "N. N." *Ланкаширский левит обличен*. Преподобный Александр Гордон в своей статье о Закари Тейлоре, *Dict. Nat. Biog.*, говорит, что Каррингтон, вероятно, написал эту книгу. Это кажется невозможным. Автор книги, говоря о мистере Джолли, мистере Р. Фр. [Франкленте] и мистере О. Х. [Оливере Хейвуде], упоминает мистера К. как "разоблачившего себя в стольких незначительных фоппериях, вброшенных в его повествование" - достаточное доказательство того, что Каррингтон не писал *"Отречение ланкаширского левита"*.

[18] Несколько священнослужителей-диссидентов выступили против публикации *"The Surey Demoniack"* и пытались добиться ее запрета. См. *The Lancashire Levite Rebuked*, 2.

[19] Рассказ об этом деле см. в книге "Фрэнсис Хатчинсон, *исторический очерк о колдовстве*" (Лондон, 1718), 43. Хатчинсон провел расследование этого дела, когда был в Бэри, и у него также были записи Холта о судебном процессе.

[20] Хатчинсон располагал записями Холта по этому делу, как и по предыдущему; *ibid.*, 45. Письмо Блэкберна напечатано в *Notes and Queries*, 1st series, XI, 498-499, и перепечатано в Brand, *Popular Antiquities* (1905), II, 648-649.

[21] См. *The Tryal of Richard Hathaway*, ... за попытку лишить жизни Сару Мордак, за то, что она ведьма... (Лондон, 1702), и *"Полный и правдивый отчет о задержании и взятии миссис Сары Мордик, ... обвиненной ... в околдовании Ричарда Хетевея..."*; см. также Hutchinson, *op. cit.*, 224-228.

[22] Там же, 226.

[23] Несколько похожий случай в Хаммерсмите, если верить памфлету, был рассмотрен аналогичным образом. Сюзанна Фаулз притворилась, что одержима так, что не может использовать имя Бога или Христа. Прикладывание раскаленного железа к ее голове во время припадков было радикальным, но действенным. Она воскликнула "Господи!" и тем самым показала себя "пресловутой лиарой". Ее отправили в исправительный дом, где, как

сообщает неравнодушный памфлетист, "она сейчас бьет коноплю". В другом памфлете, однако, приводится совсем другая версия. Согласно этому рассказу, Сьюзен под влиянием папистов притворилась одержимой так, что постоянно богохульствовала. Ее обвинили в богохульстве, оштрафовали и приговорили к наказанию в виде столпотворения. (Графические названия этих противоречивых памфлетов и фолианта на ту же тему см. в приложении А, § 7).

[24] Вероятно, не по приговору суда, а через тайный совет.

[25] См. J. C. Cox, *Three Centuries of Derbyshire Annals* (London, 1890), II, 90.

[26] Джейн Уэнхем (ширпотреб); см. также "Полный и беспристрастный отчет об обнаружении колдовства и чародейства, практикуемых Джейн Уэнхем..." (Лондон, 1712).

[27] Это повествование очень подробно изложено в "Полном и беспристрастном рассказе". Разумеется, на него ссылаются почти все остальные памфлеты.

[28] Джейн Уэнхем (широкий лист) см. также *A Full and Impartial Account*, 12.

[29] Джейн Уэнхем (broadside); см. также *A Full and Impartial Account*, 10.

[30] Джейн Уэнхем (широкая полоса); см. также *A Full and Impartial Account*, 14.

[31] Там же, 14.

[32] Некоторые, кто не считал Джейн виновной, предполагали, что она призналась в этом из-за несчастья и желания уйти из мира, *Witchcraft Farther Display'd. Containing (I) An Account of the Witchcraft practis'd by Jane Wenham, ... An Answer to ... Возражения против существования и силы ведьм...* (Лондон, 1712), 37.

[33] *Полный и беспристрастный отчет*, 24.

[34] *An Account of the Tryal, Examination and Condemnation of Jane Wenham*.

[35] *Полный и беспристрастный отчет*, 27.

[36] *Полный и беспристрастный отчет*, 26.

[37] Там же, 25.

[38] Для этой истории я не нашел никаких современных свидетельств. Самый ранний источник, который я могу найти, - "Биографический словарь" Александра Чалмерса (Лондон, 1812-1827), XXV, 248 (s. v. Powell).

[39] После освобождения она попала под защиту полковника Пламмера из Гилстона, который следил за ходом процесса. Хатчинсон, *Исторический очерк о колдовстве*, 130. После его смерти она получила поддержку графа и графини Каупер и прожила до 1730 года. Роберт Клаттербак, *История и древности графства Хартфорд* (Лондон, 1815-1827), II, 461, примечание.

[40] *Witchcraft Farther Displayed*, введение.

[41] См. посвящение судье Пауэллу в книге "Дело о колдовстве в Хартфордшире" (Лондон, 1712).

[42] *Полное опровержение колдовства: В частности, в показаниях против Джейн Уэнхем..... В письме врача из Хартфордшира своему другу в Лондоне* (Лондон, 1712).

[43] *Рассмотрение дела о хертфордширском колдовстве*". Подробнее об этих обсуждениях см. ниже, гл. XIV.

[44] Однако, похоже, друзья Джейн опасались попыток леди Фрэнсис добиться казни Джейн вопреки судье. См. *"Невозможность колдовства", ... In which the Depositions against Jane Wenham ... are Confuted ...* (London, 1712), 2d ed. (in the Bodleian), 36.

[45] См. Brit. Mus., Add. MSS., 35,838, f. 404.

[46] Они "не могли получить из них кровь, царапая, поэтому использовали большие булавки и подобные инструменты для этой цели".

[47] См. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 160; см. также C. J. Bilson, *County Folk Lore, Leicestershire and Rutland* (Folk Lore Soc., 1895), 51-52.

[48] *Дело о колдовстве в Коррешолле, Эссекс, в 1699 году. Being the narrative of the Rev. J. Boys ...* (London, 1901).

[49] Некоторые считают, что это заслуга Паркера. Я не могу найти оригинальный авторитет.

[50] Inderwick, *Sidelights on the Stuarts*, 174, 175.

ГЛАВА XIV.

Завершение литературной полемики.

В прошлой главе мы упоминали о спорах вокруг Джейн Уэнхем. Пытаясь в этой главе показать течения и перекрестные потоки мнений в последний период истории ведьм в Англии, мы не можем не рассказать о войне памфлетов по поводу хертфордширской ведьмы. Однако не стоит подробно разбирать аргументы сторонников этого суеверия. Преподобный мистер Брэгге явно занимал оборонительную позицию. Он с горечью признал, что "есть несколько джентльменов, которые не поверят, что со времен Спасителя нашего Иисуса Христа существуют ведьмы". Он затронул ту же ноту, когда говорил о тех, кто не верит "только из-за предрассудков воспитания". С большим удовлетворением священнослужитель процитировал решение сэра Мэтью Хейла, принятое в 1664 году.^[1]

Мнения оппозиционеров более занимательны, если бы их работы не имели столь широкого распространения. Врач, писавший своему другу в Лондон, высмеивал колдунов. По его признанию, делать это было опасно, "особенно в деревне, где малейшее сомнение - знак неверности".^[2] Что касается его самого, то он завидовал привилегиям города. Он перешел к рассмотрению дела Анны Торн. Ее семиминутный забег со сломанным коленом, конечно, озадачивал. "Если бы это было только сильное растяжение ротулы, можно было бы что-то допустить: но трудно сказать, что это было, ваши деревенские костоправы редко забивают себе голову различиями".^[3] Порочность оппонентов Анны Торн,^[4] глупый характер доказательств священника, духовное жонглирование при экзорцизме,^[5] - все это вызывало его веселье. Что касается признания Джейн, то оно стало результатом наводящих вопросов.^[6] Он, похоже, считал духовенство особенно ответственным за случаи с ведьмами и советовал им лучше разбираться в истории болезней и более узко вникать в физические причины происходящего.

В полемику вступил защитник судьи Пауэлла, вероятно, Генри Стеббинг, впоследствии выдающийся богослов, а сейчас молодой магистр искусств из Кембриджа. Он не был

скептиком в отношении колдовства в целом, но его целью было показать, что доказательства против Джейн Уэнхем были слабыми. Два главных свидетеля, Мэтью Гилстон и Энн Торн, были "сильно расстроены в своих воображениях". В их рассказах было много нелепостей. Он привел в пример историю о том, что Энн Торн пробежала милью за семь минут. Кто знал, что это было семь минут? Никто не засекал время, когда она стартовала. Откуда было известно, что она пробежала полмили? И если предположить, что эти истории правдивы, разве они что-то доказывают? Таким образом, писатель разбирает кусок за куском доказательства и показывает их абсурдность. Некоторые из его критических замечаний забавны - он нападал на глупые свидетельства в такой торжественной манере, - но и у него было чувство юмора. Он писал: утверждали, что плоть ведьмы, когда ее укалывали, выделяла не кровь, а тонкую водянистую субстанцию. "Мистер Чонси, похоже, ожидал, что кровь Джейн Уэнхем должна была быть такой же обильной и яркой, как у Анны Торн или любой другой 16-летней девы. Он, как я вижу, не делает разницы между говядиной и бараниной и репой и водяной крупой".[7] Более того, настаивает он, хорошо известно, что испуг сгущает кровь.[8]

Нам нет нужды углубляться в эту дискуссию. Мистер Брэгг и его друзья тут же снова вступили в борьбу, а затем еще один писатель с помощью тщательно продуманных аргументов доказал, что колдовства никогда не существовало. Споры становились все более скучными, но они не были бесполезными. В целом это было нетрадиционное обсуждение темы, которое очень наглядно продемонстрировало точку зрения уличных торговцев. Но мы должны обратиться к более официальным трактатам. Следует отметить только три из них: Ричарда Бакстера, Джона Бомонта и Ричарда Боултона. Все эти авторы были затронуты рассказами о салемском колдовстве в Новой Англии. Мнения Гланвилла и Мэтью Хейла были перенесены в Америку и теперь возвращались обратно, чтобы укрепить веру в Англии. На Ричарда Бакстера наиболее явно повлияли рассказы о том, что произошло в Новом Свете. Мазеры были его друзьями и соратниками-пуританами, и в их свидетельстве нельзя было сомневаться ни минуты. Но Бакстера не нужно было убеждать. Он уже давно проповедовал и писал об опасности ведьм. В проповеди о Святом Духе в пятидесятых годах он продемонстрировал широкое знакомство с зарубежными трудами по демонологии.[9] В *"Защите христианской религии"*[10], написанной несколько лет спустя, он признавал, что в некоторых случаях виноваты злоба обвинителей и меланхолия обвиняемых, но такие случаи - исключение. Если кто-то сомневается в том, что были *добросовестные* случаи, пусть поговорит с судьями и священниками, которые еще живут в Саффолке, Норфолке и Эссексе. Они могли бы рассказать ему о многих признаниях, сделанных во времена Хопкинса. Бакстер не только беседовал о колдовстве с пуританскими священниками, но и переписывался с Гланвиллом, с которым, хотя Гланвилл и был англиканином, он, похоже, был в очень дружеских отношениях.[11] Также маловероятно, что в многочисленных беседах, которые он вел со своим соседом, сэром Мэтью Хейлом,[12], доказательства существования духовного мира, полученные с помощью колдовства, были оставлены без внимания. Эта тема наверняка поднималась в его беседах с другим другом, Робертом Бойлем.[13] Бойль, конечно же, интересовался подобными вопросами с научной точки зрения. Бакстер, как и Гланвилл, смотрел на них с религиозной точки зрения. В классическом труде *"Вечный покой святого"* он вывел свой четвертый аргумент в пользу счастья и несчастья человека из договора дьявола с ведьмами.[14] К этой точке зрения он вернулся в своих *"Предсмертных мыслях"*. Его *"Уверенность в мире духов"*, в которой он более подробно рассматривает тему колдовства, была написана всего за несколько месяцев до его смерти. "Когда Бог впервые пробудил меня, чтобы я с готовящейся серьезностью задумался о своем состоянии после смерти, у меня не было никаких сомнений в реальности духов..... Но когда Бог дал мне покой совести, сатана напал на меня с еще худшими искушениями..... Я обнаружил, что моя вера в сверхъестественное откровение должна быть больше, чем вера верующего человека, и что

если она не имеет твердого основания, ... даже уверенного свидетельства истинности, ... она не может ... сделать мою смерть безопасной и удобной..... Я говорю читателю, чтобы он понял, почему я взял этот предмет как столь необходимый, почему я заканчиваю свою жизнь публикацией этих исторических писем и сборников, которые, смею сказать, имеют такие доказательства, которые оставят каждого саддука, читающего их, либо убежденным, либо совершенно без оправдания."[15]

Под "Собранием" он, конечно же, имел в виду рассказы, приведенные в его *"Уверенности в мире духов"*, опубликованной в 1691 году. Здесь нет необходимости рассматривать его аргументы. Они были развитием тех, что уже использовались в предыдущих работах. Об этой книге было сказано слишком много. Бакстеру не терпелось опубликовать ее. Это был скудный год, когда он выпустил менее двух работ. Однажды жена сказала ему, что он будет писать лучше, если будет писать меньше. Вероятно, она имела в виду его стиль, и, несомненно, была права. Но она была права и в отношении его мышления; и ни одно из его произведений не показывает этого в большей степени, чем его торопливая книга о духах и ведьмах.[16]

Бомонта и Боултона можно обойти стороной. Бомонт[17] много читал в литературе о ведьмах в Англии и других странах;[18] он читал действительно с некоторой осторожностью, о чем свидетельствует тот факт, что он сравнил рассказы Хопкинса и Стерна об одних и тех же событиях и нашел их не совсем последовательными. Тем не менее Бомонту и в голову не приходило сомневаться в реальности колдовских явлений, и его главной целью было ответить на *"Околдованный мир"*, великий труд голландского богослова Бальтазара Беккера, "который смеется над всеми этими вещами этой природы как над сделанными по человеческому произволу".[19] Смелая книга Беккера действительно получила широкую известность; но этот ответ на нее был совершенно обыденным. Ричард Боултон, учившийся в Брасеноуз-колледже, опубликовал десять лет спустя, в 1715 году, *"Полную историю магии"*. Это была книга, бессистемно собранная из более ранних авторов, и написана она была скорее для продажи, чем для убеждения. Семь лет спустя вышло второе издание, в которое автор вставил ответ Хатчинсону.

Прежде чем приступить к работе Хатчинсона, мы отвлекусь, чтобы собрать те обрывки мнений, которые указывают, в какую сторону дул ветер. Среди тех, кто писал на почти смежные темы, одно сравнительно малоизвестное имя заслуживает упоминания. Доктор Рихард Буртхогге опубликовал в 1694 году книгу *"Эссе о разуме и природе духов"*, которую посвятил Джону Локку. В ней он вскользь коснулся темы колдовства. "Большая часть этих связей, - писал он, - при беспристрастном рассмотрении оказывается либо самозванством злоумышленников, либо ошибками невежественных и суеверных людей; однако некоторые из них настолько хорошо подтверждены, что отказ верить в них означал бы вызов всем человеческим свидетельствам".[20]

Это была последняя позиция тех, кто все еще верил. Неужели, спрашивали они, мы должны дискредитировать все человеческие свидетельства? Практически так считал епископ Уильям Ллойд из Вустера, который, хотя и призывал своих священников отказаться от своих представлений о ведьмах, был склонен верить, что дьявол все еще действует в языческом мире и среди язычников.[21] Джозеф Аддисон в равной степени не желал принимать радикальную точку зрения. "Есть некоторые мнения, - писал он в *"Спектаторе"* за 14 июля 1711 года, - в которых человек должен стоять нерушимо". Именно с таким настроением ума я рассматриваю тему колдовства..... Я стараюсь приостановить свою веру, пока не услышу более определенных свидетельства..... Я верю в целом, что существует и существовало такое явление, как колдовство; но в то же время я не могу доверять ни одному конкретному случаю

его применения".[22] Силу легковерия среди деревенских жителей он полностью признавал. Его сэр Роджер де Коверли, который был мировым судьей, и его капеллан, по его словам, слишком часто были вынуждены пресекать эксперименты людей с ведьмами.

Если это и была вера, то, по крайней мере, безобидная. Это была почти точная позиция Джеймса Джонстона, бывшего секретаря по делам Шотландии, который, написав из Лондона канцлеру Шотландии, заявил о своей вере в существование ведьм, но обратил внимание на тот факт, что парламенты Франции и другие судебные органы отказались от их преследования, поскольку невозможно было отличить одержимость от "природы в беспорядке".[23]

Но были и те, кто был готов утверждать прямое отрицание. Маркиз Галифакс в *"Политических, моральных и разных мыслях и размышлениях"*, которые он написал (или, по крайней мере, закончил) в 1694 году, отмечал: "Это фундаментальный факт... что существовали ведьмы - много потрясений в последнее время". [24] Государственный секретарь Вернон и герцог Шрусбери скептически относились к признаниям ведьм.[25] Сэр Ричард Стил высмеял эту веру. "Три молодые леди из нашего города, - рассказывает он своему корреспонденту, - были обвинены в колдовстве. Одна с помощью духов, запертых в бутылке, и волшебных трав привлекла к себе сотни мужчин; вторая ночью отрезала конечности у мертвых тел и, бормоча слова, хоронила их; третья лепила из теста фигуры мужчин, женщин и детей, а затем нагревала их". Им "нечего было сказать в свою защиту, кроме прямого отрицания фактов, что, - замечает писатель, - вряд ли поможет, когда они предстанут перед судом". "Пастор, - продолжает он, - ничему из этого не поверит, так что весь город кричит: "Позор! Один из его касты должен быть таким атеистом".[26]

Пастор в конце концов усвоил скептицизм юристов и дворян. Как уже было сказано, именно англиканский священнослужитель нанес последний сильный удар по суеверию.

Исторический очерк о колдовстве Фрэнсиса Хатчинсона, опубликованный в 1718 году (и вновь дополненный в 1720 году), должен стать одним из величайших классиков английской литературы о ведьмах, наряду с *"Открытием"* Реджинальда Скота. Хатчинсон прочитал все отчеты о судебных процессах в Англии - насколько он смог их найти - и систематизировал их в хронологическом порядке, чтобы дать конспект всего предмета. Его точка зрения была настолько близка к нашей сегодняшней, что пересказывать его аргументы было бы бесполезно. Человек, горячо сочувствующий угнетенным, он, вероятно, после случая с Джейн Уэнхем, с которой он беседовал на сайте, решил провести личное расследование всех случаев, которые попадали в поле зрения живущих. Кто бы ни написал окончательную историю английского колдовства, он все равно окажется в зависимости от этого историка XVIII века.

Работа Хатчинсона стала последней главой в споре о ведьмах. Больше сказать было нечего.

[1] *Witchcraft Farther Displayed*.

[2] *A Full Confutation of Witchcraft*, 4.

[3] Там же, 11.

[4] Там же, 38.

[5] Там же, 5.

[6] Там же, 23-24.

[7] *The Case of the Hertfordshire Witchcraft Consider'd*, 72.

[8] Если верить отдельным фразам, этот писатель интересовался делом в основном потому, что оно стало поводом для сектантской борьбы, и он надеялся нанести удар по церкви.

[9] См. *Baxter's Works* (London, 1827-1830), XX, 255-271.

[10] См. там же, XXI, 87.

[11] У. Орм в своей "*Жизни Ричарда Бакстера*" (Лондон, 1830), I, 435, говорит, что в Бакстеровских MSS. содержится несколько писем Гланвилла к Бакстеру.

[12] См. воспоминания о Ричарде Бакстере доктора Бейтса (в "*Биографических сборниках, или Жизни и характеры из произведений преподобного мистера Бакстера и доктора Бейтса*", 1760), II, 51, 73.

[13] Там же, 26; см. также "*Предсмертные мысли Бакстера*" в "*Сочинениях*", XVIII, 284, где он ссылается на Демона Маскона, историю, за которую Бойл, как мы видели, выступил спонсором в Англии.

[14] Гл. VII, раздел iv, в *Сочинениях*, XXII, 327.

[15] *Certainty of the World of Spirits* (London, 1691), предисловие.

[16] Два других собирателя рассказов о ведьмах заслуживают, пожалуй, отдельного упоминания, поскольку каждый из них предисловил свой сборник рассуждениями о колдовстве. Лондонский издатель Натаниэль Крауч, много писавший для собственной прессы под псевдонимом "Р. Б." (позже расширенным до "Ричард Бертон"), опубликовал уже в 1688 году (а не в 1706-м, как сказано в *Dict. Nat. Biog.*) "*Царство тьмы: или История деймонов, призраков, ведьм...*" (*The Kingdom of Darkness: or The History of Dæmons, Specters, Witches, ...*). *Containing nearly Fourscore memorable Relations, ... Вместе с предисловием, опровергающим обычные возражения и утверждения печальников и атеистов того времени, ... с рисунками.* Эдвард Стивенс, сначала юрист, затем священнослужитель, но всегда памфлетист, выпустил в 1693 году "*Сборник современных сведений о ведьмах и колдовстве*", к которому были приложены "*Размышления о милосердии Божьем в сохранении нас от злобы и власти злых ангелов*" сэра Мэтью Хейла и его собственная диссертация "*Вопросы о колдовстве*".

[17] *Исторический, физиологический и теологический трактат о духах, явлениях, колдовстве и других магических практиках* (Лондон, 1705). Посвящен "Джону, графу Карбери".

[18] См. например, там же, 63, 70, 71, 75, 130-135, 165, 204, 289, 306.

[19] Книга Балтазара Беккера "*De Betoverde Weereld*" (Левварден и Амстердам, 1691-1693 гг.) была самым убедительным нападением на реальность колдовства и, благодаря различным переводам, была прочитана по всей Европе. Первая часть была переведена и опубликована в Лондоне в 1695 году под названием *The World Bewitched*, а в 1700 году переиздана под названием *The World Turn'd upside down*.

[20] *Essay upon Reason and the Nature of Spirits*, 195.

[21] G. P. R. James, ed., *Letters Illustrative of the Reign of William III, ... addressed to the Duke of Shrewsbury, by James Vernon, Esq.* (Лондон, 1841), II, 302-303.

[22] *Spectator*, № 117.

[23] *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIV, 3, p. 132.

[24] H. C. Foxcroft, ed., *Life and Letters of Sir George Savile, Marquis of Halifax* (London, 1898), II, 493.

[25] G. P. R. James, ed., *op. cit.*, II, 300. О мнении Шрусбери можно судить по ответу Вернона.

[26] См. "*Татлер*", № 21, 28 мая 1709 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А. - ЛИТЕРАТУРА ПАМФЛЕТОВ.

§ 1. Колдовство при Елизавете (см. гл. II).

Значительная часть свидетельств о процессах, проходивших в правление Елизаветы, почерпнута из памфлетов, выпущенных вскоре после судебных разбирательств. Эти памфлеты представляют собой особый вид исторического материала, и этот вид настолько распространен в истории английского колдовства, что заслуживает краткого рассмотрения вскользь. Памфлеты были написаны, конечно же, доверчивыми людьми, которые легко принимали на веру то, что им говорили, и чьи собственные способности к наблюдению были нетренированными. Чтобы добраться до фактов, скрывающихся за их чудесными рассказами, требуется величайшая осторожность и разборчивость. Необходимо не только исключить чудесное, но и принять во внимание предрассудки наблюдателя. Сам ли памфлетист слышал и видел то, что записал, или его рассказ был получен из вторых рук? Писал ли он вскоре после событий, когда они были свежи в его памяти? Похоже ли его повествование на рассказ кропотливого, осторожного человека или нет? На эти вопросы предстоит ответить. Однако во многих случаях памфлеты не были повествовательными по форме, а представляли собой просто выдержки из судебных заседаний и свидетельских показаний. В этом случае также необходимо соблюдать осторожность при их использовании, поскольку свидетельства, вредящие обвиняемому, могли быть подчеркнуты, в то время как доказательства другой стороны если и не подавлялись, то и не акцентировались. В целом, однако, эти записи показаний являются источниками, в которых нетрудно обнаружить остатки фактов. Как в этом, так и в описательном материале наиболее ценные моменты можно почерпнуть из случайных ссылок и заявлений. Писательница широко использовала эти случайные факты. Положение ведьмы в ее общине, реальная причина чувства против нее со стороны соседей, способ распространения тревоги, процессы, используемые для получения признания в преступлениях такого рода, по мнению писателя, могут быть часто сделаны с большой долей уверенности. Мы приняли за данность, что памфлеты содержат субстрат правды. Возможно, это не всегда так. Памфлетист писал, чтобы продать. Выдуманное повествование о колдовстве или суде над ведьмами продавалось почти с той же вероятностью, что и правдивое. Не раз в истории литературы о ведьмах публике предлагались абсолютно выдуманные истории. Необходимо постоянно быть начеку, чтобы не допустить появления такого рода памфлетов. К счастью, девять

десятих рассказов о ведьмах подтверждаются другими источниками. Отсутствие таких подтверждений не означает, что рассказ следует исключить, но что его следует подвергнуть методам исторической критики и использовать с осторожностью, даже если он пройдет эту проверку. К счастью для нас, план создания истории о ведьмах на заказ, похоже, не приходил в голову елизаветинским памфлетистам. Насколько нам известно, все памфлеты того времени основаны на реальных событиях. Мы рассмотрим их вкратце по порядку.

Первый из них - *"Экзамен и исповедь неких Витчей в Ченсфорде, графство Эссекс, перед судьями Квенес Майестис, XXVI день июля 1566 года"*. Единственный оригинальный экземпляр этого памфлета находится в библиотеке Ламбетского дворца в Лондоне, а на его переплете стоят инициалы R. B. [Richard Bancroft]. Вступление в стихах подписано Джоном Филлипсом, который, предположительно, был автором. Памфлет, напечатанный черным шрифтом, был выпущен в трех частях в типографии Уильяма Пауэлла в Лондоне, две из которых вышли 13 августа, а третья - 23 августа 1566 года. Впоследствии она была переиздана Г. Бейгелем для Филобиблонского общества, Лондон, 1864-1865 гг. В ней приводятся выдержки из признаний и отчет о судебных допросах. Есть все основания полагать, что в основном это точный отчет о том, что происходило на Челмсфордском процессе в 1566 году. Судья Сауткот, доктор Коул, мастер Фоску и генеральный прокурор Джерард - все эти имена мы можем опознать. Более того, одна казнь, о которой рассказывается, подтверждается памфлетом, посвященным процессу в Челмсфорде в 1579 году.

Второй памфлет, также написанный черными буквами, посвящен делу в Абингдоне в 1579 году. Он озаглавлен *"Репетиция и правдивый рассказ о страшных и ужасных деяниях, совершенных Элизабет Стайл по прозвищу Рокингем, матушкой Дамтен, матушкой Девелл, матушкой Маррапет. Fower notorious Witches arrested at Winsore in the Countie of Barks, and at Abington arraigned, condemned and executed on the 28 daye of Februarie last anno 1579"*. Этот памфлет находит подтверждение в ссылке в протоколах Тайного совета на то же событие (Acts P. C., n. s., XI, 22). Реджинальд Скот в своем *"Discoverie of Witchcraft"*, 17, 543, упоминает еще одну книгу "Ричарда Галлиса из Виндзора" "о некоторых ведьмах Виндзора, казненных в Абингтоне". Похоже, что это был другой рассказ об Абингтонском деле, потому что Скот также на с. 51 говорит о некоторых деталях Абингтонского дела, которые можно найти "в маленьком памфлете о деяниях и повешении четырех ведьм в 1579 году". Возможно, речь идет о памфлете, описанном Лоундесом в *"Справочнике библиографа по английской литературе"* (стр. 2959) под названием *"Ужасные деяния Элизабет" (The horrible Acts of Eliz. Style, alias Rockingham, Mother Dutton, Mother Dovell, and Mother Margaret, 4 Witches executed at Abingdon, 26 Feb. upon Richard Galis* (London, 1579) или упомянутый в Stationers' Registers, II (London, 1875), 352, под датой 4 мая 1579 года, как *A brief treatise conteyninge the most strange and horrible crueltie of Elizabeth Sule [sic] alias Bockingham [sic] and hir confederates executed at Abingdon upon Richard Galis etc.*

Второй процесс в Челмсфорде также состоялся в 1579 году. Памфлет назывался *"Разоблачение проклятых дрейфов, практикуемых тремя ведьмами, обвиняемыми в Челмсфорде в Эссексе на последних заседаниях суда, которые были казнены в апреле 1579 года"*. В этом памфлете есть три ссылки на людей, упомянутых в предыдущем памфлете о Челмсфорде, так что эти два документа подтверждают друг друга.

Третий процесс в Челмсфорде состоялся в 1589 году и был описан в памфлете под названием *"Задержание и признание трех отъявленных ведьм, привлеченных к суду и осужденных правосудием в графстве Эссекс в 5 день июля прошлого года"*. Джоан Канни была осуждена в основном на основании показаний двух внебрачных сыновей одной из ее "левитирующих"

дочерей. Старший из них, которому было не больше десяти или двенадцати лет, рассказал суду, что видел, как его бабушка во время затишья вырвала с корнем дуб. Обвинения против Джоан Апни касались в основном ее отношений с жабами, а обвинения против Джоан Прентис, жившей в эссекской богадельне, - с хорьками. Три женщины, по-видимому, сначала предстали перед мировыми судьями, а затем были судимы вместе и осуждены "судьей округа". Это повествование не имеет внешних подтверждений, но внутренние свидетельства его подлинности весьма весомы. Три человека, упомянутые в качестве шерифа, судьи и землевладельца, могут быть идентифицированы как занимающие соответствующие должности в графстве.

Повествование о деле Сент-Озеса появилось в 1582 году. Она называлась *"Правдивый и справедливый отчет об информации, допросе и признании всех ведьм, взятых в Сент-Осе в графстве Эссекс: из которых одни были казнены, а другие уговорены в соответствии с определением Lawe....."* Памфлет написан по порядку, так как дела рассматривались на основании доказательств, У. У. Памфлет представляет собой просто запись экзаменов. Он посвящен судье Дарси, а по тем местам, где судья, описывая свои действия, переходит на первое лицо, видно, что он был написан самим судьей. Скот, писавший два года спустя, читал этот памфлет и знал о деле (*Discoverie*, 49, 542). На это дело неоднократно ссылались более поздние авторы, посвященные колдовству.

Одиннадцать лет спустя состоялись судебные процессы, которые привели к появлению памфлета: *The most strange and admirable discoverie of the three Witches of Warboys, arrapped, convicted and executed at the last assises at Huntingdon ...*, London, 1593. Его содержание перепечатано Ричардом Боултоном в его *"Полной истории магии, колдовства и ведовства"* (Лондон, 1715), I, 49-152. Не может быть никаких сомнений в историческом характере этого памфлета. Трокмортон, Кромвеллы и Пикеринги были хорошо известны в Хантингдоншире. В архивах Хантингдонской корпорации до сих пор хранится соглашение, согласно которому корпорация выплачивает 40 фунтов стерлингов Квинс-колледжу в Кембридже, чтобы в Хантингдоне каждый женский день читалась проповедь о колдовстве. Так продолжалось более двухсот лет. Одна из последних проповедей, посвященных этому пожертвованию, была прочитана в 1795 году и содержала нападки на веру в колдовство. Запись договора до сих пор хранится в Королевском колледже, Brit. Mus. MSS., 5,849, fol. 254. Упоминания об этом деле см. на сайте : Darrel, *Detection of that sinnful ... discours of Samuel Harshnet*, 36, 39, 110; также Harsnett, *Discovery of the Fraudulent Practices*, 93, 97. Несколько якобинских писателей ссылаются на это дело. Похоже, что в Бодлианском хранилище находится еще одно издание: *A True and Particular Observation of a remarkable Piece of Witchcraft* - таков внутренний заголовок первого издания. Текст тот же, но есть различия в пагинации.

Возможно, самый любопытный из всех елизаветинских памфлетов о ведьмах озаглавлен *"Самая замечательная и правдивая история некой ведьмы по имени Алза Гудеридж из Стейпенхилла, которая была привлечена к суду и осуждена в Дарби, на тамошних слушаниях. А также правдивый отчет о странных мучениях Томаса Дарлинга, мальчика тринадцати лет, который был одержим дьяволом, с его ужасными припадками и страшными явлениями, произнесенными им в Бертоне-на-Тренте, в графстве Стаффорд, и о его чудесном избавлении"*, Лондон, 1597 год. В библиотеке Ламбетского дворца хранятся два экземпляра этой книги - единственные, о которых известно писателю. Они абсолютно идентичны, страница за страницей, за исключением последних четырех строк последней страницы, где формулировки отличаются. Очевидно, что памфлет написан Джоном Денисоном как реферат рассказа Джесси Би. Харснетт, *"Разоблачение мошеннических действий Джона Даррела"*, 266-269, рассказывает о том, как были написаны эти две книги.

Денисон цитирует некоторые вставки, сделанные в его рукописи после того, как она покинула его руки, вставки, которые, по его словам, можно найти на страницах 15 и 39. Вставки, на которые жалуется Денисон, действительно можно найти на указанных страницах *"Самой замечательной и правдивой истории..."*. Алсе Гудериджа, тем самым устанавливая его авторство памфлета. Рассказ Би, из которого взята эта выдержка, я не видел. Алсе Гудеридж подверглась многочисленным испытаниям и в конце концов умерла в тюрьме. "Ее следовало бы казнить, но ее дух убил ее в тюрьме". Джон Даррел был одним из тех, кто пытался помочь мальчику, околдованному Алисой. Однако автор памфлета упоминает о Дарреле лишь вскользь. Повествование не очень хорошо согласуется в деталях с трактатами Даррела, хотя в основных чертах оно схоже с ними. Оно составлено очень грубо, и, хотя в нем, несомненно, была искренняя попытка изложить правду, на него не следует слишком полагаться.

Две брошюры спрятаны в задней части *"Триала Мауста"*. Дорреля (см. ниже, § 2). Первая (с. 92-98) посвящена суду над Долл Бартэм из Шэдбрука в Саффолке. Ее судил верховный судья, и она была повешена 12 июля 1599 года. Вторая (с. 99-103) повествует о суде над Анной Керке перед "лордом Андерсоном" 30 декабря 1599 года. Она также отправилась на виселицу.

Есть и другие памфлеты, упомянутые в книге "Лоундес и т. д.", которые нам не удалось найти. Один из них называется *"Обвинение и казнь трех отвратительных ведьм, Джона Ньюэлла, Джоан, его жены, и Элен Каллс; две казнены в Барнете, а одна в Брейнфорде, 1 декабря 1595 года"*. Второй имеет заголовок *The severall Facts of Witchcrafte approved on Margaret Haskett of Stanmore. 1585.* Черное письмо. Другой памфлет, написанный в том же году, посвящен, несомненно, тому же делу. Это *"Рассказ о Маргарет Хакет, печально известной ведьме, которая до смерти загрызла молодого человека, раздробила его кости и спину, и была казнена в Тиборне, 19 февраля 1585 года"*. Лондон, 1585 год. Четвертый памфлет - *"Допрос и признание печально известной ведьмы по имени Мать Арнольд, она же Уайткот, она же Гластонбери, на ассамблее в Бернтвуде в июле 1574 года: ее повесили за колдовство в Баркинге"*. 1575.

Название *"Дело Агнес Бриджес и Рейчел Пиндер"*, созданное Хэзлиттом (*Hazlitt, Collections and Notes, 1867-1876*) из упоминания Холиншедом напечатанного отчета, означает не что иное, как *The discloysing, etc.* (см. с. 351). Дело - см. *Holinshed, Chronicles (London, 1808), IV, 325*, и *Stow, Annales (London, 1631), p. 678*, который относит это дело к 1574 году - было связано не с колдовством, а с притворным одержимостью. См. выше, с. 59.

К этому периоду следует отнести и *"Правдивый отчет о трех ведьмах Страунга, недавно найденных в Ньюхэм-Реджис"*, упомянутый Хэзлиттом (*Handbook, p. 230*). Я не видел его; но печатник указан как "Дж. Чарльвуд", а Чарльвуд печатал между 1562 и 1593 годами. В *"Реестрах канцелярских служащих, 1570-1587"* (Лондон; Shakespeare Soc., 1849), II, 32, также упоминается о лицензировании в 1577 году *"Книги ведьм"*, чем бы она ни была.

Среди памфлетов, посвященных вопросам, почти связанным с колдовством, можно упомянуть следующие:

A short treatise declaring the detestable wickednesse of magicall sciences, as Necromancie, Coniuration of Spirites, Curious Astrologie and such lyke..... Составлено Фрэнсисом Коксом. [Лондон, 1561 г.] Черным шрифтом. Кокс был помилован королевой.

Допрос Джона Уолша перед мастером Томасом Уильямсом, комиссаром преподобного отца в Боге Уильяма, епископа Экстерского, по определенным вопросам, касающимся

колдовства и чародейства, в присутствии различных джентльменов и других лиц, XX августа 1566 года. 1566. Черное письмо. Джон Эштон (*The Devil in Britain and America*, London, 1896, p. 202) назвал эту книгу "самой ранней английской печатной книгой о колдовстве, чистой и простой"; однако в ней не шла речь о ведьмах, и ей предшествовал первый памфлет Челмсфорда.

Разоблачение поддельного владения, подделанного дьяволом в двух мэйденах в пределах Лондона. [1574 г.] Черная буква. Речь идет о деле Агнес Бриджес и Рейчел Пиндер, упомянутом выше (стр. 59, 351).

Чудесный промысел Божий, явленный над неким Чильдом, которого зовут Уильям Уитерс, живущим в городе Уолсам... Саффолк, который, будучи одиннадцати лет от роду, пролежал в трансе десять дней... и пролежал три недели, Лондон, 1581. Автор - Джон Филлипс. Этот памфлет упоминается Сиднеем Ли в его статье о Джоне Филлипсе в *Dict. Nat. Biog.*

Злейшее дело несчастной ведьмы (подобного которому никто не может записать за эти годы в Англии), совершенное над личностью некоего Ричарда Берта, слуги мэтра Эдлинга из Вудхолла в приходе Пиннер в графстве Миддлсекс, миля за Харроу. Латэли, совершенное в марте прошлого, 1592 года, и вновь признанное в соответствии с истиной. Г. Б., магистр искусств. [Лондон, 1593 г.] См. Hazlitt, *Collections and Notes*, 1867-1877. Памфлет можно найти в библиотеке Ламбетского дворца. История любопытная, но никаких мер, похоже, принято не было.

Защита против пуйсона мнимых пророчеств, до сих пор не опровергнутых ничьим пером; которые, будучи либо на основании и авторитете старых оплаченных книг, либо на основании изложения дримов, оракулов, откровений, вызывания проклятых духов... были причиной больших беспорядков в обществе и главным образом среди простых и необразованных людей. Генри Говард, впоследствии граф Нортгемптон, , был автором этого "защитительного средства". Она появилась примерно в 1581-1583 годах, была пересмотрена и переиздана в 1621 году.

Три елизаветинские баллады о ведьмах отмечены Хэзлиттом в "*Библиографических сборниках и заметках*", 2-я серия (Лондон, 1882): *A warnynge to wytches*, опубликованная в 1585 году, *The scratching of the wytches*, опубликованная в 1579 году, и *A lamentable songe of Three Wytches of Warbos, and executed at Huntingdon*, опубликованная в 1593 году. Уже в 1562-3 гг. на сайте была опубликована "книга, озаглавленная *A poosye in forme of a visyon, agaynste wytche Crafte, and Sosyrye*", написанная "в митепе" Джоном Холлом (*Stationers' Registers*, 1557-1570, p. 78).

Некоторое представление о первом шаге елизаветинской процедуры против ведьмы можно получить из образцов "обвинительных заключений", приведенных в старинной книге формул Уильяма Уэста "*Симболеография*" (т. ii, впервые напечатана в 1594 г.). Приводятся три образца; два из них - обвинения "За убийство человека колдовством по уставу Анно 5. королевны", третий - "За околдовывание лошади, отчего она истощилась и стала хуже". Поскольку документы в подобных сборниках обычно являются подлинными бумагами, в которых лишь заменены имена, можно с большой долей вероятности утверждать, что даты, указанные в обвинительных заключениях - 34-й и 35-й годы правления Елизаветы, - являются подлинными, и что указанные инициалы: "S. B. de C. in comit. H. vidua", "Marg' L. de A. in com' E. Spinster" и "Sara B. de C. in comitatu Eb. vidua" - это инициалы реальных преступников и их местожительства. Йоркшир явно является одним из графств, которые имеются в виду. Более того, это было графство самого Уэста.

§ 2. Экзорцисты (см. гл. IV).

Приведенный нами рассказ о елизаветинском экзорцизме неизбежно является односторонним. Он касается только пуританского движения - если работу Даррела можно так назвать - и не затрагивает католических экзорцистов. Мы опустили выступления отца Уэстона и его соратников, потому что они практически не имеют отношения к теме колдовства. Те, кто захочет продолжить эту тему, найдут в *"Девятнадцатом веке"* за март 1894 года "Охоту на дьявола в елизаветинской Англии", где Т. Г. Лоу дает о ней подробное представление.

Довольно любопытно, что пуританский экзорцист никогда, за исключением нескольких страниц С. Р. Мейтленда в его *"Пуританской тауматургии"* (Лондон, 1842), не был предметом исследования. Без сомнения, он, его сторонники и его враги были способны наделать шума в свое время. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать драматургов начала семнадцатого века. Возможно, Даррел не был простым самозванцем, каким его представляли враги. Несмотря на его хитрость, не исключено, что он действительно обладал определенным гипнотическим контролем над Уильямом Сомерсом и, возможно, над Кэтрин Райт.

Кем бы еще ни был Даррел, он был готовым памфлетистом. Его карьеру можно легко проследить по различным брошюрам, большинство из которых написано его собственным пером. К счастью, у нас есть и другая сторона, представленная Сэмюэлем Харснеттом, а также двумя малоизвестными священнослужителями, Джоном Диконом и Джоном Уокером. Ниже приводится предварительный список печатных памфлетов, посвященных этой теме:

A Breife Narration of the possession, dispossession, and repossession of William Sommers: and of some proceedings against Mr. John Dorrel preacher, with aunsweres to such objections..... Together with certaine depositions taken at Nottingham ..., 1598. Черное письмо. Это было написано либо самим Доррелом, либо по его инициативе.

Апология, или защита владения Уильяма Сомерса, молодого человека из города Ноттингема..... By John Darrell, Minister of Christ Jesus.... [1599?] Черное письмо. Эта работа не датирована, но, судя по предисловию, она, вероятно, была написана вскоре после того, как Даррел и Мор оказались в тюрьме. Совершенно ясно также, что она была написана до *"Разоблачения Харснеттом мошеннических действий Джона Даррела"*, поскольку Даррел говорит, что слышал, будто епископ Лондона пишет против него книгу.

The Triall of Maist. Доррел, или Сборник защит против обвинений.... 1599. Кажется, что эта книга написана самим Доррелом; но каталог Хута (V, 1643) приписывает ее Джеймсу Бэмфорду.

Краткая апология, доказывающая владение Уильямом Сомерсом. Написана Джоном Доррелом, верным служителем Евангелия, но опубликована без его ведома..... 1599.

Разоблачение мошеннической практики Джона Доррела, бакалавра искусств..., Лондон, 1599. Послание к читателю" подписано "S. Н.", то есть Сэмюэл Харснетт, в то время капеллан епископа Лондона. Книга представляет собой разоблачение различных самозванств Даррела на 324 страницах и основана в основном на показаниях, данных во время суда над ним в Ламбете.

Правдивое повествование о странном и ужасном изгнании дьявола из семи человек в Ланкашире..., 1600 год. Написано Даррелом. Переиздано в 1641 году под названием "*Правдивое повествование о жестоком обращении с Уильямом Сомерсом из Ноттингема*" (*A True Relation of the grievous handling of William Somers of Nottingham*). Она вновь перепечатана в "*Трактатах Сомерса*", III, и является самым известным из памфлетов.

Правдивое рассуждение об определенном владении и лишении владения 7 человек в одной семье в Ланкашире, которое также может служить частью ответа на фейковое и ложное Открытие.... Джордж Мор, министр и проповедник Слова Божьего..., 1600 г. Мор был соратником Даррела в выступлениях Клеворта и вместе с ним перенес тюремное заключение.

A Detection of that sinnful, shamful, lying, and ridiculous discours of Samuel Harshnet. 1600. Это самая жестокая работа Даррела. Он разбирает один за другим пункты Харшнета и пытается ответить на них.

Dialogicall Discourses of Spirits and Divels by John Deacon [and] John Walker, Preachers, London, 1601.

Суммарный ответ на все существенные моменты в любой из книг мастера Дарела, в особенности на одну его книгу, озаглавленную "*Учение о владении и лишении владения демоническими существами из Слова Божьего*". Джон Дикон [и] Джон Уокер, проповедники, Лондон, 1601 г. "Одна книга", на которую мы сейчас отвечаем, - это часть книги Даррела "*Истинное повествование*". Рассуждения посвящены сэру Эдмунду Андерсону и другим видным государственным деятелям и служат оправданием того, что "поздние расплодившиеся бройлеры... могут переполнить все королевство".

Обзор некоторых диалогических дискурсов, написанных Джоном Диконом и Джоном Уокером ... Джоном Дарреллом, служителем Евангелия..., 1602.

Ответ Джона Даррелла на ответ Джона Дикона и Джона Уокера, касающийся учения о владении и лишении владения демонами..., 1602.

Второе произведение Харснетта не должно быть упущено из виду. В своей знаменитой "*Декларации вопиющих папистских самозванств*" (1603 и 1605 гг.) он еще лучше, чем в предыдущей работе, демонстрирует свои замечательные таланты разоблачителя и дает волю своему злобному юмору.

Правдивый и правдивый отчет о мучениях Мэри Гловер и о ее избавлении с помощью поста и молитвы..... Джон Сван, студент факультета божественных наук..., 1603 год.

Здесь рассказывается о другом экзорцизме, в котором участвовали несколько священнослужителей. Автор Сван в своем посвящении королю решительно выступает против Харснетта. Элизабет Джексон обвинили в околдовывании и предъявили ей обвинение. Судья Андерсон рассматривал дело и показал себя убежденным приверженцем колдовства. Но король был другого мнения и послал для обследования девушки врача, доктора Эдварда Джордена, который обнаружил ее самозванство и объяснил его в своем памфлете "*Краткое изложение болезни, называемой удушьем матери, написанное по случаю, который был в последнее время, чтобы заподозрить обладание злым духом....*". (Лондон, 1603). Ему противостоял автор до сих пор не напечатанной книги "*Позднее ужасное дело Мэри Гловер... Стивен Брэдвелл.... 1603*" (*Brit. Mus., Sloane, 831*). Но см. также ниже, приложение С, в разделе 1602-1603 гг.

Следует упомянуть еще один памфлет, посвященный этому же эпизоду. Хатчинсон, "Исторический очерк о колдовстве", и Джордж Синклар, "Невидимый мир Сатаны раскрыт" (Эдинбург, 1685), видели рассказ преподобного Льюиса Хьюза (в его "Certaine Grievances") о деле матери Джексон, которую обвинили в околдовывании Мэри Гловер. Хотя рассказ Хьюза был опубликован только в 1641-2 годах, события, о которых в нем идет речь, должны были произойти в 1602 или 1603 году. Сэр Джон Крук упоминается как регистратор Лондона, а сэр Эдмунд Андерсон - как главный судья. Р. Б. в книге "The Kingdom of Darkness" (Лондон, 1688) подробно излагает эту историю, хотя, как и Хатчинсон, заблуждается, относя ее к 1642 году.

Остается упомянуть некоторые памфлеты об экзорцизме, от которых мы имеем только названия:

История дела Кэтрин Райт. Без даты; написана предположительно Даррелом и передана им миссис Фольджамбе, впоследствии леди Боус. См. С. Н. и Т. Cooper, *Athenae Cantabrigienses* (Cambridge, 1858-1861), II, 381.

Даррел говорит, что была напечатана книга о "Маргарет Харрисон из Бернэм-Ульпа в Норфолке и ее досаде на Сатана". См. *Detection of that sinfull ... discours of Samuel Harshnet*, 36, и *Survey of Certaine Dialogical Discourses*, 54.

Странные новости из Сомерсетшира, Anno 1584, tearmed, ужасный рассказ о лишении некой Маргарет Купер в Дитчете собственности из-за дьявола, похожего на безголового медведя. На него ссылается Харснетт, "Разоблачение мошеннических действий Джона Даррела", 17.

О деле Сомерса, похоже, была написана баллада. Выдержки из нее приводит Харснетт, *ibid.*, 34, 120.

§ 3. Иаков I и колдовство, а также примечательные якобинские дела (см. гл. V, VI).

Жесточайшее и кровавое убийство, совершенное женой трактирщика по имени Аннис Делл и ее сыном Джорджем Деллом, четыре года тому назад. С несколькими колдовствами и самыми проклятыми практиками одной Иоганны Харрисон и ее дочери над несколькими людьми, мужчинами и женщинами в Ройстоне, которые все были казнены в Хартфорде 4 августа прошлого 1606 года. Насколько известно писателю, нет никаких современных свидетельств, подтверждающих казни, упомянутые в этом памфлете. Сама история довольно любопытна и имеет определенный литературный привкус. Это, однако, не должно быть против нее. Скорее возможно, чем вероятно, что рассказ является выдумкой.

Несколько печально известных и развратных связей Джона Уэста и Алисы Уэст, ложно называемых королем и королевой Фейри... осуждены... 1613, Лондон, 1613. В каталогах эта книга может сойти за памфлет о ведьмах. Это рассказ о двух ловких мошенниках и их наказании.

Ведьмы Нортгемптоншира.

Агнес Браун
Джоан Воган

}

Артур Билл
Элен
Дженкенсон

}

Ведьмы.

Все они были казнены в Нортгемптоне 22 июля прошлого года. 1612.

Об этом же деле есть рассказ в MS., "Краткое изложение обвинения девяти ведьм в Нортгемптоне, 21 июля 1621 года" (Brit. Mus., Sloane, 972). В этом повествовании, как и в печатном, есть история о страданиях госпожи Белчер и мастера Эйвери от колдовства. В нем также упоминаются Агнес Браун и Джоан Браун (или Воган), которые, согласно другому рассказу, были повешены. Все остальные имена отличаются. Но, тем не менее, примирить эти два рассказа несложно. В "краткой аннотации" рассматриваются показания, данные мировым судьям по двум обвинениям: "*Ведьмы Нортгемптоншира*" и окончательный результат на судебном процессе. Трое из тех, кого в итоге повесили, не фигурировали в первых обвинениях и были привезены из отдаленных районов. С другой стороны, большинство из тех, кого Белчер и Эйвери обвинили первыми, похоже, не были привлечены к ответственности.

Чудесное обнаружение ведьм в графстве Ланкастер. С обвинительным заключением и судом над девятью известными ведьмами, состоявшимся в замке Ланкастер в день Мундай, семнадцатого августа 1612 года. Перед сэром Джеймсом Альтхэмом и сэром Эдвардом Бромли. Вместе с обвинительным заключением и приговором Дженнет Престон, вынесенным на присяге в замке Йорк в седьмой и двадцатый день Джули прошлого года..... Опубликовано и изложено по распоряжению его величеств судей присяжных в северных частях. By Thomas Potts, Esq. London, 1613. Переиздано обществом Chetham Soc, J. Crossley, ed., 1845. В этой книге Томас Поттс представил нам самый полный из всех английских рассказов о ведьмах. Ни одно другое повествование не дает такой возможности изучить характер доказательств, а также судебную процедуру. Поттс был очень суеверен, но его рассказ добросовестен.

Ведьмы арестованы, обследованы и казнены за известные злодеяния, совершенные ими как на суше, так и на воде. Со странным и самым правдивым испытанием, как узнать, ведьма женщина или нет. Лондон, 1613. Бодлиан.

*Книга о витчах, недавно осужденных и казненных в Бедфорде, 1612-1613 гг. Я не видел копии этого памфлета, название которого приведено в Edward Arber, *Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554-1640* (London, 1875-1894), III, 234b..... История, без сомнения, та же, что и в предыдущем памфлете. У нас нет ни одного абсолютно современного упоминания об этом случае. Эдвард Фэрфакс, писавший в 1622 году, слышал об этом деле - вероятно, однако, из самого памфлета. Но мы можем быть совершенно уверены, что повествование основано на реальном судебном процессе и приговоре. Некоторые из приведенных в нем случайных подробностей таковы, что их не смог бы вставить ни один фабрикант.*

В MS., "Как обнаружить ведьму", Brit. Mus., Add. MSS., 36,674, f. 148, есть ссылка на деталь испытания матери Саттон, не приведенную в памфлете, который я использовал.

A Treatise of Witchcraft.... С правдивым рассказом о колдовстве, которое практиковала Мэри Смит, жена Генри Смита, Гловера, ... и, наконец, о ее смерти и казни ... Александр Робертс, доктор медицины и проповедник Слова Божьего в Кингс-Линне в Норфолке. Лондон, 1616 год. Дело Мэри Смит рассматривается на с. 45. Этот отчет был посвящен

"майору", олдерменам и т. д. "Кингс-Линна" и, несомненно, носил полуофициальный характер. Он перепечатан в Howell, *State Trials*, II.

Чудесное открытие колдовства Маргарет и Филиппы Флауэр, дочерей Джоан Флауэр из замка Бевер: казнены в Линкольне 11 марта 1618 года. Которые были специально привлечены к суду и осуждены перед сэром Генри Хобартом и сэром Эдвардом Бромли, судьями Ассиза, за признание себя участниками убийства Генри, лорда Росса, с их проклятой практикой против других детей достойного Фрэнсиса Эрла из Ратленда. Вместе с несколькими допросами и признаниями Анны Бейкер, Джоан Уиллимот и Эллен Грин, ведьм из Лестершира, Лондон, 1619. Подтверждение колдовства в Ратлендшире см. в Cal. St. P., Dom., 1619-1623, 129; Hist. MSS. Comm. Reports, Rutland, IV, 514. См. также Gentleman's Magazine, LXXIV, pt. ii, 909: "На памятнике Фрэнсиса, шестого графа Ратленда, в церкви Боттесфорда, Лестершир, записано, что от своей второй дамы он имел "двух сыновей, оба умерли в младенчестве от злых практик и колдовства"".

Похоже, что по этому поводу был выпущен еще один памфлет: *Strange and wonderfull Witchcrafts, discovering the damnable Practices of seven Witches against the Lives of certain noble Personages and others of this Kingdom; with an approved Triall how to find out either Witch or any Apprentice to Witchcraft*, 1621. Другое издание в 1635 году; см. Lowndes.

Чудесное открытие Элизабет Сойер... покойной из Эдмонтон, ее осуждение, приговор и смерть.... Написано Генри Гудколом, служителем Слова Божьего, и ее постоянным посетителем в Гаоле Ньюгейта.... 1621. Преподобный мистер Гудкол написал простую, неизобразительную историю, в основных фактах которой мы не можем сомневаться. Более того, они подтверждаются пьесой Деккера и Форда "Эдмонтонская ведьма", которая появилась через год. Гудкол ссылается на "балеты", написанные по этому делу.

Мальчик из Билсона: или Правдивое открытие о печально известных самозванствах некоторых римских священников в их притворном экзорцизме, или изгнании беса из молодого мальчика по имени Уильям Перри..... Лондон, 1622 год. Предисловие подписано Райком. Бэддели. Это рассказ о знаменитом самозванстве. На самом деле это памфлет против католических экзорцистов. На с. 45-54 приводится перепечатка католического рассказа об этом деле; на с. 55-75 рассказывается о разоблачении самозванства. Мы можем подтвердить этот рассказ Артуром Уилсоном, Жизнь и правление Якова I, 107-111, и Джоном Вебстером, Разоблачение предполагаемого колдовства, 274.

Рассуждение о колдовстве, как оно действовало в семье мистера Эдварда Фэйрфакса из Фьюстоуна в графстве Йорк в 1621 году. Под редакцией Р. Монктона Милнса (впоследствии лорда Хаутона) для тома V Miscellanies of the Philobiblon Soc. (Лондон, 1858-1859, 299 страниц). Редактор утверждает, что оригинал сохранился. Эдвард Фэрфакс был родным братом сэра Томаса Фэрфакса из Дентона. Он перевел на английский язык стихами "Освобожденный Иерусалим" Тассо и совершил другие поэтические подвиги. Его рассказ о заколдованных детях и их трансах очень подробен. Книга была вновь опубликована в Харрогите в 1882 году под названием "Dæmonologia: a Discourse on Witchcraft", с предисловием и примечаниями Уильяма Грейнджа.

§ 4. Мэтью Хопкинс (см. гл. VIII).

Самое определенное, странное и правдивое открытие ведьмы, которую схватили некоторые из сил парламента, когда она стояла на маленькой доске и говорила на ней над

рекой Ньюбери, а также странный и правдивый способ ее смерти. 1643. История, рассказанная здесь, весьма любопытна. Солдаты увидели женщину, переправлявшуюся через реку на доске, решили, что она ведьма, и решили ее застрелить. "Она поймала их пули в свои руки и пережевывала их". Когда "вены, пересекающие виски головы", были поцарапаны так, что пошла кровь, она потеряла силу и была убита выстрелом из пистолета чуть ниже уха. Не исключено, что эта искаженная история была основана на реальных событиях, произошедших во время войны. См. *Mercurius Civicus*, 21-28 сентября 1643 года.

Подтверждение и разоблачение колдовства... вместе с признаниями многих казненных с мая 1645 года.... Джон Стерн ... Лондон, 1648 год.

Допрос, признание, суд и казнь Джоан Уиллифорд, Джоан Кариден и Джейн Хотт, которые были казнены в Февершама, в Кенте... все засвидетельствовано под рукой Роберта Гринстрита, мэра Февершама. Лондон, 1645 год. У этого памфлета нет никаких внешних свидетельств, подтверждающих его утверждения, но он имеет все шансы быть правдивым протоколом экзаменов.

Правдивый и точный отчет о нескольких сведениях, допросах и признаниях ведьм, обвиненных и казненных в графстве Эссекс. Who were arraigned and condemned at the late Sessions, helden at Chelmesford before the Right Honorable Robert, Earle of Warwicke, and severall of his Majesties Justices of Peace, the 29 of July 1645.... Лондон, 1645. Перепечатано в Лондоне, 1837 г.; также воплощено в Howell, *State Trials*. Это очень тщательный отчет о судебных заседаниях, составленный "Н. Ф.". В именах и деталях он имеет совпадения с "Правдивой историей" о деле Бьюри; см. следующий параграф ниже. Его также подтверждает рассказ Артура Уилсона об этом деле; см. Francis Peck, *Desiderata Curiosa* (ed. of London, 1779), II, 476.

Правдивый рассказ об аресте восемнадцати ведьм в Сент-Эдмундсбери 27 августа 1645 года..... А также список имен тех, кто был казнен. Лондон, 1645 год. У подробностей, приведенных в этом памфлете, есть множество подтверждений. Он согласуется с рассказом об эссекских ведьмах; его детали дополняют Стерн, "Подтверждение колдовства", Кларк, "Жизни разных выдающихся людей", Джон Уокер, "Страдания духовенства... в Великом восстании" (Лондон, 1714) и другие. Повествование было написано в промежутке между первым и вторым судебными процессами в Бэри.

Странные и страшные новости из Плейсто в приходе Уэстхэм в четырех милях от Лондона, Лондон, 1645 г. Неважно.

Законы против ведьм и колдовства, а также некоторые краткие заметки и наблюдения для выявления ведьм. Будучи очень полезными для этих времен, где дьявол царствует и преобладает..... Также Исповедь Матери Лейкленд, которая была привлечена к суду и осуждена за ведьму в Ипсвиче в Саффолке..... По уполномочию. Лондон, 1645 год. Автор этого памфлета признает себя обязанным Поттсу, "Разоблачение ведьм в графстве Ланкастер" (1613), и Бернарду, "Руководство для присяжных заседателей" (1627). Этими книгами пользовался Стерн и, несомненно, Хопкинс. В этом памфлете выражены идеи Хопкинса, он написан в стиле Хопкинса - насколько нам известно, - и, возможно, это работа самого охотника за ведьмами. Это может объяснить и слова "по уполномочию" в названии.

Знаки и чудеса с небес.... Аналогично, новое открытие ведьм в приходе Степни. И как 20. Ведьмы были казнены в Саффолке на последней ассизе. А также о том, как Дивелл пришел в Соффарн в дом фермера в образе джентльмена на спине лошади. Лондон, [1645]. Упоминаются процессы в Челмсфорде, Саффолке и Норфолке.

Ведьмы из Хантингдона, их допросы и признания..., Лондон, 1646. Эта работа посвящена мировым судьям графства Хантингдон; посвящение подписано Джоном Дэвенпортом. Три ведьмы, чьи обвинения здесь представлены, упоминаются Стерном (*Confirmation of Witchcraft*, 11, 13, 20-21, 42).

Разоблачение ведьм: в ответ на несколько запросов, недавно переданных судьям Ассиза графства Норфолк. И теперь опубликована Мэтью Хопкинсом, охотником за ведьмами. Для блага всего королевства..... Лондон, 1647 год. Рассказы Хопкинса и Стерна согласуются друг с другом и являются двумя лучшими источниками для гл. VIII.

The [D]ivell in Kent, or His strange Delusions at Sandwitch, London, 1647. Не имеет никакого отношения к ведьмам; показывает дух времени.

Странный и правдивый рассказ о молодой женщине, одержимой дьяволом. По имени Джойс Доуви, проживающей в Бьюдли под Вустером... как это было засвидетельствовано в письме мистера Джеймса Далтона мистеру То. Гроуму, торговцу железом против церкви Гроба Господня в Лондоне. Также письмо из Кембриджа, в котором рассказывается о недавней конференции между дьяволом (в форме мистера искусств) и одним Эшборнером, шоллером из С. Джонс Колледж... который после этого был унесен им и никогда не слышал о нем, так как только его платье нашли в реке, Лондон, 1647. В первом рассказе женщина после прослушивания проповеди впала в припадок. Второй рассказ, вероятно, основан на сочетании фактов и слухов.

Полное судебное разбирательство, допрос и осуждение четырех печально известных ведьм на судебном процессе, состоявшемся в Вустере 4 марта... А также их признания и последние предсмертные речи на месте казни, с другими удивительными подробностями..., Лондон, напечатано "I. W.", без даты. Другое издание этого памфлета (в Бодлиане) имеет дату 1700 г. и было напечатано для "J. M." на Флит-стрит. Это очень интересный пример памфлета о ведьмах, сделанного на заказ. Предисловие заставляет заподозрить его характер: "следующее повествование попало мне в руки". Обвиняемыми были Ребекка Уэст, Маргарет Лэндис, Сьюзен Кук и Роуз Хэл либрэд. Все эти женщины предстали перед судом в Челмсфорде в 1645 году, а их допросы и признания были напечатаны в *"Правдивом и точном рассказе"*. Формулировки были немного изменены, кое-что добавлено, но факты схожи; см. *A true and exact Relation*, 10, 11, 13-15, 27. Когда автор памфлета в Вустере перешел к описанию казни, он отклонился от своего текста и придумал несколько новых деталей. Женщины были "сожжены на костре". Они "кричали и вопили". Две из них были очень "упрямы и неподатливы". Ср. ниже, § 10.

The Devill seen at St. Albans, Being a true Relation How the Devill was seen there in a Cellar, in the likenesse of a Ram; and how a Butcher came and cut his throat, and sold some of it, and dressed the rest for himselfe, inviting many to supper..., 1648. Остроумная пародия.

§ 5. Содружество и протекторат (см. гл. IX).

Заблуждения Дивелса, или Верные сведения о Джоне Палмере и Элизабет Нотт, двух отъявленных ведьмах, осужденных недавно на заседаниях судейской палаты в Сент-Олбансе..., 1649. Повествование якобы взято из письма, присланного из Сент-Олбанса. В нем рассказывается о действиях двух добрых ведьм, которые в итоге оказались черными ведьмами. Сказка не имеет никаких внешних подтверждений.

Чудесные новости с севера, или Правдивое повествование о печальных и тяжких мучениях, причиненных телам трех детей мистера Джорджа Машампа, уроженца графства Нортумберленд, колдовством, ... А также о преследовании упомянутых ведьм, о чем свидетельствуют клятвы и их собственные признания, а также обвинительный акт, вынесенный присяжными против одной из них на заседании мирового суда, состоявшемся в Алнвике 24 апреля 1650 года, Лондон, 1650 год. Предисловие подписано: "Твоя, Мэри Мур". Этот памфлет имеет все признаки подлинного повествования. Он написан, очевидно, другом госпожи Машамп, которой с таким трудом удалось убедить судей, судей и шерифов северной страны действовать. Имена и обстоятельства совпадают с другими известными фактами.

Странная ведьма в Гринвиче, преследующая жену, 1650 год. Неважно.

Странная ведьма в Гринвиче, 1650 год.

Последние два памфлета упоминаются Лоундесом. Второго памфлета я не видел; однако, поскольку Лоундес неверно приводит название первого, вполне возможно, что он дал два названия одному и тому же памфлету.

Ведьма из Уоппинга, или Точный и совершенный рассказ о жизни и дьявольской практике Джоан Петерсон, жившей на Еловом острове, недалеко от Уоппинга; которая была осуждена за колдовство и приговорена к повешению в Тайберне в понедельник 11 апреля 1652 года, Лондон, 1652.

Декларация в ответ на несколько лживых памфлетов о ведьме из Уоппинга, ... показывающих грязный заговор и злой сговор некоего Абрахама Ванденхемда, Томаса Кромптона, Томаса Коллета и других, Лондон, 1652. Этот памфлет описан выше, стр. 214-215.

Суд и допрос миссис Джоан Петерсон перед достопочтенной судейской коллегией в доме заседаний в Олд-Бейли вчера. [1652]. В заголовке указано дело против госпожи Джоан, но (если только копия Британского музея не является несовершенной) не приводится никаких подробностей.

Дарлинг доктора Лэмба, или Странные и ужасные новости из Солсбери, являющиеся правдивым, точным и совершенным рассказом о великом и чудесном договоре и помолвке, заключенном между дьяволом и мистрис Энн Боденхэм, с указанием способа, которым она могла превращаться в маститого пса, черного лиона, белого медведя, шерстистого быка и кота. Судебный процесс, допросы и исповедь ... перед лордом главным бароном Уайлдом.... Джеймс [Эдмонд?] Боуэр, священник, Лондон, 1653 год. Это первый рассказ об этом деле, причем довольно грубый.

*Оживший доктор Лэмб, или Колдовство, осужденное в Анне Боденхэм... которая была привлечена к суду и казнена в Солсбери, перед достопочтенным лордом, главным бароном Уайлдом, судьей этого собрания..... Эдмондом Боуэром, очевидцем и свидетелем ее допроса и признания, Лондон, 1653 год. Второй и более подробный рассказ Боуэра. Писатель посвятил его судье, который принимал активное участие в этом деле и часто допрашивал ведьму. Он не излагает протокол допросов, а дает подробный рассказ обо всем деле. Он бросает намеки на некоторые этапы дела и возбуждает любопытство, не удовлетворяя его. Однако его история Анны Боденхэм ясна и интересна. Знаменитый Обри упоминает об этом деле в своих "Остатках джентилизма и иудаизма" (*Remaines of Gentilisme and Judaisme*, 261). Его рассказ, который хорошо согласуется с рассказом Боуэра,*

он, похоже, получил от Энтони Этрика "из Миддл Темпл", который был "любопытным наблюдателем всего процесса".

Внушительная и трагическая история предъявления обвинения, суда, признания и осуждения шести ведьм в Мейдстоуне, в Кенте, на суде, состоявшемся в июле, 30 фрейда, в нынешнем 1652 году. Перед достопочтенным Питером Уорбертоном.... Собрано из замечаний Э. Г. Джента, ученого человека, присутствовавшего при их осуждении и приговоре, и переварено Г. Ф. Джентом, Лондон, 1652. Жаль, что переваривание не было опущено. Однако рассказ заслуживает доверия. Об этом суде упоминает Элиас Эшмол в своем "Дневнике" (Лондон, 1717) и "Верный разведчик", 30 июля - 7 августа 1652 года.

Самое правдивое и удивительное повествование о двух женщинах, околдованных в Йоркшире: Которые, явившись на заседание суда в Йорке, чтобы дать показания против ведьмы, после ужаснейшего шума, к ужасу и изумлению всех зрителей, извергли перед судьями булавки и шерсть. А также правдивейший рассказ о молодой девице... которая... извергала пачки соломы, с булавками в них, железными гвоздями, иглами, ... как это засвидетельствовано под рукой того самого знаменитого доктора-физиотерапевта Генриха Хирса, ... 1658. В Бодлиане. Автор этого памфлета не располагал достаточной информацией и, похоже, получил ее из вторых или третьих рук.

Более точное изложение самого прискорбного и ужасного договора, который Лидия Роджерс, жившая в Памп-Алли в Уоппинге, заключила с Дивелем..... Вместе с великими трудами и молитвами многих выдающихся богословов, ... 1658. В Бодлианской библиотеке. Это "Рассказ женщины, которая прежде исповедовала религию в ее чистоте, затем стала сектанткой, потом познакомилась с астрологами, а затем и с самим Дивелем". Бедная женщина, "от природы склонная к меланхолии", считала, что заключила договор с дьяволом. "Многие министры ежедневно бывают у нее".

Ловушка дьявола раскрыта: Or, A True and perfect Relation of the sad and deplorable Condition of Lydia the Wife of John Rogers House Carpenter, living in Greenbank in Pompe alley in Wapping..... Также ее осмотр мистером Джонсоном, министром Уаппина, и ее исповедь. А также в каком печальном состоянии она пребывает..... Лондон, 1658 год. Еще один трактат против баптистов. Несмотря на предполагаемый договор Лидии Роджерс с дьяволом, она, похоже, не была привлечена к суду.

Странные и ужасные новости из Кембриджа, являющиеся правдивым рассказом о том, как квакеры околдовали Мэри Филипс ... в форму заливной кобылы, проехав на ней из Динтона в сторону университета. С описанием того, как она снова стала видимой... в своем собственном облике и форме, с разорванными боками, как будто их пронзили шпорами... и именами квакеров, привлеченных к суду в прошлую пятницу на Ассамблее, состоявшейся в Кембридже..., Лондон, 1659". Об этом упоминает Джон Эштон в библиографическом приложении к своей книге "Дьявол в Британии и Америке".

Справедливый дьявол из Вудстока, или Правдивое повествование о нескольких явлениях, испуге и наказаниях, которым подверглись уполномоченные Румпиша, посланные туда для осмотра поместий и домов, принадлежащих Его Величеству. 1660. Вуд, "Athenae Oxonienses" (изд. 1817 г.), III, 398, приписывает это Томасу Уиддоусу. Именно на инциденте, описанном в этом памфлете, Вальтер Скотт основал свой роман "Вудсток". Историю, изложенную в памфлете, можно найти в книге Синклара "Невидимый мир Сатаны раскрыт". Писатель не видел оригинала памфлета.

§ 6. Карл II и Яков II (см. гл. XI).

The Power of Witchcraft, Being a most strange but true Relation of the most miraculous and wonderful deliverance of one Mr. William Harrison of Cambden in the County of Gloucester, Steward to the Lady Nowel ..., London, 1662.

Правдивый и совершенный отчет о допросе, признании, суде, осуждении и казни Джоан Перри и двух ее сыновей... за предполагаемое убийство Уильяма Харрисона, джентльмена..., Лондон, 1676. Это действительно не колдовство памфлет. Мистер Харрисон исчезает, три человека обвиняются в его убийстве и вешаются. Мистер Харрисон возвращается из Турции через два года и рассказывает историю своего исчезновения, которая приводит к предположению, что он был перенесен туда с помощью колдовства.

Суд над ведьмами, состоявшийся в Бури-Сент-Эдмондс в графстве Саффолк десятого марта 1664 года, Лондон, 1682; другое издание, 1716. Автор этого трактата пишет, представляя его: "Этот судебный процесс над ведьмами долгое время пролежал в руках частного джентльмена в стране, его дал ему человек, который принял его в суде, для его собственного удовлетворения". Это тот самый часто цитируемый случай, который рассматривал сэр Мэтью Хейл. В памфлете представлено одно из самых подробных описаний судебной процедуры в деле о ведьмах.

Рука Господня, простертая в ответ на молитву, или Правдивое повествование о чудесном избавлении Джеймса Барроу, сына Джона Барроу из Олавс Саутварк, Лондон, 1664. Похоже, это баптистский памфлет.

Чудо Саффолка, являющееся правдивым свидетельством одного человека, который сообщает, что заключил договор с дьяволом на три года, чтобы творить зло, а теперь ломает дома, грабит людей ежедневно... и не может быть ни застрелен, ни схвачен, но прыгает через стены высотой пятнадцать футов, пробегает пять или шесть миль за четверть часа, а иногда исчезает посреди толпы, которая идет, чтобы схватить его. Верно написано в письме от торжественной особы, датированном не так давно, к другу в Корабельном дворе, близ Темпл-бара, и готово быть засвидетельствованным сотнями..., Лондон, 1677 год". Об этом упоминается в журнале *"Джентльменс мэгэзин"*, 1829, стр. ii, 584. Я не видел копии памфлета.

Daimonmageia: a small Treatise of Sickneses and Diseases from Witchcraft and Supernatural Causes..... Будучи полезным для других, кроме врачей, в том, что он опровергает атеистические, саддукционистские и скептические принципы и воображения ..., Лондон, 1665. Хотя на титульном листе нет имени, автором, несомненно, был "Уильям Дрейдж, доктор физики в Хитчине" в Хартфордшире, чей более крупный трактат по медицине (впервые напечатанный в 1664 году как *"Физическая нозономия"*, затем в 1666 году как *"Практика физики"* и снова в 1668 году как *"Физические опыты"*) был, по-видимому, обычным приложением. Это, по крайней мере, в Корнелльском экземпляре первого издания и Гарвардском экземпляре третьего, и так описано в *Dict. Nat. Biog.* и в каталоге Британского музея.

Хартфордширское чудо. Or, Strange News from Ware, Being an Exact and true Relation of one Jane Stretton ... who hath been visited in a strange kind of manner by extraordinary and unusual fits ..., London, 1669. Название дает ключ к разгадке этой истории. Рассказчик дает понять, что в околдовании подозревается определенная женщина.

A Magicall Vision, Or a Perfect Discovery of the Fallacies of Witchcraft, As it was recently represented in a pleasant sweet Dream to a Holysweet Sister, a faithful and pretious Assertor of the Family of the Stand-Hups, for preservation of the Saints from being tainted with the ересью Congregation of the Doe-Littles, London, 1673. Я этого не видел. Она упоминается Хэзлиттом в "Библиографических сборниках", четвертая серия, s. v. Witchcraft.

Полный и правдивый рассказ о суде, осуждении и казни Энн Фостер... в месте казни в Нортгемптоне. С описанием того, как она своим злым умыслом и колдовством подожгла все амбары и кукурузу... и околдовала целое стадо овец..., Лондон, 1674. Этот рассказ не имеет подтверждения в других источниках, однако его детали настолько поддаются естественному объяснению, что позволяют предположить его истинность.

Странные новости из Арпингтона близ Бексби в Кенне: Being a True Narrative of a yong Maid who was Possest with several Devils ..., London, 1679.

Странные и удивительные новости из Йоуэлла в Сурри; правдивый и справедливый рассказ о некой Элизабет Берджесс, которая была самым странным образом околдована и подвергнута жестоким пыткам, Лондон, 1681.

Отчет о суде и допросе Джоан Бутс, обвиненной в том, что она обычная ведьма и чародейка, перед достопочтенным сэром Фрэнсисом Пембертоном, лордом-главным судьей, на суде присяжных... 1682 год. Один лист.

Четыре брошюры, о которых пойдет речь далее, посвящены одному и тому же делу и в основном совпадают.

Суд, осуждение и казнь трех ведьм, а именно Темперанс Флойд, Мэри Флойд и Сюзанны Эдвардс. Которые предстали перед судом в Эксетере 18 августа 1682 года..... Лондон, 1682 год. Подтверждается записями тюремных поставок, изученными мистером Индервиком (Side-Lights on the Stuarts, p. 192).

Правдивый и беспристрастный отчет об обвинениях против трех ведьм, а именно Темперанс Ллойд, Мэри Тремблз и Сюзанны Эдвардс, которые были обвинены, предъявлены и осуждены на присяге, состоявшейся ... в ... Эксоне, 14 августа 1682 года. С их несколькими признаниями... а также их... поведением, на ... казни двадцать пятого числа указанного месяца, Лондон, 1682 год. В этом, самом полном отчете (40 стр.), правильно указаны имена этих трех женщин, которых я до сих пор считаю последними, кого предали смерти за колдовство в Англии.

Колдовство обнаружено и наказано. Или суды и осуждение трех печально известных ведьм, которые были преданы суду на последней ассизе, состоявшейся в замке Эксетер... где им был вынесен смертный приговор за околдование нескольких человек, уничтожение кораблей в море и каттелей на суше. На мелодию "Доктора Фаустуса", или "Фортуна - мой враг". В коллекции Роксбурга в Британском музее. Бродсайд. Баллада из 17 строф (по 4 строки в каждой), в которой рассказывается история этого дела.

Жизнь и поведение Темперанс Флойд, Мэри Ллойд и Сюзанны Эдвардс..., осужденных в последнее время на Эксетерской бирже; вместе с полным рассказом об их первом соглашении с дьяволом: With the manner how they prosecuted their devilish Sorceries ..., London, 1687.

Полный и правдивый отчет о процессах на заседаниях ойера и терминатора... которые начались в доме заседаний в Олд-Бейли в четверг, 1 июня, и закончились во Фрайдей, 2

июня 1682 года. В нем содержатся материалы о суде над многими известными злоумышленниками... но особенно о суде над Джейн Кент за колдовство". Эта брошюра представляет собой краткое изложение нескольких только что завершившихся дел и имеет все основания быть достоверным отчетом. Ее можно найти в библиотеке Линкольнс-Инн.

Странные и страшные новости из города Дептфорд в графстве Кент, являющиеся полным, правдивым и печальным рассказом об одной Анне Артур. 1684/5. Один лист, фолио.

Странные новости из Шэдвелла, представляющие собой ... сообщение о смерти Алисы Фаулер, которая в течение многих лет считалась ведьмой. Лондон, 1685. 4 стр. В библиотеке графа Кроуфорда. Я ее не видел.

Правдивый рассказ о странной и удивительной истории некоего Джона Тонкена из Пенсанса в Корнуолле, околдованного некоторыми женщинами, две из которых по подозрению были отправлены в тюрьму, Лондон, 1686. В Бодлиане. Этот рассказ подтверждается записями Индервика.

Новости с аллеи Панье; или Правдивое повествование о некоторых проделках, которые дьявол недавно разыграл с гипсовым горшком, Лондон, 1687. В Бодлиане. Любопытный трактат. Без суда и следствия.

§ 7. "Окончательный упадок", "Разные памфлеты" (см. гл. XIII).

Правдивое повествование о ... припадках, которые ... Томас Спатчет ... был подвергнут колдовству ..., 1693. Неважно.

Вторая часть "Мальчика из Билсона, или Правдивое и подробное повествование о самозванке Сюзанне Фаулз, жене Джона Фаулза из Хаммерсмита в Мидд, которая выдавала себя за одержимую", Лондон, 1698.

Полный и правдивый рассказ как о жизни: А также о способе и методе осуществления заблуждений, богохульств и пресловутых обманов Сюзанны Фаулз, как это было задумано, замышлялось, изобреталось и управлялось нечестивыми священниками-папистами и другими папистами.

Суд над Сюзанной Фаулз из Хаммерсмита за хулу на Иисуса Христа и проклятие молитвы Господней..., Лондон, 1698.

Эти три памфлета рассказывают о женщине, которая была "самозванкой и пресловутой лиарой"; к колдовству они имеют мало отношения. См. выше, гл. XIII, прим. 23.

Дело о колдовстве в Коггешолле, Эссекс, в 1699 году. Рассказ преподобного Дж. Бойса, священника этого прихода. Напечатано с его рукописи, находящейся в распоряжении издателя (А. Рассел Смит), Лондон, 1901.

Правдивый и беспристрастный рассказ о темной и адской силе колдовства, недавно примененной к телу преподобного мистера Вуда, министра Бодмина. В письме джентльмена из этого города к его другу в Эксоне, в подтверждение этого, Эксетер, 1700 г.

Полный и правдивый отчет о задержании и взятии миссис Сары Мордик, обвиняемой в колдовстве, которая была взята возле пристани Пола ... за то, что околдовала некоего

Ричарда Хетевея..... С ее допросом перед праведным сэром Томасом Лейном, сэром Оуэном Бекингемом и доктором Хэмблтоном в Боу-лейн. 1701. Этот отчет может быть проверен и заполнен из записей суда над Хатвеем, напечатанных в Howell, State Trials, XIV, 639-696.

Краткий отчет о суде, состоявшемся в Сурри Ассиз, в округе Саутварк; по делу Ричарда Хатвея... за бунт и нападение, Лондон, 1702 г.

Суд над Ричардом Хатвеем по обвинению в мошенничестве и самозванстве, в попытке лишить жизни Сару Мордак, в ведьмовстве в Сурри Ассизес..., Лондон, 1702.

Полный и правдивый отчет об обнаружении, задержании и взятии печально известной ведьмы, которая предстала перед судьей Бейтманом в Уэлл-Клоуз в воскресенье, 23 июля. Вместе с ее допросом и заключением в Брайдвел, Клеркенвел, Лондон, 1704 год. Подпись в конце: "Tho. Гринвел". Одна страница.

Отчет о суде, допросе и осуждении Элинор Шоу и Мэри Филлипс..., 1705 г.

Нортгемптонширские ведьмы ..., 1705.

Вторая из этих книг является полным отчетом. Они написаны одним и тем же автором и, вероятно, являются выдумкой; см. ниже, § 10.

Весь процесс над миссис Мэри Хикс и ее дочерью Элизабет..., 1716. См. ниже, § 10.

§ 8. Памфлеты Сури (см. гл. XIII).

Дьявол, превратившийся в казуиста, или Обман Рима, раскрытый при изгнании отчаявшегося дьявола в доме Томаса Пеннингтона в Ориэле..... Закари Тейлор, М. А., капеллан преподобного отца в Боге, Николаса, лорда-епископа Честера и ректора Уигана, Лондон, 1696.

The Surey Demoniack, Or an Account of Satan's Strange and Dreadful Actings, In and about the Body of Richard Dugdale of Surey, near Whalley in Lancashire. И как он был изгнан с Божьего благословения благодаря постам и молитвам различных служителей и людей, Лондон, 1697. В Fishwick, Notebook of Jollie (Chetham Soc.), р. xxiv говорится, что это было написано Томасом Джолли и Джоном Каррингтоном. Предисловие подписано "Томасом Джолли" и еще пятью священнослужителями. Вероятно, Джолли написал памфлет, а Каррингтон его отредактировал. См. выше, гл. XIII, прим. 10. Джолли снял с себя всю ответственность за него. См. его "Виндикацию", 7. Тейлор в "Самозванце Сури" предполагает, что Каррингтон написал "Демониака Сури"; см. напр. с. 21.

The Surey Imposter, being an answer to a late Fanatical Pamphlet, entitled The Surey Demoniack. By Zachary Taylor. Лондон, 1697.

A Vindication of the Surey Demoniack as no Imposter: Or, A Reply to a certain Pamphlet published'd by Mr. Zach. Taylor, called The Surey Imposter..... Автор: Т. Дж., Лондон, 1698. Написано Джолли.

Popery, Superstition, Ignorance and Knavery very unjustly by a letter in the general pretended; but as far as was charg'd very fully proved upon the Dissenters that were concerned in the Surey Imposture. 1698. Написано Закари Тейлором.

The Lancashire Levite Rebuked, or a Vindication of the Dissenters from Popery, Superstition, Ignorance, and Knavery, unjustly Charged on them by Mr. Zachary Taylor.... Лондон, 1698 год. Подписано "N. N."; см. выше гл. XIII, прим. 17.

The Lancashire Levite Rebuked, or a Farther Vindication, 1698. По-видимому, это был ответ на "письмо к мистеру Н. Н.", которое опубликовал Тейлор. Однако других упоминаний о таком письме у нас нет.

Попечительство, суеверие, невежество и рабство, исповеданные и полностью доказанные в отношении суровых диссидентов, из второго письма друга-отступника к Заку. Тейлору. К этому добавлено опровержение "Опровержения Т. Джолли"...., Лондон, 1699. Написано Закари Тейлором.

Опровержение "Опровержения мистера Т. Джолли о дьяволе в Дагдейле; или, Сури Демониак", Лондон, 1699.

Не стоит давать критическую оценку этим памфлетам. Все они были спорными и все касались дела Ричарда Дагдейла. Закари Тейлор получил лучшее из них. Пуританские священнослужители, поддерживавшие Томаса Джолли в его исках, похоже, постепенно отказались от своей поддержки.

§ 9. Памфлеты Уэнхема (см. гл. XIII).

An Account of the Tryal, Examination, and Condemnation of Jane Wenham, on an Indictment of Witchcraft, for Bewitching of Matthew Gilston and Anne Thorne of Walcorne, in the County of Hertford..... Перед достопочтенным мистером судьей Пауэллом, и приказано к исполнению в субботу, в семь ночей 15-го. Одна страница.

Полный и беспристрастный отчет об обнаружении колдовства и чародейства, практикуемых Джейн Уэнхем из Уолкерна в Хартфордшире над телами Анны Торн, Анны Стрит и т. д., пока она не... не получила смертный приговор за то же самое, 4 марта 1711-12 года, Лондон, 1712 год. Анонимно, но, по общему признанию, написано Фрэнсисом Брэггом. 1-е изд. в библиотеке Корнелла и в Британском музее. Mus.; 2-е изд. в Brit. Mus.; 3-е изд. в Brit. Mus. (Sloane, 3,943) и Бодлиан; 4-е изд. в Brit. Mus.; 5-е изд. в Гарвардской библиотеке: все изданы в течение года.

Witchcraft Farther Display'd. Содержит (I) рассказ о колдовстве, которое практиковала Джейн Уэнхем из Уокерна, в Хартфордшире, после ее осуждения, над телами Анны Торн и Анны Стрит..... (II) Ответ на самые общие возражения против существования и силы ведьм: С некоторыми замечаниями по делу Джейн Уэнхем в частности и по процедуре мистера судьи Пауэла в нем..... Лондон, 1712 год. Введение подписано "F. B." [Francis Bragge], который и был автором.

Полное опровержение колдовства: В частности, о показаниях против Джейн Уэнхем, недавно осужденной за ведьму; в Хартфорде. В котором современные представления о ведьмах ниспровергнуты, а пагубные последствия таких доктрин разоблачены с помощью аргументов; доказывающих, что колдовство - это священнодействие..... В письме врача из Хартфордшира своему другу в Лондоне. Лондон, 1712 год.

Невозможность колдовства, убедительно доказывая на основании Писания и разума, что ведьм никогда не было; и что верить в то, что они когда-либо были, иррационально и неразумно. В котором опровергаются и разоблачаются показания против Джейн Уэнхем, недавно судимой и осужденной за колдовство в Хартфорде, Лондон, 1712. 1-е изд. в Brit. Mus.; 2-е издание, содержащее дополнительные материалы, в Бодлиане. Автор этого памфлета в своем предисловии намекает, что его содержание ранее было опубликовано им в "Протестантском почтовом мальчике".

The Belief of Witchcraft Vindicated: proving from Scripture, there were Witches; and from Reason, that there may be Such still. В ответ на поздний памфлет, озаглавленный "Невозможность колдовства...", Г. Р., А. М., Лондон, 1712.

*Рассмотрение дела о колдовстве в Хартфордшире. Being an Examination of a Book entitl'd, A Full and Impartial Account ..., London, 1712. Посвящено сэру Джону Пауэллу. В корнельской копии этой брошюры рукописное примечание на титульном листе, выполненное рукой XVIII века, приписывает ее "Ректору Терфилда в Хартфордшире или его викарию", а в конце посвящения той же рукой подписаны имена: "Генри Стеббинг или Томас Шерлок". Но Стеббинг в 1712 году был еще стипендиатом в Кембридже, а Шерлок, впоследствии епископ Лондонский, был магистром Темпла и капелланом королевы Анны. См. *Dict. Nat. Biog.**

A Defense of the Proceedings against Jane Wenham, wherein the Possibility and Reality of Witchcraft are Demonstrated from Scripture..... In Answer to Two Pamphlets, Entituled: (I) The Impossibility of Witchcraft, etc. (II) A Full Confutation of Witchcraft, By Francis Bragge, A. B., ... London, 1712.

The Impossibility of Witchcraft Further Demonstrated, Both from Scripture and Reason ... with some Cursory Remarks on two trifling Pamphlets in Defence of the existence of Witches. Автор книги "Невозможность колдовства", 1712 год. В Бодлиане.

Джейн Уэнхем. Бродсайд. Автор этой брошюры утверждает, что переписал свое повествование с отчета в "Собственной рукой судьи Чанси". Чанси был мировым судьей, который вместе с Брэггом поддерживал обвинение.

Очень трудно установить авторство этих различных памфлетов. Преподобный мистер Брэгге написал несколько. Преподобный мистер Гардинер и преподобный мистер Стратт, активно участвовавшие в деле, возможно, написали два из них. Топограф Гоф, писавший около 1780 года, заявил, что покойный доктор Стеббинг в молодости участвовал в споре. Фрэнсис Хатчинсон был заинтересованным зрителем, но, вероятно, не внес вклад в литературу по этому вопросу.

Краткое второстепенное описание есть в книге У. Б. Гериша "Хартфордширская ведьма; или история Джейн Уэнхем, "мудрой женщины из Уокерна".

В Brit. Mus., Sloane MSS., 3,943, есть продолжение обсуждения памфлета, основанное, однако, в основном на Гланвилле и других авторах.

§ 10. Критика Нортгемптонского и Хантингдонского памфлетов 1705 и 1716 годов (см. гл. XIII, прим. 10).

An Account of The Tryals, Examination and Condemnation of Elinor Shaw and Mary Phillips (Two notorious Witches) on Wednesday the 7th of March 1705, for Bewitching a Woman, and two

children..... С рассказом об их странных признаниях. Подписано в конце: "Ральф Дэвис, 8 марта 1705 года". Вскоре за ним последовал более полный отчет, написанный после казни и озаглавленный:

The Northamptonshire Witches, Being a true and faithful account of the Births, Educations, Lives, and Conversations of Elinor Shaw and Mary Phillips (The two notorious Witches) That were Executed at Northampton on Saturday, March the 17th, 1705 ... with their full Confession to the Minister, and last Dying Speeches at the place of Execution, the like never before heard of.....
Сообщено в письме, отправленном по почте от мистера Ральфа Дэвиса из Нортгемптона мистеру Уильяму Саймонсу, торговцу в Лондоне, Лондон, 1705 год.

С этими двумя памфлетами мы хотим сравнить еще один, , который был опубликован, по-видимому, в 1716 году и назывался: *The Whole Trial and Examination of Mrs. Mary Hicks and her Daughter Elizabeth, But of Nine Years of Age, who were Condemn'd the Last Assizes held at Huntingdon for Witchcraft, and there Executed on Saturday, the 28th of July 1716* подобное никогда не слышали раньше; их поведение с несколькими богословами, которые пришли поговорить с ними, пока они были приговорены к смерти; и последние предсмертные речи и признание на месте казни, Лондон, 1716. Копия находится в Бодлианской библиотеке.

Два памфлета из Нортгемптоншира и памфлет из Хантингдоншира были выделены в отдельную книгу, потому что они, похоже, были написаны одной рукой. Более того, очень похоже, что они были откровенной выдумкой, навязанной публике человеком, который еще в 1700 году сделал на заказ неисторический памфлет. Чтобы показать это, необходимо вкратце рассмотреть факты о Вустерском памфлете, описанные выше, § 4. Похоже, что второе издание памфлета под названием *The full Tryalls, Examinations and Condemnations of Four Notorious Witches, At the Assizes held at Worcester on Tuseday the 4th of March*, было опубликовано в Лондоне с датой 1700. В ней рассказывается об одном из дел, которые рассматривались во время карьеры Мэтью Хопкинса в 1645-1647 годах. Она была принята всеми - даже Томасом Райтом, Эштоном, У. Х. Д. Адамсом и Индервиком. Однако анализ показывает, что она была заимствована из памфлета Челмсфорда 1645 года. Автор не проявляет особой изобретательности, поскольку он украл не только признания четырех ведьм на том процессе, но и их имена. Ребекка Уэст, Маргарет Лэндис, Сьюзен Кок и Роуз Хэллибред были повешены в Челмсфорде и вряд ли могли быть повторно повешены в Вустере. Практически все, что сделал автор памфлета в Вустере, - это изменил признания и добавил захватывающие подробности их казней.

Теперь все выглядит так, как если бы один и тот же автор составил памфлеты Нортгемптоншира 1705 года и Хантингдоншира 1716 года. Словесное сходство просто поразительно. В названии Вустерского памфлета говорится об "их признаниях и последних предсмертных речах на месте казни". Во втором из двух памфлетов Нортгемптоншира (первый был выпущен до казни) говорится об "их полном признании министру и последних предсмертных речах на месте казни". Памфлет из Хантингдоншира завершает заголовок словами "последние предсмертные речи и исповедь на месте казни". В Вустерском памфлете используется фраза "с другими удивительными подробностями"; в Нортгемптонширском памфлете - фраза "подробности их удивительных проделок". В памфлете Хантингдона в данном случае нет аналогичной фразы, но у памфлетов Хантингдона и Нортгемптоншира есть еще одна общая фраза. В Нортгемптонширском памфлете говорится: "о таком никогда не слышали"; в Хантингдонском: "о таком никогда не слышали".

Сходство заключается в названиях. В памфлетах Нортгемптона и сфабрикованного Вустера есть и другие сходства. Женщины из Нортгемптона были настолько "ожесточены в своих

злодеяниях, что публично хвастались, что их хозяин (имеется в виду дьявол) не потерпит их казни, но они сочли его лжецом". Писатель из Вустера говорит о "дьяволе, который до последнего говорил им, что избавит их от публичного наказания, но теперь слишком поздно они обнаружили, что он лжец, каким был от начала мира". В завершение своих повествований памфлетисты из Нортгемптоншира и Вустершира демонстрируют интересное сходство в обращении. Нортгемптонские ведьмы издавали "вой и жалобный шум" при вынесении приговора, вустерские женщины "вопили и выли во время казни".

Это сходство можно справедливо назвать поразительным. Если спросить, не являются ли приведенные фразы обычными в памфлетах о ведьмах, то ответ будет отрицательным. Насколько известно писателю, эти фразы не встречаются ни в одном другом из пятидесяти или более памфлетов о ведьмах. Слово "печально известный", которое встречается в названиях памфлетов Вустера и Нортгемптона, является обычным и ничего не означает. Другие упомянутые фразы являются характерными и отличительными. Это сходство позволяет предположить, что все три памфлета были написаны одной и той же рукой. Поскольку мы знаем, что один из трех памфлетов является выдумкой, мы вынуждены подозревать достоверность двух других.

Есть, правда, и другие причины сомневаться в историчности этих двух. Внимательное изучение памфлета Нортгемптона показывает, что описанные в нем колдовства обладают теми же характеристиками, что и колдовство в богатые дни Мэтью Хопкинса, и что формулировки описаний во многом совпадают. В памфлете из Нортгемптона рассказывается о "высоком черном человеке", который явился двум женщинам. Высокий черный мужчина явился Ребекке Уэст в Челмсфорде в 1645 году. Гораздо более важным моментом является то, что за заключенными в Нортгемптоне наблюдали по ночам, чтобы не допустить их прихода. Это ночное наблюдение было процессом, который, насколько мы знаем, никогда не использовался со времен тревоги Хопкинса, характерной чертой которой оно было. Если бы не было других сходств между случаями в Нортгемптоне и Челмсфорде, только это сходство заставило бы нас заподозрить достоверность памфлета в Нортгемптоне. К сожалению, неосторожный автор повествования о Нортгемптоне позволил вкратце в свой рассказ и другим фразам, относящимся к 1645 году.

Когда за женщинами из Нортгемптона наблюдали, появилась "маленькая белая штучка размером с кошку". Но "белое существо размером с кошку" появилось перед наблюдателями в Челмсфорде в 1645 году. И это еще не все. Говорят, что ведьмы из Нортгемптона убивали своих жертв, поджаривая и накалывая изображения, - обвинение, которое когда-то было распространено, но которое, насколько помнит автор, не использовалось со времен сомерсетских дел 1663 года. Это обвинение очень часто использовалось против ведьм из Челмсфорда, которых преследовал Мэтью Хопкинс. Более того, ведьмы из Нортгемптона хвастались, что "их Хозяин не допустит, чтобы их казнили". Ни одна из ведьм Челмсфорда не хвасталась этим; но мистер Лоус, которого казнили в Бери-Сент-Эдмундс (процесс в Бери был тесно связан с процессом в Челмсфорде, настолько тесно, что писатель, прочитавший об одном, вероятно, прочитал бы и о другом), заявил, что у него есть амулет, который удерживает его от виселицы.

Как видно, это близкое сходство как в характерных чертах, так и в формулировках. Но самое совершенное сходство - в признании. Две женщины из Нортгемптона, описывая своих импов - существ, которые, кстати, играли важную роль в процессе Хопкинса, - сказали, что "если импы не были постоянно задействованы для причинения зла, они [ведьмы] не имели своего здоровья; но когда они были задействованы, они были очень горячи и здоровы". Это было почти то же самое, в чем Анна Лич призналась в Челмсфорде. Ее слова были такими: "И что

когда этот экзаменатор не посылал и не нанимал их за границу, чтобы делать зло, у нее не было здоровья, но когда они были наняты, она была здорова и хорошо себя чувствовала".

Мы не можем указать на такое же сходство между Хантингдонширским колдовством 1716 года и делами в Челмсфорде. Однако рассказ о случае в Хантингдоне несколько примечателен. Однажды мистер Хикс вез свою девятилетнюю дочь в Ипсвич, когда она, увидев парус в море, взяла "тазик с водой", размешала его и тем самым вызвала бурю, которая могла бы потопить корабль, если бы отец не заставил ребенка прекратить. По дороге домой они проходили мимо "очень красивого поля кукурузы". Ребенок снова сказал: "Отец, я могу съесть всю эту кукурузу в мгновение ока". Отец, полагая, что это не в ее силах, попросил показать ей ее адское мастерство". Ребенок так и сделал, и вскоре "вся кукуруза в поле превратилась в стерню". Он расспросил ее и выяснил, что она научилась колдовству у своей матери. В итоге по приказу мистера Хикса его жена и ребенок были привлечены к суду и повешены. Эту историю называют удивительной. Однако она не совсем уникальна. В 1645 году в Бури-Сент-Эдмундс, сразу после процесса в Челмсфорде, были осуждены восемнадцать ведьм, и одной из них, как помнится, был парсон Лоус из Брандестона в Саффолке, который признался, что "заколдовал корабль возле Харвиджа, так что при сильном бурном море, поднятом сильными ветрами, указанный корабль был выброшен на берег, где было много пассажиров, которых таким образом поглотили безжалостные волны". Следует заметить, что эти две истории не совсем похожи. Повествование Хантингдона лучше, и вряд ли можно с уверенностью утверждать, что оно черпало вдохновение в более ранней истории. Тем не менее, если вспомнить, насколько необычна эта история в английском ведьмовском фольклоре, предположение приобретает большую вероятность. Есть и еще одно сходство в рассказах. Ребенок Хикса заколдовал кукурузное поле. Одна из ведьм из Бьюри в рассказе, повествующем о парсоне Лоусе, "призналась, что она обычно заколдовывала стоящую кукурузу, отчего владельцы ее несли большие убытки". Это сходство вряд ли достаточно близко, чтобы заслуживать внимания само по себе. Однако в совокупности с другими сходствами оно придает убедительную силу предположению, что автор памфлета в Хантингдоне использовал в качестве источника повествования дела Хопкинса.

Есть, однако, и другие причины сомневаться в истории Хантингдона. Один писатель в журнале *Notes and Queries*, 2d series, V, 503-504, давно подверг сомнению эту историю из-за упоминания "судьи Уилмота" и показал, что такого судьи не было на скамье подсудимых до 1755 года. Однако изучение оригинального памфлета позволяет понять, что в таком виде возражение ничего не стоит. В трактате говорится только о "судье Уилмоте", который, судя по формулировке повествования, должен был проводить экзамен, предшествующий ассизам, как мировой судья. Мировой судья, однако, несомненно, принадлежал к какому-нибудь семейству графства Хантингдоншир. Писатель просмотрел различные записи и истории Хантингдоншира - к сожалению, их очень мало - и среди нескольких сотен хантингдонширских фамилий не нашел ни одного Уилмота (и, если уж на то пошло, ни одного Хикса). Это делает историю еще более неправдоподобной.

В одном из предыдущих номеров журнала *Notes and Queries* (1-я серия, V, 514) Джеймс Кроссли, чей авторитет в вопросах, касающихся колдовства, высочайший, приводит убедительные причины, по которым рассказ о Хантингдоншире не может быть правдой. Он напоминает о том, что Хатчинсон, составивший хронологическую таблицу случаев, опубликовал свой труд в 1718 году. Хатчинсон пользовался помощью двух главных судей, Паркера и Кинга, а также главного барона Бьюри в сборе материалов по своим делам; и все же он утверждает, что последняя казнь за преступление в Англии состоялась в 1682 году.

Кроссли также подчеркивает, что дело Джейн Уэнхем в 1712 году привлекло широкое внимание и послужило поводом для многочисленных памфлетов. "Вряд ли возможно, - продолжает он, - чтобы через четыре года после этого два человека, одному из которых было всего девять лет, ... были судимы и казнены за колдовство без привлечения внимания общественности к этому обстоятельству". Он добавляет, что ни в *Историческом реестре* за 1716 год, ни в материалах двух лондонских газет за тот год, хотя в них и перечисляются другие приговоры, вынесенные в округе, не зафиксированы эти предполагаемые случаи.

Как видно, точно такие же аргументы применимы и к Нортгемптонскому процессу 1705 года. Хатчинсон приложил немало усилий, чтобы узнать не только о Джейн Уэнхем, но и о деле Мордика в 1702 году. Невозможно представить, чтобы он упустил из виду казнь двух женщин в Нортгемптоне.

Мы отметили, что памфлеты Нортгемптона, Хантингдона и Вустера имеют любопытное сходство в формулировках друг с другом (сходство, указывающее на общее авторство), что рассказ о Вустере может быть доказан как вымышленный, и что рассказ о Хантингдоне почти наверняка относится к той же категории. Далее мы показали, что в рассказах Нортгемптона и Хантингдона присутствуют черты колдовства, характерные для дел Челмсфорда и Бэри 1645 года, из первого из которых взят материал памфлета Вустера; и этот факт указывает не только на общее авторство трех трактатов, но и на вымышленный характер дел Хантингдона и Нортгемптона.

Против этих фактов необходимо представить то, что на первый взгляд кажется очень важным доказательством. В *"Исторических сборниках Нортгемптоншира"*, 1-я серия (Нортгемптон, 1896), есть глава о колдовстве в Нортгемптоншире, скопированная из *"Справочника Нортгемптоншира"* за 1867 год. В этой главе подробно рассматриваются судебные процессы 1705 года, делаются обширные выписки из памфлетов. В сноске авторы пишут: "Чтобы показать, что сожжение действительно имело место в 1705 году, важно упомянуть, что в счетах надзирателей прихода Сент-Джайлс есть статья расходов на купленные для этой цели фагготы". Это само по себе кажется убедительным. Кажется, что это сразу снимает весь вопрос. Однако есть один факт, который сразу же ставит под сомнение это, казалось бы, неопровержимое доказательство. В Англии ведь вешали, а не сжигали. Исключений из этого правила насчитывается не более полудюжины. Мать Лейклэнд в 1645 году была сожжена. Это легко объяснить. Мать Лейклэнд колдовством убила своего мужа. Сожжение было способом казни, предписанным английским законом для женщины, убившей своего мужа. Другие случаи, когда, как говорят, происходили сожжения, почти наверняка подпадали под это правило. Но не представляется возможным, чтобы дела в Нортгемптоне подпадали под это правило. У этих двух женщин, похоже, не было мужей. "Ральф Дэвис, предполагаемый автор этого рассказа, который утверждал, что знал их с ранних лет, и который, очевидно, был рад опорочить их всеми возможными способами, обвинил их в разгульной жизни, но не в прелюбодеянии, как он, несомненно, сделал бы, если бы считал их замужними. Трудно не прийти к выводу, что их не могли сжечь.

Есть и более решительный ответ на этот аргумент в пользу подлинности памфлета. Предполагаемое подтверждение его в приходском регистре Сент-Джайлса, вероятно, является ошибкой. Преподобный Р. М. Сержансон из ректорского дома Святого Петра был достаточно любезен, чтобы изучить для писателя приходской регистр церкви Святого Джайлса. Он пишет: "В отчетах Сент-Джайлса кратко говорится о том, что время от времени покупались *дрова* - вероятно, для плавки свинца. В отчетах церковных надзирателей за бедняками нет упоминаний ни о *пидорах*, ни о ведьмах". Я тщательно вывернул все содержимое приходского сундука". В конце мистер Сердженсон добавляет следующую

выдержку: "1705 P'd for wood 5/ For taking up the old lead 5/". Само собой разумеется, что экспертиза мистера Сержансона не доказывает, что никогда не было упоминания о пижмах, купленных для сжигания ведьм; но, если принять во внимание все остальные свидетельства, это отрицательное свидетельство устанавливает очень сильное предположение на этот счет. Конечно, предполагаемый отрывок из счетов надзирателей больше не может быть использован для подтверждения свидетельства памфлета. Очень похоже на то, что составители "*Справочника Нортгемптоншира*" за 1867 год небрежно отнеслись к записям.

Таким образом, представляется вероятным, что памфлет 1705 года о казни Мэри Филлипс и Элинор Шоу является чисто вымышленным повествованием. Важность этого вопроса обусловлена тем, что если опровергнуть две казни 1705 года, то последняя известная казнь в Англии будет отнесена к 1682 году, за десять лет до Салемского дела в Массачусетсе. Это, конечно, имеет некоторое отношение к недавнему утверждению (G. L. Kittredge, "Notes on Witchcraft", Am. Antiq. Soc., *Proc.*, XVIII), что "осуждения и казни за колдовство происходили в Англии после того, как они закончились в Массачусетсе".

Б.- СПИСОК ЛИЦ, ПРИГОВОРЕННЫХ К СМЕРТИ ЗА КОЛДОВСТВО В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЯКОВА I.

1.- Обвинение в причинении смерти.

1603. Йоркшир.

Мэри Пэннел.

1606. Хартфорд.

Джоанна Харрисон и ее дочь.

1612. Нортгемптон.

Хелен Дженкинсон, Артур Билл, Мэри Барбер.

1612. Ланкастер.

Чаттокс, Элиза. Девайс, Джеймс Девайс, Алиса Наттер, Кэтрин Хьюитт, Энн Редфирн.

1612. Йорк.

Дженнет Престон.

1613. Бедфорд.

Мать Саттон и Мэри Саттон.

1616. Мидлсекс.

Элизабет Раттер.

1616. Мидлсекс.

Джоан Хант.

1619. Линкольн.

Маргарет и Филиппа Флауэр.

1621. Эдмонтон.

Элизабет Сойер.

2.- Не обвиняется в причинении смерти (насколько можно судить по записям).

1607. Рай, Кент.

Две женщины развлекались с духами, "чтобы получить богатство".

1612. Ланкастер.

Джон и Джейн Булкок, заставляли расточаться. Против них было дано показание, что в Малкинг-Тауэр они согласились на убийство, но это, по-видимому, не было включено в обвинительное заключение. Оправданы, но позже осуждены.

Алисон Девайс, довел до истощения.

Изабель Робей, вызвала болезнь.

1616. Энфилд, Мидлсекс.

Агнес Берри, наложение порчи и доведение до истощения.

1616. Кингс-Линн.

Мэри Смит, повешена за то, что заставила томиться четырех человек.

1616. Лестер.

Девять женщин повешены за околдовывание мальчика. Еще шесть осуждены по тому же обвинению, но помилованы по приказу короля.

Смешанные дела.

1607. Бейквелл.

Наши сведения о ведьмах из Бейквелла слишком неполны, чтобы мы могли с уверенностью утверждать, что они не были обвинены в убийстве с помощью колдовства.

1612. Нортгемптон.

Агнес Браун и Джоан Воган были обвинены в околдовывании мастера Эйвери и госпожи Белчер "вместе с телом маленького ребенка до смерти".

СПИСОК ДЕЛ О КОЛДОВСТВЕ, 1558-1718, СО ССЫЛКАМИ НА ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРУ.[1]

1558. Джон Тиркл, "тайлур, уличенный в колдовстве", подлежит освидетельствованию. *Acts of Privy Council*, n. s., VII, 6. ---- Несколько человек в Лондоне, обвиненных в колдовстве, должны быть отправлены к епископу Лондона для освидетельствования. *Там же*, 22.

1559. Вестминстер. Некоторые лица, допрошенные по подозрению, включая, вероятно, леди Фрэнсис Трогмортон. *Кал. St. P., Dom., 1547-1580*, 142.

с. 1559. Дочь леди Чандос, обвиненная и заключенная в тюрьму вместе с Джорджем Трогмортон. *Brit Mus., Add. MSS., 32 091, fol. 176*.

1560. Кент. Мать Буске из Сент-Джонса подозревается церковными властями. Визиты в Кентербери в *Archæologia Cantiana*, XXVI, 31.

1561. Кокс, он же Девон, римский священник, проверен на магию и колдовство, а также на празднование мессы. *Кал. St. P., Dom., 1547-1580*, 173.

---- Лондон. Десять человек предстали перед королевой и советом по обвинению в "нарушениях, неуважении, колдовстве и чародействе". Их наказали плетью и обязали отказаться от подобных занятий на будущее. Из отрывка, приведенного в *Brit. Mus., Sloane MSS., 3,943, fol. 19*.

1565. Дорсет. Агнес Монди должна быть задержана за околдовывание госпожи Четтелл. *Acts P. C.*, n. s., VII, 200-201.

1565-1573. Дарем. Дженнет Пересон обвиняется церковными властями. *Показания ... из ... Durham* (Surtees Soc.), 99.

1566. Челмсфорд, Эссекс. Мать Уотерхаус повешена; Алиса Чандлер повешена, вероятно, в это время; Элизабет Фрэнсис, вероятно, оправдана. *Допрос и признание определенных Уитчей в Ченсфорде*. О делах Элизабет Фрэнсис и Алисы Чандлер см. также *A detection of damnable driftes*, A iv, A v, verso.

---- Эссекс. "Борамский вор", вероятно, осмотрен архидиаконом. W. H. Hale, *A Series of Precedents and Proceedings in Criminal Causes, 1475-1640, extracted from the Act Books of Ecclesiastical Courts in the Diocese of London* (London, 1847), 147.

1569. Лайм, Дорсет. Эллен Уокер обвиняется. Робертс, *Южные графства*, 523.

1570. Эссекс. Жена Малтера из Тейдон-Маунт и Анна Викарс из Нэвстока осматриваются сэром Томасом Смитом. Джон Страйп, *Жизнь сэра Томаса Смита* (изд. в Оксфорде, 1820), 97-100.

1570-1571. Кентербери. Несколько ведьм заключены в тюрьму. Мать Темница представлена большому жюри. *Hist. MSS. Comm. Reports*, IX, pt. 1, 156 b; Wm. Welfitt, "Civis", *Minutes collected from the Ancient Records of Canterbury* (Canterbury, 1801-1802), no. VI.

---- - Фолкстон, Кент. Маргарет Браун, обвиненная в "незаконных действиях", изгнана из города на семь лет и должна быть выпорота за хвост телеги, если будет найдена в пределах шести или семи миль от города. S. J. Mackie, *Descriptive and Historical Account of Folkestone* (Folkestone, 1883), 319.

1574. Уэстуэлл, Кент. "Старая Алиса" [Норрингтон?] предстала перед судом и была осуждена. Реджинальд Скот, *"Разоблачение колдовства"*, 130-131.

---- Мидлсекс. Джоан Эллис из Вестминстера осуждена по нескольким обвинениям в колдовстве и приговорена к повешению. *Записи графства Мидлсекс*, I, 84.

с. 1574. Джейн Торнетон, обвиненная Рейчел Пиндер, которая, однако, призналась в мошенничестве. *Обнаружение поддельного владения*.

1575. Бернтвуд, Стаффордшир. Мать Арнольд повешена в Баркинге. Из названия памфлета, упомянутого Лоундесом: *"Допрос и признание известной ведьмы по имени Мать Арнольд, она же Уайткот, она же Гластонбери, на ассамблее в Бернтвуде в июле 1574 года; которая была повешена за колдовство в Баркинге, 1575 год"*. Миссис Линтон, *Witch Stories*, 153, утверждает, что в это время было повешено множество людей, но я не могу найти подтверждения этому утверждению.

---- Мидлсекс. Элизабет Дакк из Хармондсворта оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, I, 94.

---- Грейт-Ярмут, Норфолк. Катарина Смайт оправдана. Генри Харрод, "Заметки о записях корпорации Грейт-Ярмута", в *Norfolk Archæology*, IV, 248.

1577. Сифорд, Сассекс. Джоан Вуд представлена большим жюри. M. A. Lower, "Memorials of Seaford," in *Sussex Archæological Soc., Collections*, VII, 98.

---- Мидлсекс. Хелен Бериман из Лалэма оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, I, 103.

---- Эссекс. Генри Читтам из Мач-Барфилда предстанет перед судом за чеканку фальшивых денег и фокусничество. *Acts P. C.*, n. s., IX, 391; X, 8, 62.

1578. Пресколл, Сэнфорд и "некто Эмерсон, преист", подозреваются в колдовстве против королевы. Первые двое совершили преступление. *Id.*, X, 382; см. также 344, 373.

---- Обнаружены доказательства использования колдовства против королевы. *Кал. St. P., Spanish, 1568-1579*, 611; см. также примечание к "*Masque of Queenes*" Бена Джонсона (Лондон, Shakespeare Soc., 1848), 71.

---- Сассекс. "Один Три, бейлиф из Льюса, и один Смит из Чинтинга" должны быть допрошены. *Acts P. C.*, n. s., X, 220.

1579. Челмсфорд, Эссекс. Три женщины казнены. Мать Стонтон освобождена, так как "против нее не было выдвинуто никаких обвинений в непредумышленном убийстве". *Детекция проклятых дрейфов*.

---- Абингдон, Беркс. Четыре женщины повешены; по меньшей мере две другие, а возможно, и больше, были задержаны. *Репетиция и правдивый рассказ о... деяниях, совершенных Элизабет Смайл...*; *Acts P. C.*, n. s., XI, 22; Scot, *Discoverie of Witchcraft*, 10, 51, 543.

---- Определенные лица, подозреваемые в колдовстве, должны быть осмотрены епископом Лондона. *Acts P. C.*, n. s., XI, 36.

---- Салоп, Вустер и Монтгомери. Сэмюэл Коквра заплатил за "поиск определенных лиц, подозреваемых в колдовстве". *Там же*, 292.

---- Саутварк. Саймон Пемброк, фокусник, доставлен в приходскую церковь Святого Спасителя, чтобы быть судимым "ординарным судьей для этих сторон", но падает замертво до начала процесса. Холиншед, *Хроники* (изд. 1586-1587 гг.), III, 1271.

---- Саутгемптон. Вдова Уокер предстала перед судом присяжных, результат неизвестен. Дж. С. Дэвис, *История Саутгемптона* (Саутгемптон, 1883), 236.

1579-1580. Шропшир. Мать Гарве наказана на рынке кукурузы. Owen and Blakeway, *History of Shrewsbury*, I, 562.

1580. Стэнхоуп, Дарем. Энн Эмерсон обвиняется церковными чиновниками. *Запрет ... от ... епископа Даремского* (Surtees Soc.), 126.

---- Бакс. Джон Коулман и его жена допрошены четырьмя мировыми судьями по приказу Тайного совета. Вероятно, они были освобождены. *Акты P. C.*, n. s., XI, 427; XII, 29.

---- Кент. Несколько человек должны быть задержаны за колдовство. *Id.*, XII, 21-23.

---- Сомерсет. Генри Харрисон и Томас Уодхэм, подозреваемые в колдовстве, должны предстать перед Тайным советом. *Там же*, 22-23.

---- Сомерсет. Генри Физе из Уэстпеннера, уличенный в колдовстве, предстал перед тайным советом. *Там же*, 34.

---- Эссекс. "Sonderly persones", обвиненные в колдовстве и ворожбе. *Акты P. C.*, XII, 29, 34.

1581. Рэндолл и четверо других обвиняются в "колдовстве с целью узнать, где в земле спрятаны сокровища". Рэндолл и трое других признаны виновными. Один Рэндолл казнен. Холинshed, *Хроники* (Лондон, 1808), IV, 433.

1581. Падстоу, Корнуолл. Энн Пирс обвиняется в колдовстве. Допрос свидетелей. *Кал. St. P., Dom., 1581-1590*, 29. См. также *Акты Р. С.*, n. s., XIII, 228.

1581. Рочестер, Кент. Маргарет Симмонс оправдана. *Scot, Discoverie*, 5.

1581-82. Колчестер, Эссекс. Аннис Херд обвиняется перед "духовным судом". *Ведьмы взяты в Сент-Осе*, 1582 год.

1582. Сент-Осайт, Эссекс. Шестнадцать обвиняемых, один из которых был мужчиной. Сколько из них было казнено, неизвестно. По преданию, было казнено тринадцать. Шотландец писал, что было казнено семнадцать или восемнадцать человек. *Ведьмы, взятые в Сент-Осе*, 1582 год; *Scot, Discoverie*, 543.

1582 год (или ранее). "Т. Э., магистр искусств и практик как в физике, так и в прошлых временах в различных вейн-науках", осужден за колдовство, но освобожден. *Scot, Discoverie*, 466-469.

1582. Мидлсекс. Марджери Эндрюз из Клеркенвелла взята под залог. *Записи графства Мидлсекс*, I, 133.

1582. Дарем. Элисон Лоу из Харта принуждена к покаянию. *Denham Tracts* (Folk-Lore Soc.), II, 332.

1582. Кент. Добрая жена Суэйн из Сент-Джонса подозревается церковными властями. *Archæol. Cant.*, XXVI, 19.

1582-83. Ноттингем. Некий Батте, допрошенный в "Мире" Ноттингема. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XII, pt. 4, 147.

1582-83. Кингс-Линн. Мать Гейбли, вероятно, повешена. Выдержка из приходского регистра Уэллса в Норфолке, в *Gentleman's Magazine*, LXII (1792), 904.

1583. Кингстон-апон-Халл, Йоркшир. Три женщины предстали перед судом, одна из них приговорена к году тюремного заключения и столбу. Дж. Дж. Шихан, *История Кингстон-апон-Халла* (Лондон, 1864), 86.

1583. Колчестер, Эссекс. Две женщины приговорены к году тюремного заключения и четырем представлениям в столбец. E. L. Cutts, *Colchester* (London, 1888), 151. Генри Харрод, *Отчет о записях Колчестера* (Колчестер, 1865), 17; Приложение, 14.

1583. Сент-Питерс, Кент. Эллен Бэмфилд, подозреваемая церковными властями. *Archæol. Cant.*, XXVI, 45.

1584. Грейт-Ярмут, Норфолк. Элизабет Батчер (наказанная ранее) и Джоан Лингвуд приговорены к повешению. К. Дж. Палмер, *История Грейт-Ярмута*, I, 273.

1584. Стаффордшир. Обвинительное заключение против Джеффри Лича. *Кал. St. P., Dom., 1581-1590*, 206.

1584. Подозревается "ульдийская ведьма из Рамсбери" и несколько других "ульдийских ведьм и колдунов". *Кал. St. P., Dom., 1581-1590*, 220.

1584. Йорк. Женщина, обвиненная в колдовстве и "государственной измене, касающейся верховной власти", осуждена. *Кал. St. P., Dom., Add. 1580-1625*, 120-121.
1584. Мидлсекс. Элизабет Бартелл из Сент-Мартинс-ин-филдс оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, I, 145.
1585. Мидлсекс. Маргарет Хакетт из Стэнмора казнена. Из названий двух памфлетов, упомянутых Лоундесом: "*The severall Facts of Witchcrafte approved on Margaret Haskett ...* 1585 г., и "*Рассказ о Маргарет Хакет, отъявленной ведьме...*". 1585.
1585. Мидлсекс. Джоан Барринджер из "Харроувельде" (Харроу-Уолд) оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, I, 157.
1585. Дорсет. Джон Мире освидетельствован. *Кал. St. P., Dom., 1581-90*, 246-247.
- 1585-86. Алнвик, Нортумберленд. Двое мужчин и две женщины помещены в тюрьму по подозрению в убийстве шерифа. *Denham Tracts*, II, 332; *Cal. S. P., Dom., Add. 1580-1625*, 168.
1586. Экингтон, Дербишир. Маргарет Ропер обвиняется. Снята с должности. Харснетт, *Разоблачение мошеннической практики Джона Даррела*, 310.
1586. Фавершем, Кент. Джон Кейсон [Карсон] предстал перед мэром, казнен. Холинshed, *Хроники (1586-1587)*, III, 1560.
1587. Грейт-Ярмут, Норфолк. Хелена Гилл предъявила обвинение. К. Дж. Палмер, *История Грейт-Ярмута*, 273. Х. Харрод в *Norfolk Archæology*, IV, 248, относит это к 1597 году, но это, вероятно, ошибка.
- с. 1588. Женщина в Р. Х., которая, как говорят, была заключена в тюрьму и умерла до присяги. Гиффорд, *Диалог* (Лондон, 1603), С.
1589. Челмсфорд, Эссекс. Три женщины повешены. *Задержание и признание трех отъявленных ведьм*.
1589. Несколько человек должны быть допрошены о том, как они занимались колдовством с итальянским монахом. *Акты Р. С., n. s., XVII*, 31-32.
1589. Госпожа Дейр привлечена к допросу за колдовство против королевы. Обвинение снято. Strype, *Annals of the Reformation* (London, 1709-1731), IV, 7-8.
1590. Миссис Дьюс подозревается в попытке использовать фокусников. *Кал. St. P., Dom., 1581-1590*, 644.
1590. Джон Борн, "колдун и соблазнитель", арестован. *Acts P. C., n. s., XVIII*, 373.
1590. Бервик. Шотландская ведьма заключена в тюрьму. Джон Скотт, *История Бервика* (Лондон, 1888), 180; *Archæologia*, XXX, 172.
1590. Норфолк. Маргарет Грейм обвиняется перед мировым судьей. Соседи подают петицию в ее защиту. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, II, 243-244.
1590. Кингс-Линн. Маргарет Рид сгорела. Бенджамин Макерелл, *История и древности ... Кингс-Линна*, (Лондон, 1738), 231.
1590. Эдмонтон, Мидлсекс. Несколько человек взяты за колдовство и ворожбу. В погоне за ними использована блаухаунд. *Кал. St. P., Dom., 1581-1590*, 689.

1590-91. Хартфордшир. Обвинение Джоан Уайт в убийстве. *Hertfordshire County Session Rolls*, I, 4.

1591. Джон Престолл подозревается. *Cal. St. P., Dom.*, 1591-1594, 17-19.

1591. Мидлсекс. Стивен Трефулбек из Вестминстера приговорен к наказанию по уставу, т.е., вероятно, к столбу. *Записи графства Мидлсекс*, I, 197.

1592. Колчестер, Эссекс. Маргарет Рэнд обвиняется большим жюри. *Brit. Mus., Stowe MSS.*, 840, fol. 42.

1592. Йоркшир. "Сара Б. де К." освидетельствована. *West, Symboleography*, pt. II (London, 1594), ed. of 1611, fol. 134 verso (перепечатано в *County Folk-Lore*, Folk-Lore Soc., 135). Был ли "С. Б. де К. в комитате. Н.", чей обвинительный акт в том же году напечатан также Уэстом, возможно, та же самая женщина, определить невозможно.

1592. Йоркшир. Маргарет Л. де А. освидетельствована. *Там же*.

1593. Уорбойс, Хантингдоншир. Мать, дочь и отец Сэмюэля казнены. *Самое странное и восхитительное открытие трех ведьм из Уорбойса*. 1593. См. также John Darrel, *A Detection of that sinful ... discours of Samuel Harshnet*, 20-21, 39-40, 110. Харснетт, *Разоблачение мошеннической практики Джона Даррела*, 93, 97.

1594. Джейн Шелли привлечена к суду за использование колдунов для определения времени смерти королевы. *Hist. MSS. Comm., Cecil.*, pt. V, 25.

1595. Сент-Питерс Кент. Две женщины, представленные церковными властями. Все еще подозреваются в 1599 году. *Archæol. Cant.*, XXVI, 46.

1595. Вудбридж, Саффолк. Ведьм сажают на столб. *Фольклор графства Саффолк* (Folk-Lore Soc., London, 1895), 193.

1595. Джейн Мортимер помилована за колдовство. *Bodleian, Tanner MSS.*, CLXVIII, fol. 29.

1595. Около Бристоля, Сомерсет. Севералл осужден за смерть графа Дерби. *Hist. MSS. Comm. Reports*, IV, app., 366 b. См. также E. Baines's *Lancaster* (London, 1870), 273-274 и прим.

1595. Барнет и Брейнфорд, графство Гертс. Три ведьмы казнены. Из названия памфлета, упомянутого Лоундесом: *"Обвинение и казнь трех отвратительных ведьм, Джона Ньюэлла, Джоан, его жены, и Элен Каллс: две казнены в Барнете и одна в Брейнфорде, 1 декабря 1595 года"*.

1596 год (или ранее). Дербишир. Элизабет Райт (мать Алисы Гудеридж) несколько раз вызывалась к мировому судье по подозрению. *Самая замечательная и правдивая история о ... Алсе Гудеридж* (1597).

1596. Бертон-апон-Трент, Дербишир. Алиса Гудеридж предстала перед судом в Дерби, была осуждена. Умерла в тюрьме. Харснетт, *Разоблачение мошеннической практики Джона Даррела; Джон Даррел, Разоблачение этой греховной ... рассуждения Сэмюэля Харшнета*, 38, 40; *Самая замечательная и правдивая история ... Алсе Гудеридж* (1597).

1596-1597. Лестер. Мать Кука повешена. Мэри Бейтсон, *Записи о Лестерском боро* (Кембридж, 1899), III, 335.

1596-1597. Ланкастер. Хартли осужден и казнен. Джон Даррел, *Правдивое повествование* (в трактатах Сомерса, III), 175, 176; Джордж Мор, *Правдивое рассуждение об определенном владении ... 7 человек ... в Ланкашире*, 18-22; Джон Даррел, *Обнаружение этих греховных ... рассуждений Сэмюэля Харшнета*, 40.

1597. Ноттингем. Тринадцать или более обвиняемых Сомерсом, по крайней мере восемь из них были посажены в тюрьму. Все, кроме двух, освобождены. Алиса Фримен предстала перед судом присяжных и была оправдана. Джон Даррел, *Разоблачение греховных... рассуждений Сэмюэля Харшнета*, 109-111; *Апология или защита владений Уильяма Сомерса*, L-L 3; Сэмюэль Харснетт, *Разоблачение мошеннической практики Джона Даррела*, 5, 102, 140-141, 320-322.

1597. Сент-Лоуренс, Кент. Сибилла Феррис, подозреваемая церковными властями. *Archæol. Cant.*, XXVI, 12.

1597. Ноттингем. Уильям Сомерс обвинен в колдовстве как уловка, чтобы затащить его в исправительный дом. Даррел, *Правдивое повествование о ... Vexation ... of seven persons in Lancashire*, in *Somers Tracts*, III, 184; также его *Brief Apologie* (1599), 17.

1597. Йоркшир. Элизабет Мелтон из Коллингема осуждена, помилована. *Кал. St. P., Dom.*, 1595-1597, 400.

1597. Ланкашир. Алиса Брери из Каслтона осуждена, помилована. *Там же*, 406.

1597. Мидлсекс. Агнес Годфри из Энфилда, задержанная мировым судьей под залог в 10 фунтов стерлингов. *Записи графства Мидлсекс*, I, 237.

1597. Сент-Эндрюс в Холборне, Мидлсекс. Джозия Райли предстала перед судом. "Po se mortuus in facie curie", *то есть Posuit se moriturum*. *Там же*, 225.

1597. Мидлсекс. Хелен Спикс из Сент-Джайлз-ин-те-Филдс оправдана. *Там же*, 239.

1598. Бервик. Обвиняется жена Ричарда Свинборна. Джон Скотт, *История Бервика* (Лондон, 1888), 180.

1598. Сент-Питерс, Кент. Две женщины подозреваются церковными служителями; одна из них на следующий год представляется вновь. *Archæol. Cant.*, XXVI, 46.

1598. Кингс-Линн. Элизабет Хаусгоу казнена. Макерелл, *История и древности Кингс-Линна*, 232.

1599. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Джоун Джордан из Шэдбрука предстал перед судом. Darrel, *A Survey of Certain Dialogical Discourses*, 54.

1599. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Судили Джоан Нейлер. *Там же*.

1599. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Олифф Бартэм из Шэдбрука казнен. *Триал Мейста. Dorrel*, 92-98.

1599. Лондон. Анна Керке из Боукс-Уорфа казнена в "Тибурне". *Триал Мейста. Доррел*, 99-103.

1600. Хартфорд. "Знатная ведьма" помещена в тюрьму в Хартфорде. *Hist. MSS. Comm. Reports, Cecil MSS.*, pt. X, 310.

1600. Роза Бексвелл помилована. Bodleian, Tanner MSS., CLXVIII, fol. 104.

1600. Норфолк. Маргарет Фраунс была осуждена на длительный срок. Вероятно, освобождена мировым судьей на основании новых доказательств. *Hist. MSS. Comm. Reports*, X, pt. II (Gawdy MSS.), 71. См. также ниже, с. 400, 401.

1600. Ипсвич, Саффолк. Подозреваются несколько фокусников. *Кал. Св. П., Дом.*, 1598-1601, 523.

1601. Епископ Бертон, Йорк. Две женщины задержаны за околдовывание мальчика. *Brit. Mus., Add. MSS.*, 32,496, fol. 42 b.

1601. Мидлсекс. Ричард Нельсон из Сент-Катаринс привлечен к суду. *Записи графства Мидлсекс*, I, 260.

1601. Ноттингем. Эллен Барк представлена на сессии. *Записи округа Ноттингем*, IV, 260-261.

1602. Мидлсекс. Элизабет Робертс из Уэст-Дрейтона, обвиненная по трем пунктам, оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, I, 212.

1602. Саффрон Уолден, Эссекс. Алиса Бентли предстала перед судом четвертьсессии. Дело, вероятно, прекращено. Darrel, *A Survey of Certain Dialogical Discourses*, 54.

Временные. Элиза. Нортфлит, Кент. Помилование Алисы С. за околдовывание коровы и свиней. *Bodleian, Rawlinson MSS.*, C 404, fol. 205 b.

временный. Элизабет. Женщина приговорена к тюремному заключению и к столбу. Гиффорд, *Диалог о ведьмах* (1603), L 4 verso.

временная. Элиз. Кембридж. Две женщины, возможно, были повешены в это время. Генри Мор, *"Противоядие от атеизма"*, III. Но см. 1605 год, Кембридж.

Темп. Элиз. Мать У. из У. Х., как говорят, была казнена. Гиффорд, *Диалог о ведьмах*, D 4 verso-E.

временный. Элиза. Мать В. из Великого Т., как говорят, была повешена. *Там же*, C 4.

временная. Элиз. Женщина, о которой говорят, что она была повешена. *Ibid.*, L 3-L 3 verso.

temp. Элиз. Две женщины, о которых говорят, что они были повешены. *Ibid.*, I 3 verso.

1602-1603. Лондон. Элизабет Джексон приговорена за околдовывание Мэри Гловер к четырем представлениям в колонии и году тюрьмы. Джон Свон, *"Правдивый и правдивый отчет о мучениях Мэри Гловер"*; Э. Джорден, *"Краткий рассказ о ... мучениях матери"*, 1603 г.; также MS., *Позднее несчастное дело Марии Гловер... по случаю рассуждений доктора Джордена о матери, в которых он тайно облагает налогом сначала врачей, которые признали ее болезнь досадой Сатана, и, следовательно, приговор Лава и разбирательство в отношении колдуньи, которая была обнаружена как средство для этого, с защитой правды против Д. Дж. его скандальных обвинений, написанной Стивенном Брэдвеллом*, 1603. *Brit. Mus., Sloane MSS.*, 831. Рассказ Льюиса Хьюза, приложенный к его *"Certain Grievances"* (1641-2), цитируется Синкларом, *"Satan's Invisible World Discovered"* (Edinburgh, 1685), 95-100; поэтому Бертон (*"The Kingdom of Darkness"*) и Хатчинсон (*"Historical Essay concerning Witchcraft"*) указывают неверную дату.

1603. Йоркшир. Мэри Пэннел казнена за убийство, совершенное в 1593 году. Mayhall, *Annals of Yorkshire* (London, 1878), I, 58. См. также E. Fairfax, *A Discourse of Witchcraft*, 179-180.

1603. Грейт-Ярмут, Норфолк. Алес Мур в тюрьме по подозрению. К. Дж. Палмер, *История Грейт-Ярмута*, II, 70.

1604. Вулер, Нортумберленд. Кэтрин Томпсон и Энн Невелсон под следствием у генерального викария епископа Даремского. Ричардсон, *Настольная книга*, I, 245; Дж. Рейн, *Йоркские показания*, 127, примечание.

1605. Кембридж. Тревога по поводу ведьм. Письма сэра Томаса Лейка виконту Крэнборну, 18 января 1604/5 г., и сэра Эдварда Коука виконту Крэйборну, 29 января 1604/5 г., оба в *Brit. Mus., Add. MSS.*, 6177, fol. 403. Вероятно, речь идет о деле, упомянутом в *Cal. St. P., Dom.*, 1603-1610, 218. Не исключено также, что Генри Мор имел в виду это дело, когда рассказывал о двух женщинах, казненных в Кембридже во времена Елизаветы (см. выше, temp. Eliz., Cambridge), и ошибся в подсчетах на два-три года.

1605. Донкастер, Йорк. Допрошен Джоун Джерди из Россингтона. Показания в *Gentleman's Magazine*, 1857, pt. I, 593-595.

1606. Лут, Линкольншир. "Обвинение против колдуньи". R. W. Goulding, *Louth Old Corporation Records* (Louth, 1891), 54.

1606. Хартфорд. Джоанна Харрисон и ее дочь, как говорят, были казнены. Это основано на памфлете "*Самый жестокий и кровавый муртер*", ... См. приложение А, § 3.

1606. Ричмонд, Йоркшир. Ральф Милнер по решению четвертьсессии должен дать показания в церкви Мьюкарп. *North Riding Record Society*, I, 58.

1607. Мидлсекс. Алиса Брэдли из Хэмпстеда привлечена к суду по четырем счетам, оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, II, 8.

1607. Мидлсекс. Роза Мерсам с Уайткросс-стрит оправдана. *Там же*, II, 20.

1607. Бейквелл, Дерби. По слухам, здесь было казнено несколько женщин. См. Robert Simpson, *A Collection of Fragments illustrative of the History and Antiquities of Derby* (Derby, 1826), 90; Glover, *History of Derby* (ed. Thos. Noble, 1833), pt. I, vol. II, p. 613; J. C. Cox, *Three Centuries of Derbyshire Annals*, II, 88. Подробный рассказ об этом деле см. в W. Andrews, *Bygone Derbyshire*, 180-184.

1607-11. Рай, Сассекс. Две женщины, осужденные местными властями, вероятно, были освобождены после вмешательства Лондона. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIII, pt. 4, 136-137, 139-140, 147-148.

1608. Саймон Рид помилован. *Cal. St. P., Dom.*, 1603-1610, 406.

1610. Норфолк. Кристиан Уич, помилованный в 1604 году, теперь снова помилован. *Там же*, 96, 598. Та ли это Кристиана Уич из Клевс Пеппер, Уилтс, которую в 1651 и 1654 годах снова и снова обвиняли в том, что она сказала, где находится потерянный товар? См. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 120.

1610. Мидлсекс. Агнес Годфри из Энфилда, против нее было выдвинуто четыре обвинения, оправдана по трем, признана виновной в убийстве. Папка с приговором утеряна. *Записи графства Мидлсекс*, II, 57-58. Снова оправдана в 1621 году. *Там же*, 79, 80.

1610. Лестершир. Показания, взятые шерифом относительно Рэндалла и других ведьм. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XII, pt. 4 (*MSS. of the Duke of Rutland*), I, 422.

1611. Карнарвон. История о колдовстве, "совершенном над шестью молодыми девицами". Тайный совет приказывает епископу Бангора и судьям присяжных рассмотреть это дело. *Кал. St. P., Dom., 1611-1618*, 53.

1611. Вм. Бейт, обвиненный за двадцать лет до этого в практике вызывания и т. д. с целью поиска сокровищ, помилован. *Там же*, 29.

1611. Тирск, Йоркшир. Элизабет Кук, представленная на четвертьсессии за небольшое преступление, связанное с колдовством. *North Riding Record Soc.*, I, 213.

1612. Ланкастер. Маргарет Пирсон, которая в 1612 году была приговорена к году тюремного заключения и столбу, до этого была дважды судима: один раз за убийство, другой - за околдовывание соседа. Potts, *Wonderfull Discoverie of Witches in the countie of Lancaster* (Chetham Soc., 1845).

1612. Ланкастер. Десять человек из Пендла приговорены к смерти, один - к годичному заключению; восемь оправданы, в том числе три женщины из Солмсбери. Potts, *Wonderfull Discoverie of Witches*, Chetham Soc., 1845. Но ср. слова Купера ("*Тайна колдовства*", 1617), 15.

1612. Йорк. Дженнет Престон приговорена к смерти. Potts, *Wonderfull Discoverie of Witches*.

1612. Нортгемптон. По меньшей мере четыре женщины и один мужчина повешены. Многие другие обвиняемые, один из которых умер в тюрьме. *The Witches of Northamptonshire*, 1612; также Brit Mus., Sloane MSS., 972, fol. 7.

1613. Бедфорд. Мать Саттон и Мэри Саттон, ее дочь, из Милтон Майлс, повешены. *Ведьмы арестованы, обследованы и казнены*, 1613 год. См. приложение. А, § 3, где упоминается еще один памфлет на ту же тему - "*Книга о ведьмах, осужденных и казненных в последнее время*" (*A Booke of the Wytches lately condemned and executed*). См. также "*Чудесные открытия ... Margaret and Phillip Flower*, предисловие, и Richard Bernard, *Guide to Grand Jurymen*, iii.

1613. Уилтс. Маргарет Пилтон из Уорминстера, обвиняемая на четвертьсессии, вероятно, освобождена. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 86-87.

1614. Мидлсекс. Дороти Магик из церкви Святого Андрея в Холборне приговорена к году тюремного заключения и четырем появлениям на скамье подсудимых. *Записи графства Мидлсекс*, II, 91, 218.

1615. Мидлсекс. Джоан Хант из Хэмпстеда, которую вместе с мужем дважды судили и оправдывали, а обвинителю приказали попросить прощения, приговорена к повешению. *Записи графства Мидлсекс*, II, lii, 95, 110, 217-218.

1616. Лестер. Девять женщин повешены по обвинению мальчика. Шесть других обвиняемых, один из которых умер в тюрьме, пять освобождены после того, как король осмотрел мальчика. Письма Роберта Хейрика из Лестера от 16 июля и 15 октября 1616 года, перепечатанные в *Ежегодном реестре*, 1800, с. 405. См. также *Cal. S. P., Dom., 1611-1618*, 398, и William Kelly, *Royal Progresses in Leicester* (Leicester, 1855), pt. II, 15.

1616. Кингс-Линн, Норфолк. Мэри Смит повешена. Александр Робертс, *Трактат о колдовстве* (Лондон, 1616); Макерелл, *История и древности Кингс-Линна*, 233.

1616. Мидлсекс. Элизабет Раттер из Финчли, за избиение и убийство трех человек, приговорена к повешению. *Записи графства Мидлсекс*, II, 108, 218.

1616. Мидлсекс. Маргарет Веллан из Лондона обвиняется "по подозрению в том, что она ведьма". Эндрю Кэмфилд внес залог в 40 фунтов стерлингов, чтобы выступить против нее. *Записи графства Мидлсекс*, II, 124-125.
1617. Мидлсекс. Агнес Берри из Энфилда приговорена к повешению. *Там же*, 116, 219.
1617. Мидлсекс. Энн Бранш из Тоттенхэма привлечена к суду по четырем пунктам обвинения, оправдана. *Там же*, 219.
1618. Мидлсекс. Бриджет Микинс оправдана. *Там же*, 225.
1619. Линкольн. Маргарет и Филиппа Флауэр повешены. Их мать, Джоан Флауэр, умерла по дороге в тюрьму. *The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower*; J. Nichols, *History and Antiquities of the County of Leicester* (1795-1815), II, pt. I, 49; *Cal. St. P., Dom., 1619-1623*, 129; *Hist. MSS. Comm. Reports, Rutland MSS.*, IV, 514.
1619. Лестер. Три женщины, Энн Бейкер, Джоан Уиллимот, Эллен Грин, обвиняются и признаются. Несомненно, казнены. *Чудесное открытие колдовства Маргарет и Филиппы Флауэр*.
1619. Мидлсекс. Агнес Миллер из Финчли оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, II, 143-144.
1620. Лондон. "Один Павлин, бывший школьным учителем и министром", за околдовывание короля заключен в Тауэр и подвергнут пыткам. Уильямс, *Суд и времена Якова I*, II, 202; *Cal. St. P., Dom., 1619-1623*, 125.
1620. Лестер. Гилберт Смит, ректор Свитленда, обвиненный, помимо прочего, в колдовстве. *Leicestershire and Rutland Notes and Queries*, I, 247.
1620. Пэдиэхэм, Ланкашир. Ведьмы в тюрьме. *House and Farm Accounts of the Shuttleworths*, pt. II. (Chetham Soc., 1856), 240.
1620. Стаффордшир. Женщина, обвиненная по делу "мальчика из Билсона", оправдана. *Мальчик из Билсона* (Лондон, 1622); Артур Уилсон, *Жизнь и правление Якова I*, 107-112; Вебстер, *Проявление предполагаемого колдовства*, 274-275.
1621. Эдмонтон, Мидлсекс. Элизабет Сойер повешена. *Чудесное открытие Элизабет Сойер*, Генри Гудкол (1621).
1621. Мидлсекс. Энн Бивер, обвиненная в убийстве по шести пунктам, оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, II, 72-73. Снова оправдана в 1625 году. *Там же*, III, 2.
1622. Йорк. Шесть женщин обвиняются в околдовывании детей Эдварда Фэрфакса. На апрельских слушаниях две были отпущены под залог, две и, вероятно, четыре освобождены. На августовских слушаниях их снова оправдали. Фэрфакс, *"Рассуждение о колдовстве"* (Philobiblon Soc., Лондон, 1858-1859).
1622. Мидлсекс. Маргарет Рассел, она же "Графиня", помещена в Ньюгейт сэром Умом Слингсби по обвинению леди Дженнингс в нанесении увечий ее дочери. Доктор Нэпир диагностировал болезнь дочери как эпилепсию. *Brit. Mus., Add. MSS.*, 36,674, fol. 134.
1623. Йоркшир. Элизабет Крири из Норт-Аллертона приговорена к наказанию в виде столба раз в квартал. *Thirsk Quarter Sessions Records in North Riding Record Society* (London, 1885), III, 177, 181.

1624. Бристоль. Две ведьмы, как говорят, были казнены. Джон Латимер, *"Анналы Бристоля в семнадцатом веке"* (Бристоль, 1900), 91. Латимер цитирует другого "анналиста".

temp. Яс. I? Говорят, что две женщины были повешены. История сомнительна. Эдвард Поэтон, *"Победа белого колдовства"* (Brit. Mus., Sloane MSS., 1,954), 41-42.

temp. Як. I. Норфолк. Джоан Харви обвинили в том, что она нацарапала там "старую ведьму", "мать Фрэнсис, которая теперь умерла". Мать Фрэнсис ранее была заключена в тюрьму в Норвиче. Brit. Mus., Add. MSS., 28,223, fol. 15.

temp. Яс. I. Уорикшир. Ковентри преследуют "адские колдуны". "Чудовищный выводок" также в Чешире. Томас Купер, *"Тайна колдовства"* (1617), 13, 16.

Времена. Як. I. Norwich. Ведьмы, вероятно, обвиненные в болезни ребенка. Возможно, мать Фрэнсис была одной из них. Купер, там же, "Посвятительное послание".

1626. Таунтон, Сомерсет. Обвиняются Эдмунд Булл и Джоан Гриди. Brit. Mus., Add. MSS., 36,674, fol. 189; Wright, *Narratives of Sorcery and Magic*, II, 139-143. См. также Ричард Бернارد, *"Руководство для присяжных заседателей"*, "Посвятительное послание".

1627. Дарем. Сара Хатерик и Джейн Урвен обвиняются в консисторском суде. *Folk-Lore Journal* (Лондон, 1887), V, 158. Цитируется Эдвардом Пикоком по записям консисторского суда Дарема.

1627. Линнестон, Ланкастер. Обвинение Элизабет Лондесдейл. Свидетельство соседей в ее пользу. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIV, pt. 4 (*Kenyon MSS.*), 36.

1628. Липиш, Нортумберленд. Джейн Робсон совершила преступление. Маккензи, *История Нортумберленда* (Ньюкасл, 1825), 36. Маккензи копирует с Mickleton MS.

1630. Ланкастер. Некий Атли, как говорят, был повешен за околдовывание Ричарда Аштона. E. Baines, *Lancaster* (изд. 1868-1870 гг.), II, 12.

1630. Сэндвич, Кент. Женщина повешена. Wm. Boys, *Collections for an History of Sandwich in Kent* (Canterbury, 1792), 707.

с. 1630. Уилтс. "Жена Джона Барлоуза", как говорят, была казнена. Письмо 1685-86 гг. напечатано в *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. I, 405-410.

1633. Лут, Линкольншир. Тревога по поводу ведьм; назначены два искателя. Одной ведьме предъявлено обвинение. Goulding, *Louth Old Corporation Records*, 54.

с. 1633. Ланкастер. Отец и мать Мэри Спенсер осуждены. *Кал. S. P., Dom.*, 1634-1635, 79.

1633. Норфолк. Обвиняется женщина. Арест не произведен. *Hist. MSS. Comm. Reports*, X, pt. 2 (*Gawdy MSS.*), p. 144.

1633-34. Ланкастер. Несколько ведьм, вероятно семнадцать, судились и были осуждены. Отпущены королем. Многочисленные ссылки на это дело см. выше, гл. VII, сноски.

1634. Йоркшир. Четыре женщины из Уэст-Айтона, представленные для того, чтобы рассказать "per veneficationem vel incantationem", где можно найти украденную одежду. Записи квартальных сессий Тирска в *North Riding Record Society*, IV, 20.

1635. Ланкастер. Четыре ведьмы осуждены. Тайный совет приказывает епископу Бриджмену допросить их. Две умерли в тюрьме. Остальные, вероятно, были освобождены. *История. MSS. Comm. Reports*, XII, 2 (*Cowper MSS.*, II), 77, 80.

1635. Лестер. Агнес Тедсолл оправдана. *Leicestershire and Rutland Notes and Queries*, I, 247.

1635. --. Мэри Проутинг, которая была истцом в Звездной палате, обвиняется в колдовстве. Обвинитель, который был одним из ответчиков, разоблачен. *Кал. Св. П., Дом.*, 1635, 476-477.

с. 1637. Бедфорд. Добрая жена Роуз "пригнулась", вероятно, по вине чиновников. Wm. Drage, *Daimonomaquia* (London, 1665), 41.

1637. Стаффордшир. Джойс Ханниман осужден, почти наверняка освобожден. *Hist. MSS. Comm. Reports*, II, App., 48 b.

1637-38. Лэтом, Ланкашир. Энн Спенсер была обследована и, вероятно, совершена. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIV, 4 (*Kenyon MSS.*), 55.

1638. Мидлсекс. Алиса Бастард предстала перед судом по двум обвинениям. Оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 112-113.

1641. Мидлсекс. Один Хаммонд из Вестминстера предстал перед судом и, возможно, был повешен. John Aubrey, *Remaines of Gentilisme and Judaisme* (Folk-Lore Soc.), 61.

Временные рамки. Кэрл I. Оксфорд. Женщина, возможно, казнена. Эта история приводится из третьих рук в сборнике *"Современные отношения"* (Лондон, 1693), 48-49.

temp. Кэрл I. Сомерсет. Один или несколько повешенных. Позже околдованный человек, которым мог быть Эдмунд Булл (см. выше, s. v. 1626, Таунтон), также был повешен как ведьма. Meric Casaubon, *Of Credulity and Incredulity* (London, 1668), 170-171.

временный. Кароль. I? Таунтон Дин. Женщина оправдана. Норт, *Жизнь Норта*, 131.

1642. Мидлсекс. Николас Калпеппер из церкви Святого Леонарда, Шордич, оправдан. *Записи графства Мидлсекс*, III, 85.

1643. Ньюбери, Беркс. Женщина, предположительно ведьма, вероятно, застрелена здесь войсками парламента. *Самое определенное, странное и правдивое открытие ведьмы...*

1643; *Mercurius Aulicus*, Oct. 1-8, 1643; *Mercurius Civicus*, Sept. 21-28, 1643; *Certaine Informations*, Sept. 25-Oct. 2, 1643; *Mercurius Britannicus*, Oct. 10-17, 1643.

1644. Сэндвич, Кент. "Вдову Дрю повесили за ведьму". У. Бойс, *"Сборники для истории Сэндвича"*, 714.

1645 (июль). Челмсфорд, Эссекс. Шестнадцать человек точно осуждены, возможно, еще двое. Возможно, еще одиннадцать или двенадцать на другой ассамблее. *Правдивый и точный рассказ... о... покойных ведьмах... в Челмсфорде* (1645); Артур Уилсон, в Реск, *Desiderata Curiosa*, II, 76; Hopkins, *Discovery of Witches*, 2-3; Stearne, *Confirmation and Discovery of Witchcraft*, 14, 16, 36, 38, 58, etc.; *Signes and Wonders from Heaven* (1645), 2; "Р. В.". *Царство тьмы* (Лондон, 1688). Судьба нескольких эссекских ведьм описана в *"Правдивом и точном изложении"* в маргинальных заметках, напечатанных напротив их показаний (но опущенных в переиздании этого памфлета в *"Судебных процессах штата"* Хауэлла). "Р. В." в *"Царстве тьмы"*, хотя его осведомленность о делах Эссекса приписывается памфлету, приводит подробности о времени и месте казней, которые часто странно противоречат его показаниям.

1645 год (июль). Норфолк. Двадцать ведьм, как говорят, были казнены. Уайтлок, *Мемориалы*, I, 487. В "*Perfect Diurnal*" (21-28 июля 1645 г.) говорится, что на сайте состоялся "суд над ведьмами Норфолка, около 40 из них и 20 уже казнены". В "*Знаках и чудесах с небес*" говорится, что "40 ведьм были привлечены к суду за свою жизнь, а 20 казнены".

1645. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Шестнадцать женщин и двое мужчин казнены 27 августа. Еще сорок или пятьдесят, вероятно, казнены несколькими неделями позже. Очень большое число обвиняемых. В рукописи (Brit. Mus., Add. MSS., 27,402, fol. 104 ff.) упоминается более сорока подлинных счетов и пятнадцать или более счетов, которые не были найдены. *A True Relation of the Araignment of eighteene Witches at St. Edmundsbury* (1645); Clarke, *Lives of Sundry Eminent Persons*, 172; *County Folk-Lore, Suffolk* (Folk-Lore Soc.), 178; Ady, *A Candle in the Dark*, 104-105, 114; *Moderate Intelligencer*, Sept. 4-11, 1645; *Scottish Dove*, Aug. 29-Sept. 6, 1645.

Стерн упоминает несколько имен, не упомянутых в "*Правдивой хронике*", - имена, вероятно, принадлежат тем, кто входит во вторую группу обвиняемых. В отношении большинства из них он процитировал признание, не сообщив о результатах рассмотрения дел. Это Хемпстед из Критинга, Рэтклифф из Шелли, Рэндалл из Лэвенхема, Бедфорд из Рэттлсдена, Райт из Хитчема, Руселвер из Поустеда, Гринлиф из Бартон, Буш из Бартон, Крик из Хитчема, Ричмонд из Брэмфорда, Хаммер из Нидхема, Борем из Садбери, Скарф из Рэттлсдена, Кинг из Актона, Байсак из Уолдингфилда, Бинкс из Хаверхилла. В дополнение к ним Стерн упоминает Элизабет Хаббард из Стоумаркета. Еще две женщины из Стоумаркета были судимы, "Гуди Милс" и "Гуди Лоу". Hollingsworth, *History of Stowmarket* (Ipswich, 1844), 171.

1645. Мелфорд, Саффолк. Александр Сассумс сделал признание. Стерн, 36.

1645. Грейт-Ярмут, Норфолк. По меньшей мере девять женщин, пять из которых были осуждены. Три женщины и один мужчина оправданы. Многие другие представлены. К. Дж. Палмер, *История Грейт-Ярмута*, I, 273-274. *Hist. MSS. Comm. Reports*, IX, App., pt. I, 320 a; Henry Harrod in *Norfolk Archæol.*, IV, 249-251.

1645. Корнуолл. Энн Джеффрис заключена в тюрьму Бодмина и морит голодом по приказу мирового судьи. Говорили, что она близко общалась с "воздушными людьми" и вызывала чудесные исцеления. Мы не знаем, в чем ее обвиняли. В конце концов ее выписали. Уильям Тернер, "*Замечательные providения*" (Лондон, 1697), гл. 82.

1645. Ипсвич, Саффолк. Мать Лейкленд сожжена. *Законы против ведьм* (1645).

1645. Кингс-Линн, Норфолк. Дороти Ли и Грейс Райт повешены. Макерелл, *История и древности Кингс-Линна*, 236.

1645. Олдебург, Норфолк. Повешены семь ведьм. Цитаты из отчетов камергера в N. F. Hele, *Notes or Jottings about Aldeburgh*, 43-44.

1645. Фавершем, Кент. Три женщины повешены, четвертая предана суду местными властями. *Допрос, признание, суд и казнь Джоан Уиллифорд, Джоан Кариден и Джейн Хомт* (1645).

1645. Рай, Сассекс. Марта Бруфф и Энн Хауселл по приказу "мэра Рая и других" подвергнуты испытанию водой. *Hist. MSS. Comm. Reports*, XIII, pt. 4, 216.

1645. Мидлсекс. Обвиняются несколько ведьм из Степни. *Знамена и чудеса с небес*, 2-3.

1645-46. Кембриджшир. Несколько обвиняемых, по крайней мере одна или две из них были казнены. Ady, *Candle in the Dark*, 135; Stearne, 39, 45; H. More, *Antidote against Atheisme*, 128-

129. Возможно, об этом говорится в книге Гланвилла "*Sadducismus Triumphatus*", pt. ii, 208-209.

1646. Нортгемптоншир. Несколько ведьм повешены. Одна умерла в тюрьме. Stearne, 11, 23, 34-35.

1646. Хантингдоншир. Множество обвиняемых, из которых не менее десяти были допрошены и несколько казнены, среди них Джон Уинник. Одна женщина плавала и была освобождена. Джон Дэвенпорт, *Ведьмы Хантингдона* (Лондон, 1646); Х. Мор, *Противоядие против атеизма*, 125; Stearne, 11, 13, 17, 19, 20-21, 39, 42.

1646. Бедфордшир. Элизабет Гурри из Риздена сделала признание. Стерн говорит, что одна ведьма из Хантингдоншира призналась, что "в кустах Тилбрука в Бедфордшире... одновременно встречалось более двадцати человек". Хантингдонширские ведьмы, похоже, имеются в виду, но, возможно, не одни. Stearne, 11, 31.

с. 1646. Ярмут, Норфолк. Стерн упоминает женщину, которая пострадала здесь. Стерн, 53.

1646. Хептенстолл, Йоркшир. Элизабет Кроссли, Мэри Миджли и еще две женщины предстали перед двумя мировыми судьями. *York Depositions*, 6-9.

1647. Эли, Кембриджшир. Стерн упоминает "тех, кого казнили в Эли, незадолго до Майклмаса, ... также одну в Чаттерише, одну в Марче и еще одну в Уимблингтоне, которых недавно нашли и еще будут судить"; и еще "одну жену Мурса из Саттона, на острове Эли", которая "признала себя виновной" и была казнена; и еще "одну в Хедденхеме, на острове Эли", которая "сделала очень большое признание" и должна была понести наказание. Stearne, 17, 21, 37; Gibbons, *Ely Episcopal Records* (Lincoln, 1891), 112-113.

1647. Мидлсекс. Хелен Хаусон оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 124.

1648. Мидлсекс. Билль против Катарины Фишер из Стратфорд-ат-Боу проигнорирован. *Записи графства Мидлсекс*, III, 102.

1648. Норвич, Норфолк. Две женщины сожжены. П. Браун, *История Норвича* (Норвич, 1814), 38.

1649. Вустер. Говорят, что судили ланкаширскую ведьму; возможно, ее вернули в Ланкашир. *Сборник "Современные отношения"*. Автор говорит, что получил эту информацию от "высокопоставленного лица", присутствовавшего на суде.

1649. Мидлсекс. Элизабет Смайт из Сент-Мартинс-ин-филдс оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 191.

1649. Мидлсекс. Дороти Брумли оправдана. *Там же*.

1649. Сент-Олбанс. Джон Палмер и Элизабет Нотт повешены за ведьм. *The Devils Delusion* (1649).

1649. Бервик. Тридцать женщин, допрошенных по обвинению шотландского колдуна, отправлены в тюрьму. Whitelocke, *Memorials*, III, 99; John Fuller, *History of Berwick* (Edinburgh, 1799), 155-156, с выдержками из Guild Hall Books; John Sykes, *Local Records* (Newcastle, 1833), I, 103-105.

1649. Глостер. Ведьму судили на ассамблее. *A Collection of Modern Relations*, 52.
- 1649-50. Йоркшир. Мэри Сайкс и Сьюзен Бомонт арестованы и обысканы. Первая оправдана, иск против второй проигнорирован. *Йоркские показания*, 28.
- 1649-50. Дарем. Несколько ведьм в Гейтсхеде осмотрены и доставлены в Дарем для суда; "могила для ведьмы". Sykes, *Local Records*, I, 105; или *Denham Tracts* (Folk-Lore Soc.), II, 338.
- 1649-50. Ньюкасл. Обвинение тридцати ведьм. Четырнадцать женщин и один мужчина повешены, вместе с ведьмой из графства Нортумберленд. Ральф Гардинер, *England's Grievance* (Лондон, 1655), 108; Sykes, *Local Records*, I, 103; Джон Бранд, *History and Antiquities of Newcastle* (Лондон, 1789), II, 477-478; Whitelocke, *Memorials*, III, 128; *Chronicon Mirabile* (Лондон, 1841), 92.
1650. Йоркшир. Энн Хадсон из Скипси. *Йоркские показания*, 38, примечание.
1650. Камберленд. "Обнаружение ведьм". Шериф в недоумении. *Кал. Св. П., Дом, 1650*, 159.
1650. Дербишир. Энн Уэгг из Илкестона предана суду. Дж. К. Кокс, *Три века Дербиширских анналов*, II, 88.
1650. Мидлсекс. Джоан Робертс оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 284.
1650. Стратфорд-ат-Боу, Мидлсекс. Ведьма, как говорят, была задержана, но "избежала закона". Глэнвилл, *"Триумфатор Саддуцизма"*, п. ii, реляция XX.
1650. Мидлсекс. Джоан Аллен приговорена к повешению. *Записи графства Мидлсекс*, III, 284. В газете *"The Weekly Intelligencer"*, от 7 октября 1650 г., говорится о повешении ведьмы в Олд-Бейли, вероятно, Джоан.
1650. Лестер. Энн Четтл обыскана и оправдана. Через два года ее снова судили. Результат неизвестен. *Leicestershire and Rutland Notes and Queries*, I, 247; James Thompson, *Leicester* (Leicester, 1849), 406.
1650. Алнвик. Дороти Свиноу, жена полковника, предъявлено обвинение. Больше из этого ничего не вышло. *Чудесные новости с севера* (1650).
1650. Мидлсекс. Элизабет Смит оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 284.
- с. 1650-60. Сент-Албанс, графство Гертс. Две ведьмы подозреваются и, вероятно, предстают перед судом. Drage, *Daimonotageia* (1665), 40-41.
1651. Йоркшир. Маргарет Мортон оправдана. *Йоркские показания*, 38.
1651. Мидлсекс. Элизабет Лэнам из Степни оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 202, 285.
1651. Колчестер, Эссекс. Джон Лок приговорен к одному году тюремного заключения и четырем появлениям на скамье подсудимых. Brit. Mus., Stowe MSS., 840, fol. 43.
1652. Йоркшир. Хестер Франс из Хаддерсфилда обвиняется перед мировым судьей. *York Depositions*, 51.
1652. Мейдстоун, Кент. Шесть женщин повешены, остальным предъявлены обвинения. *A Prodigious and Tragical History of the Arragment... of six Witches at Maidstone... by "H. F. Gent."*,

1652; *The Faithful Scout*, July 30-Aug. 7, 1652; Ashmole's Diary in *Lives of Ashmole and Lilly* (London, 1774), 316.

1652. Мидлсекс. Джоан Петерсон из Уоппинга оправдана по одному обвинению, признана виновной по другому и повешена. *Middlesex County Records*, III, 287; *The Witch of Wapping; A Declaration in Answer to several lying Pamphlets concerning the Witch of Wapping; The Tryall and Examinations of Mrs. Joan Peterson; French Intelligencer*, Apr. 6-13, 1652; *Mercurius Democritus*, Apr. 7-14, 1652; *Weekly Intelligencer*, April 6-13, 1652; *Faithful Scout*, Apr. 9-16, 1652.

1652. Лондон. Сьюзен Симпсон оправдана. *Истинный и совершенный список имен заключенных в Ньюгейте* (Лондон, 1652).

1652. Вустер. Кэтрин Хаксли из Ившема, обвиненная в околдовывании девятилетней девочки, повешена. Бакстер, *"Уверенность в мире духов"* (Лондон, 1691), 44-45. Повествование Бакстера было прислано ему "нынешним министром этого места".

1652. Мидлсекс. Темперанс Фоссет из Уайтчепела оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 208, 288.

1652. Мидлсекс. Марджери Скотт из Сент-Мартинс-ин-филдс оправдана. *Там же*, 209.

1652. Скарборо, Йоркшир. Энн Марчант или Ханнам обвиняется и подвергается обыску. J. B. Baker, *History of Scarborough* (London, 1882), 481, с использованием местных записей.

1652. Дарем. Фрэнсис Адамсон и - Поул казнены. Ричардсон, *Настольная книга*, I, 286.

1652. Эксетер, Девоншир. Джоан Бейкер осуждена. Cotton, *Gleanings ... Relative to the History of ... Exeter* (Exeter, 1877), 149.

1652. Уилтс. Уильям Старр обвинен и обыскан. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 127.

1652-53. Корнуолл. Ведьма возле Лэндс-Энда обвиняется и обвиняет других. Восемь человек отправлены в тюрьму Лонсестона. Некоторые, вероятно, казнены (см. выше, с. 218 и сноски 24, 25). *Mercurius Politicus*, 24 ноября - 2 декабря 1653 г.; R. and O. B. Peter, *The Histories of Launceston and Dunheved* (Plymouth, 1885), 285. См. также Burthogge, *Essay upon Reason and the Nature of Spirits* (London, 1694), 196.

1653. Уилтс. Джоан Бейкер из Девайзеса подает жалобу, потому что два человека сообщили, что она ведьма. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 127. Та ли это Джоан Бейкер из Эксетера, о которой говорилось несколькими строками выше?

1653. Уилтс. Джоан Прайс из Малмсбери и Элизабет Биман из Девайзеса предъявлены обвинения, последняя предана суду. *Там же*.

1653. Йоркшир. Элизабет Лэмб обвиняется. *Йоркские показания*, 58.

1653. Мидлсекс. Элизабет Ньюман из Уайтчепела оправдана по одному обвинению, признана виновной по другому и приговорена к повешению. *Записи графства Мидлсекс*, III, 217, 218, 289.

1653. Мидлсекс. Барбара Бартл из Степни оправдана. *Там же*, 216.

1653. Лидс, Йоркшир. Изабель Эмотт обвиняется в колдовстве над скотом. *Hist. MSS. Comm. Reports*, IX, pt. 1, 325 b.

1653. Солсбери, Уилтс. Повешена Анна Боденхэм из Фишертон-Энджера. *Doctor Lamb Revived; Doctor Lamb's Darling; Aubrey, Folk-Lore and Gentilisme* (Folk-Lore Soc.), 261; Henry More, *An Antidote against Atheisme*, bk. III, chap. VII.

1654. Йоркшир. Анна Грин из Гаргрейва. *Йоркские показания*, 64-65.

1654. Йоркшир. Элизабет Робертс из Беверли освидетельствована. *Там же*, 67.

1654. Уилтс. Кристиана Уикес из Клевс Пеппер, которая уже дважды обвинялась на последних сессиях, обвиняется в том, что рассказала, где можно найти потерянные вещи. Одновременно обвиняются "другие фокусники". *История. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 120. См. выше, 1610, Норфолк.

1654. Эксетер. Диана Кросс совершила преступление. *Cotton, Gleanings ... Relative to the History of ... Exeter*, 150.

1654. Уилтс. Элизабет Лаудон арестована по подозрению. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 129.

1654. Уайтчепел, Мидлсекс. Грейс Бокс, привлечена к суду по трем обвинениям, оправдана. Снова оправдана в 1656 году. *Записи графства Мидлсекс*, III, 223, 293.

1655. Йоркшир. Кэтрин Эрл арестована и подвергнута обыску. *Йоркские показания*, 69.

1655. Солсбери. Маргарет Гингелл осуждена. Помилована лордом-протектором. F. A. Inderwick, *The Interregnum*, 188-189.

1655. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Мать и дочь Борам, как говорят, были повешены. Хатчинсон, *Исторический очерк о колдовстве*, 38.

1656. Йоркшир. Дженнет и Джордж Бентон из Уэйкфилда допрошены. *Йоркские показания*, 74.

1656. Йоркшир. Уильям и Мэри Уэйд арестованы за околдовывание дочери леди Мэллори. *Йоркские показания*, 75-78.

1657. Мидлсекс. Катарина Эванс из Фулхэма оправдана. *Записи графства Мидлсекс*, III, 263.

1657. Мидлсекс. Элизабет Кроули из Степни оправдана, но содержится в исправительном доме. *Записи графства Мидлсекс*, III, 266, 295.

1657. Гисборо, Йоркшир. Роберт Кониерс, "джентльмен", обвиняется. *North Riding Record Society*, V, 259.

1658. Эксетер. Томас Харви из Окхэма, Ратлендшир, "задержанный по приказу Совета отрядом солдат", оправдан на Эксетерском аукционе, но заключен под стражу. *Кал. St. P., Dom.*, 1658-1659, 169.

1658. Чард, Сомерсет. Повешена Джейн Брукс из Шептон-Маллета. Гланвилл, *"Триумфатор Саддуцизма"* (1681), п. ii, 120-122. (Гланвилл использовал книгу экзаменов Ханта). J. E.

Farbrother, *Shepton Mallet*; заметки о его истории, древней, описательной и естественной (1860), 141.

1658. Эксетер. Обвиняется Джоан Фурнейс. *Cotton, Gleanings ... Relative to the History of ... Exeter*, 152.

1658. Йоркшир. Говорят, что некоторые женщины были обвинены двумя служанками. Присяжные "бросили" женщину. Судьи дали "отсрочку". История не вполне достоверна. *Самое правдивое и удивительное повествование о двух женщинах, околдованных в Йоркшире...* (1658).

1658. Уоппинг, Мидлсекс. Обвиняется Лидия Роджерс. *Более точное изложение самого прискорбного и ужасного договора, который Лидия Роджерс... заключила с Дивелем* (1658). См. приложение. А, § 5, для другого трактата.

1658. Нортгемптоншир. Некоторые ведьмы из Уэлтона, как говорят, были осмотрены. *Glanvill, Sadducismus Triumphatus* (1681), pt. ii, 263-268.

1658. Солсбери, Уилтс. Вдова Орчард, как говорят, была казнена. Из письма 1685-86 гг., напечатанного в *"Джентльменском журнале"*, 1832, п. I, 405-410.

1659. Норвич, Норфолк. Мэри Оливер сожжена. П. Браун, *История Норвича*, 39. Фрэнсис Бломфилд, *"Очерк топографической истории графства Норфолк"* (Лондон, 1805-1810), III, 401.

1659. Мидлсекс. Элизабет Кеннет из Степни, обвиняемая. *Записи графства Мидлсекс*, III, 278, 299.

1659. Хартфордшир. "Гуди Фри" обвиняется в убийстве с помощью колдовства. *Hertfordshire County Sessions Rolls*, I, 126, 129.

1659-1660. Нортумберленд. Обвиняется Элизабет Симпсон из Тайнмута. *Йоркские показания*, 82.

1660. Вустер. Джоан Бибб из Рашока получила 20 фунтов стерлингов в качестве компенсации за то, что она была уклонена. *Gentleman's Magazine*, 1856, pt. I, 39, из письма Дж. Ноаке из Вустера, который использовал Тауншендские MSS.

1660. Вустер. Вдова и две ее дочери, а также мужчина из Киддерминстера, судимые. "Мало что доказано". Скопировано из Тауншендских СМС Нэшем в его *"Сборниках по истории Вустершира"* (1781-1799), II, 38.

1660. Ньюкасл. Две подозреваемые женщины задержаны в тюрьме. Выдержки из муниципальных счетов Ньюкасла-апон-Тайна в книге М. А. Ричардсона *"Репринты редких трактатов... иллюстрирующих историю северных графств"* (Ньюкасл, 1843-1847), III, 57.

1660. Кентербери, Кент. Несколько ведьм, как говорят, были казнены. У. Уэлфитт ("Сивис"), *Протоколы Кентербери* (Кентербери, 1801-1802), нет. X.

с. 1660. Сассекс. За женщиной, которую ранее судили в Мейдстоне, наблюдали и обыскивали. MS. цитируется в *Sussex Archæol. Collections*, XVIII, 111-113; см. также Samuel Clarke, *A Mirrour or Looking Glasse both for Saints and Sinners*, II, 593-596.

1661. Хартфордшир. Фрэнсис Бейли из Броксборна жаловалась на жестокое обращение со стороны тех, кто считал ее ведьмой. *Hertfordshire County Sessions Rolls*, I, 137.

1661. Ньюкасл. Джейн Уотсон предстала перед мэром. *York Depositions*, 92-93.
1661. Ньюкасл. Маргарет Кэтервуд и еще две женщины предстали перед мэром. *Там же*, 88.
1663. Сомерсет. Элизабет Стайл умерла перед казнью. Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 127-146. Копии трех показаний о Елизавете Стайл см. в *Gentleman's Magazine*, 1837, pt. ii, 256-257.
1663. Таунтон, Сомерсет. Джулиан Кокс повешен. Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 191-198.
- 1663-64. Ньюкасл. Дороти Стренджер обвиняется перед мэром. *York Depositions*, 112-114.
1664. Сомерсет. "Адский узел" ведьм (Хатчинсон говорит о двенадцати) обвиняется перед мировым судьей Робертом Хантом. Его открытие остановлено "некоторыми из них, облеченными властью". Glanvill, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, 256-257. Но см. дело Элизабет Стайл выше.
1664. Сомерсет. Ведьма, осужденная на суде. Возможно, она была одной из тех, кто предстал перед Хантом. *Cal. St. P., Dom.*, 1663-1664, 552.
1664. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Роуз Каллендер и Эми Дьюни осуждены. *A Tryal of Witches at ... Bury St. Edmunds* (1682).
1664. Ньюкасл. Джейн Симпсон, Изабелл Этчерсон и Катарина Карри обвиняются перед мэром. *Йоркские показания*, 124.
1664. Йорк. Алиса Хьюсон и Долл Дилби предстали перед судом. Обе дали признательные показания. Скопировано для сборника "Современные отношения" (см. с. 52) с бумаги, написанной мировым судьей Корбетом.
1665. Уилтс. Джоун Мереверзер из Уика в Бишопс-Каннингс совершил преступление. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 147.
1665. Ньюкасл. Миссис Пеппер обвиняется перед мэром. *Йоркские показания*, 127.
1665. Три человека осуждены за убийство и казнены за убийство предполагаемой ведьмы. Джозеф Хантер, *Жизнь Хейвуда* (Лондон, 1842), 167-168, примечание.
1666. Ланкашир. Четыре ведьмы из Хейга были допрошены, две осуждены, но, вероятно, оправданы. *Кал. St. P., Dom.*, 1665-1666, 225.
1667. Ньюкасл, Нортумберленд. Эмми Гаскин из Ландгейта обвиняется перед мэром. *York Depositions*, 154.
1667. Норфолк. Гадалка или фокусник приговорены к тюремному заключению. *Кал. St. P., Dom.*, 1667, 30.
1667. Ипсвич, Саффолк. Две ведьмы, возможно, заключены в тюрьму. История сомнительная. *Кал. St. P., Dom.*, 1667-1668, 4.
1667. Девайзес, Уилтс. "Старая женщина" заключена в тюрьму по обвинению в околдовывании путем изготовления и накалывания изображения. Благрейв, *Астрологическая практика* (Лондон, 1689), 90, 103.

1667. Ланкашир. Вдова Бридж и ее сестра Маргарет Лой, обе из Ливерпуля, обвиняются. *The Moore Rental* (Chetham Soc., 1847), 59-60.

1668. Дарем. Алиса Армстронг из Строттона предстала перед судом, но почти наверняка была оправдана. В следующем году ее еще дважды судили с тем же результатом. Сайкс, *Местные записи*, II, 369.

1668. Уорик. Много ведьм "говорят, что их держат". *Cal. St. P., Dom.*, 1668-1669, 25.

1669. Хартфордшир. Джон Аллен из Стондона обвиняется в том, что назвал Джоан Миллс ведьмой. *Hertfordshire County Sessions Rolls*, I, 217.

1670. Йоркшир. Энн Уилкинсон оправдана. *Йоркские показания*, 176 и прим.

1670. Латтон Уилтс. Джейн Тауншенд обвиняется. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*. I, 150-151.

1670. Уилтс. Элизабет Пикок оправдана. См. список судебных процессов над ведьмами в западном округе, составленный Индервиком в его *кнуре Sidelights on the Stuarts* (London, 1888), 190-194. Здесь и далее под словом "Индервик" будет подразумеваться этот список. См. также выше, с. 269, примечание.

1670. Девоншир. Элизабет Эбери и Алина Уолтер оправданы. Индервик.

1670. Сомерсет. Энн Слейд оправдана по двум обвинениям. Индервик.

1670. Бакс. Энн Кларк оправдана. *Кал. St. P., Dom.*, 1670, 388.

1671. Девоншир. Джоанна Элфорд оправдана. Индервик.

1671. Девоншир. Маргарет Хеддон оправдана по двум обвинениям. Индервик.

1671. Фалмут. Несколько ведьм оправданы. *Кал. St. P., Dom.*, 1671, 105, 171. Возможно, идентичны трем, двум мужчинам и женщине, о которых упоминает Индервик как об оправданных в Корнуолле.

1672. Сомерсет. Маргарет Стивенс оправдана по двум обвинениям. Индервик.

1672. Девоншир. Фелиппа Бруен оправдана по четырем обвинениям. Индервик.

1672. Уилтс. Элизабет Миллс оправдана по двум обвинениям. Индервик.

1672. Уилтс. Элизабет Пикок, которая была оправдана за два года до этого, оправдана по пяти обвинениям. Джудит Витчелл оправдана по двум, признана виновной по третьему. Она и Энн Тиллинг приговорены к казни. Должно быть, они были освобождены. Индервик; *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. II, p. 489-492.

1673. Йоркшир, Нортумберленд и Дарем. По меньшей мере двадцать три женщины и шесть мужчин были обвинены различными мировыми судьями Энн Армстронг, которая призналась, что присутствовала на собраниях ведьм и выступала в роли их открывателя. Некоторые из тех, кого она обвиняла, были обвинены другими. Маргарет Милберн, которую она, кажется, не упоминала, также обвиняла, *York Depositions*, 191-202.

1674. Нортгемптон. Энн Фостер была повешена за уничтожение овец и поджог амбаров с помощью колдовства. *Полный и правдивый рассказ о суде, осуждении и казни Энн Фостер* (1674).

1674. Мидлсекс. Элизабет Роу из Хакни, взятая под залог для явки на квартальные сессии. *Записи графства Мидлсекс*, IV, 42-43.

1674. Сауттон, Сомерсет. Джон и Агнес Книпп оправданы. Индервик.

1674 г. (см. выше, с. 269, примечание). Солсбери. Женщина оправдана, но содержится в тюрьме. Норт, *Жизнь Норта*, 130, 131.

1674-75. Ланкашир. Джозеф Хинчклифф и его жена связаны для явки на судебные слушания. Он покончил с собой, а его жена умерла вскоре после этого. *York Depositions*, 208; Oliver Heywood's *Diary* (1881-1885), I, 362.

1675. Сауттон, Сомерсет. Марта Райленс оправдана по пяти обвинениям. Индервик.

1676. Девоншир. Сюзанна Дэй оправдана. Индервик.

1676. Корнуолл. Мэри Кларксон оправдана. Индервик.

с. 1679. Эли, Кембриджшир. Ведьма осуждена, но освобождена. Хатчинсон, *Исторический очерк о колдовстве*, 41.

с. 1680. Сомерсет. Анна Роулинс оправдана. Индервик.

с. 1680. Дербишир. Элизабет Хоул из Уингерворта обвиняется и предается суду за обвинение баронета в колдовстве. Дж. К. Кокс, *Три века Дербиширских анналов*, II, 90.

1680. Йоркшир, Элизабет Фенвик из Лонгвиттона оправдана. *York Depositions*, 247.

1682. Лондон. Джейн Кент оправдана. *Полный и правдивый отчет... но особенно о суде над Джейн Кент за колдовство* (1682).

1682. Суррей. Джоан Баттс оправдана. *Странные и удивительные новости из Йоуэлла в Сурри* (1681); *рассказ о суде и допросе Джоан Баттс* (1682).

1682. Девоншир. Темперанс Ллойд оправдана по одному обвинению, признана виновной по другому. Сюзанна Эдвардс и Мэри Тремблз признаны виновными. Все трое казнены. Индервик; Норт, *Жизнь Норта*, 130; см. также прил. А, § 6, выше.

1682-88. Нортумберленд. Маргарет Стотхард из Эдлингема обвиняется. Э. Маккензи, *История Нортумберленда*, II, 33-36.

1683. Лондон. Джейн Додсон оправдана. *An Account of the Whole Proceedings at the Sessions Holden at the Sessions House in the Old Baily ...* (1683).

1683. Сомерсет. Эленора, Сюзанна и Мари Харрис, а также Анна Кларк оправданы. Индервик.

1684. Девоншир. Алисия Молленд признана виновной. Индервик.

1685. Девоншир. Джейн Валлет оправдана по трем обвинениям. Индервик.

темп. Кароль. II. Девоншир. Агнес Райдер из Вудбери обвинялась и, вероятно, была осуждена. А. Н. А. Hamilton, *Quarter Sessions chiefly in Devon* (London, 1878), 220.

Временные. Кароль. II. Ипсвич, Саффолк. Женщина в тюрьме. Уильям Дрейдж, *Даймонагея*, 11.

Темп. Кароль. II. Херты. Две подозреваемые ведьмы из Болдока осуждены. *Там же*, 40.

Временные трудности. Кэрл. II. Сент-Олбанс, графство Гертс. Мужчина и женщина заключены в тюрьму. Женщина уворачивается. *Там же*.

временный. Кароль. II. Таунтон Дин, Сомерсет. Человек оправдан. Норт, *Жизнь Норта*, 131.

1685-86. Малмсбери, Уилтс. Обвинялись четырнадцать человек, среди которых были три женщины, Пикок, Тиллинг и Витчелл, которых судили в 1672 году. Одиннадцать человек были отпущены на свободу; Пикок, Тиллинг и Витчелл некоторое время содержались в тюрьме, но в итоге, вероятно, были освобождены. *Gentleman's Magazine*, 1832, pt. I, 489-492.

1686. Сомерсет. Онора Фиппан оправдана по двум обвинениям. Индервик.

1686. Корнуолл. Джейн Ноал, она же Никлесс, она же Николас, и Бетти Сизи помещены в тюрьму Лонсестона за околдовывание пятнадцатилетнего мальчика. Из Индервика известно, что Джейн Николас была оправдана. *Правдивый рассказ о ... Джон Тонкен из Пенсана в Корнуолле* (1686).

1687. Йорк. Ведьма осуждена, возможно, оправдана. *Memoirs and Travels of Sir John Reresby* (London, 1812), 329.

1687. Дорсет. Дьюнс Кнумертон и Элизабет Хенглер оправданы. Индервик. Рассмотрение первого см. в Roberts, *Southern Counties*, 525-526.

1687. Уилтс. М. Парл оправдан. Индервик.

1687. Девоншир. Эбигейл Хэндфорд оправдана. Индервик.

1689. Уилтс. Маргарета Янг осуждена, но освобождена от наказания. Кристиана Данн оправдана. Индервик.

1690. Таунтон, Сомерсет. Элизабет Фарриер (Карриер), Маргарет Кумбс и Энн Мур осуждены. Кумбс умерла в тюрьме в Брютоне. Две другие оправданы на суде. Индервик; Бакстер, *"Уверенность в мире духов"*, 74-75.

1692. Уилтс. Женщина осуждена. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 160.

1693. Саффолк. Вдова Чамберс из Упастона предана суду, умерла в тюрьме. Хатчинсон, *Исторический очерк о колдовстве*, 42.

1693-94. Девоншир. Дороти Кейс оправдана по трем обвинениям. Индервик.

1693-94. Девоншир. Кэтрин Уильямс оправдана. Индервик.

1694. Бури-Сент-Эдмундс, Саффолк. Мать Маннингс из Хартиса оправдана. Хатчинсон, указ. соч. С. 43.

1694. Сомерсет. Иск против трех мужчин за купание Маргарет Уоддам. *Hist. MSS. Comm. Reports, Various*, I, 160.

1694. Ипсвич, Саффолк. Маргарет Эльнор оправдана. Хатчинсон, 44.

1694. Кент. Энн Харт из Сэндвича осуждена, но вышла на свободу по общему акту о помиловании. У. Бойс, "Сборники для истории Сэндвича", 718.

1694-95. Девоншир. Клара Роуч оправдана. Индервик.

1695. Лонсестон, Корнуолл. Мария Гай или Дайе оправдана. Hutchinson, 44-45; Индервик называет имя Марии Дейе (или Гай) и помещает суд в Девоншире в 1696 году.

1696. Девоншир. Элизабет Хорнер оправдана по трем обвинениям, Хатчинсон, 45; Индервик. См. также письмо субдекана Блэкберна епископу Эксетера в Brand, *Popular Antiquities* (изд. 1905 г.), II, 648-649.

1698-99. Уилтс. Рут Янг оправдана. Индервик.

1700. Дорсет. Энн Грантли и Маргаретта Вэй оправданы. Индервик.

1700-10. Ланкашир. Женщина из Чоубента обыскана и предана суду. Умерла до начала слушаний. MS. Цитируется по Harland and Wilkinson, *Lancashire Folk-Lore* (London, 1867), 207; также E. Baines, *Lancaster*, II, 203.

1701. Саутварк. Сара Мордак, которая до этого была оправдана в Гилдфорде и безуспешно апеллировала к лондонскому правосудию против своего преследователя, предстала перед судом и была оправдана. Хатчинсон, 46. Суд над Ричардом Хатауэем (1702); Полный и правдивый отчет о задержании и взятии миссис Сары Мордик (1701); Краткий отчет о судебном процессе, состоявшемся в Сурри Ассиз, в округе Саутварк (1702). См. выше, прил. А, § 7.

1701. Кингстон, Суррей. Женщина оправдана. *Notes and Queries* (10 апреля 1909 г.), цитата из "Лондон Пост" от 1-4 августа 1701 г.

1701-02. Девоншир. Сюзанна Гановвер оправдана. Индервик.

1702-03. Уилтс. Джоанна Таннер оправдана. Индервик.

1704. Мидлсекс. Сара Гриффитс помещена в Брайдуэлл. Полный и правдивый рассказ... о печально известной ведьме (Лондон, 1704).

1705. Нортгемптон. Говорят, что здесь были сожжены две женщины. История неправдоподобна. См. выше, приложение А, § 10.

1707. Сомерсет. Мария Стивенс оправдана. Индервик.

1712. Хартфорд. Джейн Уэнхем осуждена, но оправдана. См. сноски к главе XIII и прил. А, § 9.

1716. Хантингдон. Говорят, что здесь были казнены две ведьмы, мать и дочь. История неправдоподобна. См. выше, прилож. А, § 10.

1717. Лестер. Джейн Кларк и ее дочь, как говорят, были судимы. *Leicestershire and Rutland Notes and Queries*, I, 247.

1717. Лестер. Мать Нортон и ее дочь оправданы. Brit. Mus., Add. MSS., 35,838, fol. 404.

Я не хочу завершать эту работу без выражения благодарности библиотекам по обе стороны моря, которые так щедро предоставили мне в пользование свои книги и памфлеты по английскому колдовству - многие из них чрезвычайно редки и ценны. Благодаря им стало возможным это исследование. Мой долг особенно велик перед библиотеками Британского музея и Ламбетского дворца в Лондоне, Бодлианской библиотекой в Оксфорде, а в Америке - перед бостонским Атенеумом и университетскими библиотеками Йеля и Гарварда. Больше всего я обязан непревзойденной коллекции Уайта в Корнелле.

[1] Ссылки в этом списке, вместе с описанием в приложении А памфлетной литературы о колдовстве, призваны занять место официальной библиографии. Вряд ли можно надеяться на то, что приведенный здесь список случаев будет полным. Несмотря на то, что материалы заставляют его быть грубым, автор считает, что он может оказаться полезным. Он надеется со временем сделать его более полным, и с этой целью будет рад получить информацию о других судебных процессах.
